

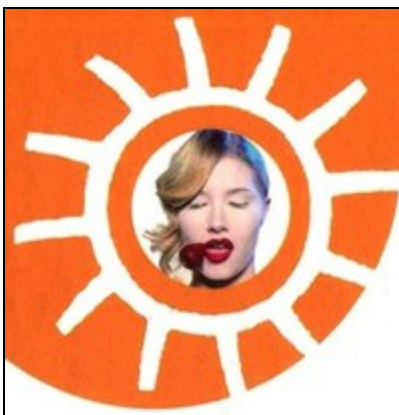

Джеймс Ховард Кунстлер

БОЛЬШИЕ
КАНИКУЛЫ
МЭГГИ ДАРЛИНГ

Мэгги Дарлинг — успешная, состоятельная бизнес-вумен. По ее книгам женщины всей страны учатся вести домашнее хозяйство и проводить вечеринки. Но привычный комфортный мир вдруг начинает рушиться. Выбраться из череды нелегких ситуаций Мэгги помогает уверенность в собственных силах, жизнелюбие и... страсть к кулинарии.

Посвящается Дженнифер Армстронг

Мэгги Дарлинг считается самой ослепительной и успешной женщиной в своем кругу. Она замужем за медиамагнатом, к тому же пишет книги по кулинарии и домоводству, и женщины всей страны учатся у нее готовить, вести хозяйство и проводить вечеринки. Все в ее жизни безупречно, и она не допускает никаких оплошностей ни со стороны прислуги, ни со стороны мужа. Все кажется замечательным.

Но однажды привычный комфортный мир вдруг начинает рушиться. Предательство мужа бросает Мэгги в годичное плавание с бурными романами и глубокими разочарованиями. Крупные неприятности так и сыплются на ее голову, и кажется, что близится конец света. В этом хаосе неизменной остается лишь ее страсть к кулинарии. Именно она помогает Мэгги выбраться из череды нелегких ситуаций.

...Кулинарные секреты Мэгги Дарлинг раскрываются в Приложении, содержащем 70 изысканных рецептов.

Издательство «Амфора»

Большие каникулы Мэгги Дарлинг

Понятно все, кроме того, как жить.

Жан-Поль Сартр

Часть первая

КЕННЕТ УХОДИТ

1 Дома в Святки

— Такого Рождества не было никогда! — громко произнес Кеннет Дарлинг, по крайней мере в третий раз после того, как его жена Мэгги богиней домашнего очага спустилась с верхнего этажа, начищенная, надушенная и одетая в платье из тисненого красного бархата от Марка Фатули. Платье было скроено так, чтобы подчеркнуть бюст, такой же пышный и розовый, как пара румяных марципановых груш. Кеннету казалось, что груди Мэгги выступали впереди нее как таинственные посланники из далекого королевства, где царит полное благополучие. Сам он пролетел по комнате на волне желания и тревожного ожидания большого праздника и приземлился рядом с женой, с которой уже двадцать пятый раз вместе встречал Рождество.

Их отражение в овальном зеркале, висевшем над буфетом красного дерева с мозаикой в федералистском стиле и передней панелью, украшенной серпентином, представляло собой неплохой портрет.

Пока Мэгги зажигала тонкие свечи на паре любимых стеклянных подсвечников, похожих на скрученные в петельку лепестки ярко-зеленого елочного цвета, укрепленных среди позолоченных шишек, веток падуба, серебряных колокольчиков и других атрибутов наступающих праздников, ухоженная рука Кеннета потянулась за вырез ее платья. Уткнув нос в сладко пахнущие пряди серебристо-русых волос у нее за ухом, он прошептал:

- Здесь никогда не было такого Рождества.
- Ты пьян? — спросила Мэгги.
- Пропустил рюмочку.
- И только?
- Может, еще чуть курнул, — шепнул Кеннет.
- Мы опять курим траву?
- Это монаршее или редакторское «мы»?
- Супружеское, — без иронии ответила Мэгги.
- У-у, всегда знаешь, как задеть мужика.

Такое обычно происходило между ними.

Защита, выпад, отражение удара, туше. Мэгги все понимала, и все это ей порядком надоело. То, что Кеннет курил марихуану, раздражало ее гораздо меньше, чем пикировка. Но если бы она узнала, что вдобавок к травке он вдохнул еще понюшку кокаина и выпил два стаканчика чистой норвежской водки, то рассердилась бы всерьез. Еще не подошли первые гости, а он уже переливался, как старинная перламутровая звезда на макушке шестиметровой рождественской елки.

Вот уже несколько лет Кеннет вел себя сравнительно неплохо. Порой Мэгги начинало казаться, что он «повзрослел». Хотя еще совсем недавно, в 1996 году, пришлось потратить почти миллион долларов на адвокатов, чтобы замять небольшой инцидент: он пролетел на своей немецкой машине мимо радара по Меррит-Паркуэй на скорости двести пять километров в час. Машина великолепно слушалась руля, но так зазвенела от удара, что

Кеннет забыл пятидесятиграммовый полиэтиленовый пакет с травой прямо на пассажирском сиденье, где его сразу же нашел некий полицейский по фамилии Уилси. И не то чтобы Кеннет не мог позволить себе заплатить за свою ошибку. Адвокаты были в восторге от того, что Кеннет посещает их, так же как поставщики кухонного оборудования с удовольствием потирали руки при виде Мэгги.

Девяностые годы были великолепными для Кеннета. Работая в старом консервативном учетном доме «Троп, Крават, Херндон и Хоббс», он научился превращать любой документ в ликвидную ценную бумагу: случайные лоты закладных, пачки долгов по кредитным картам, чего только там не было. Потом все это обобщалось в опционы и фьючерсы, которые в массе постепенно давали прибыль. Когда Кеннет был еще мальчишкой, он со своими друзьями из подготовительной школы играл в разновидность «Монополии», в которой абсолютно все на поле было для продажи. Не только недвижимость от Балтик-авеню до периметра доски, но и «шанс», «казна», «ход», «тюрьма», даже товарный знак производителя в центре поля. Все было товаром. Можно было даже купить фишки, которыми пользовались игроки для путешествия по игровому полю: цилиндр, гоночную машину и т. д., и взимать за пределами арендную плату за пользование ими. Когда мальчишки подросли, они вступили в маклерский мир своих отцов и стали столпами Уолл-стрит ^[1] восьмидесятых и девяностых годов. Вот так Кеннет Дарлинг превратил очень скромный траст в один миллион долларов в двухсотмиллионное состояние. А ведь он был всего лишь маленькой рыбешкой, этакой гуппи.

Чувства Мэгги к Кеннету были сейчас настолько сложны, что она не смогла бы описать их даже с помощью самого способного к телепатии психоаналитика в округе Фэйрфилд. Хотя можно было сказать, что ей не нужен был психоаналитик вообще. Каким бы грубым это ни казалось, но ей было довольно-таки приятно ощущать лапу Кеннета у себя под платьем, поскольку она была уже в том возрасте, в котором желание мужа воспринимается как успокаивающий фактор. К тому же, по объективным стандартам, ее муж все еще мог считаться завидным уловом. Кеннет занимался троеборьем. Это было его главным увлечением. В свои пятьдесят два года он выглядел лучше, чем в те времена, когда был ленивым, постоянно лакавшим пиво второкурсником Дартмутского колледжа. При росте метр девяносто и весе в восемьдесят килограммов Кеннет имел грудные мышцы, похожие на стейки из филе, которые готовят в Канзас-сити, а на его плечах играли мощные бицепсы, хотя казалось, что его пиджаки от Версаче были подбиты изнутри. Его крепкий живот был бугристым настолько, что какая-нибудь мексиканская прачка могла бы стирать на нем белье с мылом, как на стиральной доске. Правда, он начал терять волосы. По крайней мере, это касалось рыжеватых прядей на макушке, но то, что оставалось по бокам, завивалось над ушами и по шее, прекрасно контрастируя с его постоянно загорелой кожей. А правильная форма его головы компенсировала лысину так же, как классические архитектурные пропорции элегантного старого дома у моря компенсируют поблекшую окраску стен. У него было точеное лицо. И если бы он не был младшим представителем породы чародеев с Уолл-стрит с двумястами миллионами долларов, то хорошо смотрелся бы в рекламе одежды для состоятельных мужчин. Добавьте к этому очки в роговой оправе, и у вас появится впечатление, что перед вами интеллигентный человек. Это впечатление отнюдь не стало бы ложным, поскольку Кеннет читал романы.

За складным скелетом и натренированными мышцами тем не менее скрывалась небезупречная натура, частично уже продемонстрированная на примере шалостей с

наркотиками. Была в нем и какая-то извращенная склонность к упрямству, которую Мэгги называла «пассивно-агрессивной чертой характера Кеннета». Он обижал людей скорее по недоразумению, нежели специально. Он забывал о днях рождения, благодарственных записках, о том, что должен встретить Мэгги после приема в Музее современного искусства. Он называл это рассеянностью. Он убеждал всех, будто лишен чувства времени, хотя никогда не появлялся раньше, но всегда опаздывал. Мэгги объясняла его поведение наличием злокачественного нароста от затаенной давным-давно злости, возможно к этой дряни, его матери Джорджии. Он очень редко доводил до конца то, что планировал вне офиса, и Мэгги всегда интересовало, сколько заманчивых проектов так и осталось нереализованными. Но, удивительное дело, их доход постоянно возрастал. Кеннет сходил с последних километров дистанции в восьми из девяти состязаний по троеборью, в которых он начал принимать участие после того, как прошел курс реабилитации в центре для пристрастившихся к кокаину в 1996 году. Называемые причины варьировались от «судорог», «обезвоживания», «головокружения» до совсем неясных формулировок. В первые годы супружества привычка Кеннета бросать дела незавершенными почти доводил Мэгги до состояния сумасшествия. (Мэгги всегда доводила до конца то, что начинала, и никогда не пропускала заранее назначенной встречи.) В те времена они еще чем-то занимались вместе, например ухаживали за садом. Теперь Кеннет просто платил кому-то за работы, подобные покраске яхты, покупке рождественских подарков, или за то, чтобы их сына Хупера отвезли в колледж Свартмор на занятия.

В дальнейшем они жили, похоже, как на двух разных планетах. Кеннет больше времени проводил в своем бастионе «Троп и Крават» на Уолл-стрит, занимался физкультурой по расписанию, ходил в обеденные клубы и катался на яхте. Мэгги теперь не нужно было заботиться о сыне, и она занялась карьерой. В своих книгах о кулинарии и организации приема гостей она превратила естественный для нее образ жизни в учебный предмет «домоводство» и обучала всю страну. Ее книги учили не той нудной и утомительной работе, с распухшими от мытья посуды руками, над которой тридцать лет назад корпели провинциальные женщины, читающие «Советы Элоизы»^[2], а новому видению сверкающего домашнего очага для высших классов общества. Преуспеть в этом было довольно непросто в наш век, когда многие образованные женщины решительно отвергают ведение домашнего хозяйства как игру для дурочек, придуманную их врагами, мужчинами, чтобы принизить женщин. Но, очевидно, остаточное желание создать что-либо духовно более укрепляющее, нежели разогретая в микроволновой печи тушеная телятина и консервированный десерт, глубоко затаилось даже в просвещенных умах. И конечно, все больше и больше американцев, включая и тех, кто имел хороший доход, переселилось в бездушные, уродливые здания, которые они терпеть не могли, поскольку эти дома олицетворяли собой насмешку над их идеалами хорошей жизни. В этих жилищах они окружили себя устройствами, облегчающими домашний труд, но уничтожившими те явления супружеской жизни, которые когда-то требовали от супругов взаимопомощи. В основном же супружеские пары все еще оставались вместе только потому, что им нравилось смотреть одни и те же телевизионные шоу.

Книги Мэгги воскрешали в памяти читателей образ уютного американского дома, и она зарабатывала на их продаже большие деньги. Конечно, ее доходы нельзя было сравнить с миллионами Кеннета, но на сегодняшний день ее заработок в чистом виде составил семь миллионов восемьсот тысяч долларов. То есть, иначе говоря, теперь она легко могла позаботиться о себе сама и при этом не менять своих привычек. Они с Кеннетом не

обсуждали это в открытую, поскольку говорить о деньгах считается непристойным среди тех, у кого их достаточное количество. Но недавний успех Мэгги изменил уравнение их союза.

— А что, если мы по-быстренькому, дорогая? — прошептал Кеннет, согревая ей ухо дыханием и все еще не вынимая левую руку из-за лифа ее платья. Правая рука его при этом лежала на бархате, покрывавшем царственный живот, делавший ее похожей на Юнону.

— Да ты с ума сошел, — ответила Мэгги, но не сварливо, а с глубоким печальным вздохом. Кеннет был самоотверженным любовником, возможно даже слишком. Но что за момент он выбрал?

Тут же старые сосновые доски пола заскрипели от шагов. Слуги стали входить в зал сразу из всех дверей. Кеннет выдернул руку и вскочил с места со смущенным видом. Одна из нанятых на вечер официанток заметила, как он потерял равновесие, и хихикнула. Это была первокурсница из колледжа Сары Лоуренс. Тем временем полная брюнетка со смеющимися глазами, одетая в белый жакет шеф-повара, решительно прошагала к Мэгги с блокнотом в руке. Это была Нина Стегман, помощница Мэгги. Хотя вернее было бы назвать ее адьютантом. Сегодня вечером она отвечала за рождественский праздничный ужин на двести персон — так будет со временем названо это мероприятие в одной из книг Мэгги о проведении праздников. Хозяйка дома, раскрасневшись, разгладила рукой бархат и поправила изумрудные подвески.

— Пойду проверю бармена, — сказал Кеннет и ретировался.

— Каплуны будут готовы ровно в семь, — доложила Нина, — но левая духовка в большом «Гарланде» ведет себя странно.

— Странно?

— В ней без всякой причины температура подскочила до двухсот шестидесяти градусов.

— Черт, опять термостат полетел, — определила Мэгги. — Такое уже было в День Благодарения в девяносто третьем, тогда сгорели три выкормленных желудями фазана, которых я выписала по почте из Мичигана. Нужно регулировать печь вручную. Вот что надо делать: берешь деревянную ложку и вставляешь ее туда так, чтобы дверца была немного приоткрыта. Для того чтобы жар выходил. Внимательно смотришь за термометром внутри. Нужно все время следить. Зато никаких неожиданностей. Поняла?

— Так точно, — по-военному ответила Нина и улыбнулась. Ей нравилось решать проблемы так же, как и Мэгги, и по той же самой причине: обе они были весьма компетентными особами и не упускали шанса блеснуть своими знаниями в сложной ситуации. — Ты хотела что-то положить в эти вычищенные тыквы?

— Нет, мне нужны серебряные салатницы «Тарги» на ножках. Ну, знаешь, с орнаментом из листьев аканта.

— Ой, а я хотела положить туда пюре из пастернака.

— Нет. Это — в стаффордширскую керамику.

— Понятно. А ямс — в миски из мейсенского фарфора.

— Проверь, — сказала Мэгги, и Нина быстро записала. — Хорошо. Тогда закуски: салатный цикорий и паштет из тресковой печени?

— Готовы.

— Эмпанадас?

— Испечены и томятся. Подадим, когда будет нужно.

— А как с манговым соусом?

- Уже разложила на листья радиччио.
- Они хорошо разместились на подносе?
- Соус своим весом делает их плоскими.
- Надо же. А что с мини-суфле?
- Каплунов вынимаем, суфле кладем.
- А как «ангелы верхом»?
- Все оседланы и готовы к скачкам.
- А крабовые палочки?
- В любое время. С первым гостем.
- Я выгляжу хорошо?

Нина опустила ручку и прищурила глаза. Мэгги нравилась грубая честность своей помощницы.

— Вот здесь немного не в порядке, — ответила Нина, зажав блокнот под мышкой и поправляя лямку на левом плече Мэгги.

Мэгги хотела рассказать, что Кеннет только что лапал ее (это был извращенный позыв похвастаться), но что-то в ней воспротивилось этому.

— Ну вот. Так лучше, — сказала Нина. — Дом — просто великолепен. — Она чмокнула Мэгги в щеку и поспешила в направлении кухни.

Откуда-то появился фотограф, обвешанный «никонами». Это был Регги Чан, работавший с Мэгги над тремя ее последними книгами. Мэгги была его любимым объектом. Он мог просто наводить объектив и снимать. Было невозможно сфотографировать ее плохо. Регги никогда в жизни такого не встречал. Он работал с моделями, получавшими тысячу долларов в час, но даже эти небесные создания иногда выглядели дурочками и гарпиями. А Мэгги — никогда. У нее была какая-то сверхъестественная способность выглядеть выигрышно, интеллектуально и абсолютно естественно в каждой снимке. Фотоаппарат не только любил ее, но, казалось, был в большом долгу перед ней. Все первые оттиски ее снимков были просто безупречны. Но самое странное, что до того, как она прославилась как писательница и законодательница вкусов, Мэгги никогда не выступала в роли профессиональной фотомодели даже для рекламы зубной пасты.

Помимо профессионального удовольствия фотографирование Мэгги приносило еще и дополнительные блага. Например, шикарный прием сегодня вечером. Регги нравились званые вечеринки. А те, которые устраивала Мэгги, были великолепны. Может быть, здесь не хватало кинозвезд и представителей афроамериканского искусства из Сохо, но было достаточно знаменитостей куда более высокого ранга. И они всегда проходили с особо глубоким ощущением события, послужившего поводом для их проведения. Четвертое июля у Мэгги Дарлинг позволяло любому чувствовать себя американцем, независимо от того, какой идиот находился в Белом доме или какую страну мы тогда бомбили. А от Рождества у Мэгги Дарлинг Регги чувствовал, будто кровь в его жилах вспоминала об Этельреде Саксонском Нерешительном^[3]. Не было такого случая, чтобы Регги пришел к Мэгги домой и не поел бы с удовольствием. По сравнению с ее кухней ресторан «Lutèce» был греческой закуской. Регги не мог понять, как ей это удавалось, и он был в этом не одинок. После съемочного дня, пока он сидел за столом из струганой сосны и потягивал кир, Мэгги почти из ничего быстро стряпала феттучини с кусочками лангуста в имбирном креме или что-то подобное. И он видел, что она делала это лично! А не Нина Стегман или другая кухарка. Такое не умещалось в его голове.

Регги чувствовал себя более чем наполовину влюбленным в Мэгги. Выезжая из Манхэттена на своей красной спортивной «миате», он беспрестанно раздумывал о том, что должно повлиять на Мэгги, чтобы она согласилась позировать для него обнаженной. За этими мыслями следовали эротические фантазии, которые смущали даже самого Регги. Эти фантазии были такими безнадежно юношескими! Например: как Мэгги наклоняется над грядкой руколы, одетая только в сабо и садовые перчатки, выставляя в объектив свою гладкую попку и оглядываясь через плечо... что-то в этом роде. Но какой бы развратной ни была воображаемая им картина, он не мог представить, чтобы Мэгги выглядела иначе, нежели выигрышной, интеллектуальной и абсолютно естественной. Для него ее образ не мог быть никаким другим, кроме того, который описывали ее книги (вместе с его фото), — олицетворение всех самых лучших качеств американской женщины.

Регги никогда не распространялся о своих заветных чувствах. То, что она была на двенадцать лет старше его, делало ее менее доступной, но сам факт разницы в возрасте усиливал ее привлекательность в его глазах. Помимо всего прочего, был еще и Кеннет. Регги представлял его Гераклом, разорвавшим цепи, с безразмерным банковским счетом. Рядом с Кеннетом Регги чувствовал себя толстым маленьким смеющимся Буддой, из тех, что продают в дешевых подарочных магазинах Чайнатауна.

— Я так рада, что ты пришел, — сказала Мэгги, целуя его. Регги просто плавился в тепле, исходившем от нее.

— Я снимал дом снаружи, отснял целую пленку. Со снежинками, кружащими повсюду, он выглядит как пресс-папье с жидкостью внутри, когда его чуть качнешь.

— Там идет снег?!

— А что такого?

— Не знаю. — Мэгги закусила губы, представив, как машины ее гостей врезаются в дорожное ограждение, попадают в кювет, никто не приходит, все приготовления — впустую. Но Мэгги сразу же прогнала эту мысль, как провинившуюся прислугу. — Эй, какой приятный на тебе пиджачок, Рег, — сказала она, стараясь сконцентрироваться на чем-то реальном и близком.

На нем был клубный пиджак с воротником-шалькой из тисненого велюра темно-зеленого цвета.

— «Ральф Лорен», тысяча пятьсот долларов, — сказал Регги, предвидя, что она все равно об этом спросит.

— Очень хорошо. А не можешь ли ты пойти со мной, пока я посмотрю за тем, что там творится?

И Регги последовал за ней, щелкая камерой, как папарацци, пока Мэгги проводила последнюю инспекцию, проверяя готовность дома к приему гостей.

2 Воздушные поцелуи

Мэгги Дарлинг действительно за многие годы сделала много ценных приобретений, но ничто: ни тщательно подобранная коллекция антикварной мебели, ни волшебной оборудованная кухня, ни любой из огородов, оград, садов, палисадов и посадок, которые были кропотливо размещены на двенадцати с лишним гектарах принадлежавшей им земли, — не было для нее так дорого, как танцевальный зал. Он находился в отдельном доме

для приема гостей, размером двадцать один на двенадцать метров, когда-то бывшим последним действующим коровником в Аппер-Степни. Дом был построен в 1817 году удивительным человеком по имени Эзра Стайлс, который усовершенствовал лампу Арганда, написал сотни популярных методистских гимнов и стал отцом своего последнего ребенка в возрасте семидесяти лет. Мэгги и Кеннет купили строение за пятьдесят тысяч долларов, затем заплатили еще сто тысяч, чтобы разобрать его по бревну, увести к себе в Уэст-Рамфорд и снова собрать на месте, поставив его встык уже стоявшей там оранжерее. Еще сто тысяч пошло на то, чтобы провести электричество, подвести канализацию, покрасить и привести дом в порядок.

Мэгги уже спускалась в танцевальный зал с каменного порога из влажной и полной ароматов оранжереи, а Регги Чан снимал ее, следуя сзади на почтительном расстоянии. У нее всегда захватывало дух, когда она попадала в это огромное пространство, особенно когда еще не собрались гости и не было толкотни. Горничная поспешно зажигала свечи в настенных бра. Оба бармена, Феликс и Хесус, нарезали лаймы. Кеннета нигде не было видно.

В дальнем конце зала рядом с огромным арочным окном семи с половиной метров в высоту и шести метров в ширину, набранным из пятнадцатисантиметровых стеклянных квадратов, стояла шестиметровая рождественская елка. На ней висели сотни шаров из венецианского стекла, эскадрилья флорентийских херувимов из папье-маше, метры гирлянд из настоящей клюквы и бесконечное количество ярких электрических лампочек. Внутренние поверхности коровника были оставлены без покраски. Столбы, взмывавшие вверх к полуоткрытым сеновалам, сохраняли свою естественную патину цвета обожженной умбры. На каждое пересечение столбов и балок плотники вбили симпатичные спиралевидные скобы. Старые сеновалы были переделаны в верхнюю подковообразную галерею, открывавшуюся в том конце помещения, где у огромного окна стояла большая елка. По всей протяженности этой галереи шириной в два с половиной метра стояли диваны, мягкие кресла и столики, где гости могли передохнуть и понаблюдать за тем, что происходит внизу. Часть галереи сбоку в центре служила балконом для музыкантов. Сейчас там суетились участники камерного секстета, доставая инструменты из футляров и подгоняя сиденья.

Внизу пол из твердых пород дерева был размечен на квадраты. По всей площади он обогревался сложной системой труб с горячей водой, уложенных сеткой под ним. Так что даже в холодный зимний вечер можно было спокойно пройти по всему этому просторному залу босиком. Круглые столики, как в кафе, покрытые бледно-розовыми камчатными скатертями, были расставлены квадратами вокруг танцевальной площадки. Напротив балкона для музыкантов стоял камин из природного камня, такой большой, что Мэгги помещалась внутри него, стоя в туфлях без каблуков. Сегодня вечером, конечно, в нем должно гореть святочное бревно, которое положат на раскаленные угли.

Мэгги попросила Феликса налить ей хереса. Она пришла сюда в этот последний спокойный момент вечера, чтобы еще раз внимательно осмотреть зал. Жужжание и щелчки камеры в руках Регги совсем не отвлекали ее. Этот спокойный момент перед началом шумной вечеринки давно стал для нее чем-то вроде ритуала. Сейчас она пыталась позволить событиям развиваться самим по себе, старалась расслабиться, прекратить контролировать все вокруг. Но ее взгляд выхватил сосновые лапы, которыми были увиты перила галереи. Мэгги подумала, что лучше бы она закрыла крепеж ветками падуба, а не красной лентой. Хотя для Мэгги изменить свое первоначальное мнение было делом нелегким. Несмотря на

то что херес вызывал вибрирующее жужжание в голове, особенно на пустой желудок, он странным образом привлек внимание Мэгги к множеству мелочей, то и дело лопавшихся пузырьками в передних долях ее мозга. Ей пришлось схватиться за толстый столб, чтобы удержать себя и не побежать в кухню, где, как она вообразила себе, Нина непостижимым способом сожгла все, что планировалось в меню. Вспышка зажглась в тот момент, когда Регги поймал в объектив Мэгги, задумчиво смотревшую на елку. Но смятение ее чувств было недоступно оптике.

Затем семья Мосли (из «Эй-би-си Телевижн») вышла на танцевальную площадку, и рождественский праздничный ужин на двести персон начался. Мосли всегда первыми прибывали на мероприятия, устраиваемые Мэгги, поскольку Пол уже давно был продюсером шоу «С добрым утром, Америка» и согласно своему расписанию каждое утро вставал в три тридцать, а ложился в постель в девять часов вечера. Вскоре к ним присоединились Леонард и Хэтти Мойль из влиятельной манхэттенской юридической фирмы «Мойль, Мойль и Шланге», которая вела юридические дела в «Троп и Крават». Мойли жили в районе Кросс-ривер, совсем недалеко от границы округа Уэстчестер.

Все посылали друг другу воздушные поцелуи. Появился официант, неся узкие бокалы с розовым шампанским «Дом Рюинар». Все радостно разобрали их, за исключением Леонарда Мойля, который, хромя, направился к бару за шотландским виски.

— Ваш дом так великолепен, — сказала Эва Мосли, — я не знаю, смогу ли теперь когда-либо принять гостей у себя.

— Я прекратила это делать из-за Мэгги уже много лет назад, — сказала Хэтти Мойль. — Честно, дорогая, это — совершенство, доведенное до предела.

Мэгги хотелось выпрыгнуть из кожи. Ее спокойствие разлетелось вдребезги. Она терпеть не могла эту стадию приема, когда гости, прибывшие ранее всех, осыпали ее комплиментами, нервничая оттого, что были здесь первыми. Ей нравилось смотреть, как люди развлекаются, но она терпеть не могла быть объектом внимания. Она считала себя хорошей хозяйкой — ведь она профессионал. Но ее расстраивало то, что другие люди испытывали из-за этого неловкость. Это заставляло ее чувствовать себя неполноценной. Как будто учет мелких деталей и стремление соответствовать принятым в обществе правилам были патологическими симптомами омерзительного заболевания. Хэтти Мойль, например, великолепно готовила. Ну и что из этого, если в результате ее неорганизованности ужин в их доме редко поспевал к столу до половины одиннадцатого (как будто они были испанцами). А Эва Мосли выращивала замечательные гибридные розы, хотя ее терраса из синего песчаника была заставлена невообразимо дешевой пластиковой мебелью.

— Можно заставить девушку убраться из магазинов «Вулвортс», — всегда говорила мама Мэгги, — но нельзя заставить магазины «Вулвортс» убраться из девушки.

Наверху музыканты настраивали инструменты, добавляя диссонирующих нот прыгающим мыслям Мэгги. Она взглянула на громадное окно за елкой и увидела, как снежинки кружатся под крышей. В ее воображении на скользких дорогах за городом продолжали биться машины. Затем она ощутила нечто странное, как будто у нее в голове лопнул пузырь. Неожиданно каменный пол начал проваливаться под ногами, а комната пошла кругом, винтом вкручивая в нее ужас.

— Извините, я на минуточку, — сказала она, заставив себя криво улыбнуться, и поспешила через оранжерею в туалетную комнату рядом с библиотекой. Там она закрыла за собой дверь и взглянула в зеркало, едва узнав себя в очаровательном существе, смотревшем

на нее. В этот момент она чувствовала себя пациенткой психиатра. Сердце у нее в груди металось загнанным зверем. Ручейки пота сбегали по шее и останавливались, впитываемые бретельками лифчика. Ее начало трясти, как малярийную больную.

Мэгги включила холодную воду, вставила пробку в раковину и промокнула лоб влажным гостевым полотенцем. Ей не хотелось портить макияж, хотя он был не очень сложный. Раковина наполнилась, она погрузила руки в ледяную воду по локти. Мэгги постигла этот прием гидротерапии в колледже, почти в то же время, когда только начала испытывать тревожность, — по стечению обстоятельств, это произошло одновременно с ее первой встречей с Кеннетом.

Когда руки застыли, ее пульс и дыхание пришли в норму. Она вытащила пробку и отряхнула капли с предплечий. Все прошло. Все будет хорошо. Такие приступы тревожности посещали ее обычно перед каждым большим событием. По прошествии всех этих долгих лет она даже перестала испытывать сильный страх перед ними. Они превратились в нечто похожее на религиозный обряд. Когда она вышла из туалетной комнаты, музыканты уже начали играть, а гости повалили валом. Их лица будто попадали сюда, в широкое фойе ее дома, прямо с телевизионных экранов и обложек журналов. Все они кричали «Счастливого Рождества!» и отряхивали снег с волос.

Гости шли один за другим. Прибыл Нейт Бланкеншип — владелец «Нью-Йорк Метс», более чем два метра ростом: просто здание Крайслера^[4], а не человек — вместе с женой, Холли, женщиной, похожей на памятник. За ними — Лула Бэрн, влиятельный редактор издательства «Кнопф», следом за ней, как пес на водных лыжах, популярный, но изнуренный жизнью писатель-романист Гарри Пирс, у которого браки чередовались с пребыванием в реабилитационных центрах. Следующим был Хэл Уитн, дизайнер мужской одежды, вновь открывший для человечества мужской жилет. Рядом с ним снимала свою длинную до лодыжек нутриевую шубу Кэти Клевенджер, высокая и апатичная, с S-образной фигурой модель, хорошо известная по передачам телеканала Эм-ти-ви, вся — губы и ноги. Здесь же были: Тони Провенцано, драматург, лауреат премий («Плоть к духу») со своей давней спутницей, актрисой Джулией Петар; Люциус Милштейн, молодой художник; Клер Фэннинг, обозреватель журнала «Нью-Йоркер»; Эрл Вайс из компании «Одеон рекорде»; Конни Маккуиллан из журнала «Пипл»; Федо Прадо, ведущий танцовщик Нью-Йоркского балета; Даф Вудкок, главный повар сети ресторанов «Four Seasons»; сенатор от штата Коннектикут Дик Пирсон с женой Тиной (они жили на той же улице в центре Рамфорда); Джанет Хиггенботм из Метрополитен-опера, ее высокозвучающая грудь рвалась на свободу из лифа красного муарового тирольского платья. Короче, здесь собралось столько знаменитостей, что всех и не перечислишь. Даже те лица, в которых сразу нельзя было признать знаменитости, казалось, светились достоинством и успехом.

Ух ты. Подобно грызуну, спешащему попасть в коробку с самым лучшим сыром мира, через порог дома Мэгги прошмыгнула верткая фигура Лоренса Хэйворда, главного арбитражера. Он хромал, подобно шекспировскому Ричарду Третьему. («Боевая рана», — обычно говорил он, кивком указывая на свою левую ногу, которая была короче правой. Но он был слишком молод, чтобы участвовать во Второй мировой войне, слишком стар для Вьетнама и никогда даже не приближался к Корее. Ну что можно сказать по этому поводу?) Лоренс («Только посмейте назвать меня Ларри, и ваша песенка на Уолл-стрит спета!») Хэйворд (поговаривали, что эта фамилия — англизированная версия названия датского сыра хаварти) появился в Нью-Йорке, приехав из Кливленда (куда только не заберутся люди) в

середине семидесятых годов. За это время он построил империю пригородных автомобильных моек, аптек и срочных химчисток. На Уолл-стрит он приступил к созданию богатства второго уровня путем покупки и продажи огромного количества акций с минимальной маржей в самые выгодные для этого моменты. Сейчас его капитал составлял двадцать семь миллиардов долларов.

«Это самая тупая из всех возможных схем, — думала Мэгги. — И наверняка она вся пронизана нарушениями закона, как сыр рокфор испещрен жилками синей плесени». «Но если она такая тупая, то почему все не могут делать так же? — всегда спрашивал у Мэгги Кеннет, когда она начинала говорить что-то против Хэйворда. А потом отвечал на вопрос сам: — Потому что следует признать правду: Лоренс Хэйворд — гений».

Именно поэтому Хэйворд и был сегодня здесь: Кеннет хотел, чтобы он пришел. Мэгги же, увидев, как он передает свое пальто траурно-черного цвета из шерсти викуньи одному из подрабатывающих у нее сегодня студентов, подумала, что он — слишком мрачный гость для такого праздника, как Рождество. Он выглядел, как Джакоб Марли^[5], только в одежде посвежее. У него было такое же впалое, наполовину истощенное, наполовину мумифицированное лицо с мышинными глазками, как у Джона Д. Рокфеллера в девяносто лет — но Хэйворду было всего-то пятьдесят семь. Говорили, что он питается только стеблями сельдерея и крекерами из рисовой муки. Мэгги отметила про себя: надо понаблюдать, что он будет есть сегодня вечером.

По комнатам прошли официанты, держа на весу подносы с холодными и горячими закусками: эмпанадас с кабаньим мясом, «ангелы верхом», листья цикория с кремом из тресковой печени, крабовые палочки, крутитей (она увидела, как Хэйворд украдкой схватил стебель сельдерея. Какой ужас!), тарталетки с сыром горгонзола, фиги с прошутто, оладьи с запеченными кусочками лосося, мини-стейки без костей в горчичном соусе, «пьяные» креветки, нежные колбаски с дарами моря и «поросята в одеялах». Последнее блюдо было данью памяти отцу Мэгги, Фрэнку Хедьюку из Вифлеема, штат Пенсильвания, который умер почти десять лет назад. Вспоминая о нем, Мэгги осторожно вытерла слезу из уголка глаза. Он сейчас в миллионах лет и миллионах километрах от нее и от всего, что окружает ее в этом мире.

Она повела толпу гостей за собой в танцевальный зал так, будто была морской разбойницей. Оркестр на балконе играл один из величавых галиардов композитора шестнадцатого века Доулинга. Музыка было едва слышно за шумом оживленных разговоров. По всему огромному залу официанты усиленно подливали в бокалы гостям шампанское. В конце концов Мэгги уверилась, что вечер достиг определенного момента, когда его не сможет остановить ничто, кроме несчастья, сравнимого только с пожаром. Этот прием походил на невероятный локомотив, машину на колесах, приводимую в движение паром, собрание удивительных устройств, клапанов, валов, поршней, свистков и колоколов, которая, будучи раз запущенной, может без остановки, на полном ходу, добежать до края земли. Мэгги ясно ощутила, как беспокойство оставило ее. Это было знакомое чувство. Будто с ее плеч свалился двухтонный сейф. Ради всего этого она и жила. Уголки ее губ поднялись, и лицо спокойно засветилось. Наконец-то она могла позволить себе насладиться плодами своего труда.

Мэгги летала по залу от одного гостя к другому, как пчелка от цветка к цветку. У нее был дар быстро занимать людей. Она понимала, что движет ее друзьями и воодушевляет их, и могла моментально ухватить сущность происходящего, не тратя нервы на предварительные расспросы. У нее было правило: при встрече с незнакомыми людьми сфокусироваться на них, узнать в первую минуту встречи как можно больше об их чаяниях, по-настоящему заинтересоваться тем, что они говорят, всегда помня, что каждая личность — это вселенная. В этом случае — и она искренне верила в это — можно было узнать что-то о человеке. Она полностью забыла об этом правиле, когда, подойдя ближе к огромной рождественской елке, обернулась и увидела перед собой Лоренса Хэйворда. Ей показалось, что в момент, когда их глаза встретились, он отпрянул.

Стараясь восстановить равновесие, Хэйворд взял ее за руку и удостоил воздушного поцелуя в европейской манере.

— Хозяйка дома — просто очарование, — сказал он.

Все это выглядело так помпезно и лживо, что Мэгги захотелось стукнуть его по голове. Грубая сила этого неожиданного желания поразила ее. Но тут она заметила официанта, повернувшего к ним с подносом «ангелов верхом», и ее охватило злой задор.

— Не хотите ли попробовать, Лоренс? — спросила она, снимая с серебряного подноса жирную устрицу, завернутую в бекон, соблазняющее проводя ею прямо у него под носом.

— Нет, спасибо, — ответил он, сделав странный жест отказа волнистым движением своих длинных бесцветных пальцев.

— Ну, не вам же волноваться по поводу холестерина.

— Мне никогда не нравились дары моря, — пробормотал Хэйворд.

— Ну, откройте ротик. Шире.

Хэйворд отпрянул, как Квазимодо в той сцене у позорного столба, когда Эсмеральда попыталась дать ему воды. Но, несмотря на это, Мэгги искусно пробила оборону Хэйворда и положила жирный лакомый кусочек ему в рот.

— Хороший мальчик, — сказала она.

Чувство неловкости, которое испытывал Хэйворд, взволновало ее. Его лицо стало зеленым, как старая медь. Как будто Мэгги специально хотела придать ему антикварный вид. Хэйворд еще раз три пережевал эту устрицу, прежде чем проглотил ее. Так, наверное, можно жевать только компрометирующую бумагу, когда с обыском нагрянут агенты ФБР. Последовавшая за этим улыбка была тусклой и неубедительной. Но тут Мэгги поймала на себе взгляд Гвидо Паскулини, хранителя средневековой коллекции музея Метрополитен. Она предложила Хэйворду попробовать эмпанадас с мясом кабана и упорхнула.

4 Мрачное видение

Слушая рассуждения Паскулини о рождественских традициях веронцев, Мэгги удалось взглядом выследить Кеннета на другом конце танцевального зала у большого камина. Он и Чарли Дакворт, его коллега по «Троп и Крават», стояли по обе стороны молодой женщины, имени которой она не знала. Стройная, длинношеяя шгучка, она была по-лебединому бледна

в своем черном платье без бретелек (от Унгаро?).

Тут и произошло то, что вызвало в ней тревожное беспокойство. Мэгги показалось, что она заметила, как Кеннет шлепнул девушку по задку. Было ли это на самом деле? — задавала она вопрос самой себе. Паскулини продолжал трещать. Он рассказывал ей что-то о маленьких пирожных с орехами и о шествии по улицам. Сделал ли Кеннет то, что ей показалось? Трудно было понять это наверняка, поскольку в следующий момент группа гостей, медленно проплывая мимо, закрыла вид, и дальнейшее наблюдение стало невозможным Нет, решительно сказала себе Мэгги, ничего такого не было. Это была какая-то игра света и обман зрения. Решив проблему подобным образом, она взяла бокал шампанского у проходившего мимо нее официанта.

Мэгги подавила в себе желание сходить на кухню до того, как будет подан ужин. Ничто так не прибавило бы Нине уверенности в себе, как передача ей полной ответственности без вмешательства босса. Когда пища стала прибывать, она поступала на буфетные столы прямо с пылу с жару, каждая тарелка, миска, судок, чашка и поднос были безупречно гарнированы, пар завитками поднимался к верхним балкам. За стол рядом с Мэгги и Кеннетом сел ведущий компании «Пи-би-си» Джим Нилон со своей женой, Дори Дин, редактором раздела «Образ жизни» вторичного номера газеты «Нью-Йорк таймс»; Генри Крават, единственный оставшийся в живых основатель «Троп и Крават» со своей женой Бетси; Гарольд Хэмиш, редактор Мэгги; Джойс Мангер, жестокий литературный агент, но очаровательная женщина (известная в этом бизнесе под кличкой Белый Кит); Рэд Олхэм, дуайен нью-йоркских ресторанных критиков; Брайан Шарп, декоратор интерьеров, оформивший рекордные двенадцать обложек журнала «Хаус энд гарден», и его друг-ассистент Тони Сарджент, а также Дик и Тина Пирсон (десятью годами ранее сенатор был городским контролером в Уэст-Рамфорде, а Мэгги и его жена по очереди возглавляли родительский комитет школы).

— Что это за молодая девица стояла с тобой и Чарли Даквортом недавно? — тихо спросила Мэгги у мужа.

— Кто? — переспросил Кеннет так, как будто у него были проблемы со слухом.

— Штучка в черном, без бретелек. С Чарли.

— А, это — какая-то девушка, нынешняя подружка Чарли.

Ну да, Чарли вот уже два года как в разводе, это — правда.

5 Совершенный ангел

В любое другое время года саксофоны принялись бы играть что-то из Гершвина, но сегодня вечером, когда официанты устремились убирать тарелки со столов, «Бездельники Фэйрфилдской консерватории» — так называли себя музыканты этого ансамбля — начали играть мелодии английских деревенских танцев восемнадцатого века: «Каприз Дика», «Девушка выглянула», «Рафти-тафти», «Воды Голландии», воскрешавшие в памяти Святки Старого Света. Одновременно Федо Прадо вместе с тремя танцовщиками из кордебалета продемонстрировал несколько подлинных танцевальных па той эпохи. Вскоре с десятков гостей наиболее молодых и раскованных вышли в центр зала. Под оркестровым балконом у стены стоял Денни Шерлок. Мэгги заметала, как он повторяет движения общего танца. Шерлок работал в отделе кризисного управления компании «Троп и Крават». Он мог взять совершенно здоровую, прибыльную компанию и высосать из нее активы быстрее, чем граф

Дракула мог высосать кровь из молодой графини. Будучи страстным поваром-любителем, он часто выпытывал у Мэгги секреты ее мастерства и идеи.

— Скажи, Мэгги, как тебе удается сделать так, чтобы эти маленькие колбаски с дарами моря не разваливались? — спросил он.

— Маленькая хитрость, — живо ответила Мэгги. — Кукурузный крахмал.

Они вынуждены были кричать друг другу в уши, настолько шумно было в зале от музыки и разговоров. Тем временем пара крепких парней из Йеля внесли колоссальный шоколадный торт в форме традиционного рождественского полена, украшенный грибами из меренг и веточками карамельного падуба, и с триумфом возложили его на буфет под хор восхищенных охов и вздохов. Мэгги встала на цыпочки и спросила у Шерлока:

— Кто эта молодая штучка рядом с Чарли Даквортом?

Шерлоку пришлось вытянуть шею, осматривая зал, прежде чем он заметил эту пару.

— Лора Уилки, — доложил он. — Она аналитик.

— Да ну, она слишком молода для психоаналитика.

— Нет же, она — не психо-, а просто аналитик. И работает с нами. Говорит, что стоит брать, а что — не очень. Выпускница Принстона. Умница.

— Ага. И давно?

— Она пришла, ох, дай бог памяти, в сентябре.

— Да ну? И сколько это у них уже длится с Чарли?

— Эй, вот это новость! Я и не знал, что она — с Чарли. Чарли везет!

У Мэгги кровь прилила к лицу, она протянула свой бокал проходящему мимо официанту, попросив его налить еще.

Музыканты закончили играть «Воды Голландии», и волна душевного трепета прошла по большому залу. Фредерик Свонн, английская рок-звезда (он записывался на студии у Эрла Вайса), вышел на сцену, если можно так сказать, в самом центре танцевального зала. Все разговоры стали постепенно умолкать, пока в зале не стало слышно только легкое покашливание и треск дров в камине. Без всякого представления и под аккомпанемент небольшой фисгармонии, доносящийся с балкона, Свонн спел старинную американскую песню такой неотразимой и величавой красоты, что женщины в зале впились в него глазами от восторга, да и у многих мужчин приятно закружились головы. Он был одет во что-то типа дуэльной блузы, черные кожаные штаны и красный шелковый жилет, украшенный вышивкой. Длинные курчавые светлые волосы обрамляли его лицо венчиком, как у ангела на флорентийской фреске. Свонн был способен на бравурные вокальные пассажи à la Рэй Чарльз. И его обычно действительно обвиняли в подражании маэстро. Но сегодня он пел чистым звенящим тенором, удивившим тех, кто был знаком с его обычной манерой исполнения.

Я жил в кругу чудесных дней,
Беспечных птах семья
Была среди густых ветвей
Блаженна, как и я.

Спроси у вод, моя слеза
Влилась ли в их поток?
И вздох мой бурная гроза

Свонн спел этот куплет дважды и низко поклонился. Фисгармония наверху сыграла ритмичную коду, и наступила сверхъестественная тишина, а затем изумленные гости разразились аплодисментами, перешедшими в крики и свист. После этого Свонн растворился в восхищенной толпе. «Бездельники» заиграли «Девичью тропу», а Мэгги, изумленная пением не менее других, отправилась из танцевального зала на кухню.

6 Неожиданный удар

Нина с четырьмя своими помощницами уже вытерла столы и плиты. Пирамида пластиковых коробок и корзин, наполненных остатками пищи, все еще стояла на большом столе из струганой сосны, ожидая, когда ее уберут. Мэгги откупорила две бутылки «Вдовы Клико» и разлила шампанское в матовые стаканы аметистового цвета для коктейлей на всю кухонную команду.

— Все было совершенно великолепно, — сказала она Нине. — Я так горда вами. Всеми вами. Мэгги обняла Нину.

Двух бутылок хватило им ненадолго. Когда Мэгги вернулась к гостям, она была уже немного пьяна. Она не помнила, когда такое случилось с ней в последний раз. Должно быть, давно, еще в семидесятых, когда Никсон убрался в своем вертолете подобру-поздорову. На пути в танцевальный зал, в библиотеке, она натолкнулась на Эрла Вайса и Фредерика Свонна в компании с Эдом Пэрротом из «Парамаунт Пикчерс» и Антонио Зарриласом, набиравшим популярность продюсером, которому все прочили выдвижение на «Оскара» за фильм «Книга лунного света» с Джеком Николсоном. Мужчины, что было вполне очевидно, сплетничали. Но, завидев, что Мэгги идет к ним, сразу же прекратили это постыдное занятие. Вайс представил ее Свонну.

— Вы великолепны, — сказал Свонн ласковым голосом, с безупречной для театральных подмостков Мэйфэйр интонацией.

Мэгги попыталась представить, откуда он родом, и подумала, может быть ошибочно, что он из люмпенов откуда-нибудь из доков Центрального Лондона, из Саутарка. Она догадалась, что поскольку Свонн талантливый актер, да к тому же и лирический певец, то, скорее всего, разговор, прерванный ею, шел о возможном карьерном продвижении. Все время, пока Свонн говорил с ней, его глаза шарили по Мэгги, как пара шаловливых рук. У нее появилось странное ощущение, будто она стояла перед ним полностью обнаженной. Она даже дотронулась до края выреза платья, чтобы убедиться, что была одета.

— Вы пели ангельски, — сказала она. — Такая красивая песня. Мне раньше не приходилось ее слышать.

— А ведь это американская песня, вы знаете, — держа большие пальцы в карманах жилетки, сказал Свонн, задав сразу невероятный, но вполне очаровательный серьезный тон. — Возможно, это первое музыкальное произведение подлинно американского автора. Парень по имени Фрэнсис Хопкинс написал его в тысяча семьсот пятьдесят девятом году. Он был одним из тех, кто умел все. Он был художником, писателем, адвокатом, действительно разносторонним человеком. Вдобавок подписал вашу Декларацию о

независимости, дерзкий негодник...

Так случилось, что Мэгги заметила что-то, двигавшееся на заднем плане. Это свойственно человеческому глазу даже в битком набитом помещении. Напротив библиотеки в коридоре, который вел в танцевальный зал, была туалетная комната, где Мэгги успокаивала себя во время приступа тревожности. Сейчас оттуда выходила молодая женщина в черном платье без бретелек, Лора Уилки, стоявшая между Чарльзом Даквортом и Кеннетом перед ужином. Лора Уилки тщательно закрыла за собой дверь, разгладила на себе платье и удалилась по коридору.

— ...а слова, тем не менее, написаны английским поэтом Томасом Парнеллом, это из его «Любви и невинности»... — продолжал Свонн.

Тем временем в поле зрения Мэгги попал Люциус Милштейн. Он попробовал открыть дверь туалетной комнаты, но, подумав, что она закрыта, стал ждать рядом. Мэгги захотелось подойти и сказать ему, что там свободно, но вдруг дверь открылась. Оттуда появилась знакомая лысая голова, которая повернулась в сторону дальнего конца коридора, ведущего в танцевальный зал. Мэгги инстинктивно спряталась за Свонна, незаметно выглядывая из-за его крепкого плеча. Лысая голова повернулась к библиотеке, ее лицо оказалось лицом Кеннета. Потом он появился весь, поправил галстук и исчез из виду, направившись к танцевальному залу.

— ...я собираю музыкальный антиквариат, — продолжал Свонн. — И мне хотелось бы записать альбом из произведений старых авторов когда-нибудь, но сдается мне, что Эрл скорее подпишет договор с певицей К. Д. Ланг на запись альбома голосов птиц. С вами, м-м-м, все в порядке, миссис Дарлинг?

Действительно, Мэгги побелела, и ее всю трясло.

— Все в порядке, — солгала она, — я просто только что вспомнила, что мне срочно нужно на кухню. Извините меня, господа.

Мэгги попятилась из библиотеки и неуверенной походкой стала пробираться в кухню, опираясь по пути на стулья, столы и стойки перил, как будто она была старухой, готовой в любой момент упасть. У нее кружилась голова. Ее мысли, казалось, затягиваются в водовороте в плотный, непрозрачный, кипящий соус, похожий на бешамель. Два юноши из Йеля и девушка из колледжа Сары Лоуренс курили и пили шампанское, сидя за большим столом. При появлении Мэгги они вскочили и смылись. Не обращая на них внимания, Мэгги вылила литр молока в соусницу, насыпала туда какао-порошка и сахара, брызнула ванильного экстракта и взбила все это до пены. Затем налила то, что получилось, в большой термос из нержавеющей стали, взяла две кружки, сняла холщовую куртку с крючка у двери и исчезла в темноте.

7 Снаружи на холоде

Легкий снег все еще падал, но ветер постепенно замирал, что делало темноту спокойной и тихой, похожей на смерть в ее самые умиротворяющие и поэтические моменты. Снег укрыл землю сантиметров на пять, одев в белые одежды кусты тиса, росшие по обе стороны подъездной дорожки. Мэгги шла к западной лужайке, которая была спланирована как запасная автомобильная стоянка. Там стояли еще двое молодых людей из Йеля. Они были в теплых куртках с капюшонами, которыми, конечно же, их снабдила Мэгги.

Согреваясь, они хлопали себя по бокам, стоически стараясь развеять беспредельную скуку порученного им задания.

— Я принесла вам попить теплого, — сказала она заботливо, наливая какао молодым людям в кружки, а себе в крышку от термоса.

— О боже, спасибо, да, спасибо мисс Дарлинг, — поблагодарили они.

— Как вас зовут?

— Я — Роджер, а это — Марк.

— Чем ты собираешься заниматься в жизни, Роджер?

— Международным законодательством.

— А ты, Марк?

— Обычным законодательством. Ну, понимаете. Буду адвокатом.

— Разводы?

— Конечно, а почему бы и нет? — Марк хихикнул. — Ух, этот горячий шоколад — чудесная штука.

Наступила неловкая пауза, когда молодые люди не знали, что сказать своей работодательнице, которая к тому же, кажется, сама задумалась. В это время из дома донеслись монотонные звуки рождественской песенки. Гости пели хором, но из всех голосов выделялось пронзительное сопрано Джанет Хиггенботам. Огромное арочное окно танцевального зала издали светилось в темноте, как могильная плита янтарного цвета.

— Кажется, там неплохо веселятся, — заметил Роджер.

— О, вечер был действительно прекрасный, — сказала Мэгги. Мрачная ирония сказанного, пролетевшая мимо ушей студентов, заставила Мэгги поперхнуться, как от непрожеванного куска мяса. В следующий миг свет фар осветил ворота в каменном заборе, скрывавшем дом от надоедливых глаз проезжавших мимо водителей. Машина оказалась знакомым черным «саабом», когда-то принадлежавшим Кеннету. Она подъехала к лужайке и остановилась рядом. Сидевший в машине Хупер, сын Мэгги, опустил стекло.

— Мам, что ты здесь делаешь?

— Развлекаю охрану.

— Мы все-таки решили не ехать в Белиз, — сказал Хупер.

— Я рада, что ты дома, — сказала Мэгги, обуреваемая эмоциями. Она просунула руки в окно и обняла красивую русую голову Хупера. Ее слезы сделали его щеку мокрой.

— Ну, мам, держи себя в руках, — сказал он. И только тут Мэгги заметила девушку, сидевшую слева. — О, это — Элисон, — небрежно вставил Хупер. — Элисон, а это — моя знаменитая мама.

— Рада познакомиться, Мэгги, — сказала молодая женщина, откинув волосы движением головы. Было трудно разглядеть ее лицо в слабом свете приборной доски. Она была похожа на студентку, но Мэгги заметила блеск чего-то металлического у нее в ноздре и на нижней губе.

— Думаю, мы остановимся в садовом домике, — сказал Хупер, имея в виду домик для гостей. Мэгги растерялась. — Можно, мам?

Мэгги знала, что Хупер привозил сюда девушек и раньше. Но он всегда старался делать это незаметно. Она не собиралась давать им явное разрешение на то, чтобы спать вместе у них дома, но ей трудно было сосредоточиться. Что и говорить, она спала с Кеннетом в родительском бильярдном домике, когда была еще моложе, чем Хупер. Разрушать их планы было бы неэтично и по-ханжески абсурдно. Но ей все это не нравилось. Более того, это стало

последней каплей, приведшей ее в ярость.

— Вам придется застелить постель, — сказала она сухо.

— Никаких проблем, Мэгги, — ответила Элисон.

— Не смей называть меня Мэгги, — внезапно резко сказала она. — Мы что с тобой, лучшие подружки? Или как?

— Извините, миссис Дарлинг.

— И так меня нечего называть, — ломающимся голосом ответила Мэгги. — О, черт!

Роджер и Марк стояли рядом, держа свои кружки обеими руками.

— А как мне вас называть? — спросила Элисон.

— Я не знаю, — ответила Мэгги, заливаясь слезами.

— Ты в порядке, мам?

— Прием — сплошной ужас. — Это было все, что могла вымолвить Мэгги. — Полное фиаско.

— Мы поедем прямо в садовый домик, мам. А на гостей и смотреть не будем.

— Возьмите поесть, — сказала Мэгги между рыданиями. — На кухне всего полно.

— Хорошо.

— Спокойной вам ночи. — Она нагнулась и снова обняла голову сына, с отчаяньем сказав: — Я так тебя люблю!

— Я знаю, мам. Гости приходят и уходят. Ты-то это лучше всех знаешь.

— Мне жаль, что вам так тяжело, — добавила Элисон.

— Ах ты моя сладкая, — сказала Мэгги с неожиданной лаской в голосе. — Будь умницей с моим мальчиком.

— Счастливого Рождества, мама. Встретимся утром, и все будет хорошо.

Машина вырулила с лужайки и поехала по заснеженной аллее за огромным домом. Мэгги осталась стоять в темноте, рыдая в голос. Она не знала, как долго это длилось, но этого было достаточно, чтобы у нее прояснилось в голове.

8 Маленькая красotka

В половине второго ночи гости разошлись. Из танцевального зала все было вынесено, а пол вымыт. Все стаканы, тарелки, блюда и приборы были помыты и убраны в огромную кладовую. Помощникам заплатили наличными и отпустили. Зимнюю тишину, в которой, как в коконе, спал дом, нарушало только неизменное тиканье напольных часов Аарона Уилларда (изготовленных около 1790 года) с полукруглой верхней крышкой. Кеннет сидел на стуле напротив туалетного столика Мэгги и тяжело дышал от усталости. Один носок по-дурацки наполовину свешивался с его правой ноги.

— Ложись в постель, — сказала Мэгги, которая сидела, опершись на спинку изголовья кровати из вишневого дерева, и внимательно читала новую книгу своей конкурентки о тосканских рецептах приготовления пищи, усердно делая пометки фломастером на страницах.

— Я так устал, — застонал Кеннет.

Мэгги живо постучала по матрацу:

— Ну-ка быстро.

Кеннет снял рубашку через голову, как футболку для игры в лакросс, не расстегивая

кнопок, поднял ее и швырнул в направлении своего шкафа. Она упала на пол почти беззвучно. Обычно такая неряшливость приводила Мэгги в неистовство, но сейчас она промолчала. Затем Кеннет встал, скинул брюки и трусы и перешагнул через них, оставив их лежать неаппетитной кучкой. Его лицо троеборца обвисло, и, несмотря на мускулистую грудь, вздутые дельтовидные мышцы и волнообразные мышцы живота, он выглядел не моложе своего возраста. Мэгги откинула одеяло, приглашая Кеннета на его сторону кровати. Он забрался на свое место, немного повозился, взбил подушку, улегся в конце концов на спину, натянув одеяло до подбородка.

— Все из-за этих наркотиков, — заметила Мэгги.

— Ну, сегодня я вовсе не проказничал, Мэгс, — ответил Кеннет, не открывая глаз. — Не клади абажур мне на голову.

— Нет, это ты не клади абажур себе на голову. — Она аккуратно положила книгу на тумбочку, слезла с целой горки подушек и положила голову на мускулистую грудь Кеннета.

— Я устал, Мэгс. — Это были кодовые слова, означавшие, что он не особенно интересуется сексом сегодня.

— Ты просто расслабься, — сказала Мэгги.

— Эй, ты хоть свет выключи, а?

— Минуточку.

Она наклонилась к нему и начала слегка чмокать его по груди до пупка, а потом и немного ниже до того места, где ее чувствительный нос уловил то, о чем она подозревала: предательский смешанный аромат рыбы луфаря и тмина, напоминающий запах женского полового инструментария. Как-то однажды Мэгги сама готовила такое блюдо из луфаря и семян тмина, запекала его в пергаменте с кориандром и лаймом — и они с Ниной повернулись тогда друг к другу с одной и той же мыслью. Они превратили все в шутку, назвав блюдо — луфарь *a la puta*^[6]. И вот он, этот запах снова, в паху у Кеннета. Она вспомнила всю сцену, произошедшую сегодня в библиотеке: девушка выходит из туалетной комнаты, затем оттуда же крадучись выходит Кеннет. «Он хотел, чтобы я его поймала!» Мэгги была уверена в этом сейчас, вылезая из-под одеяла.

— Как давно ты трахаешь Лору Уилки?

Кеннет смотрел на нее невинным взглядом.

— Кого? — спросил он.

— Лору Уилки.

— Кто такая Лора Уилки?

— Понятно. Ты хочешь сказать, что не знаешь, о ком я говорю. Эта маленькая красotka в черном без бретелек, с которой предположительно гуляет Чарли Дакворт.

— Ее? Ты думаешь, я трахаю ее?

— Она работает в «Троп и Крават», не так ли?

— Не в моем отделе.

— Как ты мог притворяться, что не знаешь ее имени?

— Я не трахаю эту Лору Уилки.

— Кеннет, ты в самом деле так неумело лжешь, что я даже не могу понять, как ты можешь хоть что-то зарабатывать на Уолл-стрит. Я чувствую ее запах повсюду на тебе!

— О боже! Я ведь танцевал. Вспотел.

— Это не пот, ты, урод. Это рыба с тмином.

— Что?

— То, что у нее между ног, болван. Ты весь этим пропах.

— Ну, пожалуйста... Может, поговорим об этом утром?

— Нет. Утром тебя здесь не будет.

— Ха! — слегка фыркнул Кеннет и снова закрыл глаза, будто бросая ей вызов.

Мэгги встала на колени, сложила обе руки вместе, сцепив пальцы, как для молитвы, подняла и ударила изо всех сил вниз в солнечное сплетение Кеннету. Его тело странным образом катапультировалось с кровати, как на пружине, будто его запустили, словно ракету. Потом он быстро катался по ковру, издавая странные визжащие звуки, совсем как те забиваемые перед продажей свиньи, которых они видели на бойне на севере Испании много лет назад. Но затем он прекратил визжать и начал задыхаться, и она поняла, что удар нарушил его дыхание. Еще несколько мгновений, и он просто тяжело задышал и закашлялся. Между вздохами ему даже удалось произнести:

— Ты, сука! — И она поняла, что он в полном порядке.

В промежутке она сняла каминную кочергу с бронзовой стойки.

— Я видела, как ты выходил из туалетной комнаты десятью секундами позже Лоры Уилки. Ты глупый обманщик, сукин сын, — прорычала Мэгги. — Вон, — потребовала она. — Вон из дому!

Когда выяснилось, что Кеннету трудно подняться, она ударила его кочергой по ягодицам. Кеннет встал в позу гориллы, как бы угрожая нанести ответный удар. Она добавила ему еще, на этот раз по голениям.

— Ты что, взбесилась, сука?!

— Вон! Вон из моего дома!

— Это и мой дом.

— Больше нет, — рявкнула Мэгги. — Ты променял его на пять минут стояка в туалете.

Она снова замахнулась кочергой. На этот раз Кеннет ринулся к каминной стойке и схватил совок с бронзовой ручкой.

— Вперед, Мэгс, — сказал он, дразня ее, как один из героев в сцене драки в «Вестсайдской истории». — Ну, давай, ударь меня еще раз.

— Кретин. — Она быстро проползла по огромной кровати, взяла трубку телефона и набрала девять один один. — Алло, — произнесла она приятным голосом. — Это Мэгги Дарлинг восемнадцать ноль три Кеттл-хилл-роуд в Уэст-Рамфорде. Мой муж собирается избить меня каминным инструментом. Приезжайте, пожалуйста. Спасибо. — Она положила трубку. — Они будут здесь через семь минут, — сказала она с улыбкой.

— О, это было просто замечательно, Мэгги. Такой рекламы тебе только и не хватало. Я уверен, что...

— Натягивай штаны и собирай чемодан, дружок.

Кеннет с отвращением отбросил бронзовый совок в угол. Он ударился о тренажер «Стэйрмастер» и отскочил. Не успел Кеннет надеть свои мокасины от Гуччи, как две машины полиции штата Коннектикут стояли у подъезда. Их сирены были выключены, а вращающиеся мигалки превратили зимний пейзаж в леденящую душу синюю галлюцинацию. Мэгги сбежала вниз по лестнице, накинув халат из красной шотландки, и впустила в дом двух полицейских. Кеннет показался почти сразу же, робко неся в руках отделанную кожей парусиновую сумку. Он прошел мимо полицейских прямо в переднюю дверь, которую они забыли закрыть за собой.

— Минуточку, сэр, — обратился к нему один из полицейских. Кеннет обернулся.

— На самом деле он не ударил меня, — сказала Мэгги. — Он только угрожал.

— Ха! — вскрикнул Кеннет.

— Ну, формально совсем не обязательно ударить кого-то фактически, чтобы это считалось нападением, мадам, — сказал первый полицейский. — Вы хотите возбудить дело?

— Ох, конечно нет, — ответила Мэгги. — Просто уберите его отсюда.

— Хм, сэр, ваша жена просит вас покинуть помещение.

— Неужели? А что, вы думаете, я делаю здесь, стоя на снегу в два часа ночи с дорожной сумкой в руке?

— Я не знаю, сэр, — ответил полицейский, очевидно не поняв сарказма. — Но мы побудем здесь, пока вы не уедете, если не возражаете.

— Что, если я не возражаю?

— Мы говорим это только из вежливости, сэр. Если вы сейчас же отсюда не уберетесь, то мы вынуждены будем вас арестовать, доставить в участок и все такое. Вам, думаю, это не понравится. Адвокаты не любят, когда даже состоятельные люди, вроде вас, звонят им поздно ночью, особенно в ночь на Рождество. Я бы на вашем месте уже поторапливался.

— Желаю тебе миленького Рождества, Мэгги, — сказал Кеннет, и, мотая головой, как абсолютно сбитый с толку, он направился в гараж, где стоял его «БМВ» во всем его тевтонском великолепии. Вскоре его красные и оранжевые задние фонари исчезли за воротами. Мэгги приготовила полицейским кофе и отрезала по большому куску шоколадного *bûche de Noël*. Конечно, она делала это, чтобы задержать их на случай, если Кеннет вернется. Но он не вернулся. Мэгги понимала, что больше им не жить под этой крышей вдвоем. И когда наконец около трех утра полицейские уехали, Мэгги с трудом поднялась назад в спальню и там расплакалась.

Часть вторая

ОДНА, ПОЧТИ

1

Отвратительный свет

Рождественское утро началось для Мэгги в восемь пятнадцать, когда она проснулась с таким чувством, будто ее личность полностью изменилась, словно произошла некая биологическая метаморфоза. Она была не из тех, кто отходит от сна, как аквалангист, медленно кругами поднимающийся к поверхности из водных глубин. Она приходила в сознание моментально, как будто выходя из темного зрительного зала на дневной свет. Щурясь от лучей яркого рождественского солнца, отражавшихся от недавно выпавшего снега на потолок ее спальни, она обнаружила, что место рядом с ней в кровати не занято, и сразу, словно серия моментальных снимков, в мозгу всплыли события прошедшего вечера: Кеннет шлепает по заду Лору Уилки; Лора Уилки выскакивает из туалетной комнаты, а следом за ней — Кеннет; Кеннет скорчился от боли на ковре в спальне; Кеннет стоит на снегу с дорожной сумкой в руках, и, наконец, чашка успокаивающего ромашкового чая, которую она выпивает, наблюдая, как полицейские доедают торт. Вне воспоминаний остались только слезы, пролитые из-за всего этого, но также не помнится и зубная боль на следующее утро после визита к стоматологу, хотя сам факт визита к врачу прекрасно помнится.

Несмотря на свою обычную защищенность от капканов, которые расставляют эмоции, в это утро Мэгги чувствовала себя необычайно хрупкой, как будто она была нанкинской вазой, готовой разбиться от малейшего прикосновения. Было что-то трагичное в этом пятне яркого света на потолке, что-то, что вызвало в ее памяти ощущение болезни и потери, испытанное в детстве. Она вспомнила себя, болеющую ветрянкой в 1959 году, в бреду от жара, с саднящим горлом; вспомнила, как ее отец, Фрэнк, по-мадьярски скуластый, с копной пшеничных волос, склоняется над ней с книжкой и замороженным соком. (Это Фрэнк заботился обо всех больных дома, а не ее мать, Айрин, которая терпеть не могла, когда дети болеют. Иногда дело доходило до того, что она обвиняла детей в симуляции до тех пор, пока их не начинало тошнить или они не покрывались сыпью. После чего мать из брезгливости боялась подходить к ним.) Пятно солнечного света вводило пылающую от температуры маленькую Мэгги в заблуждение. Она постоянно просила Фрэнка «переключить канал». За тридцать семь лет, прошедших с тех пор, самой тяжелой болезнью, от которой она страдала, было похмелье. Рождение Хупера было баловством в сравнении с тем, что приходится терпеть большинству женщин. Роды прошли точно в тот день, когда и полагалось. Она родила в десять утра, после семидесяти минут родовых усилий, и сразу же вернулась в их первый дом — просторную квартиру в здании из бурого песчаника на тихой улице в Челси, в которой через тридцать шесть часов после родов уже пекла для гостей генуэзский бисквит, чем удивила друзей, знакомых и родню.

Глядя на свет в потолке, Мэгги попыталась подсчитать свои потери. Ее уже умерший отец — очевидная потеря. Хупер не совсем еще потерян, но большей частью отсутствует. Айрин отсутствует, но недостаточно. Мэгги было ясно, что они с Кеннетом потеряли друг друга уже годы тому назад и что последний кризис явился лишь реальным подтверждением этой потери.

Дыра, образовавшаяся в результате этого в ее жизни, не вызывала вопроса: кто будет заботиться о ней. Скорее вопрос был том, о ком заботиться ей самой. Даже если она перестала любить Кеннета, он все равно оставался тем, кто пробовал ее шоколадные ореховые вафли, нюхал ее гибридные розы, гордился ее тисненными простынями и грелся теплом ее очага. Он являлся частью этого дома. Он не был трудновыносим. Но, боже, не в этом ли и проблема? Странно ведь, думалось ей, как она могла наслаждаться его телом еще долго после того, как отправила его надежды, мечты, мысли, мнения, чувства и грешки — словом, всю его душу в топку своих собственных суждений.

Мысль о том, что их интимная жизнь с Кеннетом закончилась, переросла в истерическое предположение, что секс для нее кончен навсегда. Это так огорчило Мэгги, что она моментально начала задыхаться. Она села в кровати, с трудом дыша, и скрестила руки на груди. Она находилась в этой позе до тех пор, пока не ощутила руками свои полные груди. Она держала их снизу так, будто предлагала воображаемому любовнику. Захочет ли ее кто-нибудь? — думала она. Кем будет этот кто-нибудь и встретит ли она его до тех пор, пока не станет слишком поздно? Она вздрогнула от этой мысли. Но с другой стороны, она также подтолкнула ее к общему пониманию того, что ждало ее впереди в жизни. И будучи, помимо всего прочего, практичной личностью, она решила, что впереди ее ждет завтрак.

2

Подарки

Неестественная тишина, казалось, охватила дом, когда Мэгги, одетая теперь в спортивный костюм цвета хаки от Армандо Туцци, прошла по прекрасно обставленным комнатам в солнечную восточную гостиную, где между кабинетным роялем и прекрасным письменным столом красного дерева с откидной доской, украшенной серпентином, который они с Кеннетом купили по случаю на «Сотбис», была поставлена еще одна елка, так называемая «семейная». Под елкой горкой лежали подарки. Порывшись под благоухающими ветками, увешанными имбирными пряниками в форме человечков и ароматическими шарами с гвоздикой, Мэгги нашла все пакеты с надписью «Для Мэгги с любовью и ХХХ, от Кеннета». Их было легко отыскать, так как они были в одинаковой обертке — в этом году это был странный высококачественный сорт черной матовой бумаги. Все пакеты были перевязаны золотой лавсановой лентой. Кеннет всегда поручал покупку подарков к праздникам профессиональному покупателю. Это само по себе возможно только в мире, где выражение личных чувств считалось еще одной тягостной обязанностью, которую лучше было поручить слугам, так же как, например, вывоз мусора. Теоретически этот профессиональный покупатель должен был ознакомиться с личными желаниями и нежеланиями «одариваемого» — так тот, кому дарили подарки, был назван в вопроснике. Но к сожалению, Кеннет и заполнение вопросника поручил какой-то мелкой сошке, которая, по мнению Мэгги, не имела даже смутной идеи, как отвечать на вопросы, подобные следующему: *«Какому стилю вы отдаете предпочтение при оформлении домашнего интерьера (отметьте одно): 1. Традиционный. 2. Модерн. 3. Под старину. 4. Ретро. 5. Другие»*.

Поэтому каждый год Мэгги получала от Кеннета в подарок всевозможные предметы, никоим образом не соответствовавшие ее персональным пристрастиям: светильник с лавообразной жидкостью внутри: надувной резиновый карандаш почти двухметровой длины;

автоматическая хлебопекарня, выпекавшая буханки хлеба с мякишем, похожим на пенопласт, напоминавшие своей формой артиллерийские снаряды; биографию Гурджиева; шейкер для мартини в форме дирижабля; предметы одежды от невыносимого Ласло Блута; диск Мадонны; зажигалку «Данхилл»; брошь с бриллиантами и сапфирами в форме ягуара, такую же, какая была у ныне покойной Уоллис Симпсон; ракетку для настольного тенниса и так далее. Все эти вещи были совершенно бесполезными.

Мэгги сложила девять пакетов этого года в аккуратную стопку рядом со своим любимым креслом с подлокотниками, достала серебряную ручку «Монблан» и пачку ярлычков для рождественских подарков и надписала девять новых ярлычков взамен тех, что были на пакетах. «Моей дорогой пышечке Лоре от Кеннета», — написала она красивым размашистым почерком на первом. А на других «Любимой заднице от Кеннета», «Дорогому мешку с костями от Кеннета» и так далее в том же духе. Затем она поместила все подарки в большой пакет, который положила в шкаф в передней. Наконец-то она снова была в кухне, ее убежище от всех жизненных штормов.

Мэгги видела садовый домик из большого окна над раковиной. Этот маленький белый гостевой домик с сердечками, вырезанными в ставнях, стоял прямо напротив, невдалеке. К нему вела строгая аллея редких роз. Конечно, так было запланировано с самого начала. Сейчас розовые кусты стояли в форме, как часовые: для защиты от морозов на них были надеты пеньковые мешки. Вокруг домика росло с десяток плодовых деревьев: яблони, груши и айва. Мэгги сама сажала эти деревья, когда Хупер только начинал ходить. Сейчас на их черных ветвях лежал снег. Спортивный «сааб» Хупера стоял слева. На его крыше тоже лежала белая шапка. Мысль о том, что ее мальчик уже настолько вырос, что может самостоятельно водить машины и спать с девушками, радовала и пугала Мэгги одновременно. Думая о них двоих, уютно свернувшись калачиком, вспотевших под стеганым одеялом на чугунной кровати, которую она купила на толкучке в Дэнбери за двадцать пять долларов и с любовью перекрасила, Мэгги старалась чистым усилием воли создать радостное отношение, без примеси ревности, раздражения и желчности, характерных для среднего возраста. «Ну, — сказала она себе, — по крайней мере, будет для кого готовить завтрак». Ей стало интересно, любит ли девушка — как бишь ее зовут, ну, такое деревенское имя: Хезер? Марго? Мелисса? — готовить. Мало кому из современных молодых женщин это нравится. Редакторские ассистентки в «Трайс энд Уанкер» питались только суши, которые им приносили из ресторана, и диетической содовой. И какие семьи после этого они смогут создать? В случае если Хупер, Бог ему в помощь, на самом деле привяжется к этой Хезер-Марго-Мелиссе — и в этом вряд ли будет что-нибудь удивительное, ведь Мэгги вышла замуж за Кеннета, как-никак, всего через неделю после его выпуска, — то уроков кулинарии вскоре будет не избежать.

Вдохновившись задачей, Мэгги пришла в балетное движение. Она принялась доставать что-то из холодильника, хватать миски, сковороды, другую утварь с различных полок и полочек, включила радио, наполнив кухню словами, славящими рождественское утро, разбила яйца, замесила тесто. И она ощутила по маленьким ярким вспышкам в голове, как в конце концов ей стало хорошо оттого, что она освободилась от Кеннета. В мгновение ока на столе появилась целая стопка блинов из кукурузной муки с тыквой и с десяток колбасок с эстрагоном в шампанском ее собственного приготовления. Пока колбаски были в печи, Мэгги раскатала кусок теста на мраморном разделочном столе и нарезала его острым ножом на кусочки для пирожков с колбасками. Когда все было готово, она ловко разложила все на

тарелочки в форме раковин, украсив цветком нарцисса из тех, что она выращивала на подоконнике из луковиц. Под занавес она налила подогретый кленовый сироп в хрустальный графинчик. Весь завтрак разместился на большом подносе вместе с кофейником-термосом. В тамбуре прихожей она надела резиновые сапоги и пуховик и понесла поднос в садовый домик, радуясь пушистому легкому снегу и бодрящему воздуху.

Когда до дома оставалось сделать всего шагов пять, она услышала летящие оттуда звуки страсти и на миг оцепенела, стараясь отличить энергичные стоны сына от странных, поптичьих высоких вскриков девушки. Боясь быть замеченной, она метнулась назад на кухню, положив блины и сосиски назад в печь. Подождав десять минут, что ей показалось вполне достаточно, она позвонила в домик по внутреннему телефону.

— Ум-м? — ответил запыхавшийся Хупер.

— Счастливого Рождества! — зачирикала Мэгги. — Вы уже встали, ребята?

— Типа того.

— Я несу вам завтрак.

— У, м-да...

— Не беспокойся, я оставлю его на крыльце.

— Отлично...

Мэгги снова поставила все на поднос, отнесла его, оставив его на этот раз на плетеном столике у двери, и снова вернулась на кухню. Она заварила кенийскую арабику. Над чашкой поднимался пар. Она пила кофе, нервно пощипывая блин, и смотрела на домик из кухонного окна. Секунды тикали за секундами, а поднос все еще стоял на крыльчке, все быстро стыло при минус восьми. Она схватила трубку с телефона на стене.

— Все стынет на крыльце, — сказала она.

— Подожди еще минуточку, мам, а?

— Хупер, дорогой. По крайней мере, окажи мне честь занести все внутрь, чтобы я не думала, что выкинула час, готовя это все для вас.

— Хорошо, мама.

— Bon appétit.

В тот момент, когда она повесила трубку, раздался звонок в дверь.

3

Снова дежавю

Мэгги распахнула тяжелую резную дверь из американского каштана ручной работы (приблизительно 1820 года) и увидела Кеннета, стоявшего в том же костюме, в каком он был накануне вечером: в измятом смокинге. Она была шокирована его появлением, и это удивило ее больше всего.

— Надеюсь, ты стала благоразумнее? — спросил Кеннет.

— Ну и вопрос!

— Ты вчера что-то здорово рассердилась.

— Я все еще здорово сердита.

Кеннет немного уклонился, словно ожидая удара.

— Мэгги, прошу тебя, не могли бы мы поговорить?

— Ты не с того начинаешь, дружок. Это я должна стать благоразумнее? Надо же, как мы выражаемся! Ты что себе думаешь? Что у меня ПМС? Что я неадекватна? Что с тобой все и

порядке, а со мной что-то не то? Так вот: я реагирую на то, что ты совершил, засранец!

— Извини, я виноват, ты так расстроилась...

— Скажите пожалуйста, мы — виноваты! В чем? А в том, что я тебя поймала!

— Ну как мне попросить у тебя прощения?

— А никак!

— Я не хочу тебя терять, — выпалил Кеннет и неожиданно разрыдался, его атлетические плечи сотрясались с каждым всхлипыванием. До сих пор Мэгги не приходилось видеть ни одной слезы из его глаз, даже на похоронах его отца, и то, что она лицезрела сейчас, выводило ее из себя.

— Ради бога, заходи, чтобы я могла закрыть дверь.

Кеннет переступил через порог.

— Иди в библиотеку. Я принесу тебе кофе.

Кеннет кивнул сквозь слезы и неуклюже, как огромный раненый зверь, пошел в указанную ему комнату. На кухне Мэгги сначала хотела добавить Кеннету немного коньяку в кофе, но предвидение того, к чему это могло привести такую очевидно нестабильную личность, остановило ее. Когда она вошла в библиотеку, он уже всего лишь вздыхал.

— Тебе не интересно, где я провел ночь? — спросил он.

— Кеннет, ты — очень богатый человек. У тебя прекрасная машина в отличном рабочем состоянии и бумажник, полный платиновых кредитных карточек. Мы живем в цивилизованной части мира. Если ты не смог найти приличный отель, то ты безнадежен.

— Я ездил в ГанOVER, туда и обратно, — поведал он, не обращая внимания на ее сарказм. ГанOVER в штате Нью-Гэмпшир, родной город бейсбольной команды «Дартмутские индейцы», был также и городом, где он учился в колледже.

— Довольно отчаянный поступок. Ты не устал?

Кеннет кивнул, губы у него были сжаты, словно он старался сдерживаться, чтобы вновь не расплакаться, а глаза припухли и покраснели, как у кокер-спаниеля.

— Я... я думал, что, может быть, если я снова побываю там, то смогу найти ту часть меня, которую я каким-то образом растерял за все эти годы.

— Ну и что ты нашел? — спросила Мэгги.

— Мне хочется, чтобы у нас все стало вновь по-прежнему, — сказал Кеннет.

— Нам уже никогда не будет снова по двадцать лет.

— Нет. Я хочу сказать, мне хотелось бы, чтобы... мы попытались начать снова. Я могу измениться. Клянусь...

— Подожди минуту. Что ты такое потерял, что поехал туда искать?

— Мое чувство меры. Приоритеты. Ценности.

— Звучит как-то метафизично...

— Я не хочу потерять то, что прожито вместе, Мэгги. Для меня это значит все.

— Тебе следовало бы подумать об этом прежде, чем ты засунул свой прибор в эту шлюху.

— Ты теперь меня никогда не простишь?

Мэгги медленно пила свой кофе, размышляя про себя, затем сказала:

— Я понимаю, что даже хорошие люди иногда срываются, и эта жизнь полна странных неожиданностей. Если бы ты трахнул какую-нибудь девку в гостинице, или, о боже, даже завел себе любовницу на стороне, но потом прекратил отношения с ней, то я бы, возможно, простила тебя. — Она надула щеки. — Но меня убивает то, что ты занялся этим под нашим

кровом тогда, когда дом был полон людей. А что, если бы тебя заметила Хэтти Мойль, а не я? Какое унижение! Или Конни Маккуиллан, боже сохрани, с ее-то связями в журнале «Пипл»! Еще до конца недели я стала бы международным посмешищем.

— Никто ничего не видел, — сказал Кеннет, в его голосе прозвучала нотка раздражения. Было ясно, что он не хотел развивать эту тему.

— Да неужели?! И ты не шлепал Лору Уилки по ее маленькой попке прямо в центре танцевального зала? Даже не пытайся отнекиваться. Я сама видела — и будем надеяться, что другие пятьдесят человек этого не заметили. Но знаешь, вот что меня действительно задело, так это то, что ты не мог подождать еще пять жалких минут в туалетной комнате, прежде чем высовываться оттуда. Такое впечатление, что ты просто хотел, чтобы тебя застукали.

Кеннет сдвинулся на край кресла и воровато водил глазами с одной точки ковра на другую, как будто искал что-то, что обронил. Мышцы лица у него дергались.

— Вспомни ту вечеринку, — сказал он, — когда я зашел в комнату и застал тебя с Руди Свиннингтоном.

— О чем ты говоришь?

— Это было в доме братства Сигма-Кси.

— Ох, ради всего святого, это было больше двадцати пяти лет назад, еще до того, как мы стали встречаться. Ты ради этого ездил в Нью-Гэмпшир, чтобы вновь вспомнить это?

— Но в этом-то все и дело. Я не знал тебя, но простил. Я позвонил тебе через три дня и пригласил погулять. И это после того, как ты вела себя как последняя шлюха с самым сексуально озабоченным парнем в моем братстве.

— Возможно, ты позвонил, потому что решил, что со мной легко можно перепихнуться.

— Ага! — воскликнул Кеннет с таким злорадством, как будто ему удалось подвести главного свидетеля обвинения к краю пропасти. — Скажи мне, ведь я тебя никогда об этом не спрашивал. Ты трахалась с Руди той ночью?

— Я даже и не помню.

— О боже.

— Меня удивляет, что ты не спросил Руди сам.

— Ты просто не понимаешь, ведь так, Мэгги?

— Придурок, я тебя тогда даже не знала. И какое это все может иметь значение?

— Может, поскольку ты, — декларативно произнес Кеннет, смотря вдоль своего указательного пальца так, как будто он был рапирой, — живешь двойной жизнью.

— Кеннет, как тебе удастся зарабатывать так много денег? Разве то, что ты делаешь, так просто?

— О чем ты? — спросил он с насмешливым превосходством.

— Я имею в виду, что ты мыслишь не очень логично. Ты что, просто здорово угадываешь со всеми своими акциями и ценными бумагами? Должно же для этого требоваться что-то еще... какая-то сообразительность.

— Лучше не надо о том, что я делаю. Благодаря моей работе ты можешь себе позволить все, что захочешь.

— Я могла бы быть не менее удачливой сама по себе. И при этом гораздо быстрее. Поскольку все эти долгие годы я делала то, что у меня так хорошо получается, только для нас, никогда не задумываясь, что могла бы на этом сама зарабатывать деньги.

— Ты не смогла бы поднять всего этого на свои средства, ты сама знаешь.

— Кеннет, только в этом году в промежутке между изданием книг, съемками

видеофильмов, ведении бизнеса по доставке готовых блюд и рекламными проектами я заработала два с половиной миллиона долларов.

— Если тебе кажется, что ты сможешь поддерживать тот же уровень жизни, к которому привыкла, то ты не в себе, — отпарировал он, добавив для усиления: — Ха!

— Я могу и буду, а если будет нужно, то заработаю еще больше.

— Не здесь. Не в этом доме.

— Как я понимаю, ты собираешься отобрать его у меня.

— Мэгги, у меня, как говорят, длинные руки. Я смогу дотянуться до такого количества мерзких адвокатов, что твоя жизнь станет похожей на вечный съезд их американской ассоциации. Ты будешь зажигать китайские фейерверки в главном суде первой инстанции до того времени, пока не постареешь, сгорбишься, поседеешь и настолько ослабнешь, что не сможешь сварить себе яйцо всмятку.

— Спасибо за то, что ответил на мой вопрос.

— Извини? — спросил Кеннет. — На какой вопрос?

— Каким образом ты выживаешь на Уолл-стрит. Просто очевидно, что ты выменял ненависть за мозги.

Неожиданно он оказался на ней, по-спортивному пружинной подскочив со своего места к креслу с подлокотниками, в котором сидела она. Он увлек ее на пол, на бледно-абрикосовый ковер. С помощью странного сочетания грубой силы, нежности и ловкости рук он быстро стащил с Мэгги ее спортивный костюм от Туцци, одновременно успев стянуть с себя брюки. Затем он взял ее одной своей большой рукой за затылок так, как будто ее голова была дыней, и закрыл ее рот своим. Мэгги безрезультатно толкнула его под ребра, но не позвала на помощь, поскольку поняла, что единственным человеком, который мог бы прийти ей на выручку, был Хупер. Она была больше обеспокоена мыслью, что сын может случайно застать этот эдипов спектакль с матерью, насилуемой отцом, и что это может сделать юношу либо гомосексуалистом, либо кататоником. Но как только Кеннет своей немойшей, вонючей и мощной лапой схватил ее за упругую грудь и ловко прикусил ей губы, Мэгги, задыхаясь, вспомнила те стоны и крики, которые Хупер и эта девушка издавали в порыве молодой страсти, и почувствовала, как сама сдается неудержимому приливу животной похоти, который, кажется, принижает всех относящихся к млекопитающим до комка плоти и шерсти, беспомощно пробивающегося сквозь время. Несколькими секундами позже оба они были совершенно нагими. Мэгги фактически помогла Кеннету вылезти из рубашки, после чего они меняли классические позы одну за другой (что было хорошо отретпетировано за двадцать пять лет совместной жизни). Их страстное крещендо достигло пика в тот момент, когда Мэгги выгнулась вперед так, что почти встала на голову, а Кеннет, подобно йогу, выгнулся над ней, как будто он совокуплялся с тачкой. Затем они оба рухнули на пол.

Они лежали без движения несколько минут: Мэгги — на спине, Кеннет — на животе — и касались друг друга только предплечьями.

— Я знал, что мы это преодолеем, — сказал Кеннет.

— Ты — как пробка, — ответила Мэгги.

Кеннет смутился. Чувствуя, что ее замечание — вовсе не комплимент, он сказал:

— Брось ты, тебе ведь понравилось. Только посмей сказать, что нет, и ты оскорбишь свои собственные чувства.

— Меня захватила старая привычка. Это меня плохо характеризует. Мне стыдно за себя.

Но это ничего между нами не меняет.

— Мы всегда ссорились, а потом мирились.

— Это было не примирение, — сказала Мэгги, — это было прощание.

— Ау, ты что, серьезно?

— Да, серьезно.

Мэгги привстала, пошарила вблизи себя рукой в поисках своего нижнего белья и начала приводить себя в порядок. Ее спортивный костюм висел на торшере «Стрекоза» от Тиффани, как мертвый парашютист на дереве. В конце концов, застегнув последнюю пуговицу, она достала из шкафа большой пакет с рождественскими подарками и поставила его к голове Кеннета, сказав:

— Это для тебя.

Кеннет оглядел все эти маленькие коробочки в черной матовой обертке.

— Ну, спасибо, — сказал он озадаченно и мрачно. — А ты открыла те, что я подарил тебе?

— Это и есть те, что ты подарил мне, идиот. Отдай их твоей красотке.

Кеннет снова заглянул в пакет и сделал гримасу.

— Если ты меня прогонишь, то потом будешь скучать.

— Не могу дождаться, чтобы проверить это.

— Ты искала предлога, чтобы порвать со мной, да?

— А как в таком случае насчет Лоры Уилки? Это было маленьким испытанием, которому ты решил меня подвергнуть?

— Она была ошибкой, Мэгги, ошибкой!

— Верно. И гораздо большей, нежели ты рассчитывал. Знаешь, мне во всем этом не нравится мысль, что ты можешь считаться потерпевшей стороной, что с тобой поступили нечестно, без всякого на то основания. Ты трахал другую женщину под нашим кровом в сочельник, когда вокруг было полно наших друзей. Вот в чем дело. И вот почему ты сейчас быстро соберешь несколько костюмов, носки, трусы и поищешь себе другое место жительства. Я не боюсь ни тебя, ни твоих адвокатов. А сейчас я поднимусь наверх и отмою себя от тебя. К тому моменту, когда я закончу, я хочу, чтобы ты убрался. Или я снова обращаюсь в полицию. Я ясно выразилась?

— Змея.

— Будешь продолжать в том же духе — и потеряешь драгоценные минуты, которые я дала тебе на то, чтоб ты собрал вещи.

Она оставила его лежащим на ковре. В ванной комнате был телефон, а прочная дверь снабжена бронзовой задвижкой.

«Что еще он может сейчас сотворить? — гадала Мэгги. — Если он подожжет дом, то я выберусь через окно ванной на крышу крыльца и спасусь». Вот такое приходило ей в голову.

В конце концов большая кафельная ванна наполнилась, Мэгги слышала, как хлопали дверцы шкафов и сдавленно чертыхался Кеннет. Она только успела залезть в горячую, вместительную и гостеприимную ванну, когда он постучал в дверь.

— Я ухожу.

— Отлично.

— Не можешь обойтись без того, чтобы не съязвить в последний момент перед прощанием?

— Я хвалю тебя за хорошую работу.

— За что? За наше супружество?

— Нет. За то, что ты быстро собрал вещи.

— Так это твое «до свидания»?

— Хорошо. До свидания, Кеннет.

— Скажи мне только одну вещь. Ты трахалась с Руди Свиннингтоном в тот вечер или нет?

— Я уже беру телефонную трубку.

— Ответь мне!

— Еще немного, и я вызываю патрульную машину.

— Я еще не сказал последнего слова.

— Думаю, что так. Но с этого момента не приходи больше без предварительного звонка.

— Я любил тебя всем сердцем! — прокричал Кеннет.

Мэгги понимала, что такое было вряд ли возможно, но в глазах ее появились слезы, когда перед ней, как хвост воздушного змея в воображаемом синем небе, пролетели все годы ее жизни. Несколько минут спустя она услышала, как ожил и замурлыкал двигатель его великолепной машины и унес Кеннета навсегда в ее прошлое.

4 Семейный кошмар

Подавленная, Мэгги выплыла из ванной комнаты около полудня. Она надела черную водолазку из хлопка и темно-коричневый джемпер (но никакой косметики) и в трансе проследовала в коридор, чувствуя единственную потребность приготовить что-нибудь простое, но в огромном количестве. В голову пришло пюре из картофеля и репы, такое любимое в детстве, лежавшее на тарелке большим взбитым кругом с озерцами расплавленного золотого сливочного масла по всей поверхности. Она только спустилась с лестницы, как вновь послышался звук дверного звонка. Это был старомодный электрический звонок еще тридцатых годов, очень звонкий. Он нравился Мэгги, потому что был слышен даже в самых отдаленных комнатах этого дома, особенно во время шумных приемов. Но вблизи он рвал уши, вызывая у Мэгги такую реакцию, словно она засунула пальцы в розетку.

— Это ты опять! — прокричала она в дверь. Никакого ответа. На этот раз она поклялась себе, что даст Кеннету по яйцам, не задавая никаких вопросов. В качестве предосторожности она вынула зонтик из бронзовой стойки у двери. Это было солидное изделие фирмы «Суилби и Туттхэм», делавшей лучшие зонтики в мире, купленное в Лондоне за сто двадцать фунтов стерлингов, очень прочное, с никелированным серебряным наконечником. Такой зонтик мог произвести хорошее впечатление на мягкие ткани Кеннета в случае, если ему удастся заблокировать ее удар.

Мэгги распахнула дверь. На пороге стояла мать Кеннета, Джорджия. На ней был яркий-красный костюм от Шанель и шляпка в тон (украшенная зелеными веточками падуба), которые можно было бы назвать веселенькими, будь они надеты на той, которая не выглядела бы древней мексиканской мумией, выставленной на четвертом этаже в Музее естествознания.

— Счастливого Рождества, моя девочка! — проскрипела Джорджия, вскинув руки вверх, как хромая из группы поддержки на спортивном состязании. Ее визиты, около пяти в год, всегда начинались на этой ноте почти истеричного чувства родственной любви, которое

быстро переходило в придирки и критицизм. Вид свекрови заставил Мэгги выскочить из своего шокового кокона прямо на орбиту паники. Паника стала еще сильнее, когда она увидела свою собственную мать и черный «мерседес» отчима, въехавший в дальние ворота и зловеще катящийся по дорожке.

— Дождь собирается? — спросила Джорджия.

Мэгги мигнула, поставила зонтик назад в стойку и нагнулась, чтобы дотронуться губами до густо нарумяненной и напудренной щеки свекрови.

— У нас тут кое-какие проблемы, — сказала она.

— Какие проблемы?

— М-м, поговаривают о грабителе. Да, о грабителе.

— Грабители? — Джорджия произнесла это слово так, как будто в нем было семь слогов. — В мое время грабители грабили по ночам. Куда только катится мир?

— Хотела бы я знать.

За Джорджией нарисовалась мамочка Мэгги, Айрин, со своим мужем Чарли Моссом. Чарли Мосс был владельцем доходных домов в Нью-Йорке во втором поколении. Он извлекал свое богатство из сотен обветшалых строений на Манхэттене и в Бронксе так, как владельцы горных компаний извлекали уголь из недр Аппалачей. Айрин встретила Чарли Мосса спустя три года после того, как развелась с Фрэнком Хедьюком и переехала, забрав с собой Мэгги из Факторвилля, Пенсильвания, в мегаполис Нью-Йорк, где устроилась билетершей в Театр Мороско. Это была мечта всей ее жизни. Разговор с Чарли у них завязался во время антракта пьесы «Как преуспеть в бизнесе, ничего не делая», в тот момент, когда его первая жена вышла в туалет. «Как вам нравится пьеса, сэр?» — спросила Айрин, сверкая своей победной улыбкой и оценивая взглядом его хорошо сшитый костюм в крупную клетку и золотые запонки. «Это рассказ о моей жизни», — ответил Чарли с юмором, а в следующие две минуты Айрин дала ему номер своего телефона, рассказала о своем семейном положении и объяснила, почему она свободна. После всего этого Чарли некуда было деться. Через восемь месяцев, в октябре 1962 года Айрин (теперь уже вторая миссис Чарли Мосс) и Мэгги переехали из однокомнатной квартиры на Девяносто второй улице в доме, стоявшем в тени пивоварни Кникербокера (где все по соседству было пропитано запахом хмеля), в четырнадцатикомнатную двухэтажную квартиру на Сагтон-плейс. К этому времени Фрэнк Хедьюк уже докатился до алкоголизма, который вскоре убил его. Так что годам, проведенным в школе Брэрли и в Смит-колледже, Мэгги Хедьюк была обязана Чарли Моссу.

— Ну почему, Мэгги? — заметила Айрин, глядя на сутулые плечи Джорджии. — Что за унылый костюм для этого самого светлого дня в году? — В этом вопросе была вся Айрин.

— Это совсем особое Рождество, — почти рявкнула Мэгги в ответ.

В перерыве после набега Кеннета Мэгги совершенно запомнила, что родительская банда в полном составе должна была приехать и навестить их, как было заведено, в праздничный полдень. Кроме того что между двумя семейными флангами, как, впрочем, и между поколениями, существовала напряженность, способная испортить любое семейное сборище, была еще проблема: как сообщить всем новость о Кеннете. Паника, похожая на желатинообразные сгустки в лампе с лавой, затягивала ее мозг. Сознание Мэгги стало искать убежище в решении вопроса, чем ей накормить гостей.

Три престарелых родителя сидели вокруг большого кухонного стола и потягивали ромовый пунш, пока Мэгги с ловкостью профессионального повара готовила для них рождественский обед из всего, что было у нее под рукой. В центр стола на серебряной тарелке был положен великолепный паштет из телятины с фигами. По краю тарелки она положила ломтики дрожжевого хлеба. Пунш был приготовлен так, чтобы старики быстрее опьянели. Фокус заключался в том, что он был горячий и сладкий.

— А где мой взрослый сынок? — прокаркала Джорджия.

Мэгги пропустила вопрос мимо ушей и нырнула в холодильную камеру, откуда достала упаковку яиц, несколько красных перцев, две головки бостонского салата и одну — редиччио. Вернувшись на свое место на кухне, она схватила телефонную трубку и позвонила в садовый домик.

— Ты, ма? — спросил Хупер.

— Вы уже встали, дорогой?

— Более или менее.

— Твои бабушки приехали. И Чарли тоже. Я хочу, чтобы вы к нам присоединились. Pronto^[7], если можешь. Понял, что я имею в виду? Пока.

Мэгги подлила Джорджии пунша. А вскоре в духовке уже пеклись лепешки с чеддером, а на плите тушились красные перцы и картофель с луком. Чарли разглагольствовал о низших слоях общества, выдвигая хорошо отрепетированные тезисы, которые Мэгги уже слышала, возможно, шестьдесят три раза до этого. Чарли почти всегда говорил только об этом, и довольно громко. Это была одна из причин, почему она не приглашала Айрин и Чарли на свою ежегодную рождественскую феерию. Второй причиной была унижительная привычка Айрин спрашивать каждого о том, что сколько стоит: украшения, одежда, летние дома, обучение детей в колледже. Это доводило Мэгги до иступления. На ее счастье, у Чарли был женатый сын от первого брака, Дэнни, также владелец доходных домов, который каждый сочельник устраивал свой собственный прием, что было очень удобно. Слава богу, Чарли и Айрин выступали там в качестве звезд первой величины.

— Они словно обезьяны, — рассуждал Чарли об афроамериканцах, живших во многих квартирах, принадлежавших ему. — Они писают на лестницах, все ломают: свет, туалеты. Им все равно. Они здесь живут, понимаете, но им все равно. Кто-нибудь, скажите мне, пожалуйста, почему человек должен писать в коридоре? А мне-то какое дело до того, что вы не любите своего домовладельца или ненавидите белых вообще. Я там не живу. Конечно, я этим владею, но они не меня оскорбляют. Они оскорбляют самих себя. Они — как обезьяны. За три банана я мог бы снять у них любую их жалкую квартиру.

— Жалкую — это ключевое слово? Так, Чарли? — спросила Мэгги.

— Ох, какие мы раздражительные, — заметила Айрин.

— Извините меня, — сказал Чарли. — Доступное жилье. И оно тем больше доступное чем менее желаемо. Так устроен мир, и так он был устроен всегда.

— Я клянусь за все Элеонору Рузвельт! — воскликнула Джорджия и протянула свой матовый стакан для коктейлей Мэгги, попросив: — Дорогая, налей мне еще.

Какая-то суэта в прихожей предшествовала появлению Хупера и Элисон.

— Боже правый! Это опять грабитель! — воскликнула Джорджия.

— Какой грабитель? — спросила Айрин.

— Грабитель среди бела дня, — сказала Джорджия. — Вы когда-нибудь слышали о подобном?

— Никогда.

Чарли поднялся и встал в позу, похожую на ожидание вторжения врага. Но в двери, хихикая, появилась молодая пара, и Чарли на глазах расслабился. Бейсбольная кепка Хупера, самый популярный головной убор его поколения, была надета, козырьком назад, как бы для того, чтобы продемонстрировать забавный пластиковый ремешок. Золотое кольцо в носу Элисон ярко блестело в лучах полуденного солнца.

— А где папа?

— Я его кое-куда послала, — сказала Мэгги. — Все внимание! Это — Хезер, подруга Хупера.

— Элисон, — поправила девушка с дружелюбным смешком.

Мэгги подумала, не накурились ли они чего, но решила, что, по всей видимости, они выглядели так глупо из-за любовных утех. От этой парочки просто пахло сексом, сильно, по животному. Этот запах раздражал и пугал Мэгги, вызывая болезненные воспоминания о случае с Лорой Уилки. Ее руки дрожали, когда она разбивала яйца в стальную миску.

— Ты дашь нам что-нибудь выпить, мам?

— Конечно, — сказала Мэгги с тоской в голосе. — Наливайте сами. Вон там, на плите.

— Хезер, что вас заставило проколоть нос?

— Просто желание быть модной, — бесхитростно ответила девушка, не обращая внимания на то, что ее назвали не тем именем.

— А что, если мода изменится, дорогая?

— Я его просто выну, а дырка в конечном итоге зарастет.

— Но может остаться пятно. Пятно на твоем носу.

— Тогда она сделает пластическую операцию, бабушка, — сказал Хупер, отрезая себе кусок паштета толщиной в два пальца. — Они возьмут маленький лазер, и в секунду все будет в порядке.

— Но зачем обезобразивать себя с самого начала? — спросил Чарли.

— В мое время такие вещи можно было увидеть только в «Нэшнл джиографик», — сказала Джорджия.

— Пожалуй, даже цветные не творят такого с собой. Только белые детки. Когда-нибудь замечали? — сказал Чарли. — Что это с ними? Что такое с вами, Хезер?

— Чарли, остынь. Ее собственные родители пристают к ней так же, как и вы, — сказал Хупер. — И запомните все, она — Элисон, а не Хезер. Думаю, вы в силах запомнить? — Мэгги весьма понравилось, как сын дал отпор старикам.

— Молодой человек, ты когда-нибудь слышал про душ? — спросила Айрин.

— Конечно. А почему ты спрашиваешь?

— «Почему спрашиваешь», — передразнила его Айрин. — От тебя несет, как от спортивной сумки.

Хупер обменялся с Элисон взглядами и скорчил гримасу.

— Это упадническое поколение, — сказал Чарли. — Я думал, в шестидесятые годы было плохо, но сейчас я даже и не знаю, может быть, еще хуже. Вы видели эти, я и не знаю, как их назвать, группы на Эм-ти-ви? Рэперы? Они — как обезьяны. И белые детки хотят на них походить. Мне вот что интересно: почему обязательно носить кепку задом наперед или боком? Почему нельзя носить ее так, как положено, козырьком вперед?

— Просто так стильно, — сказал Хупер.

— Стильно-шмильно, — произнесла Айрин один из идишизмов Чарли. — По крайней мере, он мог бы снять ее в помещении!

Хупер снял кепку и повесил ее на крючок для кастрюль над столом.

— Ты счастлива, бабушка?

— Прекратите приставать друг к другу! — сказала Мэгги. — Элисон, будь умницей и помоги мне накрыть на стол. Найдешь все в кладовой.

— Хорошо.

— Где, черт возьми, мой сын? — спросила Джорджия.

— Правда, а где папа?

— Боже, здесь столько разных тарелок! — воскликнула Элисон. — Какие взять?

— «Хобнейл» с перламутровой полоской и бледно-голубые камчатные салфетки, — сказала Мэгги, принявшись готовить фриттату в огромном медном котле. — И возьми хорошее серебро. Хупер, походи покажи ей.

— Куда, к чертям, подевалась твоя прислуга, Мэгги? — прокаркала Джорджия.

— Господи помилуй, сегодня — Рождество, Джорджия, — ответила Мэгги, доставая противень с лепешками из духовки. — Они у себя дома со своими близкими.

— А куда, скажи на милость, ты все же послала моего сына? В Филадельфию?

Мэгги направила Элисон в столовую, где девушка принялась раскладывать тарелки и серебряные приборы так, как будто сдавала карты в покере. Она была совсем не уверена, что правильно кладет вилки по отношению к ножам и ложкам, поскольку выросла в семье, где каждый готовил себе сам в микроволновой печи, когда хотел есть, а потом ел, сидя у телевизора.

— Внимание, — сказала Мэгги. — Кушать подано.

Поданная Мэгги фриттата лежала на огромном сине-белом блюде кантонского фарфора. Она была порезана на порционные куски. За ней в серебряной проволочной корзинке последовали лепешки. Еще она поставила на стол зеленый салат, политый лимонным соком и ореховым маслом, и поднос с маринованным луком, выращенным в собственном огороде и вымоченным в уксусе из хереса своего же приготовления. Когда Мэгги увидела, как Элисон накрыла на стол, у нее внутри все оборвалось.

— Мы начнем без Кеннета? — спросила Айрин. Его пустой стул неожиданно оказался самым заметным местом за столом.

— Я думаю, что да, — тихо сказала Мэгги. — До его возвращения, наверно, еще очень долго.

Джорджия, которая, почти трясась от нетерпения, зашла в столовую, вдруг отбросила салфетку и сказала:

— Где он, черт возьми? За чем ты его послала? Такого никогда не бывало!

— Да, мам, что происходит?

— Ну, — начала Мэгги; к горлу ее подкатил комок величиной с небольшую сливу. — Я прогнала его.

— Мы это уже слышали! — закаркала Джорджия. — Я хочу знать, куда и зачем!

— Он провинился, и я попросила его уйти.

— Ты сказала «провинился»?

— Очень провинился, — ответила Мэгги.

— И ты попросила его уйти?

— Я сказала ему, чтобы он собрал свои вещи и уходил.

Элисон, услышав это, зарыдала.

— Ты выгнала моего мальчика?

— Да. — Мэгги элегантным движением взяла вилкой кусочек картофеля и отправила его в рот. Все присутствующие положили свои вилки.

— Ты уже звонила адвокату? — прозаично спросила Айрин. Затем, повысив голос на октаву: — Чарли, звони Бобу Марковицу! Сейчас же. — Это был их адвокат.

— Я не собираюсь звонить Бобу в Рождество, — ответил Чарли.

— Он — еврей. Какое ему дело до Рождества?

— Я тоже еврей, и Рождество мне не безразлично.

— Ладно, хорошо. Тогда я ему позвоню.

— Послушай, мама...

— Это чрезвычайная ситуация, — сказала Айрин.

— Ну, не такая уж она чрезвычайная, — сказал Чарли. — И Боб Марковиц тебе не какой-нибудь сантехник. Сядь и успокойся.

— Это так грустно. Мне так жаль, извините меня, — всхлипывая, сказала Элисон и со слезами выбежала из комнаты.

Хупер приподнялся со стула, но не последовал за ней.

— Как все это странно, — пробормотал он.

— Он тебя ударил? — спросила Айрин так, будто была частным детективом.

— На самом деле я ударила его, — сказала Мэгги.

— Ты ударила моего сына! — закричала Джорджия. — Ах ты мерзавка!

— Что он тебе сделал, мам?

— Лучше тебе не знать.

— Ты ударила моего сына и имела наглость выгнать его из его же собственного дома! Где телефон? Дайте мне телефон.

— Не давай ей телефон, Мэгги, — сказала Айрин. — Она позвонит адвокату. Она позвонит целому эскадрону адвокатов, да еще и судье впридачу.

— Я собираюсь позвонить шоферу, ты, бродяжка.

— Телефон прямо за углом в библиотеке, — сказала Мэгги, расщепляя лепешки.

Джорджии никак не удавалось встать со своего стула.

— Ну помогите же мне, черт возьми!

— Конечно, бабушка, — сказал Хупер и помог ей выйти из комнаты.

— Вот подождите еще, — сказала Айрин. — Она позвонит в ФБР. Они все повязаны, эти приятели из Коннектикута. Все друг друга знают, до самого верха.

— Мама! Ну пожалуйста.

— Как ты можешь сидеть здесь и есть?

— Я — голодна. И жизнь продолжается.

— Вот это заявление, — сказал Чарли, оглядев комнату по периметру, а затем начал рассматривать картины на стенах так, будто описывал совместное имущество Мэгги и Кеннета. — Здорово сказано! Шиш вам.

— Я дозвонилась в пейджерную службу, Умберто придет и заберет меня через пять минут, — заявила Джорджия. — Как ты могла заманить меня на этот... обед! После всего того, что ты сделала!

— Кеннет сам это сделал, Джорджия. И знаете, он мог бы позвонить вам и попросить

не приезжать сегодня. Такой уж заботливый у вас сын.

— Ты могла бы позвонить нам! — вставила свое слово Айрин. — За этим мы ехали в такую даль из самого города? Ты могла бы тоже пощадить наши чувства.

— Я просто закрутилась и забыла, — призналась Мэгги. Она положила лепешку, у нее совершенно исчез аппетит.

— И не думай, что тебе удастся выжать деньги из моего мальчика, — сказала Джорджия.

— Она не только выжмет, старая ты крыса, но и вычистит его в сухой химчистке, — отпарировала Айрин, а потом, обратившись к Мэгги: — А в чем все-таки дело, солнышко? Измена? Он завел себе малышку?

— Сама ты малышка! — закричала Джорджия на Айрин. — А ты, — повернулась она к Мэгги, — не больше чем выскочка-посудомойка. — Снаружи послышался автомобильный сигнал. — Хупер! Помоги мне дойти до машины.

— Конечно, бабушка.

Когда она вышла, Айрин спросила:

— Ну, что ты нам на это скажешь?

Мэгги вздохнула и почти беззвучно ответила:

— Он сделал это здесь, под нашей крышей.

— С девушкой?

— Конечно, с девушкой, — сказала Мэгги. — Кеннет не гомосексуалист.

— В наши дни не разберешь, — ответила ей мать.

— О, ради бога, Айрин, Кен правильный, как доберман-пинчер, — сказал Чарли. Он был единственным, кто называл Кеннета Кеном.

— Почему ты его защищаешь?

— Я его не защищаю.

— Конечно защищаешь.

— Послушай, какой смысл мазать друг друга грязью, — сказал Чарли. — Если сказать, что он гомик...

— Не будь таким наивным, — сказала Айрин, ее глаза сузились, как бойницы в броневике. — Пока это дело не закончится, здесь еще будет столько грязи!

— Хочешь верь, хочешь нет, но я действительно не хочу сейчас говорить об этом, — сказала Мэгги, возя по тарелке остатки фриттаты.

— Но мы всего лишь хотим помочь, — сказала Айрин.

— Я не сомневаюсь, мама. Хотя и не возражала бы, чтобы побыть сейчас одной.

— Как тебе угодно, — холодно сказала Айрин. — Чарли, пойдём.

Чарли прихватил пару лепешек на обратную дорогу. Айрин удалилась в облаке гнева, смешанном с духами «Шанель номер пять», и не попрощавшись. Чарли по-отцовски поцеловал Мэгги и прошептал ей в ухо:

— Если тебе что-нибудь понадобится, *что-нибудь*, позвони мне в офис.

Затем они ушли, а Мэгги осталась одна с Хупером.

ресторанную посудомоечную машину, поэтому они стали мыть ее руками. Хупер вытирал. Конечно, он поинтересовался тем, что происходило между отцом и матерью, и Мэгги рассказала ему отредактированную и подчищенную версию происшествия с Лорой Уилки. Хупер задумчиво впитал ее и после неловкой паузы сказал:

— Может быть, когда-нибудь ты сможешь простить его.

— Может быть, — ответила Мэгги без убежденности. Сегодня ей было уже не выдержать не только еще одной ссоры, но даже и разницы во мнениях.

— Так или иначе, я буду рядом какое-то время, — сказал Хупер.

— Будешь рядом?

— Я решил сделать перерыв в учебе.

— Перерыв? Ты бросишь учиться?

— Я пропущу семестр. У меня есть знакомый, который выпустился передо мной. Он получил место для практического обучения при Эм-ти-ви. Он говорит, что и для меня там что-нибудь найдется.

— Ты будешь жить в городе?

— Я думаю, мы могли бы ездить и отсюда. Послушай, в этой обстановке, возможно, для тебя было бы неплохо, чтобы мы были рядом.

— Мы?

— Да. Элисон и я.

— И она бросает учебу?

— Мы как единое целое, мам.

— А чем она собирается заниматься?

— У нее есть друг, который работает у Кельвина Кляйна. Нам нужно хоть сколько-нибудь реального опыта в реальном мире, мам. Это не так уж плохо. — Он положил свою большую влажную руку ей на плечо и ласково взял ее за подбородок большим и указательным пальцами, заставив ее взглянуть на себя. — Не беспокойся, — добавил он. — Мы не будем тебе мешать.

— Она даже не знает, как накрыть на стол, — сказала Мэгги и заплакала.

— Она научится, мама. Ты научишь ее. — Хупер позволил матери в голос порыдаться на его плече. — Я лучше пойду и поищу Элисон, — в конце концов сказал он. — У нее в семье так все запутанно. Она представляла нашу как абсолютно совершенную ячейку американского общества, так, как это описано в твоих книгах. Я думаю, все это немного выбило почву у нее из-под ног, в психологическом смысле.

— Скажи ей, что я ей рада и что прошу прощения за всю эту... неприятную ситуацию, — сказала Мэгги. — Ты не возражаешь, если мы отложим подарки до завтра?

— Не-а. Спокойной ночи.

— Спасибо, я попытаюсь уснуть. Хорошо, что ты приехал, Хупер. Я рада, что ты останешься здесь на какое-то время.

Он решительно бросил кухонное полотенце на разделочный стол, чмокнул мать в щеку и вышел.

Мэгги собралась сделать так, чтобы день после Рождества был настолько спокойным, насколько возможно. Спокойствие, решила она, будет ее убежищем от безжалостных жизненных бурь. Поэтому она составила список дел и прикрепила его на дверцу холодильника, после чего удалилась в спальню.

В спальне ей стало нехорошо. Кеннет оставил дверцы шкафов открытыми и повсюду

разбросал всякий мусор. Мэгги начала все собирать: коробочка из слоновой кости, полная запонок и косточек для воротников рубашек, его пояс для смокинга, несколько книжек в мягкой обложке, аэрозоль от насморка, дорожный будильник, солнечные очки. Затем сложила все это в пару коробок от обуви. Ей казалось, что она собирает пожитки умершего человека. После всего этого она передвинула мебель в комнате так, чтобы ничто не напоминало того места, где она и *этот человек* предавались любви на протяжении многих лет. Но это не принесло облегчения. Комната была наполнена чем-то наподобие психологического зловония, которое способны были искоренить только два слоя свежей краски и полный ремонт. Поэтому, забрав свои книги («Мэнсфилд-парк» Джейн Остин, «Кухню Анд» Менендеса и Веги и последнюю биография Виты Сэквилль-Уэст), она отправилась в северную гостевую комнату, как она ее называла, которая была оформлена в фирменном приключенческом стиле компании «Тимберленд», с полосатыми одеялами компании «Гудзон Бэй» на двуспальной кровати, плетеной корзинкой для рыбы, как бы случайно свисавшей с двустворчатого шкафа из березы, снегоступами, стоявшими в углу, чучелом щуки, улыбавшимся со стены, и другими атрибутами северных лесов.

В кровати наконец вся боль и дрожь дня начали отпускатся, и она окунулась в экзотический мир андских рецептов: синий картофель в арахисовом соусе, филе ламы с конголезским горохом, салат из кактусовых листьев и цветы тыквы...

7 Почти сестры

Около полуночи зазвонил телефон. Мэгги считала, что люди, звонящие по телефону после десяти вечера, относятся к низшей форме жизни, но она была не такой человек, чтобы спокойно лежать, не обращая на телефон внимания, даже если звонит тот негодяй, с которым она до последнего времени делила ложе.

— Вы знаете, который сейчас час? — рявкнула она в трубку, которая была ловко вставлена в небольшую выемку в березовом бревне.

— Мэгги, не беспокойся. Это я — Линди.

Это была Линди Хэйган, в девичестве Линди Кац, соседка Мэгги по комнате в Смит-колледже. Линди вышла замуж за Бадди Хэйгана, очень известного продюсера («Презируемая», «Дредноут», «Доброе и беспокойное сердце», «Второй шанс») и жила в Лос-Анджелесе. Линди и Мэгги не болтали, наверно, уже год. Когда-то они были близки как сестры. В действительности даже более близки, поскольку между ними не было ревности, существующей между братьями и сестрами. У Линди был хриплый артистический голос, хотя она и не работала по профессии с восьмидесятых годов.

— Мне нужно отсюда уехать, — сказала она без всякого предисловия. Привычное для Линди балансирование на краю маниакальности — качество, придававшее ей неповторимое очарование, — сейчас было похоже на абсолютную панику. — Я ненавижу в Лос-Анджелесе всех и каждого, понимаешь, и не выдержу здесь даже одного дня. Даже секунды.

— Что с тобой происходит?

— На прошлой неделе я обнаружила, что Бадди — голубой, ничего себе...

Мэгги села и вздохнула.

— Бадди Хэйган — голубой?

В ее голове последовательно пронесли кадры: Бадди Хэйган смазывает доску для

серфинга на пляже в Ист-Хэмптоне в 1983 году (в то лето они с Кеннетом жили на старой мельнице на Рам-роуд), а все женщины из средств массовой информации, богемные тусовщицы и девушки из массовок, мечтающие стать звездами, толпятся вокруг, чтобы хоть раз взглянуть на него; Бадди в смокинге на торжественном вручении призов Академии киноискусства с лицом таким же блестящим, как золото статуэтки, с триумфом поднимающим своего «Оскара» за лучшую картину; Бадди, отдыхающий под липой на площади Дофина в Париже однажды на Пасху в девяностых, когда они вчетвером слетали туда на «Конкорде» шутки ради. Вот уж никогда не подумала бы...

— Ты застала его за этим?

— Ты шутишь? Я скрывалась бы сейчас в Парагвае от ареста по обвинению в убийстве. Нет, нет, нет, нет, нет. Он просто объявил об этом, вот и все. Представь, мы — в «Багателле» на Мелроуз. Маленькие розовые столики. Свежие маки. Геффен, Катценберг, Вуппи Голдберг, Джордж Клуни. Джулия Робертс, Патти Хатэвей. Как будто весь журнал «Энтертейнмент тунайт» собрался вместе. И это было очень дальновидно со стороны Бадди, поскольку он понимал, что я не устрою никакого скандала перед такой толпой, понимаешь? Он начал так: «Я хочу с тобой кое-чем поделиться». Как тебе это нравится? Поделиться со мной? Ха! Ты можешь себе представить это в крупном кадре? Морщинистое лицо, глаза в щелку, как у Клинта Иствуда, одет по-спортивному от Ральфа Лорена. Тебе ясно? Ну, я ему и говорю: «Делись, дружок», хотя понимаю, что это звучит немного нахально, но я ведь не сторонница этого дерьма из «Нью-Эйдж»^[8], типа «нужно бережно относиться к хрупким вещам» или «пилюлю надо подсластить», я его чую носом за двадцать верст. Только вот я-то, дурочка, думала, что он потерял очередные двадцать миллионов или что-то еще в этом роде на какой-нибудь глупой сделке, которую крутят уже по третьему разу. А он мне и говорит: «Мне открылись такие мои качества, которые лежали, закопанные во мне, годами». И это уже похоже на диалог из его идиотских фильмов, улавливаешь? Я говорю: «А по-английски нельзя?» А он мне: «Я — бисексуал». У меня и челюсть под стол упала. Ты понимаешь? И я ему: «Мне тебя поздравить с новым достижением в жизни?», а он: «Нет. Я хотел, чтобы ты знала, поскольку кое-кто начал меня шантажировать, и лучше я сам расскажу тебе, чем ты услышишь это в новостях по телевизору». Скажи мне, Мэгги, что происходит с мужиками и их членами? Почему им хочется совать их в каждую дырку?..

— А ты-то что ему сказала? — спросила Мэгги, чтобы уйти от ответа на вопрос мирового значения.

— Ну, а я ему: «И как долго все это продолжается?», а сама думаю: «Выткнуть бы тебе глаза этой чайной ложкой». А он: «Уже какое-то время». А я: «Этот шантажист, он — единственный»? А он: «Нет, были и другие». Ну, а я говорю: «Уйдем отсюда, а то меня вырвет прямо в это клафути из хурмы». Минут, наверно, через девять мы едем по Малхолланд и я спрашиваю: «Ты будешь сдавать анализ на СПИД?», а он: «Не дури». И я думаю, что не будь он за рулем, то я воткнула бы ему пилку для ногтей в ствол мозга, понимаешь? Просто облегчила бы его страдания прямо на месте. Пришлось на следующий день идти на прием к доктору Юджину Брилли и проверяться на СПИД. Это было десять дней назад. Результаты будут завтра. — Тут Линди разрыдалась.

Мэгги пыталась успокоить ее, вставляя между всхлипываниями фразы типа «бедная девочка», «бедная Линди», «так-так». Ей хотелось бы покачать Линди на руках, и она чувствовала, что все, что бы она ни говорила, было не то.

— Я думала, что смогу это выдержать, но не смогла, — всхлипывала Линди.

— Садись на первый же самолет завтра утром, — сказала Мэгги так, как будто давала указание Нине по поводу продуктовых заготовок. — А я встречу тебя в аэропорту Кеннеди.

— Ой, я так ждала, что ты скажешь это, Мэгги, дорогая моя!

— А где сейчас Бадди?

— А я откуда знаю? В отеле «Сансет Марки» играет в «поцелуй мою ящерку» с лакеем с парковки. Я вышвырнула его из дома тем же вечером, когда услышала от него эту новость. — Линди снова зарыдала.

— Не беспокойся, все будет в порядке, — сказала Мэгги.

— Если только у меня нет СПИДа! — закричала Линди. — Я вся покроюсь язвами понимаешь, а мозг превратится в картофельный кугель, и я оглохну, ослепну, и грибы вырастут из моей...

— Линди! Линди! Линди! Дорогая! Ты будешь здесь с теми, кто любит тебя. Это единственное, что имеет значение. Сколько сейчас времени в Лос-Анджелесе? Девять часов? Начинай скоренько собираться. А то потом устанешь. Возьми больше вещей, чтобы погостить подольше. Не забудь, здесь — зима. Позвони, когда узнаешь время прилета.

— Мэгги, ты такая... ты такая замечательная подруга, — сказала Линди, уже хлюпая носом.

— До чего весело, — сказала Мэгги, — я ведь всегда думала так о тебе.

— А я ничего не спросила про твою жизнь. Я — такая эгоистичная засранка.

— Послушай, но ведь это ты — в трудном положении. Тебе и внимание. Так всегда было. Собирай вещи. Выпей водки и поспи. Наговоримся завтра.

Она положила трубку на место и почувствовала, что ее знобит. Забравшись в застеленную свежими простынями кровать и накрывшись шерстяным одеялом, она думала: «Нас так же легко успокоить, как и маленьких детей, пробудившихся от страшного сна. Просто рядом должны быть мамочка или папочка, неодолимые, всеведущие и вечные». С острой болью, похожей на удар в живот, она вспомнила, как впервые поняла, что смертна. Это было во время той самой детской болезни, когда она, просыпаясь, видела солнечный свет на потолке.

— Папочка, а ты умрешь когда-нибудь? — спросила она, однажды очнувшись из беспомыслия.

— Ну, до этого еще очень-очень далеко. Отсюда и не увидеть.

— А мамочка тоже?

— Ну, может, через тысячу лет.

— А я?

— Нет, сладенькая моя. Боженька сделал тебя особой.

— Значит, я не попаду в рай?

— Ну, знаешь, ведь рай — здесь. И ты уже в нем. Это — самый большой секрет. Этот мир, как и все, что в нем, был сотворен для тебя. Ничто не может навредить тебе здесь.

— Но я так больна, папочка.

— Просто Бог хочет быть уверен, что ты будешь лучше ценить все вокруг, когда поправишься. Теперь постарайся заснуть.

Фрэнк выключил лампу, подставку для которой, раскрашенную карусельную лошадь, он вырезал сам. Мэгги помнила, как ей стало грустно одной в темноте, поскольку она поняла, что в ней не было ничего особенного. И она, восьмилетняя девочка, поняла тогда, что значит темнота в действительности.

1 В логове распутника

Офисы издательства «Трайс энд Уанкер» занимали бывший особняк Вандерхорна, выразительное здание из красного песчаника в стиле Ричардсона на углу Сорок седьмой улицы и Мэдисон-авеню. Кабинет Гарольда Хэмиша, редактора Мэгги Дарлинг, находился на третьем этаже в угловом офисе, когда-то служившем спальней Горацию Вандерхорну (1832–1911), плутократу, построившему империю на мошенничестве. Это была большая элегантная комната, обшитая деревянными панелями, украденными из кардинальского дворца в Брюгге. Господин Хэмиш сидел в этой комнате за тем же столом, за которым старый Гораций планировал манипуляции с акциями железной дороги Олбани — Саскуэханна, которые должны были привести к обвалу цены на золото, что в 1869 году вызвало панику, а позже, в 1880 году, обеспечило пост вице-президента США его приятелю Честеру А. Артуру.

Все это темное дерево вокруг придавало комнате оттенок мужской основательности, а сам Хэмиш казался здесь неотъемлемой ее деталью. Этим утром на нем был один из его неизменных кашемировых свитеров темно-серого цвета с высоким воротом, поверх которого был надет твидовый пиджак «в елочку», темно-коричневые молескиновые брюки и сапоги для верховой езды из дубленой кожи. Он часто приходил в офис в сапогах прямо после своей утренней прогулки верхом в Центральном парке, поэтому в комнате стоял едва уловимый запах конского пота. Хэмишу был шестьдесят один год, и он зачесывал свои редущие каштановые волосы с проседью назад. Ему не нравилась манера зачесывать лысину сбоку, которая была свойственна его ровесникам. Очень густые усы, которые он называл «модифицированный Ницше», украшали его без того тонкую верхнюю губу, их концы заворачивались вверх подобно клыкам, придавая ему хищный вид, что не противоречило репутации, приобретенной им в издательском бизнесе. Про Хэмиша говорили, что он ест писателей на завтрак, критиков — на обед, а зубы чистит поэтами, но, как и всякий фольклор, это было слишком большим преувеличением. Он только пережевывал (и выплевывал) авторов, которые его подвели либо малым объемом продаж, либо отсутствием усердия в своей профессии, либо нелюбезными качествами, такими как алкоголизм например. Критики, как он часто выражался, попали на Землю, чтобы их топтали, как насекомых. Поэтов («Давайте будем честными», — говаривал он), по его мнению, следовало жалеть за склонность к профессии, не несущей никакого материального вознаграждения, хотя некоторых из них он публиковал в качестве подачи университетским профессорам.

В Мэгги Дарлинг, наоборот, Хэмиш нашел все, что искал: устойчивую производительность и постоянные залежи материала, взгляды, за которые женщины среднего возраста (т. е. большинство покупателей книг) отдали бы свою душу, и сверхъестественное чутье на то, как продвигать книгу на рынке. Ему также нравилась ее устоявшаяся семейная жизнь; он любил цитировать Флобера по этому вопросу: «Если хочешь быть безумным в том, что ты пишешь, будь нормальным в своих привычках». Вот почему ошеломляющее объявление, сделанное Мэгги по поводу надвигающегося развода,

потрясло его сильнее удара по корпусу.

Сидя рядом с его письменным столом в винно-красном кожаном клубном кресле, Мэгги, одетая в похожий на военно-морской китель жакет от Ральфа Лорена и длинную темно-синюю юбку в тон жакету, описала основные подробности инцидента с Лорой Уилки, произошедшего во время рождественской феерии. Она рассказала и о том, как выгнала Кеннета, опустив в своем рассказе лишь ту часть, в которой Кеннет возвращается рождественским утром, и то, что последовало за этим. Она все еще была смущена этим и стыдилась того, что произошло. Хэмиш слушал очень внимательно, положив ноги в сапогах на стол, фактически на рукопись последнего романа лауреата Нобелевской премии Диего Сангея, и смотря в докторской манере поверх своих очков-половинок в оправе из черепашьего панциря.

Ему всегда хотелось симпатизировать Кеннету, хотя это не всегда удавалось. Хэмиш, склонный к размышлениям, полагал, что причиной этому, вероятно, была ревность. Ему нравился его вкус в одежде, его способность зарабатывать большие суммы денег. Было очень нелегко понять, что на уме у этого парня. Кеннет, как и Хэмиш, занимался спортом, но Хэмишу нравился спорт с «кровопролитием», тот, где присутствовали ружья, удочки и животные, а Кеннет предпочитал занятия, требовавшие сложного дорогого оборудования, например парусный спорт. Как-то раз, после выхода в свет второй книги Мэгги («Званные обеды по любому поводу») Хэмиш взял с собой Кеннета на ловлю форели в горы Катскилл. Оказалось, что тот совсем не владеет спиннингом. Они оживленно, но несколько искусственно поболтали по дороге туда. В основном разговор шел о женщинах. Но Кеннет искусно избегал упоминания каких-либо интимных подробностей его жизни с Мэгги. Это разочаровало Хэмиша. У самого Хэмиша было в запасе множество пикантных подробностей о его бывших женах, писательницах, лесбиянках-знаменитостях, аппетитных редакторских помощницах и избранных деятельницах сцены. При подъезде к мосту Таппан-Зее Кеннет умолк, а Хэмиш продолжал нервно болтать, что впоследствии, когда он вспоминал об этом, приводило его в смущение. Он не мог понять, действительно ли Кеннет был молчалив по природе или здесь имела место простая тупость. В результате всего они не стали близкими приятелями.

Но, несмотря на то что новость, услышанная им от Мэгги, слегка подбодрила его еще почти неощутимым намеком на появившуюся для него лично возможность, Хэмиш этим светлым зимним утром почувствовал жалость к Кеннету Дарлингу. По его мнению, Кеннет разрушил замечательные отношения с самой желанной женщиной Америки.

— Мужчины — это бабуины, — серьезно заявил Хэмиш, пока Мэгги копалась в сумочке в поисках салфетки. — Мы воображаем, что жизнь измеряется моральными параметрами, и начинаем стонать, когда кто-нибудь сомневается в нашей мнимой честности, но вот появляется первая попавшаяся кошечка, и мы начинаем резвиться вслед за нашими наполненными кровью органами. Извини за двусмысленную метафору. — Этим утром Хэмиш говорил почти как Орсон Уэллс^[9] в средний период своего творчества. — Когда речь заходит о женщинах, то у меня здесь всего лишь одно правило, — добавил он, — нельзя позволять маленькой головке думать за большую голову.

Мэгги грустно усмехнулась сквозь слезы.

— Ты такой лгун, — сказала она. — Почему даже еще до того, как ты покинул Клариссу, ты поочередно встречался с... — Мэгги назвала имя молодой писательницы, первый роман которой наделал так много шума, — и... — она нараспев произнесла имя

сексуально ненасытной, немного чокнутой киноартистки, выступавшей тогда в Нью-Йорке в каком-то из бродвейских спектаклей. — А также... — она напомнила имя симпатичной, но грубой на язык артистки так называемого перформанса, впоследствии написавшей под опекой Хэмиша воспоминания о нью-йоркской художественной сцене 1990-х годов.

— Я не вспоминал об этой кокетке уже вечность, — отпарировал Хэмиш, театрально мигая. Казалось, что он воспринял это перечисление как признание его мужских достоинств. — О боже! Ну кошмар!

— О чем ты?

— По сути, обо всей этой ужасающей кавалькаде. Как ты можешь помнить всех этих шлюшек в то время, как я едва помню то, что ел на завтрак?

— Но ты никогда не завтракаешь.

— Наверное, стоит начать. Может быть, память улучшится. Если бы Кларисса умела готовить, как ты, то все могло бы пойти по... ну, хорошо. Ведь могут же быть между нами небольшие секреты, да, Мэгги?

— Я тебе благодарна за то, что ты всегда на месте, когда мне нужна твоя помощь.

— Я сделаю все, чтобы ты чувствовала себя хорошо.

— Пригласи меня пообедать в «Four Seasons».

— Договорились.

Они вышли и прошли пешком пять кварталов по Мэдисон-авеню. Серое небо с бархатными облаками придавало оживленной улице интимность комнатки с низким потолком. Мэгги замерила, что многие прохожие таращили на нее глаза, безусловно узнавая ее по фотографиям на обложках книг и видеокассетам. Одна юная особа, абсолютно незнакомая Мэгги, в пальто из верблюжьей шерсти, с жемчугом в ушах и копной блестящих рыжих волос, фактически взяла ее за руку, сказав при этом:

— Привет, Мэгги. Мне так нравится ваша утка в бальзамическом уксусе. Я теперь всегда готовлю ее для гостей как основное блюдо.

Мэгги была немного удивлена вниманием, которое она привлекала к себе, но еще больше ее поразило то, насколько это поднимало ей настроение. Мысль о том, что слава приносит положительные эмоции, всегда казалась ей немного неприличной. Но непосредственная доброжелательность этой незнакомки, хотя бы всего на время, скрасила ее жизнь. Хэмиш, шедший рядом с ней, сиял так, будто он вел на поводке самую выдающуюся победительницу собачьей выставки.

2

Происшествие в гриль-зале

В ресторане они сели за столик на возвышении в гриль-зале. Здесь в каждом углу были знакомые лица, улыбающиеся или хмуро смотрящие: два бывших члена правительства (госсекретарь и министр торговли), киноактер, известный своей неуязвимой внешностью и небольшим ростом, его влиятельный агент, президент общенациональной телевизионной компании, плебей, унаследовавший итальянскую автомобильную империю, премьер-министр Дании, заместитель мэра и такое количество исполнительных директоров компаний, что хватило бы на целый номер журнала «Форчун», не говоря уж о еще нескольких представителях книжного бизнеса одного ранга с Хэмишем, встречавшихся здесь со своими популярными авторами. Элегантная геометрия зала и уютный свет действовали на

Мэгги как успокоительное средство. Она заказала себе креветки-гриль на кукурузных хлебцах в имбирно-кориандровом соусе и салат из мелко нарезанных (как для жульена) корнеплодов, а Хэмиш — большую порцию рагу из оленины с полентой, приправленной травами.

— Мне хочется рассказать про свою последнюю книгу, — сказала Мэгги, когда официант принес им напитки: ей — бледно-желтую мадеру, а ему неразбавленное односолодовое шотландское виски.

— Ты меня просто удивляешь. В подобных обстоятельствах — такое усердие, — сказал Хэмиш.

— Ты знаешь, на мне большое хозяйство, а Кеннет напустит своих гнусных адвокатов, которые станут дергать за каждую ниточку в суде высшей инстанции, чтобы подольше потянуть даже с временным договором о разделе имущества. Кроме того, мне нужно доказать, что я могу обойтись в жизни без него и его грязных барышей. Отсюда следующий пункт: Джойс намерена просить весьма значительный аванс.

— Хочу сказать, что парни, считающие деньги в «Трайс энд Уанкер», понимают, что ты значишь для фирмы сейчас и что будешь значить в будущем, — ответил Хэмиш, моргнув. — Какова идея книги?

Мэгги разгладила льняную салфетку.

— Домоводство.

Хэмиш откинулся на спинку стула, задумчиво посмотрел на люстру вдали, затем перевел взгляд на Мэгги, глотнул виски и спросил:

— Домоводство?

— Совершенно верно.

— То есть о том, как делать уборку в доме?

— Делать уборку, клеить обои, ремонтировать, да.

Хэмиш поерзал на месте, несколько раз посмотрел на потолок и произнес:

— Великолепно. — Перед его глазами мгновенно пробежала череда фотографий: Мэгги на носочках с метелкой из перьев для смахивания пыли, Мэгги прикладывает кусок обоев к стене. Мэгги в дезабилье, на четвереньках, трет сосновые паркетины проволочной щеткой, глубокая расселина между ее большими веснушчатыми грудями открыта объективу камеры... Он допил все, что оставалось в стакане, одним глотком и шумно втянул воздух сквозь зубы.

— Кларисса совсем ничего не понимала в домашнем хозяйстве, — заметил он. — Не могла заправить постель даже под угрозой смерти. Не могла отличить пылесос от фена для волос.

Мэгги всегда хотелось узнать, почему их никогда не приглашали домой к Хэмишам во времена Клариссы. Конечно, они ужинали вместе вчетвером, но всегда в ресторанах.

— Хупер, мой сын, нашел себе девушку, которая совсем не умеет накрыть на стол. И это удивительно. Я думаю, что многие современные женщины абсолютно не владеют даже основами. Даже те из них, которые что-то соображают...

— Мадам, — обратился к ней официант, принеся бутылку шампанского «Перие-Жуэ», два высоких узких бокала и ведерко со льдом. — От джентльмена, сидящего за вашей спиной. — Мэгги повернулась на сто восемьдесят градусов и увидела Фредерика Сводна, сидящего за столом менее чем в десяти метрах от них. Худое честное улыбающееся лицо певца было окружено нимбом золотых ренессансных волос. Он сидел с Эрлом Вайсом,

главой «Одеон Рекорде», венгерским режиссером Францем Теслой («Последний поезд в Грац», «Эта хрупкая планета») и двумя молодыми женщинами, судя по поведению, актрисами.

Когда Мэгги встретила с ним взглядом, Свонн сделал небольшой жест, будто писал что-то в воздухе.

— Гм. Мадам? — сказал официант, вручая ей сложенную записку:

Моя дорогая мисс Дарлинг!

Никогда я еще так хорошо не встречал Рождество, как на праздничном балу в Вашем прекрасном загородном доме. Вы — богиня. Последующие несколько месяцев я буду записываться здесь в Нью-Йорке. Не могли бы мы встретиться вдвоем, чтобы я смог полюбоваться Вами, в свободное для Вас время? Я остановился в «Роялтоне» под именем сэра Хамфри Дэйви.

Ваш покорный слуга

Свонн

Прочтя записку, Мэгги заметно побледнела, затем ощутимо покраснела, снова повернулась на своем месте, улыбнулась Свонну и беззвучно губами произнесла:

— Спасибо.

В ответ Свонн улыбнулся по-мальчишечьи.

— В чем дело? — поинтересовался Хэмиш.

— Ему понравилось у меня в сочельник.

— Дай посмотреть записку.

— Нет, — хихикнула Мэгги, убирая записку в жакет.

— Это любовная записка, да?

— Вовсе и нет. Это выражение благодарности.

— Не секретничай, Мэгги, — сказал Хэмиш. Хотя он весьма шутливо погрозил ей пальцем, было очевидно, что он не был рад происшедшему.

— Возвращаясь к домоводству...

— Не дури с этим молодым человеком. Ты ему в матери годишься.

— До чего же приятно слышать то, что ты говоришь.

— Мне не хочется, чтобы тебя обидели.

— Ты ревнуешь!

— Еще бы не ревновать, — сказал Хэмиш, доливая себе шампанского. — У него больше волос, чем у меня. И этот сукин сын будет все еще прыгать вокруг и через тридцать лет, когда из моих костей уже прорастут ромашки. Какого черта!

У входа в ресторан рядом с местом метрдотеля возник какой-то шум, раздались голоса, которые никак не вязались с этой спокойной обстановкой. Гул разговоров за столами утих. Разбилось стекло. Все головы повернулись в сторону четырех человек, ворвавшихся в помещение в лыжных масках, с пистолетами-пулеметами в руках. Четверо начали располагаться по всему большому залу через равные интервалы. Они двигались с военной точностью. Когда все встали по местам, тот, кто был в середине, поднял оружие над головой.

— Эй! Пожалуйста, все — внимание, — сказал он.

Как только он произнес это, у всех посетителей ресторана, конечно же, вырвалось удивленное восклицание.

— Всем молчать! Конечно, это — ограбление. Слушайте внимательно. Мужчины, сложите, пожалуйста, свои бумажники и часы на стол. Если ваши часы — пластиковые «касио», то можете оставить это дерьмо себе. Дамы, положите сумочки и драгоценности на стол. Других инструкций не будет. Делайте, как вам сказано, и никто не пострадает.

Трое грабителей вынули нейлоновые мешки из своих защитного цвета спортивных костюмов и пошли от одного стола к другому, собирая добычу. Мэгги осторожно вынула из ушей серьги из горного хрусталя, хотя они стоили менее пятидесяти долларов. Сейчас вряд ли кто отважится носить настоящие драгоценности на улицах Нью-Йорка. Она возилась в своей сумочке, когда один из грабителей подошел к их столу.

— Отдайте это, леди, — сказал он, сгребая бумажник и «ролекс» Хэмиша в мешок. — Отдайте всю сумку.

— Я хочу взять ключи от машины. Они вам не нужны.

— Кто сказал?

— Послушайте, машина стоит далеко, на Сорок третьей улице.

— А что за тачка?

— «Форд-фиеста» тысяча девятьсот девяносто девятого года, — солгала она.

— А почему такая симпатичная леди водит такое барахло?

— Спросите у мужа.

— Ах, вот что, — он повернулся к Хэмишу. — Ну, ты — барахольщик...

— Эй, — закричал главарь из центра зала. — Заткнитесь там.

Грабитель взял сумочку и серьги и ушел, оставив Мэгги ключи. Вскоре вся банда собралась в центре.

— «Шайка делового обеда» благодарит всех вас за сотрудничество, — сказал главарь. — Оставайтесь на своих местах, и никто не пострадает. Удачного дня. — Он выпалил в потолок с десяток выстрелов в качестве знаков препинания, и четверка удалилась, пока внимание всех было приковано к потолку, с которого летели обломки. Вся операция заняла менее полутора минут. Когда посетители поняли, что грабители и в самом деле удалились, комната наполнилась возбужденными голосами. Многие нервно смеялись. Для Мэгги, в ушах которой все еще стоял грохот выстрелов, все это звучало странно неестественно, будто снова начался бал.

— Ты что, хотела нас угробить? — спросил Хэмиш.

— Хэл, мне во чтобы то ни стало нужно быть в аэропорту Кеннеди в три тридцать, чтобы встретить близкую подругу, у которой серьезные личные неприятности.

— Мэгги, с вооруженными грабителями не спорят.

— Хорошо. В следующий раз я не произнесу и слова.

— В следующий раз. Если этот следующий раз *будет* — я уезжаю в Швейцарию.

В этот момент официант принес им еду, извинившись от имени руководства за ужасные неудобства, вызванные ограблением, и объявив, что обед будет за счет ресторана. После этого прибыла полиция. Посетителей попросили оставаться на своих местах до того момента, пока полицейский не опросит каждого. В это время Мэгги занялась своими креветками с кукурузными хлебцами, а Хэмиш, все еще не остыв, едва дотронулся до того, что было в его тарелке.

— Я куплю себе пистолет, — мрачно заявил он.

— Понятно. Попытаться что-то доказать им — глупость, а выхватить пистолет перед четырьмя бандитами, вооруженными автоматами, — это умно.

Хэмиш пристально смотрел на Мэгги, словно он сторожил вход в какой-то темный бункер, где хранились все признаки мужественности.

— Можно попробовать твою оленину? — спросила Мэгги и занялась изысканиями в его тарелке, не дожидаясь ответа на свой вопрос. — Х-м-мм. Замечательно! Здесь неплохо готовят.

Они отправились назад в офис Хэмиша спустя какие-то пятнадцать минут. По дороге его настроение улучшилось, и, придя в офис, он принялся рассказывать подробности наглого ограбления каждому редактору и разносчице кофе на третьем этаже. Пока он был занят рассказами, Мэгги позвонила и сообщила, что ее кредитные карты украдены. Наконец она заставила Хэмиша выдать ей сто долларов из кассы на мелкие расходы, для того чтобы заплатить за парковку в аэропорту и за проезд по мосту по дороге домой.

3

Самая душевная встреча

Линди Хэйган показалась на выходе. Она выглядела бледной, но красивой. На ней были черные шелковые брюки от Стефано Джулиани, заткнутые в кроваво-красные ковбойские сапоги от Лучезе, и черный кашемировый свитер с капюшоном от Дитера Хунсбахера. В одной руке она держала сумку из полированной кожи. Возможно, такую же сумку таскал за собой Эрнест Хемингуэй во время гражданской войны в Испании. На другой руке висела черная шерстяная дорожная накидка. Ее личико сердечком озабоченно нахмурилось, когда она осматривала большой и оживленный зал прибытия, пока не услышала крик Мэгги:

— Эй, Линди! Я — здесь.

А затем подруги начали визжать и подпрыгивать так, что другие пассажиры стали оборачиваться в их сторону.

Привычка визжать при встрече шла еще от Смит-колледжа. Так приветствовали друг друга только Мэгги и Линди, когда они встречались после Рождества или летних каникул. (Был даже короткий период инфантилизма осенью на втором курсе, когда они визжали при каждой встрече на квадратном дворе колледжа.) С того времени, как люди стали узнавать ее в публичных местах, Мэгги старалась не привлекать к себе внимания. Но Линди своим видом заставила Мэгги немедленно вернуться в те замечательные студенческие дни, когда все в мире было новым, а две подруги были никому неизвестными красотками с прекрасным будущим впереди.

Когда визг и прыжки закончились, Мэгги обняла Линди и, почувствовав ребра под кашемировым свитером, воскликнула:

— Дорогая, ты — настоящий скелет!

Линди, по всей видимости, восприняла это как комплимент, поскольку большую часть своей жизни провела на диетических «американских горках»: худея, набирая вес и снова худея.

Линди пошла вперед к багажной ленте.

— Буду уповать рядом с тобой на Бога, — сказала она, чуть заметно показывая свойственную только ей кривую улыбочку. — Ты закормишь меня штруделями и паштетом

из гусиной печени и бог его не знает еще какими хазерай^[10]. Через неделю буду толстая, как трейлер.

— Не беспокойся. У нас дома тренажеров столько, что можем фитнес-клуб открыть.

— Здесь у вас на востоке продают продукты «Foodstuff»? — спросила Линди. — Они делают просто замечательные продукты, лишённые питательных свойств. Майонез, крекеры, творог, какую-то замороженную гадость, которая по вкусу напоминает мороженое. Я думаю, они привесили несколько дополнительных атомов углерода к молекулам, чтобы они стали больше и не поглощались бы тканью желудка.

— А что происходит с этим в твоём организме?

— Это просто пролетает, как Лексингтон-авеню-экспресс. Больше никто в Лос-Анджелесе не питается настоящей пищей. А вот и мои вещи!

В машине, годовалой «тойоте-лендкрузер» с салоном-люкс, Мэгги быстро начала рассказывать о невероятном ограблении, случившемся в «Four Seasons», а Линди слушала, затаив дыхание. Скоростная дорога имени Роберта Ван Вайка мчалась через самые отчаянные районы Куинса: Озон-парк, Джамейка, Ричмонд-хилл — где вывески на стенах магазинов, объявлявшие об их товарах и услугах, были написаны с использованием более десятка различных алфавитов. Почти на каждом углу здесь можно было увидеть мужчин с согбенными плечами, собравшихся вокруг двухсотлитровых стальных бочек и гревших руки над горящим в них мусором. Сама скоростная дорога, особенно ее центральная полоса, обсаженная тисом и можжевельником, была захламлена огромным количеством пластикового мусора, выброшенного из окон автомобилей. Эти образы нищеты и запустения мелькали странным контрастом величественной «Музыке на воде» Генделя, звучащей из замечательной стереосистемы «тойоты».

— Как прекрасно вернуться в реальный мир, — тихо сказала Линди.

Сразу после поворота с Ван Вайка на скоростную дорогу Уайтстоун они увидели, как два человека в рубашках с капюшонами сбросили бетонный блок с эстакады в полукилометре впереди. Блок свалился на крышу «олдсмобилья», затем отскочил от корпуса машины на дорогу. «Олдсмобиль» дико вилял несколько сот метров, прежде чем водитель справился с управлением. Мэгги отвернула, чтобы не удариться о бетонный блок, который упал на ее полосу, и чуть было не влетела в белый джип, обгонявший ее справа. Водитель джипа просигналил. Они почувствовали вибрацию от рэпа, летящего из его динамиков. Мэгги вырулила назад на левую полосу. Линди повернулась на своем месте, чтобы увидеть тех двоих в капюшонах, убежавших с эстакады.

Издавая от страха звуки, похожие на писк песчанки, Мэгги старалась, как могла, вести машину, а Линди впала в оцепенение, не веря в происходящее. Несколько секунд спустя они уже мчались вверх по наклонной дороге на мост Уайтстоун. Линди открыла окно, высунула голову и пронзительно завизжала. Мэгги открыла окно со своей стороны и сделала то же самое. Им хватило только взгляда друг на друга, чтобы определить это как вариант их забавы с визгом. Они провизжали все время, пока ехали по мосту. Под ними внизу был сонная, серая и холодная гладь пролива Лонг-Айленд-Саунд. На обратном конце моста Мэгги попросила работника, собиравшего плату за проезд, позвонить в полицию и сказать им о парнях на эстакаде, но он только ответил им что-то непонятное на каком-то иностранном языке и сердито махнул рукой, показывая, чтобы они проезжали. Линди залезла в свою кожаную сумку и достала бутылку «Столичной», из которой было уже изрядно отпито. Она отхлебнула и передала бутылку Мэгги, которая взяла ее все еще дрожащими руками и с

благодарностью сделала приличный глоток.

— Мне кажется, что теперь людей убивают просто от скуки, — сказала Линди, после того клаустрофобные улицы Бронкса с доходными домами-развалинами уступили более открытому пространству Уэстчестера с широкими аллеями. — Мы легко могли разбиться.

— В Нью-Йорке каждый день случаются самые невероятные вещи, — сказала Мэгги. — Младенцев оставляют умирать в спортивных сумках. Бездомных людей поджигают просто ради шутки. Школьниц убивают шальные пули. Любовниц разрубают на части их бывшие любовники. Количество всех этих жертв просто пугает. Хотя забавно, — она задумалась, — все это остается просто газетной историей до тех пор, пока не коснется самой тебя.

— В этой за траханной стране мы терпим нестерпимое, — сказала Линди. — Что происходит с нами, Мэгги? Что происходит с Америкой?

— Я не знаю, — с вздохом сказала Мэгги. — Будущее — это то, что сейчас происходит, я думаю.

— Если это — будущее, то лучше умереть.

— О, дорогая, не говори так. Того, из-за чего стоит жить, так много, несмотря на всех плохих людей и ужасные вещи, творящиеся в мире.

4 Наконец-то дома

Тишина объяла их сразу же после того, как они пересекли границу с Коннектикутом, оставив позади рваные края израненного мегаполиса. Крупные пушистые хлопья снега начали отскакивать рикошетом с ветрового стекла. Мэгги повернула на Меррит-Паркуэй у выезда на Уилтон и поехала дальше на север в направлении Рамфорда, переезжая с узкой дороги на еще более узкую. По пути попадались большие старые дома, которые можно было разглядеть за деревьями, их огни светились вдалеке в наступающих сумерках. Дома, укутанные мягким снежным покровом, были похожи на детей в теплых кроватках под одеялом.

— Я чувствую, что вернулась домой, в то место, которое я мысленно себе представляла, по которому тосковала, — тихим голосом сказала Линди, хотя сельская местность в Коннектикуте сильно отличалась от шумного пригорода Грэйт-Нек на Лонг-Айленде, где она выросла. — Вот о чем я мечтала, лежа одна в постели, все те ночи, после того как съехал Бадди. Мир без Лос-Анджелеса. Мир настоящего снега, настоящих старых домов, тыквенного супа и осенних листьев, детей, катающихся на коньках по льду пруда, семей с собаками и долгими прогулками по деревенским дорогам в свитерах и теплых шарфах. — Она глотнула водки из бутылки, а затем протянула ее Мэгги, которая ощущала легкое опьянение еще после первого глотка. — Я думаю, что все перемелется и вернется к основным ценностям, — продолжила Линди наигранным тоном. — В Лос-Анджелесе никому ничто не дорого и все можно. Я хочу выгрести все это из глубин моей души и снова стать чистой.

— Сердце мое, боюсь, что мне нужно тебе кое-что сказать, — начала Мэгги очень осторожно, словно вынимала взрыватель из бомбы. — Это ничего не меняет в наших отношениях и никак не повлияет на твое присутствие здесь, но это крайне огорчительно.

— Ох, Мэгги, я такая противная эгоцентричная свинья, — сказала Линди. По ее худым щекам текли слезы, оставляя черные следы от размытой туши. — Мне так стыдно за себя.

Пожалуйста, прости. Я веду себя, как будто в этом мире проблемы только у меня. Какая я мерзкая. Я не хочу больше жить.

— Линди! Как случилось, что твое «я» так надорвано?

— Мне кажется, такое происходит, когда твой муж отворачивается от тебя, становясь гомосексуалистом. Должно быть, я стала ему омерзительной.

— Ты — не омерзительная. Ты — хорошая, милая, умная, талантливая, ты — замечательная.

— Ты говоришь про ту Линди, которую когда-то знала.

— Линди, ты никогда не выглядела такой красивой. Может быть, у тебя сейчас трудный период и ты стараешься понять, что для тебя важно. Но я не могу стоять здесь и слушать, как ты изводишь себя.

— Я была ему женой, так? А теперь он ненавидит женщин. Чувствуешь связь?

— Я уверена, что здесь нет никакой связи. Нельзя заразиться гомосексуальностью, как гриппом. Бедный Бадди, возможно, тайно мучился и смущался с того момента, когда у него еще в школе на носу вскочил первый прыщик.

— Пожалуйста, сделай мне одолжение, прекрати жалеть этого ублюдка. Может быть, из-за него мне придется умереть на пятьдесят лет раньше срока. Моя бабушка дожила до девяноста восьми лет, понимаешь? Я генетически запрограммирована на долгий путь. А теперь... вот это! Эта проклятая болезнь! — сказав это, Линди уже не просто заплакала, она зарыдала.

— Ой, миленькая моя, ой, бедненькая моя Линди, мы ничего еще не знаем...

— Ну, снова началось! Ты начинаешь говорить мне что-то (*сопение*) важное о своей жизни, и сразу же (*сопение*) уделяешь внимание снова мне и моим идиотским проблемам. Я — безнадежная эгоистка.

— У тебя есть психотерапевт в Лос-Анджелесе?

— Мэгги, если бы в Лос-Анджелесе хотя бы у одного человека не было психоаналитика, то его демонстрировали бы как диковинку. Лос-Анджелес — это бесконечный поток психотерапии.

— Может быть, тебе сходить к кому-то здесь?

— Лени... ой, доктор Горшак, мой психоаналитик, дал мне целый список имен тех, кто практикует там, где ты живешь. Кстати, кто твой психотерапевт? Может, и он в списке.

— Я вот уже несколько лет никого из них не посещала.

— А почему?

— Не знаю. Я не чувствовала себя несчастной. Я достаточно хорошо справлялась с жизнью, хотя порой была далека от счастья. Дом здорово отвлекал. А сад был еще более занимательным проектом. Конечно, бизнес по доставке готовых блюд отнял немало энергии. А потом пошли книги и видео. У меня и в самом деле не было времени для терапии.

— А я уже долгие годы хожу к Горшаку трижды в неделю.

— Ну и ты считаешь, что он тебе помог?

— О, абсолютно. Чрезвычайно. Хотя бы в том, что я не толстею с тысяча девятьсот девяносто второго года. Я стала гораздо уверенней в себе. То есть тебе это, наверно, не заметно из-за того, что я в таком плохом состоянии сейчас. Да и мысль о том, что ты можешь умереть ужасной безвременной смертью, не способствует правильной ментальной гигиене, понимаешь? Меня это действительно отбрасывает назад.

Они проехали старомодный и изящный центр Уэст-Рамфорда с универсальным

магазином, гостиницей «У старой почты», унитаристской церковью, почтой, винным магазином, пиццерией, магазином для садоводов и французским ресторанчиком. (Этот ресторанчик — гадкое место. Им владеет один подлый люксембуржец, однажды пойманный на том, что добывал для своей кухни форель в ручье Блджетбрук, травя ее хлорной известью.)

— Этот городок такой милый! — воскликнула Линди. — Такой наш!

Мэгги свернула на извилистую дорогу Кеттл-хилл-роуд — за то, чтобы эту дорогу не мостили, они агрессивно и успешно боролись в течение пятнадцати лет, — а затем въехала в знакомые ворота с кирпичными стойками, от которых длинная, покрытая гравием дорожка вела к ее дому.

— Останови машину! — сказала Линди.

— М-м?

— Я хочу полюбоваться видом.

Немного дневного света еще оставалось. Во всяком случае, его было достаточно, чтобы рассмотреть связанные розовые кусты, стоявшие, как часовые в белоснежных шапках, различные строения, решетки, декоративные и фруктовые деревья и другие диковины. Красивый старый дом, обшитый белыми досками, стоял укрытый высокими платанами, посаженными в тот же год, когда Корнуоллис капитулировал в Йорктауне [\[11\]](#). Сам дом был построен еще раньше, до Войны за независимость, хотя в ходе внутренней отделки, потребовавшей от Мэгги настоящего ума и характера, было убрано все до голых балок. Рождественские электрические свечи все еще горели в каждом окне, и венок из веток вечнозеленых деревьев диаметром в полтора метра висел на втором этаже в окне, выполненном в стиле Палладио.

— Эту картину, — нараспев заговорила Линди, — я смогу счастливо носить в своей памяти до могилы.

— Сердце мое, перестань быть такой мрачной.

— Это все же само совершенство. Здесь есть все, чего нет в Лос-Анджелесе. — Линди опять всплакнула, на этот раз не сильно, промокнув глаза салфеткой.

Мэгги поехала дальше по дорожке. «Сааб» Хупера стоял на овальной площадке для разворота. Мэгги объяснила, что сын приехал домой на каникулы.

— Он уже водит машину! — воскликнула Линди. Она помнила Хупера светлоголовым двенадцатилетним мальчиком, резвившимся на пляже в Малибу в одну из весен, когда Дарлинги прилетели к ним погостить. (На самом деле Мэгги приехала на прием, в котором в списке гостей были Майкл Кейн, Харрисон Форд и Джин Хэкман.)

— И трахает девушек, — добавила Мэгги угрюмо.

— Представляю, какой он красавчик, — заметила Линди, — если в нем есть хотя бы что-нибудь от его папаши. О боже! Вот она я! За все это время я даже не удосужилась спросить тебя о Кеннете. Как он? Какой конфуз. Мой эгоизм становится просто оскорбительным. Не знаю, простишь ли ты меня?

— Ну, на самом деле есть кое-какие новости касательно Кеннета.

Линди взяла Мэгги за плечо.

— С ним все в порядке, да? Я знакома с абсолютным *гением* в кардиологии...

— Нет, нет, нет, он — в полном порядке... физически. Дело в том, что я, гм-м, вышвырнула его из дома в сочельник. Кеннет здесь больше не живет.

Линди зашла в дом, почти шатаясь от шока, отчаянья, психического расстройства, ненависти к самой себе, тревоги, голода, дорожной усталости и последствий выпитых ста пятидесяти граммов пятидесятиградусной «Столичной». Флоренс, одна из горничных, приготовила гостевую комнату, которую за строгий стиль интерьера назвали по имени мебельной компании «Шейкер», и Мэгги доставила Линди прямо туда и уложила немного вздремнуть. Важный звонок в Лос-Анджелес врачу Линди был заранее назначен на семь часов по восточному стандартному времени.

Хупер и Элисон кромсали пиццу, доставленную по заказу, в дальней комнате, которая называлась игровой, поскольку там стоял стол для пинг-понга. Хотя главной ее достопримечательностью была телевизионная проекционная система, которую Кеннет купил для того, чтобы смотреть Олимпиаду почти в натуральную величину, только сейчас с экрана раздавались громкие звуки канала Эм-ти-ви. Молодые люди из негритянского гетто в хлопчатобумажных рубашках с капюшонами импровизировали в рифму на тему необходимости убивать полицейских. В комнате воняло сигаретами. Алюминиевая форма для пирога, полная окурков, стояла на ковре рядом с коробкой пиццы.

— Привет, мам.

— Привет, Мэгги.

— Привет, банда, — вяло ответила Мэгги. — Приглушите немного звук, а? Наверху кое-кому нужно поспать.

— Что? Папа вернулся?

— Нет. Тетя Линди.

— Да? А что она здесь делает?

— Ой, не спрашивай.

А тем временем в кухне у Мэгги, в этом центре мироздания, на автоответчике телефона копились сообщения: от Нины — по поводу позднего завтрака в честь Дня президентов США, который «Гуд Тейст», компания Мэгги, должна была приготовить в субботу для дендрария в Хартфорде; от Гарольда Хэмиша — о том, что завтра в «Таймс» напишут с его слов об их обеденном приключении; от Деллы Монтэйн из программы «С добрым утром, Америка» — о съемке передачи с гостем февраля; от Хэтти Мойль и разных других обеспокоенных подруг, которые осторожно по секрету справлялись по поводу слухов о ее разрыве с Кеннетом; от ее служащих, поставщиков, оценщиков антиквариата, производителей кухонного оборудования, от тьмы агентов по различным услугам, от ищущих благотворительности, а также два внезапно оборванных звонка, которые, как подозревала Мэгги, были от Кеннета. От прослушивания всех этих сообщений у нее разболелась голова.

Без четверти семь она заварила свой любимый зеленый чай «порох» в шариках, поставила чайник и выпечку на поднос и понесла все это в комнату для рукоделия. Эта комната служила ей персональным убежищем, куда Мэгги удалялась в те вечера, когда Кеннет был невыносим, особенно во времена его пристрастия к кокаину. Здесь она зимними вечерами внимательно просматривала каталоги семян, планировала переустройства и доделки в садах, сочиняла рецепты на портативном компьютере, вела переписку с широкой сетью корреспондентов, включая представителей издательств и поклонников ее таланта из разных стран.

В маленькой клетушке, два на три метра, стоял шезлонг, покрытый парчовыми накидками, небольшое мягкое кресло, письменный стол в стиле хэпплуайт. Также там было множество приятных на ощупь безделушек: керамические перчаточные формы, яйца из оникса и малахита, коробочки для нюхательной соли из позолоченного серебра, бронзовая ювелирная лупа, серебряная ньюпортская кружка с тринадцатью бакелитовыми авторучками (двадцать пять долларов за все на аукционе в Ист-Роуни). Стены украшали ботанические эстампы. И что самое главное: в комнате не было окон. И это вовсе не являлось роковой ошибкой: помещение не вызывало клаустрофобию, но давало ощущение безопаснейшего уюта, полностью лишая связи с внешним миром, со всеми его носителями зла и несчастий. Эта комнатка напоминала Мэгги купе поезда — среди самых дорогих ее воспоминаний были ночные поездки в летний лагерь на поезде в пульмановском вагоне, — и в ней она представляла себе, будто пересекает ночью Альпы или что, открыв дверь, она увидит Стамбул у своих ног.

И именно в это убежище, в этот роскошный бункер Мэгги препроводила все еще вполне отрезвевшую Линди, чтобы она поговорила по неотложному вопросу с Лос-Анджелесом. Разговор был заказан ровно на семь.

— Я не представляю, выдержу ли я все это, — сказала Линди.

— Смелее, родное сердце.

Линди свернулась калачиком на краю шезлонга, не сводя глаз с телефона. Мэгги налила ей чашку чая, но та ее проигнорировала. Вместо этого она методично, словно в приступе булимии, подала один за другим «лимонные пальчики», мадлены и ореховые меренги, которые были принесены с чаем.

— Хочешь, я наберу номер? — спросила Мэгги.

— Подожди минуточку.

— Уже семь.

— Он никуда не денется. Не зуди. Мне не так уж и интересно узнать, умру ли я до следующего Рождества, ты понимаешь? Я предпочитаю не знать этого еще хотя бы десять секунд. Тебе никогда не хотелось стать коровой?

— Извини?

— Ну, знаешь, когда выезжаешь из города и коровы отсутствующим взглядом смотрят, как ты проносишься мимо.

— Ну?

— И у них, у этих коров, ни единой мысли в головах. Даже обрывок мысли. Они не думают о том, что будет завтра, их, черт возьми, не беспокоит даже, что случится через пять минут. И о том, что было вчера. Или пять минут назад. Их не мучает раскаяние. Они не беспокоятся о деньгах, о том, как продать что-то, или о том, что какой-то проклятый режиссер выйдет за рамки бюджета на двадцать миллионов, о том, что приготовить на обед, о мужьях, меняющих ориентацию. Я хочу стать коровой. Если я умру от всего этого дерьма, то в следующей жизни буду коровой. Ну, хорошо, думаю, я уже готова позвонить...

Но как только Линди протянула руку к трубке, телефон зазвонил, и она отскочила от него так, как будто это была поднимающаяся кобра. Мэгги взяла трубку, делая знак указательным пальцем, что быстро закончит разговор. Линди закатила глаза.

— Алло.

— Мэгги Дарлинг?

— Да.

— Это Лоренс Хэйворд. Хочу сказать, что вы устроили прекрасный прием в сочельник.

— Я рада, что вам понравилось...

— Вы действительно понимаете в пище. Вам кто-нибудь об этом говорил?

— Иногда говорят. Послушайте...

— Я раньше никогда об этом не задумывался. Думаю, что многое упустил. Где бы вы посоветовали мне здесь поесть?

— М-м?.. А где вы?

— У себя дома. На углу Пятой авеню и Восемьдесят первой улицы. Не могли бы вы что-нибудь мне подсказать? Мне хотелось бы начать с чего-нибудь вкусного, понимаете, для разнообразия.

— Ох. Хорошо. Попробуйте ресторан «Civita» на Семьдесят шестой у Мэдисон.

— А что мне заказать?

— Coniglio in salmi. Послушайте...

— А что это за штука такая? Какое-то особое спагетти?

— Тушеный кролик. Вам понравится. Лоренс, я не могу сейчас разговаривать.

Извините, но у меня плита включена...

— Конечно-конечно. Не за что извиняться. Спасибо за совет. Пока.

Мэгги посмотрела на телефон так, как будто это был какой-то странный предмет с другой планеты.

— Я выйду на секундочку, — сказала Линди. Она исчезла в коридоре и вскоре вернулась в обнимку со своей бутылкой водки. — Я не пьяница, понимаешь? Но это так напрягает, ты согласна?

— Ну конечно.

— У тебя есть валиум?

— Линди, нельзя мешать успокоительное с алкоголем!

— Конечно можно. Пора тебе взрослеть.

— Хорошо. Но, к сожалению, у меня его нет.

Линди глотнула «живительной влаги», задержала дыхание и запила уже остывшим чаем. Затем схватила телефонную трубку и принялась нажимать на кнопки длинным ногтем большого пальца.

— Это Линди Хэйган. Можно доктора Юджина Брилла? По поводу результатов анализа. Какого анализа? Послушайте, дорогуша, просто передайте ему, что звоню я, и он поймет. Угу? Ну, это действительно личное. А мне какое дело, что вы медсестра? Я не хочу это с вами обсуждать. Просто заткнитесь и передайте доктору, кто звонит, понимаете? Ах ты сучка! — Линди опустила трубку себе на колени.

— Что случилось? — спросила Мэгги.

— Она повесила трубку.

— Ты ей слегка нагрубила.

— Эй, ты на чьей стороне?

— На твоей конечно.

— Ты слышала, что она мне сказала?

— Нет.

— Тогда почему ты думаешь, что я одна грубила.

— Линди, я понимаю, что тебе трудно...

— Я тебе сейчас покажу, кому трудно! — Она быстро вновь набрала номер. — Только

попробуй еще раз бросить трубку, маленькая дрянь, и завтра ты будешь утки выносить в государственной больнице в Канога-Парк. Это Линди Хэйган. Да, жена Бадди Хэйгана. Правильно, продюсера. Конечно, я подожду.

Линди налила еще водки в теперь уже пустую чайную чашку. У нее так сильно тряслась рука, что бутылка стучала по фарфору.

— А, это вы, доктор Брилл? Все хорошо, спасибо. Немного беспокоюсь, буду ли я жива в это же время в следующем году — ха-ха. Что? Конечно, я подожду.

Мэгги перекладывала ноги с одной на другую, грызя костяшку пальца, глядя, как Линди нервно скручивала свои волосы в засаленную веревку.

— А, вы уже снова здесь, — сказала Линди. — Не шутите? Я и не знала, что вы покупаете недвижимость. Мне кажется, что это хорошее приобретение. Что? Пико и Кринкшоу, Ну, это не совсем близко к скоростной дороге, правда? Ну, откуда, мать вашу, мне знать другие варианты, доктор Брилл? Да, я подожду.

— О чем вы, бога ради, разговариваете? — прошептала Мэгги.

— Какой-то брокер пытается продать ему шестиблочное здание в Мид-Уилдшире. На первом этаже там очень посещаемый ресторан «Urkh M'ghurkh». Монгольский. Как вложение средств.

— Неужели он может так обращаться с тобой?

— Ой, я просто не хотела, чтобы он повесил трубку.

— Это — ужасно.

— Это — Калифорния. Понимаешь теперь, почему мне здесь нравится? Долбаный врач делает три миллиона в год на лечении ангины у кинозвезд, и ему мало денег, понимаешь? Ему нужно больше. — О, да. Я к вашим услугам, доктор Брилл. Нет. Ну, на самом деле я в Коннектикуте. У подруги. Нет, он не со мной. Я не видела этого ублюдка с того момента, как он поведал мне свою потрясающую новость. Нет, я не думаю, чтобы это было слишком дорого для района Бенедикт-каньон. Ну, если это совсем под снос, то конечно. Послушайте, доктор Брилл, мне бы хотелось узнать, готовы ли результаты моего анализа. Нет, это был анализ на... уху-ху, анализ на СПИД, вы помните? Да, я подожду.

— Тебе следовало бы позвонить в комиссию по медицинской этике штата, — театрально прошептала Мэгги.

— Зачем ты шепчешь, Мэгги! — прокричала Линди. — Нас опять поставили на удержание!

Мэгги отошла и села в мягкое кресло, подобрав ноги. Линди налила себе еще водки.

— Да, я все еще здесь, доктор Брилл. Что? Вы открываете конверт? Что это такое, черт возьми? Церемония награждения «Оскара»? Извините. Да, я хочу услышать результаты. Хорошо. Я больше не ругаюсь, клянусь. Повторите, что вы сказали... Я...

Мэгги сжала свое лицо с двух сторон, оставив глубокие вмятины на щеках.

— Насколько можно верить этому анализу? Хм-м-м. Я думаю, что это обнадеживает. То есть это здорово. Что? Я рада, что вы рады, но будьте уверены, что никто так не радуется, как я. Нет, в ближайшее время я не появлюсь в Лос-Анджелесе. Нет, я не считаю, что этого стоит стыдиться. Вряд ли мне захочется сейчас встречаться с кем-нибудь. На самом деле, доктор Брилл, я не пошла бы с вами, если бы вы даже были последним мужчиной с нормальной ориентацией на планете. Вы — просто жадный до денег маленький пенис. Да, до свидания, задница.

Линди бросила трубку.

— У тебя все в порядке? — спросила Мэгги.

Линди успела только кивнуть до того, как ее глаза закатились и она свалилась с шезлонга на кремовый ковер.

Часть четвертая

ВИРТУОЗ ЗА РАБОТОЙ

1

Спасенная из пустоты

В течение января и февраля того же года «Шайка делового обеда» совершила налеты еще на пять ресторанов Манхэттена, и не только в обеденное время. «Le Cirque», «The Pos House», «Lutèce» и «Aureole» подверглись нападению среди бела дня, а «Le Grenouille» — ночью. Во время последнего налета негодующий молодой соус-шеф выбежал из кухни с топором для рубки мяса наперевес, наивно намереваясь «защитить честь заведения», как позже сообщили его коллеги. В результате его окатили ливнем девятимиллиметровых пуль, как помоями из ведра.

Детективы, назначенные для расследования дела в эту пору сокращения городских служб, оказались в силах определить лишь этническую принадлежность преступников, их основной *modus operandi*^[12] и безупречный вкус в выборе жертв. Члены банды, со своей стороны, все более наглели, пробуя качество приготовления пищи в местах налетов, то отщипывали кусочки от карпаччио с имбирем с какой-нибудь тарелки в одном ресторане, то брали ломтики жаренной на гриле рыбы-удильщика в другом, выдавая при этом моментальную оценку: «Ух, а это дерьмо ничего, твою мать!» Затем они быстро и организованно отходили к автофургону, ожидавшему их на улице.

«Подстригли, как овец!» — материал под таким заголовком поместила одна бульварная газета после нападения на ресторан «Lutèce», цитируя одного общественного деятеля из Бруклина, весело назвавшего деяния банды «новейшей для Нью-Йорка и изобретательной в политическом смысле быстро развивающейся отраслью». Владельцы ресторанов вынуждены были нанимать частную вооруженную охрану. Те, кто не мог себе позволить этого, смотрели, как пустеют их залы, портятся продукты и в конечном счете гибнет бизнес.

И в то же время жизнь на ферме Кеттл-хилл в Уэст-Рамфорде в штате Коннектикут, в девяноста с половиной километрах от отеля «Плаза», протекала значительно веселее, чем в предыдущие годы. К радостному удивлению Мэгги, Хупер и Элисон действительно нашли себе места для практического обучения: он — в Эм-ти-ви, а она — у Кельвина Кляйна, и начали каждый день ездить в город сразу же после того, как закончились праздники с их утомительным весельем.

Линди Хэйган, получив справку без печати о благополучном состоянии здоровья, но без планов на будущее и с пошатнувшимся мировоззрением, не вернулась в Калифорнию. Вместо этого она была принята в семью в качестве чего-то вроде проекта психологической реабилитации для Мэгги, уже принесшего первые обнадеживающие результаты. Она прибавила в весе четыре с половиной килограмма и как раз там, где нужно, поскольку у Мэгги поддерживался строгий график ежедневных тренировок. В свою очередь, она помогала Мэгги и Нине в работе компании «Гуд Тейст». Было очевидно, что ей нравились ее простые обязанности: как пациенту, идущему на поправку в каком-нибудь лучшем из санаториев, нравятся сеансы трудотерапии. Не будучи волшебницей в области кулинарии, Линди была надежной помощницей в выполнении элементарных работ типа выпечки

булочек в большом количестве, лущения стручков гороха и фаршировки маленьких помидорок-черри крабовым мясом, приправленным карри. В целом все в доме вошло в простой и спокойный ритм, благоприятствовавший общему стремлению к лучшему будущему.

Кеннет Дарлинг не появлялся и на связь не выходил. Несколько предварительных писем было получено от его адвоката. Они были полны угроз и обещаний грядущих опустошительных сражений в суде. Однако адвокат Мэгги уверил ее в том, что это не более чем пустой шум и что за этими грозными фразами нетрудно разглядеть, каким жалким, беспомощным, извивающимся белым червяком был ее муж.

Это случилось как-то в полдень в четверг в конце января, когда Мэгги психологически споткнулась сама. Линди была в Уэстпорте, где наслаждалась сеансом своего нового психотерапевта, доктора Ирвина Кляйна (автора «Беспрюирышной диеты для повышения самооценки»). Нина самостоятельно организовывала простое полуденное чаепитие на тридцать персон в Историческом обществе Риджфилда, дети уехали на работу в город, горничные уже закончили сегодняшнюю работу и ушли. Не было никакой фотосъемки, никаких споров в редакции, никаких рекламных мероприятий по продвижению продуктов, не было гостей к обеду, не было даже звонков из благотворительных организаций по охране окружающей среды на тему о надоевших тропических лесах и бесконечных китах. Впервые за многие недели Мэгги была совершенно одна.

Глядя из окна кухни на спящий сад, снежную поземку и длинные синие тени, она почувствовала, что безудержно скатывается в безмолвную пустоту, открывшуюся за тысячу дел и обязанностей ее жизни. Пустота пугала ее, а неподвижность снежного пейзажа усиливала страх до отчаяния свободного падения. В этот момент ей страстно захотелось оказаться в объятиях сильных мужских рук, способных удержать ее от падения в эту пустоту, но ее вдруг осенило, впервые за эти недели, что в ее жизни нет абсолютно никакого мужчины. Неожиданно ей захотелось иметь его, захотелось плоти, мускусного запаха, глупости и мужской отваги.

Это страстное желание, эта физическая потребность объятий прояснили положение Мэгги, как отражение на поверхности пруда в тот момент, когда утихает ветер, и бывшие в ней страх и отчаяние ясно определились как зависимость от обыкновенного одиночества. Она посмотрела на покрытые снегом клумбы, и ее будущее представилось ей холодными синими бесполезными сугробами. И, как порой случается в те странные моменты, когда наши маленькие жизни взывают к уходящей в бесконечность пустоте, в которой заключен подлинный дух вселенной, пустота ответила (Юнг назвал бы это примером *синхронизации*), на этот раз желанным мужским голосом.

— Это Свонн. — Голос, казалось, пел на дальнем конце телефонного провода.

— Ой... — замялась Мэгги, ища слова, в то время как ужасная пустота вновь закрутилась в ее сознании. — М-м, да? Мэгги Дарлинг, слушаю вас.

— Фредерик Свонн. Вы помните меня, миссис Дарлинг?

Неожиданно Мэгги начала причесывать свои тяжелые серебряно-русые волосы пальцами.

— Фредерик Свонн... артист?

— О, мне это нравится. Никогда еще не думал о себе подобным образом. Миссис Дарлинг, я хочу поругать вас. После нашей случайной встречи прошло уже три недели, а вы все еще не ответили на мою записку. Я чувствую себя обделенным.

Последовала тяжелая пауза, после которой Мэгги громко рассмеялась.

— У вас, что... нет поклонниц? — попыталась выговорить она.

— Ах, я понимаю. Вы думаете, что я по колено увяз в юных кошечках. Ну, полагаю, что я мог бы, конечно, но это мне не по вкусу, миссис Дарлинг. Мне больше по вкусу вы.

— Я очень... польщена, Фредерик.

— Свонн. Свонни — для близких друзей.

— Вы и выглядите созвучно своему имени, по-лебединому^[13].

— Я принимаю это как комплимент.

— А я и собиралась его вам сделать.

— Если кто и выглядит по-лебединому, так это вы, миссис Дарлинг. Да и Свонну вы нравитесь.

— Я не знаю, что и сказать.

— Скажите, что вы отужинаете со мной сегодня вечером.

— Вы не оставили мне времени подумать, да?

— Точно. Я и не хотел вам давать времени на раздумья, поскольку боюсь, что вы наморщите свой милый носик и скажете «спасибо, нет». Так что же вы скажете?

— Я скажу, что слишком стара для вас.

— Вздор, — возразил Свонн так, будто смахнул пушинку. — Но я думаю, что вам приятно было бы поспорить на эту тему...

— Мне не нравится спорить вообще.

— Отлично. Так вы поужинаете со мной сегодня вечером?

— Вы настойчивы.

— Ну пожалуйста, скажите, что вы пойдете со мной.

— Я... пойду, — сказала Мэгги так импульсивно, что сама испугалась.

— Отлично. Я пришлю за вами машину.

— А где вы предлагаете поужинать? — спросила она, беспомощно подчиняясь его темпу речи.

— Здесь, конечно. В «Роялтоне». Машина подойдет к вам около семи. Оденьтесь так, как хочется. Вопросы есть?

— Да. Вы знаете, что я замужем?

— Разведка доложила, миссис Дарлинг, что недавно вы выставили мужа за дверь и сейчас ваше замужество — это всего лишь юридический статус и не более того. Я не ошибаюсь?

— Сведения точные, но выраженные в слегка легкомысленной форме. Кто вам об этом рассказал?

— Скажем, я просто навел справки. Источник — надежный. Я с волнением ожидаю нашей встречи вечером. Скоро увидимся, миссис Дарлинг. До свидания.

2

Такой очаровательный

Линди вернулась после сеанса психотерапии без четверти шесть и застала Мэгги наверху в ее спальне среди кучи одежды. Она сразу поняла, что Мэгги собирается на свидание. И хотя Линди старательно выпытывала, Мэгги не открыла ей, с кем она

встречается, до того момента, когда она наконец выбрала то, что ей понравилось: скромный жакет джерси красного цвета с глубоким вырезом и простая черная шерстяная юбка, черные колготки и черные бархатные туфли с золотой застежкой от Холли Боргезе. Только после этого она произнесла:

— Фредерик Свонн.

Когда Линди услышала это, ее словно полтергейст к стене откинул.

— Ты ему в матери годишься! — прошептала она, охрипнув от удивления.

— С формальной точки зрения, возможно, — согласилась Мэгги, защелкивая застежку простой золотой цепочки, на которой в ложбинке между грудями висело нефритовое сердечко. — Я ему сказала то же самое, но для него, кажется, это не важно.

— Где ты его встретила? Как ты с ним познакомилась? На кого он похож? А как насчет других парней в его ансамбле? Мэгги, будь осторожна.

— Ну а что плохое может случиться?

Тут они обменялись понимающими взглядами и принялись прыгать и визжать так, будто снова оказались в студенческом общежитии, а все мужчины в мире — это восхитительно вкусное жареное мясо.

Машина, принадлежавшая компании «Одеон Рекорде», пришла пятью минутами раньше. Это был солидный коллекционный «бентли», принадлежавший когда-то контральто Ольге Качуре, с баром и проигрывателем компакт-дисков (и ничего вульгарного вроде телевизора) в пассажирском салоне. На виду был только один диск с последней записью Фредерика Свонна под названием «Горькое вино одиночества». Водитель был одет в щегольскую форму розовато-лилового и зеленого цветов, выглядевшую так, словно в ней снимались в одном из эпизодов «Звездных путешествий». Бар представлял собой мини-холодильник, в котором стояли три бутылки шампанского «Луи Редерер Кристал» и одна бутылка шведской водки. Присущее Мэгги чувство экономии не позволило ей открыть бутылку шампанского, поэтому она налила в маленький стаканчик водки на два пальца и всю дорогу слушала заунывные мелодии Свонна.

3

Допрос служащих гостиницы

Служащие гостиницы «Роялтон» были одеты в форменную одежду из черных брюк и простых черных рубашек, застегивающихся у шеи, одинаковую для мужчин и для женщин. Мэгги тут же представилось, что гостиница захвачена Вьетконгом. В оформлении доминировали темные лакированные поверхности, с которыми нелепо контрастировала мебель: кресла и диваны, покрытые мешковатыми белыми чехлами, выглядевшие так, будто их позаимствовали с крыльца пляжного дома. Это было так вычурно, с такой заявкой на мемориальность, что Мэгги почувствовала острое желание испечь сахарное печенье и раздавать его в фойе как противоядие.

— Номер господина Свонна? — сдержанно спросила она у стойки.

— Господин Свонн у нас не зарегистрирован, — ответил служащий с таким бесстрастным выражением лица, будто сам удивился своей способности хранить тайну.

Мэгги удивилась своему раздражению.

— Ну прекратите, я знаю, что он здесь.

— Извините, мадам. Но в журнале нет его имени.

Ей захотелось сломать что-нибудь, особенно призывно тонкую шею молодого человека за стойкой. Но тут она вспомнила тот обед в «Four Seasons» и записку от Свонна — там было какое-то имя, под которым он зарегистрировался, какой-то персонаж из истории Англии. Она напрягла память.

— А господин Кромвель у вас есть?

— Нет.

— А господин Карлейль?

— Извините.

— Ньютон?

— Ньютон? Нет.

Она уже собиралась сообщить этому чудаку, что господин Эрл Вайс из «Одеон Рекорде» мог бы решить проблему в течение цифровой наносекунды, понизив его статус до единицы в статистике безработицы, когда имя само внезапно появилось у нее в голове.

— А Хамфри Дэйви^[14] у вас есть?

— *Сэр* Хамфри Дэйви. Да. Номер люкс тысяча четыре. Можете подняться. Он вас ждет. — Служащий ележно улыбнулся и вновь обратил свой взор к клавиатуре компьютера.

Когда лифт поднял Мэгги на десятый этаж, Свонн уже ждал ее в холле. При взгляде на него, такого гибкого, золотистого, босого, всего как бы светящегося, в искусно зауженных синих джинсах и просторной белой шелковой рубаше, раздражение сразу же покинуло ее, но она слегка задрожала.

— Надеюсь, вам нравится чеснок? — спросил он.

4

Очарованная

— Моего отца послали в Сингапур, когда мне было девять лет, — повествовал Свонн несколько минут спустя, жестикулируя палочками; с них свисал кусочек мяса зелено-красного цвета, принадлежность которого Мэгги определить затруднялась. В номере была хорошо оборудованная кухня, отделанная, как и все в отеле, лакированными панелями и хромированным металлом. — Он был *charge d'affaires*^[15], — продолжал Свонн. — Наша тамошняя жизнь походила на идиллию в стиле Э. М. Форстера^[16]. Слуг было столько, что было непонятно, что с ними делать. Множество прекрасных насекомых — забава для мальчика. Моими любимыми были жуки-голиафы. Они такие большие — размером с детский ботинок. Можно было написать на их панцире номера лаком для ногтей и устраивать бега во дворе. И никаких батареек. Еще шампанского?

— Спасибо.

Тут Свонн опустил кусочек какого-то загадочного мяса в ковшик с длинной ручкой, где этот кусочек задержался и запрыгал. Мэгги внимательно наблюдала за всем, так она делала на любой чужой кухне. Было очевидно, что он действовал умело и делал это не первый раз.

— Извините, но что это?

— Это — азиатский моллюск, мелацкий конус, такой же сладкий, как молочная телятина. Мне постоянно доставляют его самолетом, когда я записываюсь; но это не только настоящий тоник, но еще и афродизиак. Все про все обходится мне в двести фунтов стерлингов: пересылка по воздуху, сухой лед и прочее, что, думаю, меньше, чем можно

просто оставить в любом приличном бистро в этом городе, ведь так?

— Думаю...

— Вы только не подумайте, что я экстравагантен.

Свонн высыпал все содержимое стальной банки с моллюсками в ковшик и начал жарить, помешивая.

— Где вы научились готовить? — спросила Мэгги.

— Моим родителям не посчастливилось оказаться на королевской площадке для игры в крикет в первый день после Рождества в 1983 году. В этот день банда малайских унионистов устроила просто безумие на трибунах. Среди прочих ужасных преступлений, совершенных ими, был взрыв гранаты в ложе генерал-губернатора. Мать была смертельно ранена и... — Свонн промокнул рукавом уголок глаза, — скончалась на следующее утро в больнице, не приходя в сознание. Отец получил травму позвоночника и стал паралитиком.

— Какой ужас.

Свонн высыпал в котелок с блюда что-то мелко нарезанное. К потолку поднялось облако пара, пахнувшее лимоном и цветами жасмина. Вскоре он уже раскладывал ломтики моллюска с ароматным бульоном в черные керамические чашки с рисом. Затем он отнес чашки на маленький круглый стол, покрытый скатертью винно-красного цвета, на котором лежало модернистское серебро, напоминавшее скорее миниатюрное оружие, нежели столовые приборы. В хромированной металлической вазе трубчатой формы стоял один тюльпан с темными лепестками.

— Мы с отцом вернулись в Лондон, — продолжил Свонн уже за столом. — Он потерял все, понимаете, поскольку все, что было у нашей семьи, в действительности являлось привилегиями служащих министерства иностранных дел: наше жилье в резиденции посольства, машины, слуги, весь проклятый набор. Ему осталась лишь пенсия государственного служащего, назначенная по инвалидности. Итак, мы поселились вдвоем в тесной квартирке на первом этаже на Форнье-стрит, за углом от рынка Спиталфилдс. Там я и научился готовить и вести домашнее хозяйство, поскольку отец был довольно беспомощным. Я даже не ходил в школу, поскольку мы не могли позволить себе нанять дневную сиделку. Единственной альтернативой был дом ветеранов, сама идея которого приводила отца в ужас. Поэтому я все время был с ним дома, за исключением нескольких часов в день. Я кормил, переодевал и обтирал его.

— Сущий ад для мальчика... Сколько вам было лет?

— Двенадцать, когда умерла мама. Еще шампанского?

— Спасибо. Кстати, это — очень вкусно. Вы умеете использовать лимонное сорго. Если его переложить, то оно может заглушить вкус блюда.

— Я не верю в то, что можно заглушить такие ощущения чем-то одним. Так на чем я остановился?

— Вы были дома с отцом.

— Ах да. Я сэкономил на всем, скопил денег и купил свою первую гитару, двенадцатиструнный инструмент работы Хафенштоллера. Отец терпеть не мог телевизор. Я развлекал его песенками, которые сочинял про соседей: сына мясника, миссис Катгласс, хозяйку дома. По правде говоря, жизнь моя была такой же ограниченной, как и у отца. Те несколько часов в неделю, которые я мог посвятить себе, я проводил, прячась в библиотеке Гилдхолла, копируя ноты гальярд и паван со старинных изданий. Еще моллюсков?

— Спасибо. И как долго это длилось? Такая... жизнь?

— Это закончилось тихо за неделю до дня моего шестнадцатилетия. Отец, понимаете ли, в результате взрыва гранаты в дополнение к травме позвоночника потерял глаз, почку, желчный пузырь, часть печени и пол-легкого. И вот однажды утром я раздвинул шторы и обнаружил, что за ночь он превратился в ангела. Двух недель не прошло, как я присоединился к своему первому ансамблю, «Петролбомбс», в качестве ведущего вокалиста, и больше не оглядывался в прошлое.

На следующий день Мэгги не могла ясно восстановить последовательность событий, поскольку один бокал шампанского следовал за другим, а после того как она с удовольствием съела сладкое, приготовленное из шоколада, слоеного теста, груш в коньяке и *crème anglaise*, внезапно обнаружилось, что она курит гашиш из маленькой костяной трубочки. Затем пошла последовательность эротических сцен, которые впоследствии она могла вспомнить только как фрагменты галлюцинаций: Свонн наклоняется и целует ее в шею; ее груди, вздымающиеся под кашемиром; его рука, умело расстегивающая застёжку бюстгальтера между ними, освобождая их; ее руки, пытающиеся на ощупь расстегнуть его рубашку; распятие курчавых русых волос от соска до соска на его груди и вниз по худому животу; ее юбка, падающая на пол с ощутимым глухим звуком, и его руки с длинными пальцами, берущими ее за то, что он назвал «маленьким влажным задком»; его синие джинсы, слезающие так, будто были сделаны из гофрированной бумаги, и, наконец, совсем неожиданное появление, поскольку он не носил трусов, его огромного вставшего на дыбы органа, который выглядел в сравнении с членом Кеннета так, как генуэзская салями в сравнении с хот-догом. В постели Свонн был просто неутомим, он швырял ее то туда, то сюда, поворачивал ее ко всем сторонам света, проникая в нее без отдыха, лишь с несколькими остановками, чтобы перевести дыхание, до того как розово-серый свет не появился между занавесок. После чего она погрузилась в беспамятство.

— Я обожаю вас, миссис Дарлинг. — Такими словами он разбудил ее позже тем же утром. Несмотря на то что похмелье никак не отпускало ее, словно дума о смерти в семье, она снова несколько раз уступала любовным вторжениям Свонна, пока не почувствовала, что ее мозг переместился в нижнюю часть ее живота, а сущность жизни сократилась до влажного от пота поиска зияющих пропастей удовольствия.

— В Сингапуре у меня была няня, миссис Грей, — мурлыкал Свонн, когда все закончилось.

— И ты был в нее влюблен?

— Я отчетливо помню, как она намывала мне мою шгучку в ванной, стараясь больше, чем следовало.

— В Америке это называется совращением малолетних.

— Я не думаю, что она мне навредила. Бедняжка. Возможно, это была единственная в ее жизни радость.

И тут головная боль вновь вернулась к Мэгги подобно удару большого гонга в маленькой комнате. Свонн заявил, что опаздывает на студию звукозаписи. Он затащил Мэгги в роскошный душ, где помассировал ей виски струей горячей воды, затем овладел ею еще раз в позе, которую учителя йоги называли бы «два аиста протыкают карпа». Вскоре после этого они уже маневрировали по Девятой авеню в лимузине «Одеон Рекорде» с термосом, полным горячего кофе, и корзинкой миндальных круассанов.

Свонн выскочил из машины на Пятьдесят первой улице со словами:

— Я хочу встретиться с вами в Коннектикуте, миссис Дарлинг, у вашего огонька очень,

очень скоро.

И Мэгги, отупев от усталости и безрассудной страсти, ответила:

— Да. Конечно. К ужину. В ближайшее время. Я ведь тоже готовлю, вы знаете...

Он ушел, и дальнейший путь в северном направлении по дорогам, проселкам и автострадам показался Мэгги удивительным лабиринтом.

5 Раздумье

Она опять проспала до полудня, позволив Нине, Линде и остальной команде организовывать обед для членов совета директоров компании «Медитракс Индастриз» из Норуолка (производителей медицинского клея, разработанного на замену хирургическим ниткам) и отложив фотографирование с Регги Чаном для новой книги, которую Гарольд Хэмиш умело переименовал в «Как содержать дом в порядке». Когда она проснулась, у нее было чувство, что она летает по комнатам на магнитной подушке, питаемой сексуальной энергией. Любая ее мысль оборачивалась Свонном. Печет она лимонный пирог с имбирем к чаю и думает: ел ли Свонн такой пирог, когда жил в Англии? Чистит серебряный шейкер для корицы с сахаром, недавно купленный в лавке старьевщика в Риджфилде, и представляет, что он похож на необрезанный член Свонна, только гораздо меньшего размера. Посылает в компанию, продающую семена, за особым поздним сортом кориандра, и вспоминает: как было приятно, что Свонн приготовил для нее ужин, да еще какой!

Время от времени в ее мысли вторгался Кеннет. Так порой рефрен в минорном тоне звучит во всем остальном энергичном концерте. Но Мэгги уже поняла, что она покинула безводную пустыню их брака и перешла новую загадочную границу буйной растительности. Она способна была принять минорный тон рефрена как символ памяти и опыта, даже смаковать его пикантность, как контрапункт мажорному тону мелодии «Свонн-Свонн-Свонн», которая неожиданно вновь пронизывала ее чувства. В полдень следующего дня после замечательной ночи, проведенной в «Роялтоне», Мэгги устроила званый обед на ферме Кеттл-хилл, чтобы объявить избранным представителям человечества об удивительном факте своего нового знакомства. Она прекратила скорбеть о своем браке, фактический момент гибели которого она не смогла различить.

6 Список гостей

— Кристи Шовин! Ты что, с ума сошла? — закричала Линди, просмотрев список гостей на интимный ужин на восемь персон в зимнем саду.

Она ходила взад-вперед по ковру в заново отремонтированной спальне Мэгги, в которой все следы и запахи Кеннета были уничтожены новой краской (цвета взбитых сливок с отбивкой цвета холодной морской пены), нанесенной методом «свернутой тряпки», а также сменой постельного белья, занавесок и штор. Синтия Вайс, жена Эрла, маэстро «Одеон Рекорде», порекомендовала пригласить на ужин супермодель Кристи Шовин. Мисс Шовин вела колонку поп-культуры в «Slate.com» с сентября. Ходили слухи, что на самом деле она сочиняла весь материал сама.

— Она не только убийственно великолепна, но еще и чертовски умна. Ты нарвешься на неприятности, Мэгги, — сказала Линди.

— А тебе не пришло в голову, что это всего лишь небольшое испытание?

Линди потребовалось мгновение, чтобы взвесить эту мысль.

— Мэгги, позволь мне объяснить тебе кое-что о реальном мире, хорошо? Человеческие существа изменчивы. Мужчины похожи на собак, а женщины... немногим лучше. Поставь соблазн на их пути, и они уже начинают выкидывать фортеля. И это не гипотеза. Это — факт. Не нужно пытаться проверять это суждение.

— Я уже ее пригласила.

— Она появляется на людях с этим актеришкой, как там его?

— Эрли Ходж. Она бросила его на прошлой неделе.

— Замечательно. Она повиснет на твоём Свонне как дешевый костюм.

— Мне не терпится это увидеть. Кроме того, полагается, чтобы интимный ужин был немного «с перчиком». Мне нравится, когда большая красота доводит людей до крайности. Они начинают есть больше.

— Отлично, — сказала Линди, — так вот почему я набрала почти пять килограммов с того времени, как приехала.

— Это все мускулы, — улыбнулась Мэгги. — Сказываются тренировки. Ты выглядишь замечательно.

— А кто в этом списке для меня? — спросила Линди. — Хм-м-м. Ну конечно же не Эрл Вайс. Регги Чан?

— Регги здесь для... солидности. Он как кукурузная мука в бланманже. Он — нормальный. Замечательная личность.

— Ты хочешь сказать, что он — не мой тип. Замечательный, слишком нормальный.

— И совсем я не это имела в виду.

— Да нет. Так оно и есть. Для меня в мужчине важна... *экстравагантность*. Возможно, мой фант — это Лоренс Хэйворд. Мне кажется, я слышала его имя по Си-эн-эн. Большая шишка в крупном бизнесе? Расскажи-ка мне о нем, Мэгги.

— Он один из пяти богатейших людей Америки. Мультимиллиардер. Три года в разводе. Одинок.

— У меня что-то картинка не вырисовывается.

— Представь себе грызуна.

— О, замечательно. А мне кем стать? Эмментальским сыром?

— Я только что подумала, что это может быть интересным для тебя, — по-девичьи захихикала Мэгги. — Последнее время этот парень звонит мне раза по три в неделю. Он в Милане — где здесь поесть? Он в Лондоне — голоден. Он в Сан-Пауло — то же самое. Кажется, я превратилась в его персонального советника по вопросам международного питания.

— Ну, абсолютно очевидно, что он понимает: Кеннет вышел из игры. И разнюхивает возможности.

— Нет, полагаю, здесь что-то другое. Мне кажется, это несчастное существо выглядывает из своей раковины, где оно провело скучную, хотя и в достатке, жизнь. Он ловит взглядом образы, звуки и прекрасные, прекрасные вкусовые ощущения, находящиеся за серыми границами его серого мира. Он ищет ощущений. Я нахожу, что это странным образом трогательно. Так или иначе, но тебе не следует... предлагать себя ему.

7 Приятного аппетита

Она запланировала коктейли в семь тридцать в библиотеке у камина. Регги Чан прибыл десятью минутами раньше и нащелкал целую пленку фотографий Мэгги на кухне в белой поварской куртке поверх черного с длинными рукавами платья из чистого крепдешина (купленного в магазине готовой одежды Бенделя) и в оранжерею у стола, накрытого на восьмерых среди древовидных папоротников, орхидей и горящих свечей. Фото предназначались для стоящей в плане издательства книги Мэгги «Торжества — это просто». Здесь был небольшой обман, так как в книге ничего не говорилось ни о Нине, ни о ее помощнице, которые в действительности готовили пищу, ни о мажордоме — студентке факультета антропологии Йельского университета (женщина во фраке), которая обеспечивала обслуживание этим вечером. Мэгги понимала, что читатели ожидали увидеть в ее книгах некоторую степень фантазии. И потом, если бы каждый мог стать Мэгги Дарлинг, то в Мэгги не было бы никакой нужды.

Кристи Шовин появилась в семь тридцать пять, почти вовремя. Это произвело хорошее впечатление на Мэгги, которая была готова к отрицательной оценке умной модели, несмотря на логические основания, руководствуясь которыми она пригласила ее. Регги, в свою очередь, был приятно удивлен, что Кристи позволила ему потратить половину пленки на нее, поскольку обычно ей платят пять тысяч долларов в час за работу. Но Кристи сказала с южным акцентом, слегка вызывающим в памяти запах магнолии и пота:

— Почему бы нам не обойтись на этот раз без агентства?

Вайсы прибыли без пятнадцати восемь, оправдываясь тем, что на дороге Меррит-Паркуэй что-то произошло. Лоренс Хэйворд появился через несколько минут после них без всяких извинений за опоздание и с таким видом, будто вся Уолл-стрит висела у него на плечах. Он выглядел полнее по сравнению с Рождеством, и, когда девушка из Йеля стала разносить канапе с муссом из копченой форели в слоеном тесте на серебряном подносе по всей комнате, было заметно, как он пристально смотрит на эти канапе, а не на девушку, хотя она была неплохо сложена. А Свонн, доведя Мэгги почти до паники и полного замешательства, показался только в десять минут девятого, принеся дополнительные слухи об инциденте на Меррит, где произошло нечто вроде перестрелки, собравшей большое количество полицейских машин. Но сути, он больше ничего и не сказал, но сила его физического великолепия и очарования, исходившего от него без всяких усилий с его стороны, способствовала тому, что все присутствующие оживились. Вскоре уже вся библиотека гудела так, будто в ней собралось вдвое больше людей. А без четверти девять вся компания перешла в оранжерею для ужина.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Они начали с омара и кукурузных тамалес, положенных в лужицы крема с перцем чилпотль. Принесли еще шампанского («Боланже Гранд Ане» — ничего особенного, но прилично). Стол был круглый, как циферблат часов. Мэгги села на шесть часов, Свонн — слева от нее на семь, а Лоренс Хэйворд — справа на пять. Кристи Шовин была посажена на полдень, то есть прямо напротив Мэгги с тем, чтобы та могла следить за языком ее жестов, адресованных Свонну. Линди заняла место справа от Хэйворда, почти на три часа, и рядом с

Эрлом Вайсом, севшим на час. Синтия Вайси Регги Чан сели на девять и десять часов соответственно. Мэгги постоянно подчеркивала в своих книгах, что мужчины и женщины должны садиться за стол попеременно.

— Я слежу за вашей колонкой в «Slate.com», — сказала Линди, обращаясь ко всему столу так же, как и к Кристи Шовин. На самом деле она прочла маленький отрывок в Интернете только сегодня в полдень. — Мне сказали, что вы все это пишете сами. Это так?

— Ну конечно да, — ответила Кристи.

— А что это за крапинки в соусе? — спросил Хэйворд у Мэгги.

— Грибы шиитаке, дорогой, — сказала Мэгги, тут же пожалев о слове «дорогой». И не потому, что боялась вселить какую-то надежду. Ей показалось, что это прозвучало либо снисходительно, либо слишком ласково. Но она не была точно уверена ни в том, ни в другом. А Хэйворд, казалось, ничего и не заметил. Он моментально погрузился в череду новых вкусовых ощущений.

— Я не думаю, что стираются различия между полами, — сказала Линди.

— Ой, я вовсе не о том писала в своей колонке, — сказала Кристи. — Фактически даже наоборот.

— Есть такая рыба, живущая в верхнем течении Брахмапутры, которая, как говорят, меняет свой пол с мужского на женский и обратно, когда того требуют проблемы численности, — сказал Свонн.

— Вы имеете в виду численность рыбы? — вставила слово Синтия Вайс.

— Ну конечно, не людей, — сказала Мэгги.

— Верховья этой реки — в Тибете, — сказал Свонн. — Так что человеческая популяция не играет роли.

— А как с живущими в среднем течении? — спросил Регги Чан.

— Людьми или рыбами? — переспросила Мэгги.

— Рыбами, — ответил Регги. — Теми, которые меняют один пол на другой.

— У них, наверное, такая путаница, — сказал Лоренс Хэйворд.

— Это быстрый переход, — сказал Свонн.

— А у рыб есть пенисы и влагалища? — спросила Синтия, всегда проявлявшая интерес к анатомии.

— У них яичники, — умно заметила Мэгги. — Так они вырабатывают икру.

— Не слишком ли много оборудования, чтобы отращивать органы и бросать, и снова отращивать? — сказал Эрл. — Не расточительно ли это в биологическом смысле?

— Ничего не бросается, — сказал Свонн. — Организм появляется на свет с двумя наборами органов. Один набор сокращается до рудиментарных размеров, в то время как востребованный распухает и становится доминирующим.

Мэгги заметила, что на лице Кристи Шовин появилось выражение утонченного скептицизма, как будто говорившее, что Свонн, возможно, все это выдумывает.

— Мне показалось, что в своей статье вы хотели сказать, будто лет через сто мы все станем гомосексуалистами, — сказала Линди.

— О боже, совсем нет, — ответила Кристи. — Через сотню лет мы, возможно, станем киборгами.

— Это что-то типа троглодитов? — спросила Синтия.

— Это — машина. Человек-машина, — ответил ей Хэйворд так, что показалось, он только и думал о человекоподобных роботах.

— Ну, так или иначе, но мне не хотелось бы, что все становились гомосексуалистами, — сказала Линди. — Ведь это как болезнь, этот гомосексуализм. Он заражает нашу культуру, заражает семьи.

Синтия Вайс демонстративно покашляла в ладошку.

— Отличное шампанское, Мэгги, — сказал Эрл. — Такие маленькие пузырьки.

— Здесь ведь нет гомосексуалистов, не так ли? — спросила Линди.

Кое-кто отвел глаза, чтобы не смотреть на остальных присутствовавших.

— Меня можно вычеркнуть, — сказал Хэйворд с сухим смешком. — То есть коль скоро вы спросили об этом.

Стараясь отвести взгляд от Хэйворда, Вайсы, не сговариваясь, посмотрели на Регги Чана.

— Эй, мне нравятся девушки, — сказал он, как бы защищаясь. — Всегда нравились.

— Мы ничего и не говорили... — в один голос сказали оба супруга.

— Поскольку, вы понимаете, мой муж оказался среди зараженных... — перебила их Линди. От ее лица исходило странное красноватое внутреннее свечение, будто вся злость, скопившаяся в ней, расщепилась, превратившись в тепло и свет, а слезы буквально струей полились из ее глаз. — Этот сукин сын предпочел меня гомикам и разрушил мне жизнь. Я устала читать о том, какими талантливыми бывают эти гомосексуалисты и что это вполне нормально, поскольку это — не нормально, черт возьми.

Вся остальная компания затаила дыхание вместе с Линди, кроме Кристи Шовин, которая сказала:

— Жизнь всегда трагична. Даже в самых благоприятных обстоятельствах жизнь трудна для каждого.

— И что это должно означать? — спросила Линди.

— Что неудачи посещают рано или поздно каждого из нас.

— А вам откуда знать? — почти прокричала Линди.

— Мой старший брат был рожден без рук и ног, — сказала Кристи так спокойно, будто бы она была представителем «Сотбис» и рассказывала об антикварном стуле. — В шестидесятые годы были такие снотворные таблетки, которые явились причиной тяжелейших детских дефектов. Сейчас Ричард вице-президент «Анджелус Электронике» по направлению искусственного разума. У него жена и собственный здоровый ребенок. Каждый раз, когда я размышляю о тщетности существования, я думаю о нем.

За столом, конечно, воцарилось молчание. Стало слышно шипение десятков свеч, расставленных по всей оранжерее.

— Мне так стыдно, — зарыдала Линди. — Я такая дура! — Раздираемая рыданием, она оттолкнула свой стул и, пошатываясь, Направилась к выходу.

— Я почти купил «Анджелус» год назад, — заметил Хэйворд. — Здорово недооценил.

Как только Линди покинула оранжерею, там материализовалась студентка из Йеля с тремя бутылками «Шато Л'Эванжиль-Помероль» урожая 1989 года. Она убрала тарелки после первого блюда. Свонн поднялся и обошел стол, быстро наполняя бокалы.

— В Жиронде есть обычай: когда кому-нибудь из членов клуба на ужине попадет плохая мидия, а он съест ее, то каждый из присутствующих должен выпить полный бокал *vin d'hôte*^[17] в знак сочувствия. Предлагаю всем выпить!

Свонн закинул назад свою гривастую голову и осушил бокал. Все молча последовали его примеру, словно простые матросы, залпом осушающие свою порцию грога. И только Эрл

Вайс, выпив до дна, произнес:

— Ах-xxx.

Подошло время подавать основное блюдо. Девушка из Йеля вернулась с тарелками, в которых лежали эскалопы из оленины, тушенные на медленном огне в портвейне с шалфеем, с гарниром из орцо с трюфелями и тонкой спаржи диаметром с карандаш, привезенной с юга, первой в этом году.

Девушка вновь наполнила всем бокалы. Свонн произнес тост в честь Мэгги, в котором в самой экстравагантной форме, очень изысканно и одновременно абсолютно недвусмысленно выразил свой эротический восторг по отношению к ней, после чего разговор возобновился так, будто его великолепие было прервано всего лишь выходкой непослушного ребенка.

Между салатом из смеси *le mesclun*, груш и орехов и десертом из домашнего приготовления птифуров и корзиночек с вареньем (кивок в сторону Свонна) Мэгги заключила, что Кристи Шовин вела себя более чем превосходно, совершенно безупречно, особенно визави Свонна. Англичанин, со своей стороны, несмотря на искусные разговоры, которые он вел, казался полностью поглощенным Мэгги (его рука забралась ей под юбку и ласкала гладкие, будто воцеленные, бедра и пушистый бугорок между ними) и уделял сногшибательной модели не больше внимания, чем остальным. Ужасная истерика Линди была забыта. Но когда вся компания устремилась к двери и своим лимузинам, ждавшим их к одиннадцати, Кристи шепнула Мэгги на ухо:

— Пожалуйста, передайте своей подруге, чтобы она позвонила мне как-нибудь, если захочет. И большое спасибо за всю вашу домашнюю вкуснятину.

— Вы ели как чемпионка.

— Анорексия не для нас, — со смешком сказала Кристи. — Полагаю, мы быстро подружимся, Мэгги, — сказала и исчезла в ночи с Эрлом, Синтией и Регги, быстро следовавшими позади них.

Хэйворд немного задержался, и Мэгги не могла понять почему. Было очевидно, что она со Свонном, они не отрывались друг от друга, как сиамские близнецы. Хэйворд попросил посмотреть кухню, поэтому они направились туда, где гигант Уолл-стрит разглядывал висевшие на стене кастрюли и кухонную утварь, как мальчишка в магазине для коллекционеров. Нина с помощницами уже давно ушли.

— И вы в самом деле знаете, как всем этим пользоваться? — спросил он.

— Конечно.

Хэйворд открыл массивную, сделанную из нержавеющей стали дверь холодильника «Sub Zero».

— Не возражаете, если я, хм-м... на дорожку?

— Конечно нет.

Он взял пригоршню птифуров и засунул их в карман своего серебряно-серого пиджака.

— Ох, возьмите хотя бы салфетку...

— Не беспокойтесь, я выкидываю эти костюмы, — сказал он, посылая сигнал своему шоферу. У двери Хэйворд задумался на миг и сказал: — Позвольте пригласить вас как-нибудь пообедать в городе, Мэгги. Теперь я знаю кое-какие неплохие места. — Он, казалось, совсем не замечал факт наличия Свонна. Свонн был изумлен.

— Спасибо. Вы очень внимательны, — сказала Мэгги, глядя, как Хэйворд ныряет на заднее сиденье своего огромного лимузина такого же цвета, как его костюм.

Когда в конце концов замок на двухсотлетней входной двери защелкнулся, Свонн накинута на нее словно голодный. Как будто не было омаров с тамалес или оленины. У нее не было даже возможности взглянуть на несчастную Линди. Свонн подхватил Мэгги на руки и отнес наверх в спальню, где начал трудиться над ней с упорством рабочего с отбойным молотком в руках, без усталости врезаясь в твердь коренной породы, на которой стоит Нью-Йорк. Его способность восстанавливать силы после завершения акта и возобновлять действие поражало Мэгги, хотя она понимала, что ее собственный опыт был крайне ограниченным, поскольку она вышла замуж еще студенткой колледжа.

8

Ночные звуки

— Во вторник я уезжаю на неделю в Венецию, — объявил Свонн, отдыхая после третьего раза. Вмиг все тепло разгоряченной плоти Мэгги остыло, будто лосось поднялся по флюидам ее спины, оставляя за собой ледяные брызги везде, где возникала неровность поверхности. Свонн продолжил: — И надеюсь уговорить тебя поехать со мной.

— Мой дорогой мальчик, — сказала Мэгги, тая снова. Но затем вновь проявился холодный свет ее собственного сознания, и открытые участки ее кожи почувствовали зябкость; она натянула покрывало на побледневшие лунные диски своих грудей. — У меня так много обязанностей, — сказала она. — Я не знаю.

— Поехали на неделю. Я прошу тебя. Я тебя умоляю.

— Забавно, я никогда не была в Венеции.

— Как такое возможно?

— Мы путешествовали только по тем местам, где мой муж мог совершать свою утреннюю пробежку. Он говорил, что Венеция была... слишком загромождена.

— Ох, но Венеция — божественна. Ты должна поехать. Поедем. Пожалуйста, поедем.

— Здесь так много всяких забот. Сады. Книжки. Мне нужно подумать, заглянуть в календарь, договориться с Ниной. А тебе зачем ехать?

— Я должен сниматься в кино, — сказал Свонн.

— В кино!

— Ох, Мэгги, я так хочу стать актером. Я уверен, что из меня выйдет хороший актер. По-настоящему хороший.

— Я уверена, что так и будет, мой дорогой.

— Меня забросали сценариями, а режиссеры гонятся за мной. Но все сценарии были ужасны, а все режиссеры до сего времени касались мне идиотами. У меня встреча с Францем Теслой, режиссером «Этой хрупкой планеты». Ты знаешь этот фильм, Мэгги?

— Ну конечно. Посткоммунистический Будапешт. Гуси гибнут от промышленного загрязнения. Мальчик с лопнувшим шариком. Так грустно, но... я не знаю... каким-то образом поднимает настроение. Слушай, а он ведь получил какую-то большую премию?

— Много премий. «Золотую пальму» в Каннах и участвовал в номинации «Лучший иностранный фильм» в вашем «Оскаре». Была еще шведская премия и что-то там из Аргентины.

— Как здорово, дорогой. Можешь мне рассказать о сценарии? Что за история?

— Ну, название — «Голод». Это — о вампирах.

— На самом деле? — сказала Мэгги, снизив свой энтузиазм на несколько микрон.

— Я, конечно, играю главного героя. Главного вампира, — сказал Свонн, посмеиваясь над самим собой. — Хорошо. Я понимаю, о чем ты, Мэгги Дарлинг, думаешь, поскольку читаю тебя, как меню в окне гостиницы. Я понимаю, что это звучит как какая-то чушь. Но для меня это только первые шаги в кино, и мне так хочется стать актером, да и сценарий достаточно разумный, к тому же с этим Теслой я чувствую себя по-настоящему в надежных руках. Ну поедем на неделю, хоть на несколько дней, чтобы поддержать меня... в начале этой новой карьеры?

— Хорошо, я поеду, — сказала Мэгги.

Услышав свои собственные слова, она почувствовала такое сильное плотское желание, что овладела Свонном еще раз, достигнув быстрой разрядки всего после нескольких движений его еще до конца не отдохнувшей, но уже готовой машины. После чего они погрузились в дремучее царство сна.

Когда она проснулась, была еще ночь. Цифровые часы показывали три тридцать восемь. Свонн даже не храпел, а урчал. Где-то за пределами спальни она уловила приглушенный звук, который можно было принять за рыдания. У нее сжалось сердце, когда она вспомнила вспышку Линди во время ужина и представила, как ее старая подруга обижена на ее поведение. То, что этот звук походил на ритмичные вздохи, насторожило Мэгги и заставило ее встать в кровати. Звук перешел в захлебывание. Но вдруг вздохи, рыдания и захлебывание прекратились, и в доме снова воцарилась тишина, свойственная его старости, поддерживаемой кибернетическими устройствами дорогих механических систем. Мэгги откинулась на спину, пораженная сильными сексуальными ароматами, которыми пропиталось постельное белье. Свонн продолжал урчать. Она почувствовала необходимость пойти к Линди, но подумала: не станет ли той еще хуже от осознания, что она разбудила Мэгги в такой неурочный час. Вглядываясь в темноту, полная беспокойства и не в силах найти обратную тропинку ко сну, Мэгги услышала, как скрипнула дверь. Она представила себе, как Линди там внизу ищет что-нибудь выпить, и подумала, что в сложившейся ситуации ей лучше быть рядом. Представьте себе удивление Мэгги, когда она, накинув шикарный, красный в черную клетку халат, на цыпочках вышла из спальни и обнаружила Хупера в коридоре у двери.

— В чем дело? — прошептала она.

— Просто пришел принять ванну, мам.

— А что, в коттедже нет воды?

— Мне хотелось полежать в большой ванне.

— А-а.

— А то там только слабенький душ.

— Там вовсе не слабенький душ. Весь в кафеле, с отличной шведской головкой «Скара», четыре отверстия на квадратный сантиметр.

— Я имел в виду: в сравнении с ванной здесь.

— Нашел с чем сравнивать, — сказала Мэгги, начиная раздражаться.

Запах секса висел между ними, как нерасказанный секрет. Мэгги смущала сама мысль о том, что Хупер мог подумать, будто она спит со Свонном. Но ее в равной степени беспокоило то, что Хупер был постоянно пропитан запахом Элисон и что от стен коридора ricochetировало так много феромонов, что просто стоять здесь с рядом с сыном, которого выносила, казалось опасно неприличным.

— Ну, тогда иди в ванную, — согласилась она. Ванная комната была на другом конце

коридора, рядом с северной гостевой комнатой.

— Я, пожалуй, вернусь в коттедж. И так я разбудил тебя и все такое, — пробормотал Хупер.

— Да я не спала, так что иди уж.

— Лучше приду утром или в другое время.

— Делай все, что хочешь, я не возражаю, — сказала Мэгги, вздохнув. — Я пошла в постель.

Что-то в слове «постель» привело ее в еще большее волнение, и в тот момент, когда она наклонилась, чтобы чмокнуть его в щеку, почувствовала себя персонажем древнегреческой трагедии. Пока она не скинула с себя халат и не забралась назад под бок дремлющему Свонну, ей в голову не приходило, что между приглушенными звуками, раздававшимися в комнате Линди, и появлением Хупера в коридоре могла быть какая-то связь. О последствиях такой связи, если она, конечно, была, не хотелось даже думать.

Вместо этого она взяла телевизионный пульт и беспроводные наушники, оставшиеся от тех лет жизни с Кеннетом, когда ее хроническое раздражение его подвигами приводило к частым приступам бессонницы, от которой она порой отвлекалась, просматривая старые кинофильмы. Телевизор был настроен на канал Си-эн-эн. Она застала конец репортажа о русско-китайском инциденте в районе Благовещенска. За рекламой домашних систем безопасности и тренажера для укрепления мышц живота последовал материал о стрельбе на дороге Меррит-Паркуэй: один водитель был убит выстрелом в голову, его машина перескочила среднюю линию и врезалась в три другие автомобиля, в результате чего еще пять человек погибло и семь было тяжело ранено. Представитель полиции штата Коннектикут, стараясь выглядеть компетентным, тем не менее сообщил, что у властей нет никакой версии о том, что произошло, и единственная информация, которой они обладают, — это калибр пули.

— Очевидно, что это — психически больной одиночка, — заявил представитель полиции так, будто этот приклеенный им преступнику постыдный ярлык должен вывести злоумышленника из темного укрытия в уготовленный ему яркий круг славы.

1
Съемочная группа

«Боинг-747» компании «Басилиск Пикчерс» был оборудован как какой-нибудь отель на южном берегу Флориды в стиле высокого ар-деко, все в пастельных тонах цвета дыни и морской пены в соседстве со сверкающим хромом. Самолет, вмещающий 238 пассажиров, был перепланирован максимум для тридцати. Обычные сиденья-«гробики» были заменены на мягкие диваны и диванчики различных конфигураций, расставленные вокруг кофейных столиков и обеденных столов, а в центре «главного салона», как его называли, стоял бильярдный стол в том же стиле ар-деко. По мнению Бадди Торклсона, продюсера «Басилиска», самым замечательным в конструкции самолета было наличие гидравлического гиросtabilизатора, который не только сглаживал вибрацию на виражах и поворотах, но также и поглощал турбулентность, поэтому после того, как машина набирала основную высоту полета, в салоне не чувствовалось никакого движения. Объясняя все это Мэгги, Торклсон сказал:

— Представьте себе капсулу, погруженную в полужидкий гель внутри аэродинамической трубы.

Помимо этого в главном салоне помещались столовая, полностью оборудованная кухня, гимнастический зал с десятью тренажерами фирмы «Наутилус», сауной и шесть просторных комнат с двуспальными кроватями и ванными личного пользования. Этот замечательный самолет первоначально строился по заказу эмира Аль-Кватифа, страдавшего болезненной страстью к азартным играм, который проиграл права на добычу нефти в своем маленьком королевстве за карточным столом в казино «Серкус оф Ниро» в Лас-Вегасе. Этот самолет тоже было погрузился в черную дыру его долгов, но потом выплыл на поверхность, поскольку отель-казино «Серкус оф Ниро» оказался дочерней компанией «Бегемот Коммьюникейшнс», владевшей также «Басилиск Пикчерс».

Весь состав исполнителей «Голода» и основные лица съемочной группы сели в самолет в аэропорту Кеннеди около шести вечера. По плану они должны были приземлиться в аэропорту Марко Поло в Венеции в семь сорок утра по итальянскому времени. Среди пассажиров самолета, кроме Мэгги Дарлинг, Фредерика Свонна, режиссера Франца Теслы и продюсера Бадди Торклсона, были исполнители главных ролей. Среди них: сэр Найджел Мак-Клив, пятидесяти семи лет, недавно получивший «Оскара» в номинации «Лучший актер второго плана» за роль маньяка-людоеда в фильме «Дом с девятью лампами»; Регина Харгрейв, тоже ветеран британской сцены и экрана, ее возраст неизвестен, но, по слухам, ей было не меньше пятидесяти трех; Стив Эдди, двадцати двух лет, пожиратель сердец девочек-подростков из еженедельного телевизионного сериала «Уэствуд», совершивший успешный переход в большое кино; Лайза Сорелл, двадцати лет, наделавшая шуму, сыграв дочь Дастина Хоффмана в «Маленьком дереве» и проститутку-подростка в «Стрип-Молл»; Дона Уикерс, двадцати восьми лет, которую все считали «великолепной, но в будущем», имея в виду, что она — всего лишь темпераментная сучка с харизмой, способствующей кассовому сбору; и, наконец, Тедди Дэйн, карлик сорока шести лет, ошивавшийся вокруг телевидения и кино со

дня окончания Йельского университета, пока Роберту Брустейну не пришло в голову предложить ему роль Гамлета. Кроме того, здесь были Джованни Скарпоне, художник-оформитель; Силия Дэнклов, художник по костюмам; Стефан Ведекинд, первый ассистент режиссера; Ладислаус Пилис, главный оператор во всех картинах Франца Теслы от «Колбасы и поцелуев» до «Этой хрупкой планеты».

Как только самолет набрал высоту, Тесла объявил, что для ознакомления съемочной группы с его режиссерским стилем сейчас будет показан фильм «Последний поезд в Грац». Стюард обошел всех с тележкой, на которой, что показалось довольно странным, была только минеральная вода, с десятков разных наименований, но более ничего.

— А что, на борту нет вина? — спросил Свонн скорее с удивлением, нежели с недовольством.

Стюард пожал плечами, изобразив беспомощность.

— Я спрашиваю, Франц, — громко сказал Свонн, чтобы быть услышанным в другом конце салона, — а нельзя выпить чего-нибудь настоящего?

— Нет. Никакой выпивки, — ответил Тесла. — В стакане вина сто шестьдесят калорий. Вы все выглядите слишком здоровыми для этого фильма. Только минеральная вода.

— О, будь все проклято, вот докатились, — отчетливо, так, что было слышно всем, пробормотала Регина Харгрейв.

— Невероятно, — сказал Найджел Мак-Клив.

— Никто никогда не обвинял меня в том, что я слишком здоров, — сказал Тедди Дэйн.

— Уф, Франц, — настойчиво продолжил Свонн. — А как насчет тех, кто фактически не будет на экране? Миссис Дарлинг, например.

— Они должны страдать со всеми остальными, — ответил Тесла. — Иной вариант вряд ли был бы честным по отношению к тем, кто жертвует собой по обязанности. Потушите, пожалуйста, свет.

Фильм демонстрировался на большом экране с задней проекцией. Захватывающие дух первые кадры, так часто показываемые на семинарах в колледжах, переносили зрителя с вида сверху на раскинувшуюся фабрику керамических изделий в Граце вниз через застекленную крышу цеха, сквозь толпу бунтующих рабочих прямо в рот лежащему на погрузчике раненому задыхающемуся герою. Тесла часто останавливал показ, чтобы пояснить свои режиссерские решения. Он старался обратить внимание на то, где и каким образом актерам не удалось выполнить его указания и как важно это было сделать.

— Филум, — он хотел сказать «фильм», — существует только в сознании режиссера до того момента, когда камера захватит образ. Актер — это просто инструмент. Вы, вы, Лайза Сорелл, — сказал он, осветив фонариком лисью мордочку инженеру. — Вы — кисть, понятно?

— Угу, — ответила актриса, рассеянно кивая.

— Пусть только назовет меня гребаной кистью, меня здесь сразу не будет, — раздалось бормотание Доны Уикерс из темноты.

— Отлично. На этот случай у нас есть для вас прекрасный парашют, мадемуазель. Думаю только, что Северная Атлантика покажется вам несколько прохладной в это время года.

— Нельзя ли хотя бы орешков? — жалобно спросил Стив Эдди.

— Только минеральная вода! — закричал Тесла. — А сейчас внимание. Вы видите этот эпизод в полицейском участке с Евой, партийной работницей...

И все продолжилось в том же духе. Фильм, который в нормальных условиях идет час сорок минут, показывался в течение трех часов десяти минут с дидактическими пояснениями Теслы.

Когда все закончилось, режиссер распустил актеров по своим каютам немного поспать. Ворча себе под нос и понимая, что на кону стоят миллионные гонорары, они отправились выполнять указание.

Теперь Мэгги была понятна ее миссия в предстоящие дни: кормить Свонна и остальную часть группы в то время, когда рядом не будет деспотичного Теслы. Ближе к завершению полета, после жадного соития со Свонном на высоте десять тысяч метров, Мэгги незаметно выбралась из их каюты, чтобы изучить самолетный камбуз.

Из коридора было видно, что в главном салоне на экране мелькает другой фильм, но его смотрел только сам Тесла. Мэгги пробралась на камбуз, закрыла за собой раздвижную створчатую дверь и повернула выключатель света. В центре комнаты размером с треть ее кухни в Коннектикуте находился замечательно оборудованный блок для разделки мяса. Ей было понятно, что сейчас и речи быть не могло о приготовлении пищи, независимо от того, было все необходимое для этого или нет. Шум и запахи определенно привлекли бы внимание начальства. Задняя стенка кухни представляла собой набор холодильников в нижней ее части и шкафов в верхней. В холодильниках были только коробки с минеральной водой и свежие цветы. Зато шкафы сверху были битком набиты различной снедью, включая английское песочное печенье, ассорти из орехов, японские крекеры из рисовой муки, различные бискотти, плитки бельгийского шоколада и такое количество спиртного, что им можно было из шланга облить все Общество любителей истории округа Фэйрфилд. Мэгги запихала под махровый халат цвета морской волны с эмблемой кинокомпании «Басилиск» коробочки со всякой всячиной и взяла большую бутылку «Курвуазье VSOP» за горлышко. Потушив свет, она стала пробираться по коридору на цыпочках. В главном салоне звуку с экрана аккомпанировал громкий храп. Мэгги взялась за ручку двери в свою каюту, как вдруг открылась дверь рядом и оттуда показалась голова Регины Харгрейв.

— Как обстановка? — шепотом спросила Регина. — Мы тут с голодудохнем!

— Мы?

Из-за головы Регины выглянула голова Стива Эдди.

С озорной улыбкой Мэгги подняла бутылку коньяка.

— Ты — святая, — с замиранием в голосе сказала Регина.

Мэгги немного распахнула халат, продемонстрировав закуски.

— Она — не святая, — прохрипел Эдди. — Она — Бог.

Гортанный несдерживаемый храп разносился по коридору.

— Тесла! — прошептала Мэгги.

Регина показала знаками, что они проследуют за ней в ее каюту. Мэгги повернула дверную ручку, и все ввалились туда. Обе звезды были абсолютно голыми. Их тела казались странно знакомыми. Конечно же, Мэгги видела их в обнаженных сценах в их картинах.

— В чем дело?.. — спросил Свонн, проснувшись.

— Это мы, любовь моя, — сказала Регина, забираясь на кровать рядом с ним. Стив Эдди забрался ей за спину, образовался сандвич с актрисой-ветераном посередине. Мэгги присела на край постели, наклонилась и высыпала припасы из-за пазухи на покрывало.

Регина успела уже схватить коньяк. Стив Эдди начал запихивать себе в рот шоколадные конфеты, Свонн жадно поедая песочное печенье. Мэгги навалилась на сладко-соленые

рисовые шпучки. Бутылка ходила по кругу. Так они насыщались приблизительно в течение десяти минут, не произнося ничего членораздельного, слышны были только стоны, мычание и аханье. Заглушив голод, Мэгги огляделась, как волчица, которую вспугнули на деревенском дворе, и подумала, насколько странно и сказочно быть в десяти километрах над Саргасовым морем вот в этой компании в обнаженном виде.

— Мне нравятся твои фильмы, — выпалила она Регине, моментально почувствовав себя дурочкой-поклонницей.

— Ну, а мне нравятся твои поваренные книги, — ответила Регина, и они обе одновременно рассмеялись. — Но скажу тебе, эта дерьмовая затея с голодовкой больше продолжаться не может, — прошептала Регина. Шепот ее прозвучал похоже на голос императрицы, которую она играла в прошлом году в историческом фильме Кевина Костнера «Екатерина Великая».

— Здорово сказано. Я взрослою, — сказал Стив Эдди.

— Какая прекрасная возможность познакомиться с великим Свонном, — сказала Регина, лаская его лицо, лицо бога Аполлона. Она потянулась к нему так, что ее великолепная грудь качнулась вперед, а их губы соприкоснулись. Эдди не обращал никакого внимания на происходящее и открыл новую коробку кокосовых чипсов. Мэгги с удивлением и ужасом смотрела на то, как Свонн, казалось, потянулся к Регине. Его правая рука поднялась так, будто собиралась схватить ее свисающую грудь, но вместо этого он шлепнул ее по плечу со словами:

— Не сегодня, дорогая, у меня болит голова. — Это была знаменитая завершающая фраза из одной из ранних комедий Регины, «Великая Косгров».

— Умный парень, — подразнила она его, очевидно уже пьянея.

— Гм, — прокашлялась Мэгги.

— Помнишь шестидесятые, дорогая? — спросила Регина у Мэгги, откинувшись на подушки, даже не пытаясь прикрыть свои знаменитые молочные железы, которые тряслись, как тарелки с заливным, когда она говорила. — Сумасшедшее было время.

— Я помню это, — сказала Мэгги, — но, возможно, не так, как ты.

Регина бросила на нее враждебный взгляд, но очень быстро рассмеялась вновь, распознав ироническую правду в ответе Мэгги.

— Хотя я уверена, что они не помнят шестидесятых, — сказала Регина, показывая глазами на обоих мужчин.

— Я тогда был маленьким мальчиком, — сказал Свонн, грызя сладкий бисквит. — Все, что я помню, это лужайки и крикетные биты.

— А я тогда был мертв, — сказал Стив Эдди.

— Мертв?

— Еще не родился. Все равно что был мертв.

— Какой он философ, — сказала Регина. — Это заменяет то, чего ему не хватает... — Ей в конце концов удалось отвлечь Стива от еды. — ...чего ему не хватает в плане опыта, — договорила она. — Ну, пора нам уматывать, дорогой.

Мэгги внимательно смотрела, как юноша плавно, словно кошка, вылезает из кровати. Спустя мгновение обе звезды исчезли. Постель была полна крошек, поэтому Мэгги заставила Свонна подняться. Она стряхнула нижнюю простыню, и они легли снова.

— Спасибо за продовольствие, мамочка, — сказал Свонн, глядя ее щеку рукой.

— Мамочка?

— Тебе не нравится, когда я тебя так называю?

На самом деле ей не нравилось, но он был таким сладким, что она не смогла заставить себя так ему ответить.

— Эти киношники, они как будто с другой планеты, да? — сказала она вместо этого, чувствуя, как усталость тянет ее, как подводное океанское течение. Где-то вдали слышен был гул двигателя.

— Ты полагаешь это странным? Посмотрим, что будет в Венеции, — сказал Свонн.

2

Дворец у воды

Венеция показалась сном с того самого момента, когда они вылезли из лимузина в Трончетто^[18] и набились в катер, обитый красным деревом, на Большом канале. Мэгги поразила вовсе не архитектура. Многие великолепные городские здания являлись демонстрацией восточной приверженности к повторяющимся деталям, что не соответствовало ее западным вкусам. Но ее восхищало то, каким образом эти здания были *расставлены* по главной венецианской водной артерии, извивающейся перевернутой буквой S, их компактность и интимность и более всего то, что город до краев был наполнен жизнью так, будто весь он — сцена гигантской, никогда не кончающейся оперы. Сам по себе день был прохладным и серым, свинцовое небо непрестанно исходило слюной, но до настоящего дождя дело не доходило. А когда они проехали под мостом Риалто, Мэгги заметила еще одну замечательную особенность Венеции: отсутствие автомобилей. Она почувствовала себя больной, долгое время страдавшей хроническим заболеванием, магическим образом освободившейся от его симптомов. В то же самое время внутри ее накапливалось какое-то эмоциональное напряжение. Лишь после того, как они миновали поворот у Рио-Нуово, она определила, что из нее выходит давно сдерживаемый гнев на Кеннета, все эти годы не дававшего ей возможности посетить Венецию. В конце концов, уже под мостом Академии, буря эмоций выплеснулась наружу и слезы заструились по ее щекам. Мэгги разглядывала прекрасного Свонна, золотые кудри которого развевались влажным бризом, пахнувшим рыбой и сточными водами.

Катер причалил на узком боковом канале поблизости от церкви Санта-Мария-делла-Салуте архитектора Лонгена, и один из матросов выпрыгнул на фундамента^[19] с канатом.

— Здесь живет Свонн, — объявил Тесла. Другой матрос вытащил их багаж на берег. — В вашем распоряжении час, чтобы привести себя в порядок, — рявкнул Тесла. — Подгонка костюмов в одиннадцать. Расстановка в три. Мы пришлем за вами лодку.

— А как насчет обеда? — спросила Дона Уикерс.

Тесла рассмеялся, шустрый матрос запрыгнул обратно на борт, и симпатичный катер медленно отошел. В это же время упрямого вида пожилой слуга распахнул дверь темного палаццо и взял самые небольшие предметы их багажа. Свонн повернулся, чтобы внимательней оглядеть старинное строение, с искусно сделанной арки над входом которого скалились собачьи головы из потрепанного временем камня.

— Здесь стояла крепость Нарсеса-евнуха, генерала императора Юстиниана, не раз побеждавшего в сражениях готов, — продекламировал Свонн. — Здание с фасадом, который ты видишь сейчас, было закончено в тысяча шестьсот одиннадцатом году торговцем солью

Педрочинно Гуайо. В тысяча девятьсот двадцать шестом году здание приобрела американская светская львица и меценатка Бэйб Хатуэй, переделавшая дворик в искусственные джунгли с обезьянами и оцелотами с опиленными когтями. Рассказы о ее декадентских суаре все еще не затухают в венецианском свете. На одном таком несчастном званом приеме она выкрасила золотой краской с десяток мальчиков, которые должны были изображать обнаженные статуи факельщиков. Один из них умер от токсичной кожной асфиксии на месте, а остальные вскоре превратились в слабоумных паралитиков. Бездонные банковские запасы Бэйб заткнули рты семьям мальчиков и городским властям. Также между двумя мировыми войнами общественный сектор города получил от нее массу подарков. Мисс Хатуэй (она никогда не была замужем, хотя список ее знаменитых любовников, включая Муссолини, не уместился бы ни в какой адресной книге) покончила жизнь самоубийством в тысяча девятьсот тридцать девятом году. В записке, оставленной ею, она написала, что испробовала все в своей жизни, за исключением старости, унижительного блюда, без которого она предпочитает обойтись. Так она и покинула этот свет, приняв огромную дозу морфина, среди пальм в кадках и ананасов, окруженная своими четвероногими любимцами.

— Свонн, ты все это выдумываешь?

— А это идея.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я купил кучу книг три года назад, — сказал он, и они зашли внутрь.

3

Новая жизнь

Свонн отправился на свои подгонки и расстановки с секретным посланием, что вся команда приглашена на дружеский ужин, после того как Тесла отпустит их, или в девять часов вечера, в зависимости от того, что настанет раньше. До этого времени Мэгги бросилась в город. Она не могла вспомнить такого ощущения свободы и удовлетворения с того дня, когда Хупер пошел в детский сад. Фактически все, что было до этого, представлялось совсем другой жизнью: не только детство Хупера, но вообще вся ее так называемая настоящая жизнь на ферме Кеттл-хилл в Коннектикуте. Несмотря на откровенную потерю самоконтроля, она была решительно настроена на то, чтобы по возможности долго не сообщать о себе своей команде дома, и уж по крайней мере не в свой первый день в Венеции. Поэтому, осмотрев кухню, которая была потрясающе современна, и кладовую, где имелось все, что было нужно, чтобы обслужить двадцать персон, она вышла из палаццо и направилась в небольшое тихое кафе за Кампо-Сант-Анджело. Там она принялась размышлять об удивительной путеводной нити, по которой судьба вела ее с того решающего званого рождественского ужина, после которого она выгнала Кеннета в снежную темень.

И вот она вся — женщина, давно за сорок пять, всеми обожаемая, успешная в бизнесе, обеспеченная, в блестящей физической форме, желаемая мужчиной с ангельским ликом и с либидо, как у шропширского барана; и она в Венеции, а не где-нибудь, общается со звездами *серебряного экрана*, поддерживаемыми ударной группой техников и обслуги из Голливуда. Даже безумные указания Теслы по поводу пищи работают ей на пользу: она действительно должна выручить своих новых друзей. Просто поверить невозможно. Ей захотелось запеть песни Роджерса и Харта прямо здесь, в кафе. Но такая крайность собственного возбуждения

обеспокоила ее. Или, быть может, это бессонная ночь в самолете, или густой итальянский кофе так подействовал на ее нервы. Так или иначе, она прибегла к испытанному средству, которое редко подводило в тех случаях, когда ей было необходимо прочистить себе голову: она стала составлять списки. Сначала было продумано меню для тайной вечера, затем написан перечень продуктов, которые было необходимо купить, и в конце концов составлен план действий для осуществления задуманного. Ей нравилось, что ее организаторское чутье позволяло ей ощущать себя такой ответственной, истинной американкой.

4 Муки сомнений

Мэгги без труда нашла открытый рыбный рынок за мостом Понте-Риалто. Там она купила мидии, замечательные коричнево-белые ракушки, гамберони, или гигантские креветки с Адриатики, и большое количество филе рыбы-удильщика. Ее удивило, насколько терпеливыми оказались венецианцы, выслушивая ее попытки объясниться с помощью разговорника. За остальным продовольствием ей посоветовали поехать на улицу Страда-Нуова, и она добралась туда на вапоретто^[20], проехав на нем одну остановку до Ка'д'Оро. Здесь были маленькие лавочки, где продавалось все: колбаса, сыр, свинина, птица, фрукты и овощи, травы и специи, приправы, хлеб и мучные изделия. Хозяин винной лавки, добрый человек, предложил помощь своего сына-подростка, чтобы дотащить все набранное ею через квартал к Большому каналу, где стояли водные такси. Ее помощнику, худенькому мальчику, одетому в шорты, рубашку с круглым воротом и свитер с V-образным вырезом, не терпелось потренироваться в своем прекрасном школьном английском, и он остался с Мэгги в лодке, чтобы помочь добраться до палаццо Свонна. Он рассказал Мэгги, что мечтает уехать в Америку. А она рассказала ему, что Америка превратилась в гигантский скучный Трончетто «от моря до сверкающего моря»^[21] и что он будет намного счастливее, если останется в Венеции. В благодарность за то, что она так быстро добралась до дома со всеми своими покупками, Мэгги дала мальчику и лодочнику чаевые, эквивалентные двадцати долларам каждому. Мальчик запротестовал, говоря, что чаевые слишком большие, но лодочник приказал ему заткнуть свой дурацкий ротик, напоминая то, что между ног у козы. На этом все и кончилось.

До пяти вечера Мэгги подремала (дома она *никогда* не позволяла себе спать днем) в спальне, где по потолку летали ангелы и плыли облака работы Тьеполо. После чего отправилась заниматься любимым делом в кухню. Свонн оборудовал ее всем чем только можно, вплоть до машинки для чистки апельсинов. А весь поварской инвентарь был расположен таким образом, что Мэгги, как профессионал, оценила все это и посчитала безукоризненно рациональным. Столы для разделки и вся аппаратная часть были вмонтированы в восстановленную мебель семнадцатого века. Кухня отлично освещалась сверху галогенной лампой с плавной регулировкой. Ореган, шнит-лук, тимьян, кервель, петрушка и три вида базилика росли в глубоких наружных ящиках для растений. Там был даже небольшой, но мощный стереопроектор с хорошим запасом дисков, но без записей Свонна. Мэгги поставила Скарлатти и радостно приступила к работе. Пожилой, упрямого вида дворецкий Тео и крепко сбитая горничная Аделина, в возрасте от сорока до шестидесяти, беспрестанно заглядывали, чтобы спросить, все ли *bene*^[22]. Очевидно, оба

были поражены тем, что *consorte della Inglese*^[23] усердно трудится у горячей плиты. Старый Тео казался таким озадаченным и сбитым с толку, что Мэгги пришлось послать его в ближайший *alimentari*^[24] за бутылкой марсалы, просто чтобы занять чем-нибудь.

К восьми вечера Мэгги соорудила соус болоньез, подготовила все необходимое для *zuppa di pesce*^[25], испекла большой *torta*^[26] со шпинатом, нажарила большую глиняную миску овощей, сделала такую же миску поленты с куриной печенью, приготовила зеленую лазанью и два разных тирамису. После этого она направилась в ванную, прихватив с собой бутылку «Брунелло ди Монтальчино» (урожая 1986 года), чтобы отмокнуть изнутри и снаружи. Сама ванна по форме напоминала массивные сани, кран был в форме золотого дельфина. У Мэгги болели ноги, и она вспомнила, что не присела с полудня. Когда горячая ванна сняла неприятное ощущение, а вино начало действовать, Мэгги принялась размышлять на тему о том, реальна ли для нее жизнь со Свонном. Он вдруг показался ей чем-то нереальным, неким образом, который она представляла себе, стоя в дорожной пробке на автостраде I-95, способным отвлечь ее от постоянных неприятностей реальной жизни. Но, принимая во внимание, что он существовал в действительности, что она на самом деле была здесь, в Венеции, что они были вместе, как *пара*, можно ли предположить... ну, будет ли у всего этого будущее? Можно ли рассматривать его как будущего супруга? Какого черта она делает?

Она приподнялась и села прямо от страха, охватившего ее. Шквал начинавших формироваться тревог пролетел над полем ее сознания, подобно куропаткам, которых она поднимала на крыло из-за кустов во время своих прогулок по осеннему лесу. А что будет с фермой? С садами? С Хупером? С Ниной и всеми остальными? Что будет с ее книгой и обязательствами перед телевидением? Где они будут жить? Они поженятся? Она сошла с ума? Она подставила свои запястья под струю холодной воды. Это немного помогло, хотя и остудило всю ванну. В конце концов она потянулась за бутылкой вина, стоявшей на столике рядом с ванной, налила стаканчик и выпила все залпом. Очень скоро куропатки беспокойства улетели за горизонт ее сознания и исчезли.

5 Дом — так далеко

Когда она, одетая в простой черный свитер поверх белого хлопкового платья Т-образного силуэта, спустилась вниз, было без четверти девять. Аделина накрыла обеденный стол во дворике под стеклянной крышей, где маленькие джунгли Бэйб Хатуэй с их пальмами, бананами и живыми обезьянами давным-давно заменили десятком фикусов в кадках. Мэгги объяснила Тео и Аделине меню и порядок, в котором следует подавать блюда, потом вернулась в кухню, чтобы разложить антипасту на огромный поднос из чеканной бронзы. Тео в это время откупоривал бутылки, чтобы вино смогло подышать. В девять тридцать ни Свонн, ни кто-либо другой не появились. Несмотря на смутное беспокойство, Мэгги понимала, что неразумно ожидать пунктуальности в подобных обстоятельствах. Поэтому она прошла в огромный зал на втором этаже, в котором Свонн планировал сделать гостиную, хотя там было еще недостаточно мебели: рояль «Безендорфер», лютня, несколько древних диванов в стиле королевы Анны и мягкие кресла в простых мешковатых хлопковых чехлах. Она притащила с собой бутылку, бокал и книгу, которую сейчас читала: «Прививка

черенком яблонь современных сортов» Альфреда Полларда. Предмет книги и вино, две трети бутылки которого уже было выпито, словно сговорились, чтобы напомнить ей те многочисленные задачи и обязанности, ждавшие ее дома в саду: посадка рассады и отростков, подрезка ветвей, подкормка, пересадка многолетних растений, вскапывание грядок и клумб, ремонт теплицы, курятника, сарая и ульев, опыление и опрыскивание. Слава богу, у нее есть Боб Дипиетро, ее главный садовник, на которого всегда можно положиться, с его четырьмя йоменами. Хотя одной из выдуманных черт публичного образа Мэгги, созданного в ее книгах и видеofilmах, было то, что она способна содержать в порядке многие акры безупречно ухоженных садов без существенной помощи со стороны. Но это не значило, что, создавая этот образ, она лгала. Она надеялась, что умные читатели поймут, что «Деревенская жизнь Мэгги Дарлинг», как и любое другое представление, подразумевает некоторые сценические приемы с полным штатом работников за кулисами. В действительности то, что Боб со своей командой были удалены со сцены, в начале было эстетическим решением Регги Чака. Он утверждал, что они загромождают фотографии. Мэгги решила, что в следующей книге, «Порядок в доме», она это исправит. Теперь на последней странице каждой книги, написанной Мэгги, будет групповой снимок всех помощников, работающих за кулисами. Дальше этого она в своих мечтаниях не зашла, поскольку книга о прививках выскользнула у нее из рук, а сама она погрузилась в сон, откинувшись на парчовые подушки.

6 Незванный гость

Мэгги снилось, что она была в огромном шкафу, с верхней полки которого падали коробки со шляпками. Коробки били ее по голове и плечам и с шумом падали на пол. Эта суматоха трансформировалась в звук шагов и голоса снизу, и она поняла, уже полностью проснувшись, что Свонн наконец пришел. От жестких подушек у нее ломило шею, а во рту был дурной вкус. Поэтому она ополоснула рот вином, пригладила волосы пятерней и спустилась вниз встречать гостей.

— Я бы сейчас смогла проглотить даже гребаного бельгийского тяжеловоза, — проворчала Регина Харгрейв. — О боже, как здесь чудесно пахнет!

— Есть хочу! Есть хочу! — прогнусавил Стив Эдди странным голосом, который он вырабатывал для своего персонажа в «Голоде», молодого беспомощного швейцарского инженера Рейтнера, превратившегося в вампира-ученика. Мэгги заметила, что он теперь держал за руку маленькую Лайзу Сорелл, которая либо находилась под воздействием наркотика, либо приобрела такой тысячекилометровый взгляд за два дня полуголодного существования. Регина представила Мэгги четырех артистов разной половой принадлежности, прилетевших этим утром из Англии. Свонн подошел и по-семейному поцеловал ее.

— Тесла весь день зверствовал, — сказал он. — Ничего, кроме противной минералки и нескольких содовых печений. Найджел уже подумывает, чтобы уйти.

— Так оно и есть, — сказал Найджел. — «Мерчант энд Айвори» приглашали меня на роль Герберта Асквита в «Сиссингхерсте». Да, это — Хорст, — сказал он, показывая локтем на жилистого молодого человека, с выкрашенными в оранжевый цвет волосами и хнычущим выражением лица, возможно полученное им еще при рождении. — Моя сегодняшняя

добыча, — объяснил Найджел, похотливо подмигнув.

— Я фторой помощник режиссера по костюмам, — сказал Хорст. — У фас здесь хорошо.

Мэгги пришла в замешательство, обнаружив, что в буквальном смысле проглядела Тедди Дэйна, который задел за ее бедро в толчее прихожей.

— Я очень благодарен вам за приглашение, миссис Дарлинг, — сказал этот крохотный ветеран кино глубоким бархатным голосом. — Это действительно очень старомодный город, и все рестораны ночью закрыты. Даже если бы мы и попытались проникнуть куда-нибудь.

— У Теслы шпионы повсюду, — сказал Свонн.

Дона Уикерс, как зомби, проследовала в кухню, повинувшись своему носу, и принялась за антипасту. За ней последовала вся остальная банда. Вскоре кухня наполнилась возгласами удовольствия, смехом и стуком винных бокалов. Постепенно уныние, навеянное Теслой, рассеивалось. Команда разделалась с антипастой подобно полчищу муравьев, съев даже то, что было положено для украшения, прежде чем Мэгги удалось загнать их в дворик для основного ужина. Блюда приносились без всякого порядка, учитывая поздний час и состояние гостей. Немного спустя все были уже пьяны. Дона Уикерс и похожая на куклу Лайза Сорелл наперебой отрывивали. Стив Эдди достал пакет отличной афганской травки. Когда он прикуривал первый косячок, по старинному палаццо разнесся громоподобный стук. Кто-то у входа? Свонн жестом приказал Тео пойти посмотреть. За столом воцарилось молчание, только Регина Харгрейв продолжала ржать над рассказом Тедди Дэйна о работе над последней эпической картиной Шварценеггера. Найджел Мак-Клив потянулся, чтобы закрыть ей рот рукой. Затем издали раздался крик — это был грубый мадьярский голос разгневанного Теслы.

— Я знаю, что они — здесь, — кричал он. — И я чувствую запах с кухни!

Актеры изумленно смотрели друг на друга, было слышно, как Тео успокаивал режиссера. Свонн поднес указательный палец к губам.

— Ш-шш-шш. — Затем он встал, снял с себя все до нитки и вышел из комнаты, как нагое божество, каким-то образом упавшее с потолка работы Тьеполо и ожившее.

— В чем дело, Франц? — Голос Свонна мелодично отражался эхом от каменных стен. — Чему мы обязаны удовольствием такого неожиданного визита?

— Я знаю, что они здесь, Свонн. Не пытайся защищать их и не обманывай меня.

— Что ты, мой дорогой. Думаю, ты выпил лишнего.

— Не твое дело, — прокричал Тесла. — От тебя несет чесноком!

— Признаюсь, что миссис Дарлинг по дружбе приготовила мне кое-что перекусить. Я могу предложить тебе то, что еще осталось. Но, честно говоря, Франц, когда ты зашел, мы трахались вовсю. И как только я поговорю с тобой, мы продолжим. Вот так-то. Если, конечно, настрой не пропадет.

Мэгги вся сжалась от унижения, а артистам оставалось только сдерживаться, чтобы не закричать. Регина засунула салфетку себе в рот. Дона Уикерс держала в одной руке буханку хлеба, а другой постоянно тыкала в нее вилкой. Стив Эдди смял косяк, который скручивал, и рассыпал марихуану по своей тарелке.

— Вы думаете, что это пустячок, господин Свонн? — напыщенно спросил Тесла. — Это — профессия. Это — искусство. А вы — инструменты. Инструменты за себя не решают.

— Послушай, старик, смотри, вот это мой инструмент. У него свой резон, и он хочет вернуться к тому, чем только что занимался. Я осмеливаюсь говорить за него, поскольку сам

он лишен этой возможности. Но я уверяю вас, сэр, что вы нарушили все правила приличия в его отношении.

Два английских юноши скорчили друг другу смешные рожицы.

— У меня для тебя новость.

— Какая, Франц?

— Мой — больше.

— Да ну?

— Взгляни сам.

— Соревнование вряд ли необходимо. Франц.

— Нет, посмотри. Вот он.

По щекам Регины Харгрейв струились слезы.

— Я содрогаюсь от одного его вида, — заявил Свонн. — Но это скорее чудовище, нежели орган.

— Теперь тебе ясно?

— Ну, тогда чем ты предлагаешь заняться в такой поздний час, Франц? Дуэль?

Взрывной приступ смеха, охвативший Регину Харгрейв, в конце концов выбил салфетку у нее изо рта, словно пыж из пушки.

— Я слышал! Кто там? Скажи мне, я требую.

Свонну пришлось схватить Теслу за плечи, чтобы удержать его.

— Это миссис Дарлинг, моя подруга, Франц. Честное слово. Будь хорошим мальчиком и отваливай, пожалуйста. Уже полночь. И ради бога, дружище, засунь эту штуку назад в брюки.

— Я слышу, как вы надо мной тихо смеетесь, — крикнул Тесла всем, кого он не мог видеть, но кто был здесь. — Всех накажу! Все почувствуют это!

Огромная старинная дверь громко стукнула, когда Тесла вышел, застегивая ширинку на ходу. Затем все замерли ненадолго, а потом разразились хохотом, а кое-кто даже зааплодировал, когда Свонн вернулся в крытый дворик, освещенный свечами.

— Ну и насколько велик он был? — выпалила Регина.

— Он не был таким длинным, как сосиски в Бромптоне, и таким широким, как братвурст в Бутцбахе... — начал было Свонн.

— Но этого довольно, — вступил в разговор Найджел Мак-Клив, не раз игравший Меркуцио на сцене еще в молодости, — чтоб он исправно служил.

Неуместное вторжение режиссера было быстро забыто, и общее хорошее настроение восстановлено. Но всему актерскому составу нужно было вставать в шесть утра, поэтому, подгоняемая настоящим профессионалом Тедди Дэйном, компания разошлась без четверти час.

После того как ушел последний гость, Мэгги и Свонн удалились наверх в великолепную спальню. Ангелы на потолке, казалось, плавали у них перед глазами. Свонн заявил, что он дошел до такой степени усталости, что ни о какой любви не может быть и речи. Мэгги полностью согласилась. Ее обеспокоило только, что, когда он поцеловал ее в щеку, он прибавил:

— Спокойной ночи, мамочка.

Мэгги приготовила большой английский завтрак Свонну, когда только начало светать. Он поблагодарил:

— Спасибо, мамочка, — и добавил что-то там еще неразборчиво, поскольку был погружен в чтение сценария и последних его исправлений.

Мэгги не хватило решимости объяснить ему, что, несмотря на его детские травмы, она вовсе не горит желанием играть в его жизни одновременно две роли: матери и любовницы. А ровно в шесть прибыло водное такси, чтобы доставить их на съемочную площадку к площади Святого Марка, и для разговора не хватило времени.

Тесла снимал картину, нарушая временной порядок. Такой метод часто используется в кино. Съемки в интерьерах должны быть сделаны в следующем месяце в Торонто. В этот день снималась кульминационная сцена фильма. Дело происходит в Венеции восемнадцатого века. Саларио (Свонн), старейшина древней «гильдии вампиров», победив своего соперника, аристократа и некроманта Гримальди (Мак-Клив), приперт к стене Кампаниям^[27] разгневанной толпой в карнавальных масках. В толпе — протеже Гримальди, Николь (Дона Уикерс), начинающая вампирша, решительно настроенная прикончить своего бывшего любовника Саларио во имя славы Господней, чести Венецианской республики, рассвета Века разума и удовлетворения чувства мести. В эпизоде, который должен был сниматься, толпа вливается в величавое шествие свиты дожа. В возникшей толчее Саларио удается скрыться по Рио-Каноника. Николь преследует его, держа наготове деревянный кол и киянку.

Вся площадь была заполнена съемочным оборудованием. На ней — с десятков автоприцепов, в которых разместились мобильный режиссерский офис, костюмерные и гримерные для основного актерского состава. В лесах, построенных для осветительных приборов, ползали анаконды кабелей и жужжали электрические генераторы. Краны с камерами были установлены в пяти разных местах. Техники сновали повсюду, прокладывая пути для операторской тележки и регулируя уровни освещения. Из-за адриатического утреннего тумана трудно было определить время суток, и Тесла фактически снимал день как ночь. Армия статистов выстроилась в очередь перед шеренгой помощников по костюмам, которые сутились с костюмами и реквизитом. Попытка представить себе стоимость всего происходящего вызвала у Мэгги головокружение.

Свонн сидел в своем собственном автоприцепе в окружении двух костюмеров, парикмахера и гримера. Регина Харгрейв, уже одетая в костюм матери Николь, распутной маркизы делла Фабрицио, зашла туда с картонным стаканчиком чая на травах в руках, стараясь согреться: утро было прохладным.

— Ну и как тебе этот наш маленький мир шоу-бизнеса? — спросила она Мэгги.

— Это спектакль сам по себе, — ответила Мэгги. — Независимо от того, какой фильм снимают.

— Да. Независимо от фильма, — сказала Регина хриплым голосом с ноткой презрения. — Кстати, ты читала сценарий?

— Только отрывками.

— Ну, этот сценарий — полная чушь. Думаю, его написал девятилетний сын Торклсона. Хочешь совет, дорогая? Первый день на съемках — самый волнующий день в жизни, зато второй, вероятно, будет самый скучный. Пусть это тебя не расстраивает.

Кто-то снаружи прокричал в мегафон имя Регины.

— Спасибо, — сказала она и вышла.

Съемки сцены с шествием свиты дожа и толпой заняли все утро, хотя в последней редакции она должна была идти на экране не более сорока секунд. Было сделано тринадцать дублей. Сложность происходившего вызывала у Мэгги благоговейное чувство. В сравнении с этим большая работа по приготовлению стола для светской свадьбы или рождественского застолья на двести персон выглядела легкой прогулкой по проселку. Очень редко какие-то неувязки превращались в серьезную проблему, как, например, когда носильщики портшеза дожа пропустили свою очередь или когда двадцать семь лошадей вышли из повиновения. Чаще всего то предохранитель у генератора сгорит, то осветитель споткнется о кабель. На одиннадцатом дубле один из статистов не успел выбросить сигарету до того, как включили камеры. До этого Тесла стоически терпел все, но эта сигарета вывела его из терпения. Широким шагом он прошел по влажной площади к провинившемуся статисту, выкрикивая:

— Ты думаешь, мы здесь комедию Ноэла Коуарда ставим? Хочешь показаться особенным? Мол, мы не из толпы? Ты чем-то отличаешься от других? Космополит? Надоело жить? Пресытился? — Голос Теслы становился громче по мере того, как он подходил ближе.

Статист тем временем выбросил окурок. Он, казалось, был удивлен тем, что Тесла все еще идет к нему. И прежде чем он понял, в чем дело, режиссер уже схватил его за рукав, вытащил из-под защиты толпы и откинул за колеса крана. Когда статист упал на скользкую мостовую, Тесла принялся пинать его с таким ожесточением, с каким управляющий прежних времен мог когда-то избивать фабричного рабочего, застигнутого при попытке стащить шплинт. Он пинал и пинал его до тех пор, пока, казалось, не отбил себе ногу, а бедный статист не произнес ни звука, то ли смирившись, то ли потеряв сознание. В конце концов Тесла захромал к своему режиссерскому месту в полной тишине, а двое подсобных рабочих оттащили избитого статиста за автоприцеп. Спустя десять минут, во время съемки двенадцатого дубля, туча знаменитых голубей с площади Святого Марка решили полетать перед камерой номер два. Дубль тринадцатый, по мнению Мэгги, можно было считать безукоризненным только потому, что ничего не случилось.

Помощник Теслы объявил перерыв на обед — только для съемочной группы. Артистам было приказано собраться на репетицию у импровизированной *пьяцетта*, созданной между тремя автофургонами и краном у Кампанилы. В дополнение к обычному рациону, состоявшему только из минеральной воды, Тесла добавил сырые овощи и свежие фрукты. Никто из основного состава не выразил недовольства, очевидно считая это уже поблажкой. Но тут появилась Дона Уикерс с полной тарелкой фарфалле с телятиной и грибами портобелло, а также разными кусочками всякой всячины. Все это она взяла в палатке, где питалась съемочная группа. Темноглазая красotka с кривой улыбкой заняла место между Найджелом Мак-Кливом и Стивом Эдди прямо напротив режиссера и накинулась на содержимое своей тарелки с нарочитым удовольствием, показавшимся Мэгги намеренно провокационным.

— Кто разрешил вам набивать себе брюхо, как свинья, Дона? — спросил Тесла, произнося ее имя скорее как «Дауна».

Глядя Тесле прямо в глаза, Дона просто пожала плечами, продолжая есть.

— Понимаете ли, Франц... — попытался вмешаться Свонн.

— Когда мне потребуется знать твое мнение, Фредерик, я дам тебе знать. Дона, давай

поговорим по-взрослому, хорошо? Кто здесь режиссер?

Она показала на Теслу вилкой.

— Ага, значит, ты понимаешь, что здесь есть кто-то, кому положено подчиняться.

Дона кивнула.

— И все же, несмотря на это, ты не подчиняешься его приказам?

Дона нанизала сердечко маринованного артишока на вилку, рассмотрела его и положила в рот. После чего опять согласно кивнула.

— Я правильно понимаю, что это — осознанное неподчинение?

Теперь на вилке оказался маленький шарик свежей моцареллы. Все остальные следили за разговором, переводя взгляды от нее к нему так, будто сидели на главной трибуне в Уимблдоне. Дона снова кивнула, проглотила сыр и промокнула губы салфеткой.

— А как тебе понравится, если я уволю тебя из этого филлума, Дона?

— Меня уже увольняли, — наконец ответила Дона. — В первый раз режиссер вел себя как головка члена, то есть полностью бесконтрольно. Он уже умер. Во второй раз это был член вроде тебя, но простой американский член. У него не было твоих художественных претензий. Так или иначе, но фильм был абсолютное дерьмо. «Истощение». Ты его видел? Больше он в кино не работает... Не из-за меня, конечно.

— Теперь оскорбления и угрозы, да? — сказал Тесла, пока не повышая голоса и даже с ноткой мрачной веселости. — Мне ясно. Ты портишь карьеры смертным, подобно Медузе Горгоне, превращая их в камень?

— Боже, ну уж не настолько, — сказала Дона, беря вилкой кусочек телятины.

— Ну, тогда, может быть, два миллиона долларов в виде гонорара для тебя что-то значат. Я взываю только к твоей корысти.

— Два двести пятьдесят на самом деле.

— Какая разница? Я тебя увольняю, ты их теряешь. Фьють.

— Видишь ли, Франц, за последние семь лет я снялась в девяти больших картинах. Можно сказать, я живу очень экономно по меркам тех... хм-м... таких же как я. У меня маленький домик в Санта-Монике в две тысячи триста квадратных метров. Конечно, он чертовски комфортабелен, поймите меня правильно, но в нем нет ничего такого, чтобы о нем вдруг напечатали в «Архитектурном дайджесте», если вы понимаете, о чем я говорю. Езжу я на дешевеньком японском джипе. Но дело в том, что у меня на счету больше десяти миллионов. Даже шимпанзе под силу вложить эту мелочь куда-нибудь, чтобы я получала восемь процентов. На самом деле, конечно, я получаю с этого гораздо больше, но не надо давать мне повода говорить об инвестиционных стратегиях. Тем не менее вывод таков: делай что хочешь, пупсик. Но я больше не намерена голодать.

Тесла встал и шаркающей походкой прошел через расставленные в кружок стулья к Доне.

— Хочешь кусочек? — с издевкой спросила она.

Двумя руками Тесла выхватил у нее тарелку и высыпал все, что на ней лежало, ей на голову. Дона не шелохнулась, даже когда телятина поползла по щеке. Сейчас она была похожа на Джека Бенни^[28], и было понятно, что репутация комедийной актрисы принадлежала ей по праву. Менее известны всем были ее навыки, которые она начала приобретать на съемках футуристического триллера «Зона убийства» с Куртом Расселом и Чаком Норрисом в главных ролях. Там, в пустыне в штате Юта, заняться было практически нечем, но компания «Фокс» платила тренеру по тван-по, малоизвестному виду корейского

боевого искусства, который фигурировал в сюжете, и так получилось, что у Доны обнаружили способности к этому. В этом малораспространенном виде единоборства присваивают головные повязки, а не пояса, как в карате и его разновидностях, и Дона, усердно тренируясь в течение года, дошла до черной повязки. Тем не менее для всех стало неожиданностью, когда она, вывернувшись в странном, почти танцевальном, движении, менее чем за минуту нанесла по крайней мере тридцать различных ударов ногами и руками по уязвимым точкам Теслы. В результате режиссер упал на древние камни мостовой площади Святого Марка и лежал там, глотая воздух подобно какой-то древней илистой рыбе. Дона взяла тарелку с фруктами и перевернула ее над его головой, так чтобы сладкий, как сироп, сок стекал по капле прямо на щеку режиссеру все время, пока он стонал и его тошнило.

— Эй, ребята, в чем дело? — раздался голос, полный глупого калифорнийского солнца. К общему изумлению, из-за автоприцепа появился Бадди Торклсон. Он был одет по-студенчески просто. Увидев, что происходит, Бадди остановился и заметно растерялся. — Боже, ух! Его не заколдовали? Что это? С тобой все в порядке, Франц? Господи Иисусе, что такое?..

Внезапно со всех сторон появились ассистенты продюсера.

— Думаю, пойду я что-нибудь перехвачу, — сказал Тедди Дэйн.

— Правильно, — согласился Свонн.

— Должно быть, испорченный кальмар попался, — сказал Стив Эдди Торклсону в тот момент, когда его помощник пытался поставить Теслу на ноги.

— Будем их пробовать, — озадаченно сказал Торклсон, а все актеры и вместе с ними ошеломленная Мэгги направились в столовую-палатку на другой стороне площади.

9

Деликатное убеждение

Съемка была приостановлена. Торклсон совещался с приходившим в себя Теслой в автоприцепе номер два. Когда в два тридцать Тесла вышел оттуда, он был таким бледным, словно вампиры выпили из него все: не только кровь, но и саму душу. Когда в пять часов съемка возобновилась (снимали сцену, в которой Свонн — Саларио перепрыгивает через мост Вздохов, держась за провод), Тесла поразительно переменялся. Он выполнял свои обязанности с эффективностью робота, но искра внутри него, очевидно, погасла.

Торклсон посетил номер люкс Доны Уикерс в отеле «Европа» с визитом вежливости и принес ей свои извинения. Несмотря на то что в начале встречи она уже складывала вещи, Бадди убедил ее остаться в съемочной группе. Ее последний фильм «Опасная шалость» имел такой успех (тридцать два миллиона долларов за первые два выходных дня показа), что на нее уже была надета мантия кассовой непобедимости. Торклсон открыто уверил ее, что он *подровнял* Теслу.

— У этих иностранных ребят в головах одни идеи, — простодушно заявил продюсер. — Еще одна жалоба, и этот венгерский болван вылетит отсюда, — добавил он авторитетно, поскольку за ним стояла компания «Басилиск Пикчерс». Чтобы подчеркнуть свою искренность, он открыл плоский портфель из кожи игуаны, в котором лежали пачки стодолларовых купюр на общую сумму в полмиллиона. — Это на мелкие расходы, Дона. Просто возьми их. Маленькая премия. Можешь ничего не говорить своему бухгалтеру.

Держи этот чертов портфель.

Таким образом типичный для Голливуда личностный конфликт был типичным же образом и разрешен.

10

Конец иллюзиям

Этим вечером после обильного ужина с оссо-буко в маленьком ресторанчике в одном из закоулков острова Гвидекка Свонн пел Мэгги серенады в гостиной, аккомпанируя себе на лютне. Разумеется, после этого они перешли в спальные покои, где предались любви. Но в ответ на свои усилия Мэгги ощутила некую небрежность с его стороны, а после потного завершения он прошептал ей на ухо:

— Спокойной ночи, мамуля. — И моментально уснул.

В естественном свете, поступающем из открытого окна, выходящего во двор, казалось, что ангелы на потолке потерялись в облаках. И Мэгги ощущала себя такой же потерянной в зыбкой сумасшедшей атмосфере шоу-бизнеса. Иллюзии, касающиеся перспектив совместной жизни со Свонном, слезли с нее, словно защитный слой ее же собственной кожи, оставив Мэгги с открытой раной на долгие часы, пока темнота не окутала ее своим покровом, прогнав стыд и смущение.

11

Сладость измены

Объяснение, которое Регина дала происходящему, было более чем полным. Второе утро на съемочной площадке «Голода» оказалось невыносимо для Мэгги. Это ощущение усугублялось пониманием той правды, которую она уже не в силах была скрывать от самой себя. Ее побег со Свонном закончился. У нее существуют личные обязательства по отношению к почти неуловимому явлению, именуемому *собственная жизнь*. И наконец, она не имеет ни малейшего представления, как ей поставить точку в отношениях со Свонном.

Постоянно моросил дождь, и до полудня удалось снять всего один небольшой эпизод: сцена с Саларио (Свонном) и духовно поработанным им Ройтнером (Стивом Эдди) на Риодель-Мондо-Нуово. Небольшие технические неполадки, происходившие при съемках каждого дубля, вызвали у Мэгги даже какое-то сочувствие к лишенному клыков и кастрированному Тесле, который только лишь ради большой суммы денег вынужден был глубоко забраться в свое кресло и терпеть все происходившее. После обеда вместе с артистами (Найджел Мак-Кливи откровенно и нагло пытался совратить наивного Стива Эдди) Мэгги сказала Свонну, что отправится на остров Мурано, расположенный неподалеку, до вечера, чтобы посмотреть на работы известных стеклодувов в их мастерских.

Уйдя со съемочной площадки, она какое-то время дышала свободнее, но затем изморось перешла в неприятный холодный дождь. У Мэгги разболелась голова, она почувствовала себя опустошенной, и ей совсем не хотелось ехать на Мурано. Мэгги попросила водителя катера развернуться обратно и отвезти ее к палаццо. Она вошла в спальню с чувством удивительного облегчения и увидела Свонна, охваченного с боков все еще гладкими, цвета жженого сахара ногами Регины Харгрейв.

Они оба не слышали, как вошла Мэгги. После недавних событий она стала менее впечатлительной и теперь, словно замороженная, неподвижно наблюдала за этим необычайным спектаклем, и не без некоего веселого возбуждения. Не потому только, что это было замечательное артистическое представление. Из всего происходящего исходил ясный свет освобождения от того, что она сейчас расценивала как унижительный и чудовищный эпизод предательства самой себя.

— О черт! О боже! О чтоб тебя! — непрерывно восклицала Регина, как бы ставя восклицательные знаки на верхушках своих оргазмических ощущений. Глаза ее вылезли из орбит, когда она заметила Мэгги, стоящую в дверном проеме. Свонн, бывший сверху, продолжал долбить, пока Регина буквально не стукнула его по лбу, после чего сначала он как баран тупо уставился на нее, а затем, следуя за ее взглядом, с выражением детского ужаса — на Мэгги. С дрожащими коленками, но с парящими надеждами Мэгги прошла через спальню к небольшому зачехленному креслу кораллового цвета и спокойно уселась в нем. Возможно, всего лишь во второй раз за десять лет ей захотелось сигарету, чтобы сильнее ощутить этот благодатный момент.

— Ну что я могу сказать? — произнесла она со вздохом, стараясь не показаться довольной.

— Я — отвратителен! — воскликнул Свонн, принимая позу раскаяния. Он сел на край кровати и обхватил голову руками.

— А я — шлюха, которой нет равных, — сказала Регина, натянув на себя простыню, но только до живота.

— Простишь ли ты меня? — пробормотал Свонн.

— Она никогда не простит тебя, жиголо, — сказала Регина. — Я бы не простила.

— Мне, право, неловко, — сказала Мэгги. — Но что, если я еще здесь похожу и соберу кое-какие вещи?

— О боже! — захныкал Свонн. — Что я наделал!

— Позволь мне объяснить тебе кое-что, Свонни, — начала Регина. — Мы, кинозвезды, как, впрочем, и вы, звезды музыкальные, или кем ты сейчас являешься, каким-то гибридом, я думаю, мы, артисты, в глазах публики — народ особый. И у нас есть разрешение от общества, данное по умолчанию, вести себя по-особому, как когда-то вели себя античные полубоги. Мы выражаем фантазии масс. Они ждут от нас этого. Обычные нормы морали на нас не распространяются. В эти дни мы в буквальном смысле чуть не совершили убийство. Ты понимаешь, о чем я, Свонни? Мы просто ведем себя так, как нам положено. Ох, Мэгги дорогая Мэгги Дарлинг, ты, кого я обожаю, ты не должна принимать все это на свой счет. Мы просто делаем то, что нам положено делать.

Свонн спрыгнул с кровати и распростерся у ног Мэгги.

— Мамочка, дорогая. Прошу, не покидай меня.

— Он тебя тоже мамочкой называет? — спросила Регина, зажигая сигарету.

— Да, — ответила Мэгги без какого-либо смущения или сожаления. — Можно и мне одну?

— Конечно. Извини, пожалуйста. Сейчас курить стало немодно. Никто больше не курит.

Мэгги обошла распростертого ниц Свонна, чтобы взять сигарету из протянутой ей пачки.

Он потерял мать во время какого-то ужасного террористического акта, — сказала

Мэгги, выдыхая облако дыма.

Стонны Свонна стали походить на звуки, издаваемые на дыбе.

— Какая чушь. — Регина поднялась с кровати и гордо прошла по всей комнате к тому месту, где, свернувшись в клубок, лежал Свонн. Мэгги просто умирала от желания узнать, как ей удалось сохранить такую превосходную фигуру. Пластическая хирургия? Имплантанты? Гормоны? Все вместе и степ-аэробика в придачу, никаких сомнений. — И ты рассказал ей эту сопливую историю, дешевка ты вонючая? — сказала Регина, ударив Свонна ногой в задницу достаточно сильно, чтобы меж его всхлипываний прорвался негромкий крик. — Чтоб ты знала, его предки живы и здоровы. Живут в Уэст-Уайкомбе. Отец — ветеринарный хирург, а та, которая выносила и родила его, — Регина сделала паузу для драматического эффекта, — разводит гибридные розы для Королевского садового общества. Он тебе весь сценарий рассказал? И про бега жуков, и про малайских террористов, устроивших взрыв, и про парализованного отца, и про отвратительную квартиру в Спиталфилдс?

— Да, ну и что?

— Да все — вранье. Ты ничтожный мальчишка!

— Извини, — застонал Свонн. — Мне *так* стыдно.

— Ах, замолчи.

— Вы раньше были любовниками, да? — спросила Мэгги, когда неизбежная правда в конце концов дошла до нее.

Регина рассмеялась, хотя и без жестокости.

— Дорогая, дорогая Мэгги. А как ты думаешь, почему он получил эту роль? Заказать тебе билет домой?

— Было бы очень мило с твоей стороны, Регина, — сказала Мэгги, переступая через Свонна, чтобы собрать свои лосьоны и кремы с туалетного столика, стоявшего рядом. — А я пока собираю свои вещи.

Часть шестая

ДОМАШНИЕ ТРУДНОСТИ

1

Конец веселью

Было очень жалко, что ей пришлось узнать обо всем этом из газет. В аэропорту Кеннеди было семь часов вечера, когда она уселась на заднем сиденье нанятого для нее лимузина с «Нью-Йорк таймс» в руках. Ее не было в стране всего пять дней, во время своей «венецанской интерлюдии» она не смотрела и не читала никаких новостей об Америке, поэтому, пока машина мчалась на север, в Коннектикут, сквозь весенние сумерки, она впиалась глазами в газету. На Амуре было все то же самое между китайцами и русскими. Сепаратисты северо-западного побережья Тихого океана («Деревянные головы») взорвали административное здание Национальной лесной службы в штате Вашингтон, рядом с дамбой в каньоне Гранд-Кули. Тед Тернер сделал попытку силовым нажимом вернуть одноименную телевизионную компанию, которую он продал «Тайм Уорнер» несколькими годами ранее. («Привлекательный малый этот Тед, — заметила про себя Мэгги, — к тому же в последнее время доступный».) Статистический показатель безработицы в стране достиг двенадцати процентов. Мегаконгломерат «Морган Чейз-Флит-Ситибанк» вскоре может быть поглощен ультраконгломератом «Дойчехаусойробанк», получившим контроль над Аргентиной во время дефолта несколько месяцев назад. «Шайка делового обеда» нагло ограбила рестораны «La Cote Basque» и «Zoe» в один и тот же полдень. Заголовок в разделе «Метро» сообщал: «В деле о стрельбе на Паркуэй нет подозреваемых».

Мэгги поднесла газету ближе к глазам и подстроила гибкую лампу. Единственным погибшим в результате второй перестрелки на Меррит-Паркуэй, в ходе которой было ранено пять человек, был Роберт Дипиетро, пятидесяти семи лет, из Ботсфорда. Дипиетро был отключен от системы жизнеобеспечения после двух дней, проведенных в госпитале Святой Сесилии в Стэмфорде. Мэгги пошатнуло вперед, и она стала искать, за что можно хватиться. Мир закружился, и огни на встречной полосе, казалось, пронизали ее насквозь. Она поняла, что учащенно дышит, и постаралась успокоиться, подсчитывая каждый вздох. Но ей никуда было не уйти от осознания того, что ее главный садовник и дорогой друг, Боб Дипиетро мертв. Убит! Еще одна статистическая единица в замедленном американском холокосте. Гнев и ужас пробежали по ее телу, как электрический ток. Автомобиль был одной из этих глупых длинных машин, и это все, чем она могла сейчас воспользоваться. Водитель был отделен от пассажирских мест стеклом. Ей крайне необходимо было с кем-то поговорить, и в то же время она боялась показаться лишившейся рассудка. С обеих сторон заднего сиденья стояли телефоны, она потянулась за одним из них и начала нажимать на кнопки, тяжело дыша.

— Да, в чем дело? — глубоким мужским голосом ответил кто-то в трубку.

— Извините, я, должно быть, ошиблась номером.

Она снова набрала номер.

— Ну, чего?

— Это 645-5527?

— Я не знаю, какой здесь номер.

— Ну, а кто вы?

— Деф Трип.

— Что?

— Ди Ти. Большой Ди. Миста Ди. Ну, а ты кто?

— Минуточку, — сказала Мэгги. — Это дом Дарлинггов?

— Может быть, — ответил голос. — Уж точно не мое гнездышко.

— О боже!..

Она бросила телефон и проплакала от моста Трогс-Нек до Гринвича. С помощью компьютерных технологий за последние годы удалось поднять обслуживание телефонных компаний до должного уровня. Она попыталась позвонить домой Нине, но там был включен автоответчик. То же было и у Гарольда Хэмиша, и у Хэтти Мойль, и у Эвы Мосли. Она хотела позвонить матери, но, подумав, решила этого не делать. В конце концов, когда чувство отвращения пересилило ее гнев и скорбь, она просто откинулась на сиденье и принялась грызть ногти, глядя в окно на то, как дождь делал светофоры полосатыми и сюрреалистичными, представляя свое летнее существование без Боба. Невозможно...

Тем временем лимузин пробирался по лабиринту знакомых деревенских дорог к ферме Кеттл-хилл, и Мэгги, как всегда, охватил трепет, когда они миновали каменные ворота и поехали по длинной подъездной дорожке к ее прекрасному дому. Оказалось, что парковочная площадка битком забита машинами: огромный белый «мерседес», нелепо разрисованный золотыми пятнами, «шевроле-субурбан» на сверхвысоких амортизаторах, «сааб» Хупера. Ее настроение опять упало, когда она выходила из лимузина. Зловещий барабанный бой так громко раздавался в восточном крыле дома, что у нее сотрясалась грудная клетка. Она попросила водителя, высокого сикха в тюрбане, помочь ей занести в дом багаж и не уезжать еще несколько минут. Дом провонял марихуаной. Следуя запаху, она дошла до игровой комнаты, где четверо чернокожих молодых людей пили коньяк, ели пиццу и радовали себя видео на гигантском телевизионном экране. На Мэгги они не обратили никакого внимания, даже после того как она закашляла. Ей пришлось встать между ними и экраном.

— Ну, чё? — спросил самый крупный из них на грани негодования.

— Как выключить эту штуку? — спросила Мэгги.

— Мы ее только что включили.

— Ага.

— Выключите немедленно!

— Это наш гвоздь программы в этом месяце.

— Кто эта сучка? — спросил худощавый, раздетый по пояс молодой человек у большого.

— Гвоздь, гвоздь, пожалуйста, брось, диги-диги, — речитативом пропел другой юноша в надетой набок бейсбольной кепке.

— «Нью-Йорк Метс» вышли из лиги, — подпел ему четвертый в очках светло-малинового цвета, придававших ему вид лощеного интеллектуала.

— Где мой сын? — спросила Мэгги.

Они посмотрели друг на друга, не понимая, о ком идет речь.

Видеофильм, который они смотрели, показывал бунт в тюрьме. Заключенные и охранники летали по экрану, брызгая кровью, в то время как в клетках, поднятых над основным действием, сексуально привлекательные девушки двигались в такт электронным

завываниям и выстрелам, звучащим, как аккомпанемент ударных.

Поискав провод за гигантским телевизором, Мэгги с силой выдернула его из розетки. Ужасное видео умолкло. Тишина поглотила комнату, как ударная волна перед грохотом взрыва. Мэгги решительно повернула регулятор света, и галогенные лампы засветили на полную мощность. Нежданные гости прикрыли руками глаза. Парень в бейсбольной кепке набок уронил на ковер кусок пиццы начинкой вниз.

— Кто, черт возьми, вы такие и что делаете в моем доме? — спросила Мэгги низким повелительным голосом, с помощью которого ей все-таки удалось привлечь их внимание.

— Мы — «Сладкие как смерть», — сказал громадный парень так, как будто сам факт был очевиден для всех. — А ты-то кто?

— Ох, привет, мам, — сказал Хупер, волоча из кухни упаковку голландского пива и огромную коробку печенья «Знаменитый Амос». Волосы у него спадали вниз странными жесткими кольцами, как будто были измазаны грязью.

— Эй, Хупер, это твоя мамочка?

— Кто, черт возьми, эти люди?

— Это — группа. То есть, я имею в виду, типа, ансамбль. Они играют рэп.

— А ты знаешь, что марихуана все еще вне закона в штате Коннектикут?

Рэперы рассмеялись и стукнулись друг с другом ладонями.

— Это — не притон для наркоманов. Вон. Вон! Вставайте и убирайтесь!

Парни продолжали обмениваться недоуменными взглядами. Хупер тоже скорчил беспомощную мину. Четверка так и не сдвинулась с места. Мэгги шагнула к самому большому из них и стукнула его по голени.

— Уй!

— Вон!

— Ну, мам...

— Все. Вон из моего дома.

— Эх, может быть, ребята, вы вернетесь в город? — предложил Хупер.

— Я не верю, что это твоя мама, Хуп. Мне показалось, ты сказал, что она свалила.

— О да, я свалила, — ответила Мэгги.

— Эй, ты могла бы быть главной сучкой бала, — сказал самый большой, по-детски показывая руками свое нежелание верить.

— Как ты меня назвал? — спросила Мэгги.

— Главной сучкой бала, — сказал Большой, смешно пожимая плечами своей огромного размера куртки с эмблемой футбольного клуба «Нью-Йорк Джетс» и глядя на своих товарищей и Хупера в поисках поддержки. — А что я такого сказал?

— Ой, мам, это — такой жаргон. Это не значит, что...

— Вон! Вон! Вон!! — закричала Мэгги. Она стала похожа на разгневанную хищную птицу, выставившую вперед клюв и когти.

— Все нормально, ребята. Встретимся в студии «С» завтра, в три часа. Без балды...

Голова у Мэгги как будто повернулась на стальных подшипниках, пока она старалась зафиксировать взгляд на Хупере.

— Что ты сказал? — спросила она.

— Я на самом деле, — начал объяснять он матери, — представляю...

— Представляешь... кого?

— Моих людей, — тихо сказал Хупер.

Все рассмеялись.

— Мне что, позвать полицию? — завопила Мэгги.

— Ты хреновая хозяйка, ты знаешь это? — заметил парень без рубашки, сидевший на диване.

— Это ты в самую точку, — пробормотал Большой.

Наступила длинная мучительная пауза. Все молчали. Где-то в глубине дома термостат отключил мотор в холодильнике. Старые часы тикали в коридоре.

— Здесь — тоска, — наконец сказал Большой. — Ребята, пора уматывать.

Первым встал парень с бейсбольной кепкой набок и забрал с кофейного столика гигантский пакет с травой, засунув его в невероятно странные штаны, висевшие так низко на бедрах, что трусы из-под них выглядывали почти полностью. Молодой человек в очках с красными стеклами вложил две бутылки пива «Хайнекен» в грузовые карманы своих штанов защитной окраски. Парень без рубашки вскочил с дивана, как резиновый мячик.

— Запомните, студия «С». Вход с Сорок девятой улицы. Все будет бути-хути! — бодро крикнул Хупер всем «Сладким как смерть», вразвалку выходявшим из комнаты. Последним выходящим был Большой. Он нес бутылку коньяка, держа ее за горлышко.

— Не дай бог это моя бутылка, дружок! — прокричала Мэгги ему вслед.

— Да, да, — только и ответил он.

— Все в порядке, мам. Они принесли напитки с собой, — сказал Хупер. — Возможно, все это тебя шокирует, но у них и сингл и альбом сейчас на первом месте в Америке. Эти парни — миллионеры.

— Это, может быть, шокирует тебя, Хупер, но я больше не хочу видеть такое, приходя домой.

— Это потому что они черные, да?

— Нет, потому что они хулиганы. Потому что они берут телефонную трубку вместо тебя. Потому что весь дом провонял травой, потому что они набросали пиццу на ковер, — ее голос сорвался на крик, — и потому, что Боба Дипьетро застрелили три дня назад на Меррит-Паркуэй и он — мертв... он — МЕРТВ! — Она задрожала от рыданий и прижалась к стене, закрыв лицо руками.

Было слышно, как шикарные машины завелись во дворе и выехали на максимально возможном газе.

Сикх, водитель лимузина, неожиданно появился, выйдя из-за угла темного коридора, с выражением полного самообладания на угрюмом лице. Мэгги и Хупер оба вздрогнули, увидев его.

— Вы — очень смелая женщина, — сказал он, добавив фразу, построение которой выдавало в нем вечного иностранца: — Но я наблюдал все происходящее, будучи подготовленным. — С этими словами он достал из своей водонепроницаемой ветровки впечатляющий кольт 45-го калибра.

— Ух ты, — отпрянул Хупер.

— Зачем вы так насвинячили в доме вашей матери? — спросил сикх у Хупера.

— Это всего лишь для развлечения.

— Для вас, американцев, теперь все развлечения. Даже конец света.

— Спасибо... что вы защищали нас, — сказала Мэгги.

Сикх запихнул громадный пистолет себе за пояс.

— Никаких проблем, — сказал он. — Вы платите сейчас? Двести долларов.

— Да. Хорошо. — Мэгги внутренне собралась, чтобы хватило сил порыться в сумочке на ремешке, и протянула ему несколько смятых пятидесятидолларовых купюр, на одну больше, чем следовало, в знак благодарности. В обмен он протянул ей свою визитную карточку, на которой было напечатано: «В высшей степени мобильный лимузин. Пранадат Сингх, владелец».

— А те, кто будет гневить богов, получают по заднице, — заметил он вскользь. И спустя миг и его уже не было.

— Боб умер? — решился еще раз спросить Хупер после того, как вдалеке раздался звук закрывающейся парадной двери. Долгие годы Боб Дипиетро был ему почти как родной дядя.

— На какой, черт возьми, планете ты живешь?

— Я все время на работе. Это так странно, что ты вернулась домой как раз тогда, когда я фактически впервые за неделю дома.

— А где Элисон?

— В городе. Она тоже круглыми сутками работает. Мы оба — как трудоголики.

— А где тетя Линди?

— Я не знаю. Где-то. Я слышал о снайпере. Но вовсе не подозревал, что Боб — это тот, кто был убит.

— Куда катится этот мир? — сказала Мэгги, падая в объятия удивительно сильных сыновних рук.

— Не знаю, мама. Может быть, всему следует развалиться, прежде чем снова слиться воедино.

— У тебя отвратительная прическа.

— Извини. Это эксперимент с модой. Ты рано вернулась из Венеции.

— Там ничего не получилось, — сказала она и еще разок всплакнула.

— Я знаю, что ты была с Фредериком Свонном.

— Откуда ты знаешь?

— Эм-ти-ви. Я теперь там работаю.

— Да?..

— Есть такая передача «Страна слухов». Ты с ним туда попала. Просто фотографии из какого-то аэропорта в Италии.

— О боже...

— Ты, мамуль, выглядела нормально. Не беспокойся. Но я не думаю, что вы подходите друг другу.

Мэгги сама удивилась тому, что рассмеялась. Яд и раскаянье из ее головы сочились одновременно.

— Ты хоть понимаешь, насколько абсурдной становится жизнь? — простонала она.

— Послушай, мам, для меня она всегда была полностью абсурдной.

— Что?.. Я так старалась, чтобы у тебя все было хорошо.

Хупер погладил ее по голове.

— Может быть, мама, все было немного более чем нормально. А что ты все же делала с Фредериком Свонном в Италии?

— Не знаю. — Мэгги снова принялась рыдать. — Мне нужно лечь, а то начнется истерика. Поговорим утром.

— Эй. Я рад, что ты вернулась, мам. Извини за... хм...

Она подняла руку, показывая, что не вынесет больше ни слова объяснений.

— Здесь пусто без тебя, — сказал Хупер, не в силах сдержаться.

2

Хочу нормальной жизни

Она чуть не опоздала на похороны. Следующим утром какой-то друг семьи Дипиетро ответил по телефону и послал ее в церковь Святой Девы Божественной Чаши в Дэнбери. Она прибыла уже тогда, когда процессия направилась за автомобилем с гробом на кладбище Святых Имен. Вдова Боба, Эмили, хирургическая сестра, работавшая каждый день по локти в крови в городской больнице в Дэнбери, была так потрясена смертью мужа, что ее вели под руки ее сын Джин и двоюродная сестра. Мэгги решила продолжать выплачивать зарплату Боба в течение полного года. Она попросила священника сообщить об этом Эмили, чтобы та, по крайней мере, не считала, что осталась без средств к существованию. Священник сказал Мэгги, что у Боба был страховой полис, но зарплата между тем будет хорошей поддержкой. Потом они оставили Боба лежать в земле, которую он так любовно обрабатывал долгие годы.

«После этого все что угодно ради возвращения к нормальной жизни, — думала Мэгги. — Все что угодно!»

Вернувшись с похорон, она застала Нину в «сердце» дома. Она фаршировала помидорки-черри тапенадом с каперсами на завтра для обеда членов совета директоров Общества изучения истории средневековья Йельского университета. Мэгги молила Бога дать ей хотя бы какую-нибудь тупую работу, и сверхчувствительные антенны Нины точно уловили это состояние. Она дала Мэгги задание прищипывать слоеные пирожки, которые были уже начинены сливочным сыром с мясом краба в карри. И в течение часа они не обмолвились даже словом. Они просто слушали радио, в котором среди прочего прозвучал ангельский тенор Свонна, певший нелепую рок-арию в стиле псевдобарокко. Мэгги одновременно заплакала и рассмеялась. Заплакала из-за своего разбитого сердца, а рассмеялась над тем, из-за кого это сердце было разбито. После всего она была уже готова выпить кофе и рассказать Нине обо всем. В семидесятых годах Нина была замужем за участником рок-ансамбля, поэтому она понимала этот тип людей и стиль их жизни. (Теперь ее бывший супруг содержал прогулочное судно для наблюдения за китами в Саут-Уэллфлите на полуострове Кейп-Код.) Мэгги без утайки рассказала ей все о своем фиаско в Венеции, не скрыв даже унижительную развязку.

— Думаю, что Регина оказала тебе услугу, — сказала Нина.

— У меня странное чувство, что она вежливо предложила мне уйти, поднеся на дорожку, как говорится, на серебряном блюде. Быстренько и красиво.

— Так оно и есть.

— И что еще удивительней, так это то, что я обрадовалась, когда застала их вдвоем. Как будто, о боже, испытала громадное облегчение.

— Зато теперь тебе не нужно переживать из-за его чувств.

— Да, он казался таким любящим.

— Бедный щен.

— А я одновременно обрадовалась и почувствовала себя обманутой. Странно, ведь так?

— Нет. При таких обстоятельствах это нормально. Просто ты должна сказать себе: «Спасибо, Боже, я — в порядке».

— Ты знаешь, после того как Кеннет... ушел, я вообще и не помышляла о каком-нибудь

мужчине...

— Какая ерунда.

— Ну, не совсем. А потом Свонн ворвался в мою жизнь, как... как стихийное бедствие. Он разбудил во мне что-то, о чем я почти забыла... желание. Я ни на миг не жалею о том, что случилось. Если бы я осталась в Венеции еще на день, то, возможно, и жалела бы обо всем, что произошло. Ты думаешь, я выставила себя в глупом виде?

— У тебя был роман, Мэгги Дарлинг. Не обижайся, но, мне кажется, что после более чем двадцати лет жизни с Кеннетом ты заслужила право немного погулять. И, несмотря на журнал «Пипл», все в мире забудут об этом через месяц, после...

— О нет! Об этом было в «Пипл»?

— Просто маленькая заметка на последней странице. Даже без фотографии.

— Ну и хвали эту Конни Маккуиллан после этого.

— Такое не утаишь, Мэгги.

— Нина, остались ли в этом мире нормальные мужики?

— Я не знаю, — ответила Нина. — Я уже перестала искать.

— Боже, а ведь ты меня на сколько... на семь лет моложе?

— Да, но я дважды была замужем, плюс, дай вспомню, четыре очень серьезных любовника в течение многих лет, плюс разные в промежутках. А вот уже два года я без мужчин. И знаешь что? Мне это очень нравится. Никакого ухода, никакой кормежки, и, что самое главное, ни с кем не нужно ничем делиться. Это — самое лучшее! Конечно, я сразу забуду об этом, как только мне подвернется подходящий.

— Подходящий, — эхом повторила за ней Мэгги, продолжая лущить сладкий горох. — Подходящий.

— Станешь ли уважать природу человека после этого? — сказала Нина.

3 Прием на работу

В садах царила полная разруха. Зима собрала свою обычную дань в виде сломанных веток и загубленных роз, а с наступлением весны Мэгги была так расстроена и так часто отсутствовала, что маленькие жильцы многих клумб, посадок и укромных уголков восстали и подняли бунт, подобно черни против нерадивой королевы. Она не могла проходить мимо этих обломков некогда прекрасного, чтобы не пустить слезу. Все напоминало о том, что Дипиетро проработал здесь долгие годы, и вызывало воспоминания: шпалера грушевых деревьев у солнечной южной стены, сад водяных лилий в северном пруду, гранитные бордюры вокруг грядок с лекарственными травами, четырехсотлетний дуб, спасенный Бобом благодаря умело проведенной операции, домик для ласточек, сооруженный им в первую зиму его работы здесь. Воспоминания мелькали эмоциональными кадрами ушедших лет, на большинстве которых она видела Хупера маленьким мальчиком, ведущим непрестанную войну с Бобом и его командой. Они были то индейцами, то римлянами, то фашистами, то русскими — все зависело от того, какой фильм видел Хупер на прошедшей неделе. Боб по-своему прекрасно готовил. Особенно он славился своим лимонным кексом с розмарином.

— О, Боб, — шептала она с комком в горле, — смогу ли я когда-нибудь заменить тебя кем-то?

Мэгги вдруг поняла, что она даже не знала фамилий тех, кто работал вместе с Бобом, а о

сменном составе, приглашавшемся для выполнения отдельных работ, она знала только имена или прозвища отдельных из них: Спад, Рори, Хозе, Лерой, Тирон, Лось, Большой Эдди, Том-О, Уидж, Микки, Дуан и даже, кроме шуток, Дебил — и то потому, что общалась с ними долгие годы. Но сейчас она не знала даже, как с ними связаться. Боб всегда выступал субподрядчиком и сам платил работникам. Сейчас Мэгги не хотелось беспокоить его вдову такими пустяками.

Решив не помещать объявления в газетах, она просто пустила слух через своих многочисленных работниц, что великолепная должность главного садовника на ферме Кеттл-хилл вакантна. Эффективность такого «сарафанного» радио подтвердилась: первые звонки начали раздаваться уже через пару часов. Уже через три дня после своего возвращения Мэгги лично побеседовала с десятком претендентов. Это была утомительная работа. Кандидаты были самые разные: от абсолютно неквалифицированных, как, например, представившийся садовником-декоратором человек, рывший компостные ямы и сажавший можжевельник в загородных корпоративных городках, до неприятных, вроде мужеподобной лесбиянки, назвавшейся Джинкс, которая курила короткие сигары и сплевывала при этом в розы. Остальные были более-менее, но не очень подходили. Ей не хотелось взять кого-то просто временно и не хотелось учить кого-то с азов. Но вот появился последний кандидат, некий Уолтер Фойрветер.

Что-то в нем показалось в начале странным. Может быть, то, что он казался *слишком* правильным: этакий усердный фермер из Коннектикута, ростом метр восемьдесят, в выгоревшей куртке цвета хаки, резиновых сапогах фирмы «Л. Л. Бин» и поношенной голубой рубашке на пуговицах в тон глазам. Его русые волосы почти полностью поседели, но он все еще стригся по студенческой моде 1965 года. Очки в стальной оправе придавали ему слегка книжный вид, а невероятно элегантные ногти на длинных пальцах его рук выглядели так, словно никогда не касались сырой земли. Он прикатил на сером «вольво», которому было уже не менее десяти лет. Если не считать краски, потерявшей свой блеск, машина выглядела безукоризненно ухоженной. Когда Мэгги представлялась ему, он никак не отреагировал на ее знаменитое имя. И другие не реагировали на него, но другие с полной очевидностью относились к социальной прослойке... ну, скажем, синих воротничков.

— Пройдемся по садам, — предложила Мэгги, и они пошли по выложенной кирпичом тропинке персикового сада. — Как вам удается содержать свои руки в таком прекрасном состоянии, господин Фойрветер? — впрямую спросила Мэгги. Она сама удивилась тому, что машинально обратилась к нему настолько официально. Что-то в нем было такое, что требовало этого, несмотря на то что теперь все, начиная с дворника и кончая президентом, называют друг друга по имени.

— Я держу их в ванне из смеси теплого воска и ланолина дважды в неделю, — ответил он. Он произнес это голосом, похожим на скрип двери старого амбара.

— Да? Нужно попробовать.

— Здорово помогает.

— А это мой любимый сорт, — сказала Мэгги, отступая, чтобы полюбоваться на поздний белый тюльпан с красными прожилками, — «юнион джек»!

— Хм. Миссис Дарлинг.

— Да, господин Фойрветер?

— Этот сорт называется «кроваво-красный граф блоудитч».

— Мне следовало, бы знать свои собственные тюльпаны.

— Конечно, и мне не хочется выглядеть спорщиком.

Она взглянула на цветок, а потом посмотрела на Фойерветера, загораживавшего довольно яркое весеннее солнце.

— Хорошо. А почему вы так уверены?

— У «кровоаво-красного графа» желтые тычинки, а у «джека» они — красные.

— Откуда вы все это знаете?

— Я подумал, что вы ищете знающего садовника.

— Да.

— В этом и есть знание.

Мэгги на миг остановилась. Фойерветер выглядел немного взволнованным. Они пошли дальше.

— Все ужасно запущено, — сказала Мэгги, когда они проходили мимо кустов редких роз. — Вы только взгляните на эти поломанные стебли.

— У нас была суровая зима.

— Умеете ли вы ухаживать за овощами? — тихо спросила Мэгги.

— Вполне.

— А за травами?

— Аналогично.

— У меня растет двадцать три разновидности одного только базилика.

— Эта нагрузка мне по плечу, — сказал он, а она подумала, нет ли снисходительности в его словах.

— Кажется, вы очень уверены в себе.

— Я понимаю в садах, миссис Дарлинг.

— Хм-ммм.

Они пошли дальше мимо еще большей частью спящих грядок с многолетними растениями.

— Вы знаете, мой предыдущий садовник был убит на шоссе.

— Да, я слышал. Трагедия. Ужас. Я бы по этой дороге больше не поехал.

— Я не знаю, к чему я это сказала. Это был такой удар.

— Такое бессмысленное насилие может кого угодно разозлить, — сказал Фойерветер. — Особенно если коснется непосредственно.

— Вы рассуждаете как психолог, господин Фойерветер.

— На самом деле я занимаюсь историей искусства.

— То есть как любитель?

— Нет. Я преподавал в Йеле.

Застигнутая врасплох таким ответом, Мэгги на миг задумалась. В нем все же с самого начала чувствовалось что-то необычное.

— Так-так, — сказала она. — Как я понимаю, вы... там больше не работаете.

— Почти пять лет назад я вынужден был заняться поисками другой работы.

— А можно спросить, что случилось?

— В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году я уволился из колледжа в Иллинойсе, где у меня была постоянная работа, чтобы перейти в Йельский университет. Это был перевод по службе, и работа мне была гарантирована. Но тут, как назло, стали ратовать за политкорректность. На свое несчастье, я был белым мужчиной средних лет, оказавшимся абсолютно не в том месте в абсолютно не то время, — сказал он, чуть подхихикнув.

— Ну а что с другими колледжами?

— Они не берут на работу людей моего возраста и этнической принадлежности. Я не жалуясь. Просто так обстоят дела.

— А вы жалеете о той постоянной работе, которую вы оставили в... где это было?

— В Иллинойсе. Нет. Сам городишко был чуть больше какого-нибудь магазина «Кмарт», расположен между полями сорго. Я родом из долины реки Гудзон и скучал по востоку.

— Ферма Кэттл-хилл потребует от вас полного внимания, господин Фойрветер. Это работа на полный рабочий день. Вы не сможете брать еще и других клиентов.

— Так получается, что единственным другим клиентом у меня остается имение Троста в Мидл-Степни. Да и его уже продали.

— И вы там были после того, как... — она не смогла договорить.

— Да, я был там сразу же после того, как его самолет был сбит над Бермудскими островами два года назад. Сады заросли и, можно считать, совсем загублены. До этого, конечно, я работал в дендрарии в Литчфилде, я уже рассказывал об этом по телефону.

— Так вы довольно продвинутый любитель, не так ли?

— Не более чем вы, миссис Дарлинг, — ответил он.

Мэгги направилась к крытой аллее, увитой глицинией, соединявшей огород лекарственных трав с бассейном.

— А сможете ли вы управлять работниками? Боб, мой предыдущий садовник, полностью брал на себя это: зарплату, жалобы рабочих. Ну, вы понимаете, как главный подрядчик.

— Да, я смогу всем этим заниматься, — ответил он.

Весь остальной путь до его машины они прошли молча. С ним легко было молчать. Ей это нравилось. Фактически она приняла решение принять его на работу, когда протянула ему руку на прощанье и сказала, что позвонит на следующий день после того, как побеседует с оставшимися кандидатами и сделает свой выбор. «Черт возьми, — подумала она. — Какой же он симпатичный. А человек по природе своей так слаб».

4 Нашествие монстров

Она проснулась от звука, похожего на тот, который издавала бы кошка в машинке для чистки обуви. Крики и стук сначала так напугали ее, что она подскочила и схватила кочергу со стойки, заняв оборонительную позу за шезлонгом в углу своей спальни. Ей казалось, что в любой момент на нее может напасть дьявольски гадкая гигантская летучая мышь из тех, что рисуют на обложках дешевых изданий в супермаркетах. Но шум оказался криками с рыданием молодой женщины, бившей в дверь руками и ногами и громко стучавшей дверной ручкой.

— Открывайте сейчас же, вы, мерзкие трусы! — кричала она.

До Мэгги наконец дошло, что это был искаженный голос Элисон. Она вышла в коридор. В дальнем его конце Элисон стучала в дверь спальни Линди ладонью. Ее голос поднялся до самого верхнего регистра и был настолько пронизывающим, что Мэгги испугалась за дорогой стеклянный кувшин, стоявший в нише у лестничного пролета.

— Я знаю, что ты — там, — кричала Элисон.

Мэгги поспешила к ней и попыталась ее успокоить, но Элисон удалось отмахнуться от попытки обнять ее.

— Он трахается с ней уже несколько недель!

— Кто?

— Ваш придурочный сынок!

— Хупер?

— А что, есть другой?

Внезапно дверь распахнулась. Элисон, потеряв равновесие, поскольку в этот момент она колотила в нее, почти свалилась на Линди, которая стояла во фланелевом халате с оцепенело обиженным видом.

— Ты — грязная шлюха, — зарычала Элисон. — Совратительница.

— Он что, действительно там? — спросила Мэгги у своей старой подруги.

— Это так несправедливо, — сказала Линди, уголки ее рта искривились, словно дамба, давшая трещину под напором большого резервуара эмоций. — Не верится, чтобы ты могла подумать...

— Хупер! — протяжно прокричала Элисон.

Фигура крупнее, чем Линди, появилась за ее спиной из темноты. Затем вперед вышел симпатичный молодой человек, выходец из Латинской Америки, в трусах, с капюшонообразными веками и вытатуированной на левом плече оскалившейся черной кошкой. У него были прекрасные черные волосы, собранные в пучок резиновой лентой, а на шее висела золотая цепь с подвеской в виде черепа с рубиновыми глазами. Мэгги не могла не заметить, что он был очень красив. Красив как модель. И, очевидно, намного моложе Линди. Возможно, вдвое моложе. Мэгги совершенно не понимала, как к этому отнестись. То, что она чувствовала, можно было назвать осторожным восхищением.

— Это не Хупер, — сказала Элисон, вновь обретя дар речи.

— Я — Хавьер, — сказал молодой человек, почесывая волосатый живот.

— Удовлетворены? — Линда посмотрела сначала на Элисон, а потом на Мэгги мученическим взглядом. Когда она осторожно закрывала дверь перед ними, из глаз ее полились слезы. Слышно было, как она зарыдала.

— Я так унижена, — сказала Элисон.

Мэгги попыталась обнять расстроенную девушку, но та выскользнула и побежала по коридору к лестнице. Мэгги последовала за ней только до балюстрады. Она представила себе Элисон и Хупера, лежавших в садовом домике в нежных объятиях, словно взрослые. От этого ей немедленно стало плохо. Только вернувшись в свою спальню, она поняла, что Хупера не могло быть в садовом домике. Для чего тогда Элисон нужно было идти в большой дом, чтобы разыскивать его? Его «сааб» был на стоянке. Где Хупер? Жизнь стала ужасно скверной, хуже, чем тошнота.

Чуть позже к стоянке подъехала машина. Мэгги подлетела к окну с мыслью: «Ну, что еще? Заезжие грабители? Серийные убийцы из Норуолка?» Все выглядело так, будто ее мир подвергся нападению пришельцев. Но это оказалось такси из Дэнбери. Едва заметная женская фигурка промелькнула мимо живой изгороди из тисов, вся увешанная сумками и сумочками. Элисон! Она уезжает! Из машины вышел водитель, помог ей уложить вещи в багажник, и они уехали. «Итак, — думала Мэгги, массируя свои пульсирующие виски, — Хупер исчез, разрушив свои первые серьезные отношения». Стараясь представить себе его лицо, она увидела черты, больше напоминавшие Кеннета, нежели Хупера, и это шокировало

ее. Ей неожиданно захотелось выпить. На пути в кухню, чтобы налить себе стакан хереса, она заметила слабый свет, мерцавший под дверью ванной за северной комнатой для гостей. Крадучись она прошла мимо спальни Линди, откуда доносились стоны и скрип пружин страсти, которой Линди предавалась со своим новым поклонником. Куда катится жизнь на ферме Кеттл-хилл? Совсем недавно, несколько месяцев назад, казалось, что она состояла из фаршированных индеек, маленьких хитростей, здравых вещей, вечеринок и званых обедов с дорогими друзьями и знаменитостями, прекрасных дней в саду, который был еще в порядке, стабильности, плодотворности, порядка, щедрости... ух! Она вздрогнула, вспомнив, как Лора Уилки выскочила из роковой туалетной комнаты в рождественский вечер, расколов ее мир на мелкие кусочки, как елочную игрушку из дутого стекла.

Она постучалась в дверь ванной. Оттуда раздался сдавленный мужской стон. «Хупер, — подумала она. — А кто еще?»

— Хупер, — прошептала она. — Это мама.

Он ответил еще одним, более слабым стоном, в котором звучала боль. Дверь была открыта. Войдя внутрь, она увидела Хупера, лежавшего на спине в ванне; на краю умывальника горела свеча, а между его на удивление волосатых ног плавала почти пустая бутылка шотландского виски.

— Ты — пьян!

— А ты сошла с ума.

— Ты абсолютно в дым!

— Ну, да. Я завтра протрезвею, а ты так и останешься сумасшедшей, — невнятно пробормотал он и рассмеялся над своей собственной шуткой.

Мэгги издала пару резких продолжительных криков. За стеной в комнате послышался шум, и вскоре в двери показались Линди и Хавьер.

— Все хорошо, мы — здесь. Что случилось? — спросила Линди, пытаясь взять ситуацию в свои руки, хотя было ясно, что она сама напугана.

— Ты знаешь этого человека? — спросил Хавьер, указывая большим пальцем на ванну.

— Конечно. Это мой сын, — ответила Мэгги, стараясь сдержать истерику, рвущуюся изнутри, словно какой-то монстр.

— Эй, только посмотрите. Это же тетушка Линди, — сказал Хупер, откинувшись головой на плитку стены. — Гляжу, у тебя новый дружок. Как тебя зовут, дружок?

— Я — Хавьер.

— Положи-ка ее сюда, парень. — Хупер вяло протянул свою руку, словно говоря «дай пять». В мерцании свечи на его запястье видны были порезы. Кровь из них скорее сочилась, нежели текла. Тут монстр выскочил из Мэгги, и она неудержимо завывала. Вся эта суета только повергла Хупера в соц. Руки его соскользнули в остывшую воду, оставляя в ней следы крови, похожие на струйки дыма. Казалось, что годы слетают с его лица по мере того, как слабеют мышцы. Несмотря на заросли волос на груди, он снова выглядел десятилетним мальчиком.

— Мэгги, успокойся, — сказала Линди. — Вынь его из ванны, Хави.

— Он хотел убить себя! — завывала Мэгги.

— Из-за тебя!

— Не будь смешной.

— Ты спала с моим сыном!

— Как я могла спастись с Хупером, когда я трахалась с Хавьером?

Тем временем Хавьер извлек Хупера из ванны и взвалил его на одно из своих чрезвычайно широких плеч, как мешок *masa harina*. Линди проводила его в северную комнату, где Хупер был уложен на массивную кровать из струганых бревен. Мэгги немедленно принялась осматривать раны на его запястьях, которые, теперь было очевидно, выглядели как царапины, нанесенные слегка потревоженной кошкой. Тугие повязки были не нужны, но она обмотала запястья Хупера хлопковыми гостевыми полотенцами, чтобы он не запачкал перкалевые простыни в двести восемь ниток на сантиметр. Еще она опасалась, чтобы его не стошнило на них.

— Спасибо за помощь, Хавьер, — сказала она вежливо, задержав взгляд на татуировке и подвеске в виде черепа. В колледже, вспомнила она, Линди была более расположена к мужчинам в строгих костюмах от «Братьев Брукс».

— Не стоит, — скромно ответил он и удалился.

— Я не делала того, о чем ты подумала, — немного погодя прошептала Линди в коридоре, когда они собирались разойтись по комнатам. — На самом деле, Мэгги. Сама мысль. Отвратительно.

— Где ты нашла этого парня?

— Хавьера? Он... он ждал приема у доктора Кляйна.

— Он ходит к твоему психоаналитику?

— Ну да. Конечно.

— Это звучит не очень мачо.

— Откуда этот расизм, Мэгги?

— Извини. Он просто не похож на того, кому нужен психоаналитик.

— Поскольку его родной язык испанский, верно? Это еще одна низость с твоей стороны.

— Еще одна низость? — безвольно повторила Мэгги.

— Да. А кто только что вернулся из Венеции после разгула с парнем, который тебе в сыновья годится?

— Это совсем другое, Линди. И ты знаешь об этом.

— Потому что он англичанин и большая, черт побери, звезда в рок-музыке, да?

Мэгги почувствовала стыд и усталость, она была обезоружена.

— Я думаю, что вся эта дурацкая деревенская жизнь в Новой Англии плавит тебе мозги, — горько сказала Линди и оставила дрожащую всем телом Мэгги одну в коридоре.

5

Прощание

Херес оказался недостаточно крепким. Вместо него Мэгги достала бутылку односолодового виски и опрокинула первый бокал, словно завсегда одним из старых баров на Третьей авеню, в которых на мармитах полно солонины с капустой. Затем она налила себе еще на два пальца в высокий тонкий бокал для флипа, чтобы пить медленно. Часы над раковиной показывали без четверти четыре. Когда на кухонном столе зазвонил телефон, она приняла его за маленький НЛЮ, полный злобы чуждого мира. Но вместо того чтобы швырнуть его об стенку или продолжать слушать, как он звонит, она дотянулась до трубки, поскольку, помимо всего прочего, ей было любопытно узнать: какой безмозглый идиот может звонить в такое время.

— Это Свонн.

Она не удержалась и рассмеялась. Все напряжение и ужас прошедшей ночи превратились, как в колбе алхимика, в четкое понимание абсурдности жизни.

— Чувствую, ты меня простила, — осмелился произнести Свонн.

— Нет. Просто мне было интересно, какой кретин мог позвонить в это время суток. — Она снова рассмеялась. — Теперь я знаю.

— А который у вас там час?

— Около четырех утра.

— Боже милостивый! Я неправильно высчитал.

— Все равно я не прощу тебя. Ты — напояженный членобразный кусок английского дерьма.

— Я очень сожалею.

— А как там Регина?

— Ты что, действительно готова поболтать?

— А почему нет? Я сижу в кухне, нагружаю виски по семьдесят долларов за бутылку, поскольку мой сын попытался сегодня вскрыть себе вены.

— Боже мой! Из-за чего?

— Я не хочу об этом говорить. Как Регина?

— Она ушла к Тедди Дэйну.

— Полагаю, она вне себя от очередного приключения.

— Нет. На самом деле он неплохой парень.

— Ну, да...

— И мне кажется, что у них настоящая любовь.

— А что было у нас, Свонни?

— Ох, моя дорогая миссис Дарлинг. Я недостойн вас.

— Ты выражаешься очень красиво.

— Но знаешь, у меня все из рук валилось от постоянного беспокойства. Как мы могли с тобой жить вместе? В номерах гостиниц в незнакомых городах? Все казалось таким безнадежным и невозможным. А я не мог заставить себя все это обсудить открыто.

— У меня были те же мысли, мой дорогой.

— Правда?

— Я не находила слов, чтобы объяснить, что из этого ничего не выйдет. Я не подхожу на роль поклонницы знаменитости. Если это тебя утешит, то я все равно вернулась бы домой.

— Это плохое утешение. Я полон желаний обладать тобой. Но буду ли я когда-нибудь с тобой теперь?

— Да, это так.

— Так — это буду? Или не буду?

— Нет. Никогда больше.

— Я спрашиваю, потому что мне через месяц нужно будет вернуться в Нью-Йорк, чтобы закончить микширование альбома.

— В Нью-Йорке полно молоденьких девушек.

— Я правильно понял, что не стоит надеяться на твою благосклонность?

— Твое понимание подтекста безошибочно.

— Ну, тогда что?

— Ох, пока ты не исчез, как идет съемка?

— Чушь сплошная. Тесла стал совсем голливудским. Большинство сцен сейчас кончаются взрывами. Я буду очень счастлив, если это не разрушит мою карьеру. К слову, хочу тебе сказать, по-моему, я Регине не был нужен ни на йоту.

— Откуда ты знаешь?

— В тот вечер она еще до наступления ночи оказалась в постели другого мужчины.

— Да, это действительно довольно убедительное свидетельство. А как молодой Стив Эдди?

— Найджел полностью развратил его. Предполагаю, что он уже никогда не восстановится.

— А я предполагаю, что ты восстановишься, Свонни.

— Ты думаешь?

— Ты всегда сможешь петь в каком-нибудь заведении.

— Ты чертовски замечательный парень, Мэгги.

— Ты попал в самую точку. Хороший парень.

— До свидания, моя самая дорогая миссис Дарлинг.

— До свидания, мой бедный мальчик.

Часть седьмая

ПОТЕРИ И НАХОДКИ

1 Пропавший «объект»

Из дома стали пропадать вещи. Первой пропажей, замеченной Мэгги, был рубинового цвета кувшин, стоявший в нише у лестничного пролета. Она заметила его летом 1989 года во время распродажи домашних вещей в Мэне в куче дешевых китайских соусников, еще более дешевых пластиковых чайных чашек и другого мусора из распадающегося на составляющие хозяйства какой-то почившей старой девы. Позже представитель «Сотбис» оценил этот рубиновый кувшин в тысячу двести долларов. Но денежная его стоимость значительно уступала любви, которую Мэгги питала к абсолютному совершенству этого шедевра. Теперь он исчез. Она испытывала острое чувство стыда и вины от одной только мысли, что может заподозрить в краже кого-то из домочадцев. Например, прачку Квинону, мать-одиночку из Норуолка, двадцати одного года, которую иногда довозили до фермы Кеттл-хилл совершенно развратные типы. Или Хавьера. Она пыталась убедить себя в том, что ее подозрения по отношению к нему основывались исключительно на его татуировке, но более суровый голос внутри нее настойчиво повторял, что она — расистская сука. Аналогичные мысли появлялись и по поводу Флоренс, дневной горничной. Ее подозрения были противны ей настолько, что она отказалась думать об этом рубиновом кувшине вообще, каким бы великолепным он ни был.

Но следом пропал ее серебряный кофейник фирмы «Линкольн и Фосс». Это обнаружилось в то утро, когда Регги Чан приехал из города с командой стилистов и ассистентов, чтобы делать снимки для книги «Домоводство».

— Кто-то таскает вещи из дома, — прошептала Мэгги Нине, пока ассистенты устанавливали декорации, в которых Мэгги должна была чистить хрустальный канделябр зубной щеткой с пищевой содой.

— Кто кого таскает? — прошептала Нина в ответ.

— Нет. Вещи пропадают.

Нина заметно опешила, а воздух между ними неожиданно начал накаляться.

— Ты меня обвиняешь в чем-то?

— Стала бы я говорить, если бы в чем-то тебя подозревала?

— Ну, уж не знаю.

— Прекрати, Нина. Я тебе доверяю абсолютно...

Тут вмешался Регги:

— Мэгги, мы готовы.

Нина отправилась на кухню, где она испытывала рецепты на летний период работы. Им так и не дали шанса уладить эту размолвку, так как Нина уехала в четыре часа, когда Мэгги все еще демонстрировала метод восстановления позолоты на старых картинных рамах в своей мастерской для маленьких хитростей.

Около пяти, когда команда передвигала мебель для нескольких снимков Мэгги в процессе очистки от пыли балдахина в будуаре на втором этаже, она случайно выглянула в окно и увидела «вольво» Уолтера Фойерветера, подъезжающий к дому. Когда машина

остановилась у самшитовой ограды, из нее вышла блондинка — довольно молодая особа, не старше двадцати пяти, как показалось на расстоянии, к тому же неплохо одетая. На ней были хорошо сшитые джинсы и ярко-красная облегающая блуза с короткими рукавами и воротником-хомутом. Мэгги была поражена и в то же время не могла понять, почему это ее так удивляет. Но ее раздумья были прерваны, когда девушка, снова забравшись в машину, нажала на сигнал — три энергичных гудка. Через несколько секунд из-за деревьев расслабленной походкой вышел улыбающийся Уолтер, махая рукой девушке. Мэгги эта неожиданная сцена напомнила журнальную рекламу одежды для загородных прогулок, снятую методами порнокино. Уолтер чмокнул девушку и знакомым жестом пожал ей руку. Оба запрыгнули в «вольво» и уехали.

— Мэгги, лестница на месте, — сказал Регги.

«Вольво» выезжал в этот момент за ворота.

2 Всего понемногу

Ассистенты стали разбирать стойки для ламп и упаковывать остальные приспособления около семи. Нина уже закончила работу, Линди была бог знает где, Хупер, скорее всего, наслаждался Эм-ти-ви. Перспектива провести вечер в абсолютном одиночестве вывела Мэгги из себя.

— Могу ли я попросить тебя остаться на ужин? — спросила она у Регги, который уже направился к двери.

— Схвати меня за руку.

Она схватила его за руку.

— А что в меню? — спросил он.

— Даже не знаю. Всего понемногу.

— Говоришь, всего понемногу? Так это мое любимое блюдо!

И они отправились на кухню. Будучи всегда готова к идеям тематического меню, Мэгги приняла идею «всего понемногу» серьезно и принялась за дело, начав с пары коктейлей «Бакарди», которые она подала в узких бледно-зеленых бокалах «Фенигер» 1840 года. Из множества продуктов, лежавших в холодильнике, Мэгги выбрала трехкилограммовую домашнюю курицу, которую она засунула в большую керамическую латку «Ромерторф», добавив туда чашку темного рома «Майерс», пригоршню помелотых вручную ямайских специй для мяса, пучок кориандра, горку сладкого лука видалия, щепотку сухой мандариновой цедры. Весь ансамбль был поставлен в печь в восемь пятнадцать на два часа.

Пока курица готовилась, они перешли к коктейлю «Cuba Libre». Мэгги сконструировала нечто вроде карибского тирамису на двоих из нарезанного дольками манго, перезревшего инжира, однодневного апельсинового чайного кекса и простого сиропа, в который она добавила пуэрториканского рома «Анежо» шестнадцатилетней выдержки. С Регги хорошо общаться, размышляла она. Основательный, положительный человек, умный, но не высокомерный, безусловно талантливый, уважаемый в своей сфере и достаточно платежеспособный, чтобы содержать студию на верхнем этаже в фешенебельном районе Трибека и ездить на небольшой спортивной «мазде-миата», которую он держит в собственном гараже. Она размышляла о том, что любая художественная натура, способная обеспечить себе достойную жизнь, должна вызывать восхищение. Его можно было бы

рассматривать как хорошую добычу для определенного типа нормальных женщин. Почему она никогда не видела его с кем-нибудь? Он всегда был один. Она было заподозрила очевидное, но разве Регги не заявил, что он гетеросексуален, за тем же самым столом у Мэгги несколько недель назад? Его ассистентов трудно было назвать непривлекательными. Один из них, Рене, даже позировал вместе с ней. Но в их отношении не было ни малейшего следа... активности. Никаких анекдотов на сексуальную тему. Никаких прикосновений. В чем проблема Регги? — подумала она.

Они сидели за столом с бутылкой рома, упаковкой из шести банок диетической колы, тарелкой с дольками лайма и хорошей порцией паштета из свиной печени с черносливом. Пока тушилась курица, а время клонилось к ночи, количество паштета уменьшалось пропорционально снижению уровня приличия. Именно начиная с этого момента Мэгги впоследствии с трудом вспоминала происходившее. Было похоже, что Линди пришла домой, но в кухню не зашла. Мэгги слышала, как подъехала машина, открылась парадная дверь, затем раздался смех Линди и послышался мужской голос (Хавьер?). Они поднялись сразу наверх, даже не поздоровавшись. Мэгги, должно быть, выразила свое раздражение по этому поводу. Регги хладнокровно проанализировал происшедшее. Линди, объяснил он, ведет себя с ней, как подростки ведут себя с родителями: Мэгги для нее — *враг*. Такого в их отношениях еще не было, старалась убедить его Мэгги, наливая еще выпить.

— Люди меняются, — сказал Регги.

С ним было так приятно разговаривать. Он говорил так умно и обнадеживающе. В этом было что-то ужасно привлекательное, даже сексуальное. Она никогда раньше не думала о Регги в этом смысле и сделала вывод, что его сексуальная привлекательность была крайне недооценена. Она, возможно, смогла бы отучить его постоянно носить свитера с V-образным вырезом. В глазах окружающих он казался мягче и круглее, чем необходимо. С эмоциональной стороны он напоминал мощную башню, особенно в сравнении с психологической немощью Кеннета или изнеженностью Свонна.

Что может быть важнее для двух взрослых людей, нежели такой тип эмоциональной и *моральной* силы? — думала она, находясь в восторженном состоянии после еще одной порции рома. А в Регги оба этих качества слились воедино. К тому же курица, должно быть, уже готова. Ну, мясо еще не отслаивается от костей, как ей нравится, но они так голодны! А кроме того, комната закружилась под ногами...

3 Всякое случается

Когда она проснулась, в голове все просто тряслось. Первое, что она увидела, была голая мужская спина. Она сразу поняла, чья это спина. Хотя совершенно не помнила, каким образом они добрались от кухонного стола до ее постели и что произошло между ними после этого. Единственное, что едва дошло до Мэгги, пробив чувство сильной тоски внутри ее черепа, так это то, что она, без всякой на то необходимости, совершила что-то такое, что усложнит ее существование в дальнейшем. Регги зашевелился. Мэгги едва сдержалась, чтобы не вскочить с кровати. Он перевернулся и, промурлыкав во сне слово, похожее на «дорогая», обнял ее, положив голову ей на плечо. Было что-то одновременно успокаивающе знакомое и отталкивающее в ощущении тепла его мягкого тучного тела и в слабом запахе его одеколona.

— Боюсь, меня сейчас вырвет, — сказала она, и Регги разомкнул руки, выпустив ее на

свободу.

Она полетела в ванную комнату, где освободилась от остатков содержимого желудка. Затем она приняла четыре таблетки аспирина, забралась под душ и массировала себе шею и плечи при помощи пульсирующей головки душа столь долго, что вода остыла. Это было своего рода рекордом, если учесть размер бака водонагревателя, который они с Кеннетом установили во время последнего ремонта. Когда дольше тянуть было уже невозможно, она вернулась в спальню. Регги сидел, опершись спиной на подушки. Он выглядел опустошенным. Глаза его блестели, а кончики рта опустились вниз, как у какой-то восточной резной фигурки, изображавшей погубленную душу.

— Аспирин? — спросила она.

Регги отсутствующе кивнул. Она принесла ему несколько таблеток и чашку воды, села на край кровати в своем клетчатом красно-черном халате и принялась заматывать полотенцем голову, чтобы чем-то занять руки, пока он глотал таблетки.

— Это ужасно, — сказал он, допив последнюю каплю воды.

Мэгги вздохнула. На самом деле она не поняла, что он имел в виду. Наверно, это плохо, что они оказались вместе в постели (по крайней мере, она так думала, прочищая себе мозги под душем), но никакой катастрофы, в общем, и не произошло. Не так ли?

— Ничего, переживем, — сказала Мэгги. — На то мы и взрослые.

— И я об этом же, — сказал Регги.

— Ну, брось. Не так уж все и плохо.

— Если бы. Я безнадежно влюблен в тебя, Мэгги. Долгие годы. Но не смел отважиться сказать тебе об этом.

Она снова вздохнула.

— Теперь у нас есть что вспомнить, — продолжил он, глядя вперед, словно в неотвратимость судьбы. — Наша маленькая тайна.

— Не говори так.

— Почему нет? Это же было, да? — спросил он, наконец взглянув на нее. Взгляд его не был сердитым, но в нем было нечто твердое, почти неумолимое. Она поняла, что ей нечем ответить на это. Она заплакала, ругая себя, хотя и осознавала, что это известный женский прием на все случаи жизни.

— Последнее время моя жизнь пошла кувырком, Регги. Со мной просто... все время что-то случается.

Она потянулась к его руке, но он убрал ее. Затем он вылез из постели и начал одеваться, находя предметы своего туалета там, где они были сброшены.

— Я еду домой, — сказал он, надев свитер.

Когда он выходил из комнаты, она осталась на месте, будто парализованная, с влажным полотенцем в руке. Она сидела так еще долго, словно разуверилась в своей способности передвигаться в пространстве, ничего не разрушая.

4 В борьбе с сорняками

Теперь Мэгги передвигалась по дому так, будто это была спорная территория, нашигованная минами-ловушками. Казалось, что заминированы даже ковры. Перспектива вернуться в нормальное состояние забрезжила в ту минуту, когда она поняла, что

фотосъемки сегодня не будет. А что будет завтра? Этот вопрос продолжал мучить ее даже тогда, когда Она спряталась, чтобы убежать от неприятно яркого майского утра, в комнате для рукоделия. Даже в этом самом надежном убежище было, тем не менее, что-то (возможно, крепкий английский чай), что продолжало держать ее на грани истерики и в конце концов заставило выбраться из дома на свежий воздух в сад, где можно было поковыряться в земле и рассадить многолетние растения на солнечной стороне за курятником. Она надела шорты цвета хаки, выгодно подчеркивавшие загар на ее ногах, старую джинсовую рубашку (когда-то принадлежавшую Кеннету), завязав ее узлом на талии, и приступила к работе. Как раз в этот момент появился Уолтер Фойерветер, направлявшийся к огороду лекарственных трав с тачкой, полной гранулированной извести. Мэгги вздрогнула.

— Извините, — сказал он. — Я не хотел вас испугать.

Она чуть помедлила, чтобы перевести дыхание, прежде чем ответить:

— Все в порядке. Я сегодня немного не в своей тарелке.

— Редко встречаю вас, — сказал он. Солнце светило как раз над его правым плечом, и Мэгги пришлось прикрыть рукой глаза, чтобы разглядеть его. Он напоминал фигуру героического рабочего с плакатов 1930-х годов.

— Это год у меня такой... ненормальный, — сказала Мэгги.

— Сейчас-то все хорошо?

— О да, конечно хорошо.

— Вам нравится то, что я здесь понаделал?

— О, да. Хм, ну, хотя есть какие-то вещи, которые, по-моему, следовало бы обсудить.

— Выкладываете.

— Да, ну...

— У меня у самого кое-что помечено. Давайте пойдем и по пути поговорим.

Мэгги взяла половину куста выкопанной рудбекии и завернула корни во влажную мешковину. Уолтер подал ей руку, помогая подняться. Ей трудно было определить: был ли этот жест особо галантным или просто сделан из вежливости. Это действовало на нервы, заставляя дрожать, невзирая на то что ярко светило солнце. Она потерла руки о пышную траву, чтобы стереть грязь, и потянулась за его рукой, удивительно мягкой, теплой и сухой.

— Нужно надевать перчатки, — сказал он.

— Я их забыла.

Какое-то время они шли молча через участок с саженцами, по решетке ограды которого вился, пробиваясь к небу, душистый горошек.

— Боб привозил водоросли с водохранилища Кэндлвудлейк. Он покупал их у кого-то в Шермане. Мы сваливали их в большую кучу за огородом для мульчирования.

— Вот почему блесны так часто попадают под почвофрезу.

— Да, — рассмеялась Мэгги. — У нас их — целая коллекция.

— Я на этой неделе тоже завезу.

Они оказались в аллее, которая шла через поросшую кустарником лощину и служила Мэгги прибежищем от солнца. Это был недавний проект, еще не полностью заверченный. Спокойная уверенность и энциклопедические знания нового садовника производили на нее хорошее впечатление. Он только что на ходу определил несколько сортов хосты. То, как он дипломатично предложил произвести некоторые изменения, здорово отличало его от Боба, который просто исполнял все желания и прихоти Мэгги. Хотя Уолтер также с желанием выполнял ее распоряжения. Он сделал много записей в своей маленькой записной книжке в

кожаной обложке, пока они выбирались назад из поросшей папоротником-орляком ложбины у ручья Кеттл-крик на покрытую гравием площадку у огорода лекарственных трав, где двое его рабочих сажали новые кусты шалфея взамен погибших зимой.

— Поскольку мы здесь, давайте повыдергиваем лаванду колосовую и посадим взамен шалфей.

— Я думал о том же.

— И нужно убрать отсюда любисток. Эта дрянь вымахала под два метра в прошлом году. Все солнце от моего майорана забрала.

— Может, его по краю высадить, вместе с корвяком и мальвой?

— Неплохая идея. Вы знаете, я теряю терпение с лимонной травой. Она весь фенхель засорила.

— Я соберу все анисовые на одну грядку, — предложил Уолтер.

— Получится неплохая ароматическая полоса.

Мэгги уже чувствовала себя лучше. Они обогнули навес-сушилку и подошли к грядкам с маком. Большие косматые растения склонялись под тяжестью ворсистых серебрино-зеленых бутонов размером с абрикос. Некоторые бутоны уже начали раскрываться, обнажая фантастические ярко-красные цветы.

— Когда мы впервые приехали сюда в восемьдесят первом, на этом месте была автомобильная свалка.

— Не верится.

— И тогда трудно было поверить в это. Мы вывезли тридцать восемь грузовиков мусора. Семья, которая жила здесь, можно так выразиться, достигла низшего уровня в своем историческом развитии. Мы обозвали их жилище свинарником. Я понимаю, что это можно расценить как высокомерие и все такое, но, честно говоря, трудно представить себе такое человеческое падение. У них собаки гадили прямо в доме. Я была шокирована.

— Многие сегодня живут очень плохо.

— Да, вы не подумайте, что я этого не понимаю. Все в этой стране катится черт знает куда.

— Мне нравится, что вы стараетесь преобразить это место, миссис Дарлинг.

Мэгги как будто током ударило. На миг она потеряла уверенность, да уж не иронизирует ли он? Хотя теплая атмосфера, сложившаяся между ними, все это время была заряжена положительными эмоциями.

— Я просто пытаюсь привести хотя бы маленький уголок этого мира в порядок, — сказала она.

Они пошли вдоль ограды к бархатно-пурпурному пятну ирисов, видневшемуся вдалеке.

— Полагаю, что пора бы как-нибудь повстречаться и с господином Дарлингом? — сказал Фойрветер, заставив Мэгги вздрогнуть еще раз.

— Думаю, вы не из тех, кто читает журнал «Пипл», господин Фойрветер?

— Иногда листаю, когда стою в очереди к кассе в супермаркете. А в чем вопрос? О вас там что-то написали?

— Было бы неплохо, чтобы настурции разрослись здесь прямо от ограды к дорожке, как в Живерни, как вы считаете?

— Мне сегодня вечером как раз нужно кое-что прикупить в магазине «Сейфуэй». Вы думаете, стоит почитать?

— Не стоит. Это было уже много недель назад. Но хочу ответить на ваш вопрос: с

недавних пор господин Дарлинг не живет здесь. Поэтому вы его не встретите.

— Да?

— А существует ли миссис Фойерветер?

— Это закончилось какое-то время назад.

— Понимаю.

— Если это все на сегодня, то, может быть, я пойду, миссис Дарлинг? Нужно успеть сделать кое-что до обеда.

— Конечно, — ответила она, чувствуя себя немного обманутой. Потом он ушел, а она осталась на ярком весеннем солнце со своими издерганными нервами и слишком большим количеством незадаанных вопросов.

5

Кумир студенческих лет

Мэгги осматривала цветы на айве за домом, когда до боли знакомая немецкая машина свернула на аллею и покатила в ее направлении, остановившись вскоре рядом с ней в облаке пыли. Легкий ветерок унес пыль, и она легко узнала того, кто сидел за рулем.

— Мэгги, — протяжным голосом поприветствовал он ее из открытого окна, белозубый и загорелый.

— Привет, Кеннет.

— Ты выглядишь совсем как хозяйка большого дома.

— А ты — совсем как... повелитель мух.

— Мэгги, ну зачем так начинать?

— С хозяйки большого дома?

— Я хотел сделать тебе комплимент.

— Извини, я сегодня немного не в своей тарелке.

— Надеюсь, все в порядке?

— Разве у кого-нибудь может быть все в порядке?

— Ну и настроение у тебя.

— Думаю, что ты приехал не измерять температуру моих эмоций?

— Нет, я был по соседству и заехал просто сказать «привет», чтобы ты знала, что у меня все хорошо. Я не думаю, что ты беспокоишься, конечно. Я хочу сказать тебе, что решил не оспаривать условия нашего развода.

Мэгги промолчала, осмысливая сказанное.

— Извини за мое высказывание, — сказала она в конце концов.

— Пустяки, — сказал он, не прекращая улыбаться.

— Конечно, я рада тому, что ты сказал о разводе.

— У меня было время подумать об этом в последние месяцы. Конечно, я не жду, чтобы ты меня простила. Я даже не жду, чтобы ты пригласила меня зайти в дом выпить кока-колы. Но жизнь есть жизнь, так? Любые взаимные обвинения просто не дают нам двигаться дальше, правда?

— Думаю, да.

— Не мог не заметить тебя в журнале «Пипл».

— Ой? — Что-то заставило Мэгги насторожиться.

— Этот английский чижик? Он пел в Рождество, да?

— Мне показалось, что ты сказал «никаких взаимных обвинений», Кеннет?

— Это так, для информации. Прекрати, Мэггс, я тебя на всю жизнь обеспечил, без всяких условий. Можем мы хотя бы остаться друзьями?

— Но не такими близкими, как ты предполагаешь.

Теперь пришлось задуматься Кеннету.

— Я понял, что задел больное место, — сказал он. — Это у меня привычка такая. Это мой недостаток. Я знаю о себе сейчас такое, что полгода назад и представить не мог. У меня глаза открылись. Я просто попытался таким образом — но своим собственным, грубым, неловким, образом — выразить, что я рад, что ты выбралась и немного повеселилась. Честно говоря, я не думал, что ты сможешь. Ой! Опять я начал. Пойми, я не нарочно. Это все мои дурные привычки. Понимаешь, когда сорок восемь лет живешь придурком, трудно сразу стать нормальным человеком.

— Быть нормальным человеком трудно всегда, придурок ты или нет. Я вовсе не хочу сказать, что ты придурок.

— Я именно он и есть. Или был. Ну, давай так: я работаю над собой, чтобы стать бывшим придурком. И я больше не в деле, знаешь?

— Я не знала.

— В самом прямом смысле этого слова. «Троп и Крават» и все такое.

— Так ты ведь можешь позволить себе какое-то время просто так побездельничать.

— И не думал бездельничать. Я основал фонд в Риджфилде. Альтернативный центр самоанализа для коммивояжеров.

— Серьезно?

— Могу поспорить.

— И что там происходит? Стучат в барабаны?

— А что плохого в барабанах? Барабанная дробь понижает кровяное давление и поднимает уровень серотонина. Ты разве не знала?

— То есть, как я поняла, это заведение существует для того, чтобы мужчины чувствовали себя лучше.

— Это всего лишь часть программы. На самом деле это настоящий курорт. Я выписал всех специалистов. Диетологи, тренеры по фитнесу, специалисты по лечению гипнозом, массажем, инструктор по тайцзицюань, консультант по трансцендентной медитации и травник. Я купил бывшее имение Палсифера в Раунд-Понде. Это лучшее из всего, что у меня было в жизни. Я познаю удивительные вещи, делаю попытки разобраться в себе и, возможно, впервые начинаю что-то понимать. Это так увлекает.

— Я рада за тебя, Кеннет.

— Я просто подумал, что тебе будет интересно. Я понял, что за годы, проведенные с тобой, я многому научился. Знаешь, ты была прекрасным учителем.

— У меня были педагогические порывы, — призналась Мэгги.

— На самом деле ты научила меня скромности.

— Не могу сказать, что я сделала это специально. Другим вещам — может быть. Например, приходите вовремя в ресторан.

— Ну, а разве это не проявление скромности? Понимание того, что другие люди также что-то значат?

— Думаю, да.

— Вот об этом я и говорю.

— А как сюда вписывается Лора Уилки?

— А она-то при чем? — мрачно спросил Кеннет.

— Просто интересно. Ты же затронул мою личную жизнь.

— Она скрылась с горизонта, — сказал Кеннет, а потом сердито повторил так, словно разговаривал с иностранным солдатом на пограничном пункте, который никак не мог его понять: — *Скрылась с горизонта!*

— Ты виделся с сыном? — тактично сменила тему Мэгги.

— Что? — Кеннет, казалось, погрузился в задумчивость.

— С Хупером.

— А что с ним?

— Ты встречался с ним? А то он что-то о тебе давно не вспоминал.

— Он учится?

— Он взял отпуск на семестр. Ты с ним разговаривал?

— Нет. Он зол на меня за развал семьи.

— А ты пытался говорить с ним?

— Я звонил.

— Куда? В колледж? И тебе никто не сказал, что его там нет?

— Я звонил по тому номеру в квартире, в которой он жил в Свартморе. Там все поменялись. Кажется, больше никто ни о ком ничего не знает.

— Он живет здесь уже с Рождества.

— Хм-м-м.

— Хочешь, я скажу ему, чтобы он позвонил тебе? Я скажу, если хочешь.

— Нет, не заставляй его. Только если он сам захочет. А он захочет. А чем он здесь все-таки занимается?

— Работает на Эм-ти-ви в городе.

— На самом деле? — спросил Кеннет с радостью. — Возможно, так лучше знакомиться с девушками, а?

— Ну, не знаю...

Как раз в этот момент Уолтер Фойерветер вышел на дорожку из-за деревьев.

— Ну, чтоб меня прокляли! — воскликнул Кеннет.

Садовник резко остановился, а Кеннет вылез из машины и как будто вытянулся, чтобы казаться выше ростом.

— Уолтер, чтоб тебя, Фойерветер! — сказал Кеннет.

Фойерветер посмотрел на Мэгги, как будто желая найти какое-то объяснение.

— Вы что, знакомы?

— Не думаю, — ответил Уолтер.

— Хм, тогда познакомьтесь с Кеннетом Дарлингом, который вскоре станет моим бывшим мужем.

— Ну какое знакомство. Мы раньше играли в одной команде! — Сказав это, Кеннет подошел к Фойерветеру и заключил его в медвежьи объятия, переваливаясь с одной ноги на другую. Уолтер стоически перенес это.

— В какой такой команде?

— По лакроссу^[29]. В парке Чоут. В тысяча девятьсот семидесятом, — сказал Кеннет, наконец отпустив Уолтера и отступив от него на шаг. — Уолт, ты меня не помнишь?

— Не совсем.

— Я был на втором курсе.

— А я в семидесятом был уже выпускником, — сказал Фойерветер.

— Я не сходил со скамейки запасных, а ты был корифеем.

— Это была всего лишь игра.

— А какого черта ты делаешь здесь на ферме? — спросил Кеннет.

— Работаю.

— Ты *здесь* работаешь?

— Совершенно верно.

— На мою жену?

Фойерветер кивнул.

— Ну чего только не бывает в жизни! А кем?

— Я управляюсь с работниками в саду.

— Ш-шшш, — сказал Кеннет. — Это должно сохраняться в секрете, поскольку народ думает, что она сама все делает.

Мэгги сложила руки на груди.

— Она хорошо к тебе относится? — продолжал Кеннет.

— Мы оба удовлетворены, я думаю, — ответил Фойерветер.

— Хм. Удовлетворены. А скажи, Мэггс, что случилось со старым садовником, как бишь его там?

— Его убили на Меррит-Паркуэй.

— Нет! — Кеннет отшатнулся, прикрыв рот ладонью. — Когда это произошло?

— Недавно, — сказала Мэгги с заметным раздражением. — У тебя не хватает времени на газеты, только на журнал «Пипл», а?

— Ну ладно тебе, Мэгги. Я всегда занят. И люди, ты сама знаешь, не упустят случая, чтобы рассказать что-то такое. Но это, это — ужасно. Он был чертовски хороший парень.

— На Меррит-Паркуэй завелся снайпер, — проинформировала Мэгги.

— И что в связи с этим делается?

— Не знаю. Думаю, расследуют. Но очевидно, что это — уже совсем не та планета...

Тут на дорожке показалась еще одна машина. Это был «вольво» Уолтера с блондинкой за рулем.

— А вот приехали забрать меня на обед, — сказал Уолтер. — Приятно было познакомиться, хм...

— Кеннет. Можно Кенни. Хотя я, конечно, подросток.

— Здесь все в порядке? — спросил Уолтер Мэгги.

— Конечно. Все хорошо.

— Тогда до свидания, Кен.

— Всего. И не позволяй старушке Мэггс помыкать тобой.

— Я буду минут через сорок пять, — сказал Уолтер через плечо, садясь в машину.

Кеннет с Мэгги дождались, пока машина развернулась и отъехала.

— Что, черт побери, он имел в виду, когда спрашивал, все ли здесь в порядке? — сказал Кеннет.

— А что, черт побери, *ты* имел в виду, когда говорил «Не позволяй Мэггс помыкать собой»?

— Я просто шутил. Так же как ты, когда назвала меня «повелителем мух». Ха-ха. Шутка. Все в порядке? Этому сукину сыну еще покажут, что такое в порядке, а что такое не в

порядке.

— Кеннет!

— Ну, Мэггс, я его еще по школе помню. Такого негодяя можно было только поискать. Он толкал нас, мальчишек помладше, палкой в задницу, чтоб мы бежали быстрее во время тренировочного бега. Такое не забывается. Эй, ты видела эту красотку, которая за ним заезжала?

— Я записалась на прием к зубному врачу на час тридцать, Кеннет.

— Да? А что случилось? Пульпит?

— Не думаю, что тебе следует беспокоиться.

— Я вновь становлюсь несносным?

— Послушай, я действительно очень благодарна, что ты решил не судиться по поводу развода. Это помогло всем нам избежать многих неприятных моментов.

— Мне приятно, что ты благодарна.

— Ну, тогда до встречи.

— Хорошо бы, чтоб при этой встрече я не увидел тебя первым, — сказал Кеннет, изобразив рукой пистолет. Он нацелил палец на Мэгги и сделал бесшумный выстрел на прощанье. А потом тоже укатил.

6

Новый друг

Кеннет не успел еще отъехать, как из дома вышла Линди. Она тянула за руку худого как былинка парня (не Хавьера). У него было бледное лицо, коротко подстриженные черные волосы спускались на лоб, образуя хорошо различимую букву V. Ему следовало бы побриться. В общем, он походил на обезьяну. Его одеяние свидетельствовало, что он прибыл из той части мира, где бытовали немного другие представления о повседневной загородной одежде. На нем была черная кримпленовая рубашка с блестящей золотой ниткой, серые брюки в обтяжку и черные остроносые ботинки до лодыжек. Татуировок было не видно, может быть, потому, что не было видно кожи. Он робко следовал в нескольких шагах позади Линди, неся сумки.

— Поставь их в багажник, — приказала ему Линди, поднимая заднюю дверцу своего джипа «чероки». Машина вместе с выплатой в пятьдесят тысяч долларов отошла ей от ее отдельно проживающего супруга Бадди в ходе переговоров, которые велись по поводу их предстоящего развода. Солнечные очки и косынка, повязанная вокруг головы, делали Линди похожей на женщину из другого времени и места: этакую Одри Хепберн из мелодрамы шестидесятых. Только копия была похуже, как в захудалом театре. — Мэгги, это — мой друг Ратко, — смущенно сказала Линди.

— Здравствуйте, — сказала Мэгги.

Ратко пожал плечами и хлюпнул носом.

— Он актер, — сказала Линди.

— В самом деле?

— Его театр взорвали в Загребе.

— Какой ужас.

— В мире такой хаос, — сказала Линди. — Ты не замечаешь?

— Конечно замечаю. Еще как.

— Извини. Прозак не подействовал. Садись в машину, Ратко. Извини, Мэгги, но эта ситуация в мире иногда меня достает. Я иногда чувствую, будто все куда то утекает, а мы крутимся в образовавшейся воронке.

— Честно говоря, Линди, меня берут сомнения, что этот доктор Кляйн помогает тебе.

— А что *он* может сделать с этим миром?

— Он может помочь тебе не мучиться от того, что тебе не подвластно, и сконцентрироваться на вещах, которые ты *можешь* контролировать.

— Например?

— Твоя собственная маленькая жизнь.

— Я уже пробовала самопоглощение, — сказала Линди со смешком, не допускающим возражений. — Поверь мне, я гораздо лучше чувствую себя, когда фокусируюсь на реальном мире.

— Но должны же быть личные цели, стремления?

— А, я понимаю, — отреагировала Линди. — Считаешь, что я зря помогаю друзьям, да? Ратко! Кому сказано садиться в машину!

— Нет же, Линди, дорогая, я совсем не имела в виду...

Но Линди уже забралась за руль своей великолепной машины, захлопнула дверцу и выехала на дорожку с таким видом, будто изображала из себя одинокую героиню какого-то фильма, спешившую спасти мир от полчища радиоактивной саранчи.

7 Приглашение

Дом казался странно пустым. Горничная Квинона чистила бронзовую решетку камина в гостиной.

— А где же Нина?

По плану работ на месяц, написанному мелом на громадной доске в кухне, следовало уже начинать готовить к ежегодному обеду для сбора средств в музее ремесел в Нью-Милфорде, который должен был состояться через три дня. Обычно Нина с двумя помощницами, по меньшей мере, уже готовила бы большие брикеты крестьянского паштета и бочонки тапенада. Она позвонила Нине домой, но там был включен автоответчик.

— Это я, — сказала Мэгги в трубку. — Где ты? Пожалуйста, позвони.

Затем она приготовила себе омлет с джемом (так, как любила с детства — густо посыпанный свежемолотым перцем) и принялась отвечать на накопившиеся на ее автоответчике сообщения. Более половины их них было рекламной чепухой, одно интересное — запрос от телевизионного продюсера компании «Пи-би-си» о возможной специальной передаче по рукоделию и кулинарии в рождественские каникулы, просьба об интервью от молодого человека из газетного агентства «Кинг фичерс», предложение выйти замуж от старого лунатика из Палм-Спрингс, а также персональное напоминание от Джеральда Нэнса из Института одежды музея Метрополитен о том, что она приглашена на вечер, посвященный открытию выставки одежды императорского двора Наполеона из парижского Музея армии. Он также интересовался, почему она не ответила.

— Нам нужна твоя энергия, чтобы зарядить аудиторию, — сказал ей Джеральд в свойственной ему очаровательной манере.

— Ну, а кто еще будет?

— Обычные подозреваемые, — растягивая слова, ответил Джеральд. Он имел в виду сливки самого высшего слоя богатой нью-йоркской знати.

— А кто накрывает столы?

— Компания «Скромный пирожок».

— Для меня они вовсе не скромные, — сказала Мэгги, — но мне нравится их салат из утки. В каком зале?

— Все в том же треклятом Храме Дендур, — ответил Джеральд. — Мы там все оставили подиумами, а гирлянд повесили — километры. На тебя можно рассчитывать?

— Ну, хорошо.

— До встречи в семь.

Неожиданно это приглашение показалось желанной возможностью покинуть унылый дом на этот вечер. Перспектива оказаться на свободе и быть предоставленной самой себе привела Мэгги в бодрое состояние, хотя где-то не так уж и глубоко в ее сознании мелькнула мысль, что на таком мероприятии вполне может оказаться подходящий свободный мужчина. Едва она успела положить трубку после разговора с Нэнсом и начала думать о том, что надеть, как позвонил Гарольд Хэмиш.

— Мэгги, ой, Мэгги, — начал он.

— Такое начало всегда означает, что что-то произошло.

— Хорошо, — согласился Хэмиш. — Китаец ушел.

— Разве можно его так называть?

— Брось. Оставь этот тон. Он на самом деле китаец. Человек родом из Китая. Ergo, он — китаец. Так или иначе, он откланялся, расцеловался со всеми и ушел, бросив работу.

— О боже...

— Ты знаешь, этот парень — очень хороший фотограф. То есть я хочу сказать: самый лучший. Что ты ему такого сделала?

— А почему я должна была что-нибудь ему сделать?

— Он орал об этом по телефону во всю глотку.

— О боже...

— Ты ему что-нибудь сгоряча наговорила или что?

— Да нет. Это на меня не похоже, ты же знаешь.

— Он пошел вразнос, совсем как сумасшедший. И более того, он сказал, что уничтожил все пленки, которые отснял до этого. Ты что, спала с ним?

— Гарольд!

— Похоже, что у него сердце разбито. У меня на это нюх.

— Ну, если тебе так нужно знать, то я действительно сделала это, — сказала она, шокировав себя этим признанием.

— Христос Спаситель, Мэгги. Больше всего я боялся этого, когда Кеннет убрался с экрана. Поэтому мне придется признать *in loco parentis*^[30] необходимость защиты тебя от самой себя. Кстати, я заметил тебя, плохая ты девочка, с английским певцом в журнале «Пипл».

— Когда я встречу с Конни Маккуиллан, то своими руками сверну ей шею.

— Тогда тебя поместят на первой полосе в «Пост». Эй, а что происходит между тобой и этим певцом?

— Все уже закончилось.

— Кто кого покинул?

— Гарольд, я, кажется, никогда не бросала трубку при разговоре с тобой?

— Мне хотелось бы думать, что мы с тобой говорим абсолютно прямо и открыто, как брат и сестра. И к тому же ты никогда на меня не обижалась.

— У меня очень трудный день. Неделя, месяц, — сказала Мэгги. — И вообще этот год — черт-те что.

— Дело в том, что мы уже заплатили этому китайцу шестьдесят тысяч, и если мы подадим на него в суд, чтобы вернуть деньги, то нам потребуется еще двадцать тысяч.

— Это все так ужасно. Ты не понимаешь. Мне всегда было так уютно рядом с Регги. Он остался на ужин. Мы напились. Все покатилося кувырком.

— После того как мы с Клариссой разругались, я вел себя как настоящий школьник. Любовь делает нас смешными, Мэгги. Я, конечно, говорил тебе об этом раньше. Хорошо, послушай, я завтра поспрашиваю, может быть, мы найдем кого-нибудь еще. Какая досада. У этого китайца есть свой стиль. И этот стиль в общем и есть имидж Мэгги Дарлинг. Но, думаю, новый облик — не самая плохая штука в этом мире. Ты могла бы даже подстричься. Скажем, «линька поденки» сейчас очень популярна.

— Что?..

— Поденка. Это такая муха, которая нравится форели.

— Звучит странно.

— Всего лишь муха-однодневка.

— Ну, хорошо.

— Мне кажется, что тебе бы понравилась ловля форели на муху. Это так расслабляет и отвлекает.

— Хммм. Может быть. Это очень сложно, правда?

— Чертовски. Одни только забросы могут часами держать тебя в напряжении на грани сумасшествия. Это настоящий спорт для Мэгги Дарлинг.

— Кажется, это то, что мне надо.

— У меня есть дом в Вермонте.

— В самом деле?

— В это время года я езжу туда на каждые выходные.

— Это что, приглашение, Гарольд?

— Да.

— И хочется, и колется.

— Колется? А это почему?

— Я не позволю тебе соблазнить меня.

— Мне начинает казаться, что у тебя в голове только дурные мысли, Мэгги. Да я уже старый перечник! Подумать такое. Я давно уже позабыл, что такое любовь. И почти уверен, что не хочу, чтобы мне об этом напоминали. В любом случае приглашение остается в силе. Запиши телефон — вдруг решишься.

Она записала номер, который он дал.

— Гарольд, я вовсе не хотела выставлять тебя свиньей, как некоторых мне знакомых мужчин. Ты ведь знаешь, что я очень ценю тебя как друга.

— Тогда окажи мне услугу.

— Что?

— Позвони китайцу и верни его.

— Он не берет трубку.

— Тогда оставь ему душевное сообщение. Ой. У меня в приемной ждет герцогиня Йоркская. До скорой встречи, надеюсь.

Регги Чан в самом деле не брал трубку, даже когда был дома. Тем не менее у него был великолепный автоответчик, и в его привычки входило избирательно отвечать на оставленные сообщения. Зная об этом, Мэгги была более расположена написать ему душевное письмо, но дружба с Гарольдом и Регги заставила ее решиться на более трудное дело и оставить сообщение на автоответчике. Она собралась с духом и позвонила.

— Привет, это — Регги, — веселым голосом произнесла пленка. Оставьте ваше имя и номер телефона, и я перезвоню вам.

— Я знаю, что обидела тебя, и мне очень-очень жаль, — начала Мэгги. — Я чувствую себя так глупо, что говорю это аппарату. Если ты там, Регги, то возьми, пожалуйста, трубку. Так или иначе, но я хочу поговорить с тобой, или увидеться с тобой, или и то и другое как можно быстрее. Я собираюсь сегодня на презентацию в музей Метрополитен. Я позвоню, когда буду в Нью-Йорке. Мы на самом деле должны поговорить. Я чувствую себя такой... Ох, я перезвоню позже.

Она приняла душ, надела простенькое шерстяное платье от Донны Каран с ниткой речного жемчуга, подкрасила глаза, прыснула на себя «L'Adventura» и поспешила из оглушающей тишины дома в свой мощный «лендкрузер». По дороге в город она слушала запись романа Генри Джеймса «Крылья голубки», стараясь поднять себе настроение. Но это было настолько безнадежно нудно, что, проезжая Нью-Канаан, она поставила запись Блоссом Диэри, поющую песни Коула Портера.

8 Разорен

Храм Дендур, египетский монумент в миниатюре, размером с мавзолей железнодорожного миллионера, находился в собственном большом и строгом зале в задней части лабиринта галерей музея Метрополитен, там, где огромная наклонная стена из стеклянных панелей выходит внутрь Центрального парка. В это время дня на ней можно увидеть прекрасную размытую картину с бледно-лиловым небом и нежно-зеленой листвой, похожую на фрагмент работы Чайлда Хассама. Сам зал, который можно было бы назвать помпезным, был украшен апельсиновыми деревьями в кадках с развешенными на них новогодними гирляндами маленьких лампочек. Множество временных помостов отходило от главного гранитного подиума, служившего опорой миниатюрному храму. По подиуму медленной походкой в двух направлениях ходили модели в одеждах времен Наполеона, обстреливаемые пульсировавшими лазерными лучами и освещаемые огнями диско. Хриплые звуки музыки в стиле техно-поп рикошетом отскакивали от стен зала подобно острым бритвам, выпущенным из обреза. Официанты, одетые гусарами, в отделанных тесьмой ментиках и киверах из искусственного медвежьего меха разносили на подносах шампанское и аппетитные легкие закуски. Половина из присутствовавших лиц была знакома по страницам светской хроники журнала «Венити фэйр» и разделу «Образ жизни» воскресного номера «Нью-Йорк таймс». Этот зал всегда казался одновременно зловеще полупустым и заполненным до отказа, что вызывало клаустрофобию.

— Ну конечно, это моя дорогая Мэгги Дарлинг! — воскликнул Лоренс Хэйворд, пробиваясь сквозь толпу Трампов, Крэвисов и Перельманов.

Мэгги была удивлена: в последний раз, когда она видела Хэйворда, несколько месяцев назад у себя на ужине, он выглядел худым аскетом, но за это время положительно пополнил. Его хромота от «боевого ранения» превратилась в походку вразвалочку.

— Как вы поживаете, прекрасное создание? — спросил он.

— Очень хорошо, спасибо, Лоренс, — ответила она, заметив, как он украдкой стащил маленький гужер с подноса проходившего мимо официанта.

— Вы умеете готовить эти вещи? — поинтересовался он.

— Это проще пирога. — Ей пришлось почти кричать, чтобы Хэйворд услышал ее в шуме, стоявшем вокруг.

— Нет, это скорее пирожки с сыром, — сказал Хэйворд.

— Я имела в виду, что мы постоянно их готовим.

— Может быть, вы как-нибудь посвятите меня в тайны мастерства?

— Вы хотите научиться готовить?

— Я все больше интересуюсь, и это только благодаря вам.

— Честное слово?

— Да. Благодаря тому... откровению на вашем рождественском приеме, когда вы положили мне в рот жареную устрицу. До этого все ограничивалось для меня механическим перевариванием. Вы открыли для меня новый мир.

— Ну надо же, — сказала Мэгги, искренне пытаюсь поверить в то, что Хэйворд исправился и что у него какие-то неприятности, которые он пытается скрыть за цветистыми фразами.

— Я что-то там читал о вас в «Пипл», — сказал Хэйворд.

— Мерзкая стряпня!

— Не обижайтесь. Я на самом деле не прочел заметку. Невнимательно прочел. А где сегодня этот англичанин?

— А мы не можем сменить тему разговора?

— Мы можем поговорить о вашем бывшем муже.

— Он не совсем еще бывший.

— Неужели? — удивился Хэйворд. — Вы в конце концов помирились?

— О боже, совсем нет. Отчего вы так думаете?

— Ну, после того как Кеннет вылетел с биржи, полагаю, он должен был приползти назад, умоляя накормить и приютить его.

— Извините. Что значит «вылетел с биржи»?

— После того как он проиграл.

— Что значит «проиграл»? — спросила Мэгги уже не просто из любопытства, а озабоченно.

— Ну, я хотел сказать, лишился всего.

— Я видела его только сегодня в полдень, — сказала Мэгги. — У него сложный период, это точно, но он не похож на сумасшедшего. Как обычно, не более того. Когда он не на наркотиках.

— Я говорю не о его *рассудке*. — Хэйворд наклонился поближе, чтобы сказать это ей на ухо, так как музыкальный номер, который сейчас исполняли, набирал силу в какофонии визжащих синтезаторов. — Я говорю о его *деньгах*.

— Извините, вы сказали: *деньги*?

— Да, — ответил Хэйворд, когда музыка смолкла. — За прошедший месяц он потерял

всё.

— Потерял все свои деньги! — вскрикнула Мэгги, и десяток голов, многие из которых принадлежали известным людям — некоторые из них с прекрасными прическами, — повернулись к ней. Она ухватила Хэйворда за локоть и буквально вытащила из зала в коридор, отделявший его от Китайской галереи. Хэйворд, похоже, не сопротивлялся. — Что значит «потерял все свои деньги»? — спросила Мэгги, стараясь сдержать приближающуюся истерику.

— Я прошу извинить меня за плохие новости. Ваш, хм, муж замешан в нескольких сомнительных производных сделках: с опционами на малазийские закладные, японскими нефтяными облигациями и фьючерсами на дважды заложенные акции пенсионного фонда — и использовал все свои возможные кредитные средства, предположив, что японская иена опустится на три четверти позиции против немецкой марки. Предположение было неверно.

— То есть вы считаете, что он полностью уничтожен?

— Ну да. Думаю, что к тому же ему уже звонили из Комиссии по ценным бумагам.

— Что?! Пожалуйста, Лоренс, говорите яснее!

— Он может попасть под суд. Некоторые из этих биржевых приемов, придуманных им, были, если так можно сказать, несколько сомнительными.

— О боже! — Кровь отлила от головы Мэгги так, что ей пришлось опереться на холодную мраморную стену. Ей представилась ужасная картина: работники банка и представители шерифа приезжают на ферму Кеттл-хилл с бумагами на изъятие имущества за неплатеж. За дом было выплачено уже несколько лет назад, но кто мог с уверенностью сказать, что Кеннет, уходя, каким-нибудь образом не заложил его в этой оргии финансового саморазрушения? И что насчет обещанного договора о разводе? Она буквально представила себе тысячедолларовые купюры, взлетающие в синее небо подобно стае скворцов.

— С вами все в порядке, Мэгги?

— Нет. Мне нужно выпить.

— Хотите, я схожу и принесу вам?

— Да, но сначала — на воздух. — Она вздохнула и огляделась по сторонам, как затравленный зверь.

— Подождите здесь, Мэгги Дарлинг. — Хэйворд достал маленький мобильный телефон, нажал всего на одну кнопку и скомандовал: — Подайте машину ко входу в музей. — Затем он положил руку на талию Мэгги и повел ее, как лунатика, по пустынным галереям к выходу, где охранник выпустил их на улицу.

9

Готэм [\[31\]](#)

— Объезжай парк, — сказал Хэйворд своему шоферу через переговорное устройство; после чего он открыл облицованный деревом шкафчик, в котором находился мини-бар. — Чем вы себя травите? — спросил он у Мэгги.

— Пожалуйста, водки.

— У меня, хм, нет водки. Шотландское виски подойдет?

— Хорошо. Вот с этой газированной водой.

Он нажал на кнопку автомата со льдом, машина принялась выплевывать ледяные

кубики в хрустальный стакан. Хэйворд налил крепкого напитка и подал его Мэгги с таким видом, словно приготовил для нее ужасно сложный коктейль, какой-нибудь там «Зомби» или «Сазерак», тем самым заслужив награду. Она выпила полстакана двумя глотками и грустно смотрела в окно на искусственную пастораль парка в мрачном свете сумерек.

— Орешки? — спросил Хэйворд, достав несколько пакетиков из фольги. — Я собираю их в самолетах. Вы знаете, их там раздают. За долгие годы я так ни разу их и не попробовал.

— Вы их коллекционируете?

— Не то чтобы. Ведь их раздают бесплатно.

— Нет, спасибо, — ответила Мэгги.

— Они долго хранятся.

— Мне показалось, вы сказали, что ни разу их не пробовали.

— Я раньше их не пробовал. Но последнее время распробовал, и они пришлись мне по вкусу. Они вкусные, и вам понравятся. И могу поспорить, что вы не отгадаете, какого они года выпуска, поскольку каждый пакетик запечатан вакуумным способом.

Мэгги медленно допивала свое виски, пока они ехали по берегу озера. То там, то тут в наступавшей темноте мерцали костры, разведенные местными бездомными.

— Я не ослышался, вы сказали, что недавно видели Кеннета? — попытался сменить тему Хэйворд.

— Сегодня днем, — тихо ответила Мэгги. — Он заехал домой. Рассказывал, что открыл какой-то терапевтический центр в Риджфилде.

— Терапевтический центр?

— Я не знаю. Для меня все эти новые понятия ничего не значат, но я подумала: кто я такая, чтобы судить?

— Простите меня, пожалуйста, за то, что я скажу, Мэгги, но я думаю, что вашему мужу следует полечиться у самого себя.

Мэгги вздохнула. Виски в конце концов начало успокаивать ее нервы.

— Он сказал, что готов уладить все вопросы, связанные с нашим разводом. Поэтому я и подумала, что это было главной причиной его приезда. Для чего он говорил об этом, если он был уже... разорен.

— Когда у человека ничего нет, ему нечего терять.

«А что мне делать?» — отчетливо прошептала Мэгги про себя.

Они в полном молчании доехали до озера Гарлем-Меер. На его берегу вокруг горящего мусорного бачка собралась толпа человек в сто. Расслабляющая дробь карибских стальных барабанов выделялась на фоне громких разговоров и смеха. На расстоянии видны были мрачные очертания навесов Сто десятой улицы. Хэйворд нервно звенел льдом в своем пустом стакане.

— Вы знаете, что я очень состоятельный человек, — сказал он.

Мэгги была почти уверена, что сейчас он положит руку ей на бедро.

— Я не ищу себе папика-покровителя, Лоренс.

— А как насчет друга?

— Смотря какого друга?

— Дружественного, — ответил Хэйворд, доставая бутылку с виски. — Налить еще?

— Спасибо.

— Я помогаю своим друзьям.

— Кеннет — ваш друг.

— Кеннет был партнером по бизнесу. Кстати, он подвел меня с этими опционами на малайские закладные. Обобрал меня на кругленькую сумму в пятнадцать миллионов.

— Боже милостивый, — пробормотала Мэгги.

— Ой, для меня это незначительный ущерб. Это не повлияет на мой образ жизни ни на йоту. Но это — большие деньги. Я не настолько оторван от реальной жизни, чтобы не понимать этого. Я сам когда-то был обыкновенным человеком.

— В каком смысле обыкновенным?

— Я вставал по утрам. Шел в офис. Работал как лошадь. Я кружил по проклятому Кливленду дено и ночью, собирая мешки с деньгами со своих автомоек.

— Похоже, что это была действительно тяжелая работа, — сказала Мэгги с язвительным смешком, — собирать мешки с деньгами.

— А знаете ли вы, сколько весят пятьсот долларов монетами по двадцать пять центов?

— Нет.

— Это все равно что грузить мешки с кормами в товарный вагон. Поверьте мне. Я и этим занимался, когда мне было шестнадцать, в Логанспорте, штат Индиана.

— Так вы оттуда?

— Да, мадам. Округ Кэсс, Индиана.

— Из бедной семьи?

— Совсем нет. Мой отец был слесарем. Он хорошо зарабатывал даже в годы Депрессии, сверля отверстия в блоках двигателей сенокосилок в компании «Лонсмэн Мувин Машинс». Мы жили в небольшом симпатичном бунгало в приличном районе. Конечно, если в те дни мне нужны были деньги на карманные расходы, то приходилось работать, и поверьте, я был счастлив грузить мешки с кормами в товарные вагоны. Благодаря этому я стал тем, кем стал.

Мэгги повернулась к Хэйворду полностью впервые с того момента, как они сели в машину. Теперь, с набитыми за щеки орехами, он выглядел более похожим на белку, нежели на крысу. Его глаза светились так, что свет этот можно было считать одновременно и собственным, и отраженным.

— Как бы там ни было, я просто хотел, чтобы вы знали, что сможете надеяться на меня, если окажетесь в трудной ситуации, — сказал он.

— Приятно это слышать, Лоренс, но вы — женаты.

— Здесь романтические отношения ни при чем. Это — дружба. Если для вас это не подходит, то давайте назовем это бизнесом. Вы ведь кое-что зарабатываете в своих предприятиях, не так ли?

— Так, — призналась она. — Зарабатываю.

— Ну, и сколько примерно?

— Как-то... как-то говорить об этом, я не думала, что...

— А что? Вы считаете, что это — неприлично? Большинство из вас, из восточных штатов, так и думают. Для вас это — хуже порнографии. И Кеннет, ваш мальчишка, тоже так реагировал, когда не был на наркотиках. Поэтому можно было понять, когда он их употреблял. Ему нравилось говорить о деньгах под кайфом.

— Вы знаете о наркотиках?

— Конечно. Так сколько чистого дохода было у вас в прошлом году?

— Грубо — два с половиной миллиона.

— На это можно жить.

— Да, на первый взгляд это — большие деньги.

— Конечно, когда вы привыкаете к определенному уровню расходов, то становится удивительно, на что уходят деньги: одежда, путешествия за границу и все такое.

— У меня целый штат работников. Много накладных расходов. Но меня нельзя назвать расточительной.

— Тогда вам не о чем беспокоиться.

— Честно говоря, Лоренс, я беспокоюсь, что Кеннет мог заложить дом.

— Я сомневаюсь, что он мог сделать это без вашего ведения. Сколько, по-вашему, он может стоить?

— Мы купили его в тысяча девятьсот восемьдесят первом за двести пятьдесят. Но тогда это были развалины. Теперь он... в значительно лучшем состоянии.

— Полтора миллиона? — попытался отгадать Хэйворд.

— Не меньше.

— Послушайте, пока вы официально замужем и в этой собственности есть ваша доля, он не может передать вам право собственности полностью. В худшем случае, если ему удалось заложить его, вы можете выплатить залоговую сумму, и если для этого вам понадобится занять денег без всяких обязательств, то вы обратитесь ко мне и мы этот вопрос решим.

Мэгги чувствовала себя так, будто ее голову заполнили гелием. Огни жилых домов, стоявших по западной границе Центрального парка, которые были теперь различимы через стену деревьев, обещающе мигали, подобно лампам в деревенских окнах, обнадеживающих заблудившегося в глуши путника.

— Почему вы так заботитесь обо мне? — спросила она.

— Я восхищаюсь вами. Я вам благодарен. Вы дали мне возможность лучше ощущать себя как... личность. Разве это плохо?

— Нет.

— Разве не может кто-нибудь иметь чистые помыслы?

Мэгги не смогла удержаться от смеха. С нее как будто свалился тяжелый груз.

— Должна сказать вам, Лоренс, что вы меньше всех в Америке похожи на того, чьи поступки могут быть продиктованы чистыми и невинными помыслами.

— Это доказывает, что мы живем в циничное время.

— Может быть.

— Говоря же о журнале «Пипл»...

— Я искренне благодарна вам, Лоренс, — сказала она, — и вы самый подходящий парень из всех, кто мог бы восстановить мою веру в человечество.

Хэйворд наклонился к переговорному устройству под ремнем.

— Декстер, — сказал он шоферу, — отвези нас обратно к музею.

— Подождите, вы не будете возражать, если я попрошу вас подбросить меня в центр?

— Нет. Только скажите куда.

— Вестри-стрит, между Гудзоном и Гринвич-Виллидж.

— Едем в другую сторону, Декстер. В центр. В *самый* центр.

10

Скорая помощь

Большой отливающий серебром лимузин выехал из Центрального парка у Коламбус-серкл и повернул к югу на Седьмую авеню.

— Что там, в центре? — спросил Хэйворд, когда они въезжали на Таймс-сквер.

— Друг, — ответила Мэгги.

Хэйворд удовлетворился ответом и больше вопросов не задавал.

Все усилия корпорации Диснея, направленные на наведение порядка в этом центре театральной жизни, были сведены на нет простым количеством тех, чьи источники существования зависят от порока. Проститутки мрачным строем стояли перед магазином, торгующим товарами с эмблемой Микки-Мауса, а торговцы наркотиками по-прежнему, как в старые добрые времена, открыто выставляли свой товар с интервалом в пять-шесть метров по всей Сорок второй улице. Дальше по Седьмой, на Челси было полно молодых людей, одетых во все черное, эту богемную толпу недавно вытеснили из Сохо. На Шеридан-сквер в Уэст-Виллидж было сравнительно немногочисленно, новые штаммы ВИЧ-II и III собрали свою жатву в недавних вспышках эпидемии.

Когда машина пересекла Канал-стрит, Мэгги попросила шофера ехать к Гудзону, а потом на Вестри-стрит, улицу Регги.

Он жил в четырехэтажном доме, который на заре своей жизни в шестидесятых годах девятнадцатого века служил помещением для дистилляции патентованных лекарств. Из этого скромного здания вышли те сотни тысяч бутылок тоника «Крейвен Соверн», популярного на всех фронтах Гражданской войны (в нем содержалось сорок процентов алкоголя, а на вкус он напоминал виски с запахом ромашки). Приблизительно с 1900 года здание служило складом оптовому торговцу маслом и яйцами, было магазином, где незаконно торговали спиртным, диспетчерской службой такси, греческим рестораном и, наконец, дискотекой. Регги Чан приобрел дом во время падения цен на недвижимость в начале девяностых годов. Первый этаж в настоящее время был занят рестораном натуральной пищи «Harry Bean Cafe», на втором этаже, где в течение тридцати восьми лет был офис Эдгара Крейвена, расположились студия и квартира Регги, выходившие на улицу великолепной галереей с крышей медно-красного цвета, протянувшейся по всей семидесятипятиметровой длине дома. Третий и четвертый этажи сверху были соответственно сданы известной певице из кабаре и женщине-энтомологу из Музея естествознания. Доход от сдачи в аренду превышал выплаты по ипотечному кредиту и налоги на несколько тысяч долларов, в год, а следовательно, Регги жил здесь бесплатно да еще и кое-что оставалось.

Из машины был виден голубоватый отблеск работавшего телевизора на большом окне галереи на втором этаже.

— Можно воспользоваться вашим телефоном? — спросила Мэгги у Хэйворда.

— Конечно.

Он открыл телефон и нажал на кнопку «вкл». После первого же гудка у Регги, как обычно, включился автоответчик. Мэгги выслушала знакомое приветствие и последовавший за ним электронный сигнал.

— Регги, — сказала она. — Это я. Подними трубку. Я внизу, тут на Вестри, в машине. Я поднимаюсь. Через минуту позвоню тебе в дверь, и было бы неплохо, чтобы ты позволил мне войти.

— Вас подождать? — спросил Хэйворд.

— Нет, поезжайте. Мне придется побыть здесь какое-то время.

— А что, если его действительно нет дома?

— Я уверена, что он здесь, Лоренс. Я потом возьму такси.

— Но помните, что я вам сегодня сказал, Мэгги. У вас есть друг.

— Спасибо вам за это.

Ей захотелось обнять его. Это казалось так естественно, если бы он не был тем, кем был. Она сделала попытку. Его солидный внешний вид вселял уверенность, но от него пахло одеколоном, слегка напоминающим запах механического цеха где-то на Среднем Западе.

Когда большая машина уехала, Мэгги услышала, как вдалеке раздались отчетливые звуки выстрелов. Это немного походило на китайский Новый год. Стрельба была в Нижнем Ист-Сайде, где вооруженные радикальные протестующие арендаторы и их незаконно вселившиеся в помещение союзники собрались в оскверненной синагоге на Орчард-стрит и перестреливались с группой захвата нью-йоркской полиции. А на Вестри-стрит, рядом с рекой Гудзон, в то же время было так же спокойно, как на деревенской аллее.

Она вошла в вестибюль дома Регги и нажала на кнопку на стене. Ее стало одолевать беспокойство. Казалось, что ей ничего больше не оставалось, как уйти, когда длинноногая рыжеволосая женщина в кроваво-красном пальто из лакированной кожи, незаметно спустившаяся по лестнице, театральной походкой направилась к выходу. Мэгги узнала в ней певицу кабаре Лорну Дугал. Хотя она никогда не встречала ее, у нее было несколько записей певицы, а Регги постоянно сплетничал о кавалькаде ее дружков. Открывая дверь, мисс Дугал улыбнулась во весь рот.

— Надо же, Мэгги Дарлинг, — воскликнула она. — Вот кого не ожидала здесь встретить!

— Надо же, Лорна Дугал, — нараспев ответила Мэгги, и напряжение предыдущих часов неожиданно уступило этому счастливому моменту небольшого признания своей известности.

— Я только что читала одну из ваших книг в ванне.

— Которую из?

— «Как приготовить званый обед за четверть часа».

— А я только на днях в машине слушала ваш компакт-диск «В дубовой комнате». Если бы это была старая виниловая пластинка, то, наверное, я протерла бы на ней бороздки.

— Ой, а я ваша горячая поклонница, — выпалила Лорна, ее знаменитый шарм южанки был одинаково неподдельным на сцене и вне ее. — Регги только о вас и говорит.

— Правда?

— Вы для него солнце, вокруг которого он вращается.

— О боже.

— Ну как-то так. Мне бы вас затащить к себе наверх, поставить большой кофейник и поболтать о рецептах, но у меня сегодня два выступления.

— В другой раз успеем.

— Ну разве это не странно, что мы обе знаем друг друга, не будучи знакомы?

— Да, немного.

— Это все Нью-Йорк. Ну что за болото? Я никогда к нему не привыкну, — сказала Лорна, протискиваясь мимо Мэгги в узком вестибюле. — Пока, Мэгги Дарлинг.

— Ни пуха, Лорна, — сказала ей вслед Мэгги.

Ей удалось удержать внутреннюю дверь открытой.

Спустя несколько секунд она уже стояла у выкрашенной в блестящий красный цвет стальной двери, ведущей в квартиру Регги. Изнутри была слышна болтовня по телевизору. Мэгги не особенно удивилась тому, что Регги не ответил на звонок у входной двери, и она

нажала на кнопку, одновременно стуча тыльной стороной ладони в дверь.

— Регги, сейчас же открывай дверь! Это — я!

В конце концов ей надоело стучать, и она сердитым последним движением повернула ручку двери: дверь открылась.

Этаж был разделен скорее на участки, чем на комнаты, и имел в ширину более двенадцати метров. В квартире царила сверхъестественная аккуратность. Мебель представляла собой эклектичную смесь стилей: английского деревенского, «Баухаус» и «Санта-Фе». Регги лежал в мягком кресле. По телевизору показывали клип в стиле рэп-футуристическую звуковую муть, похожую на ржавые цепи и бочки, бьющиеся и трущиеся друг о друга на фоне жалобных причитаний какого-то зомби.

— Регги! — попыталась позвать Мэгги. — Дверь была открыта, и я зашла, — сказала она, стараясь быть одновременно дружелюбной и строгой.

Регги не пошевелился, и она пошла к нему по полированному паркетному полу. Тревожное чувство усиливалось в ней вместе с ритмом биения сердца. Обогнув кресло, она нашла Регги без сознания. Между ног у него была зажата выпитая почти до дна бутылка водки, в холодной влажной руке он держал пластиковую бутылочку из-под лекарств. Струйка рвоты сбежала вниз по свитеру и письму на бланке, аккуратно прикрепленному на его груди.

Мэгги принялась бегать повсюду в поисках телефона, пока наконец не нашла беспроводную трубку, заряжавшуюся в своем держателе на гранитной разделочной доске на кухне. Она набрала девять один один.

— Пришлите машину скорой помощи по адресу: Вестри-стрит, дом триста двадцать семь, район Трибека, немедленно, — четко произнесла она. — Здесь совершена попытка самоубийства.

— В подъезде есть лифт, мадам?

— Нет, пешком по лестнице на второй этаж.

— Спуститесь и откройте входную дверь. Человек дышит?

— Я не уверена.

— Убедитесь, что его дыхательные пути не забиты. Мы будем через десять минут или даже быстрее. — Диспетчер повесил трубку.

Мэгги удивилась тому, как эффективно работала система. По крайней мере хоть это работает в Соединенных Штатах. Она намочила кухонное полотенце и поспешила к Регги. Он дышал, но очень слабо. Она вытерла рвоту с его лица и свитера, сняла записку со свитера и засунула два пальца ему в рот. Никаких закупорок не ощущалось. В тот момент, когда она бегом спустилась по лестнице, бригада скорой помощи уже вбегала в вестибюль со своим оборудованием. Менее чем через тридцать секунд они уже выносили Регги на носилках с дыхательной трубкой в носу и манжетой тонометра на запястье.

— У него все еще хороший пульс, — мелодичным голосом сообщил старший группы Мэгги. Это был небольшого роста жилистый мужчина с очень темной кожей — выходец из Вест-Индии. — Не можете ли вы сказать, есть ли у этого джентльмена страховка, и если да, то от какой компании?

— Представления не имею.

— Ну, дорогая моя... — сказал старший. Три его коллеги опустили носилки.

— А мы не можем решить этот вопрос в больнице? — спросила Мэгги.

— Вы понимаете, в этом-то и проблема. Если мы не определим страховую компанию,

мы обязаны доставить джентльмена в больницу скорой помощи Бельвью. Вы хорошо знакомы с городскими больницами, мадам?

— А разве нельзя доставить его в Университетскую или в Корнельский медицинский колледж?

— Теперь вижу, что вы понимаете. Весь вопрос в оплате услуг скорой помощи. У нас должна быть гарантия оплаты.

— Сколько это стоит?

— Стоимость доставки — двести долларов, оплата труда — по пятьдесят долларов на человека, плюс оборудование, перевязочный материал, капельница и все такое прочее.

Мэгги достала из сумочки бумажник и принялась вынимать оттуда пятидесятидолларовые банкноты. Когда у нее в руке оказалось долларов четыреста пятьдесят, старший группы все еще стоял, как бы ожидая получить больше.

— Вы не делали перевязку и не ставили капельницу.

— За приезд после девяти вечера взимается дополнительная плата.

— Сколько?

— Пятьдесят долларов.

Мэгги закатила глаза и протянула ему купюру, показав раскрытый бумажник, чтобы убедить его в том, что он пуст.

— Мы готовы ехать, мадам, — сказал старший, сложив деньги и опустив их в нагрудный карман белой медицинской курточки. — А уж будет ли это Университетская или Корнельский медицинский...

11 Флуоресцентная скука

Они довели ее до Корнельского медицинского колледжа в своей машине, но внутри доктора оставили ее дожидаться в комнате с такими ослепительно яркими флуоресцентными лампами, что она почувствовала себя запертой внутри телевизора. В пугающей скуке этой навевающей клаустрофобию комнаты Мэгги выудила предсмертную записку Регги из бюстгальтера. Она была написана зелеными чернилами чрезвычайно аккуратным почерком печатными буквами. В ней было написано:

Тому, кто найдет эту записку.

То, что вы видите перед собой, я совершил из-за любви. Из-за отвергнутой любви. Я ни в чем не виню ту, которую люблю. Ты сильна и переживешь эту мелкую помеху. Я не жалею ни на что. По всем вопросам, связанным с моим имуществом, обращайтесь к моему поверенному Джею Лефковицу, Третья авеню, дом 845, и к моему брату Энтони Чану в Санта-Розе, Калифорния.

Прощайте все.

Р. Чан

Ее поразила банальность и дурной стиль записки. Это было недостойно человека, которого она знала. Она была зла на себя за порыв глупой сентиментальности к тому, кого

привыкла считать более глубокой личностью. Это заставило ее задуматься, возможно ли вообще понимать кого-нибудь по-настоящему. Ужасный свет флуоресцентных ламп, постоянное чтение записки вызвали у нее пульсирующую головную боль.

Она несколько раз справлялась о состоянии Регги у дежурной медсестры, но у них не было никаких новых данных. После часа такого сидения, проголодавшись и не найдя чем занять себя кроме чтения нескольких очень старых и замусоленных женских журналов, она направилась в больничный кафетерий, где ей снова пришлось сесть под мощной флуоресцентной лампой. Она взяла кусок засохшей серо-зеленой овощной лазаньи и кусок резинового шоколадного торта. На вкус только молоко напоминало настоящую пищу. Когда она вернулась в комнату для посетителей отделения скорой помощи, там уже произошла смена дежурства. Медсестрам ночной смены понадобилось двадцать минут, чтобы узнать, в какой палате находился Регги. Разрешение посетить его было получено только после того, как Мэгги удалось убедить их в том, что Регги — ее сын.

Он очень мирно спал, лежа на спине, в руку его была вставлена игла капельницы с глюкозой. Сестра, заглянув в историю болезни Регги, сообщила Мэгги о том, что ему прочистили желудок, что уровень ресторила и алкоголя в крови не представляет опасности для жизни и что завтра до обеда его отпустят домой.

— Это была несерьезная попытка самоубийства, — заявила она с нескрываемым пренебрежением, захлопнула историю болезни и вышла.

12 Пациент

Так случилось, что своим сухим кашлем Регги разбудил ее. Шея у Мэгги ныла от сна на изношенном больничном кресле в стиле датского модерна. За окном вставала заря цвета корпии. Их взгляды встретились.

— Это ты? — прохрипел Регги.

— Конечно, это я.

— Какого черта они позвали именно *тебя*?

— Никто меня не звал. Я тебя нашла.

— О боже.

— Для чего все это? Чтобы мне было еще хуже?

Регги отвернулся. Она услышала, как он по-детски жалобно захныкал.

— Ну, мне плохо. Я ужасно чувствую себя. Видишь, ты добился, чего хотел.

— У меня ничего не вышло, — зарыдал он.

— Ой, прекрати. Мне сказали, того, что ты принял, было недостаточно, даже чтобы убить резиновую уточку. — Мэгги была в ужасе от своей собственной злости. Все унижения и неурядицы последних месяцев неожиданно выплеснулись наружу, обрушившись на Регги, словно цунами. — И что еще хуже, твоя предсмертная записка была неграмотной!

Регги прекратил хныкать, холодно взглянул ей в глаза и сказал:

— Я занимаюсь изобразительным искусством, а не чертовым писательством. Думаю, что ты была бы довольна, если бы я оставил пачку симпатичных желатино-серебряных фотографий.

— Я скажу, чему бы я была рада: прекрати вести себя по-детски и возвращайся к съемкам для книги. И прекрати притворяться, что ты хотел оставить этот мир, дурачок ты

этакий. Мне сказали, что ты принял около пяти таблеток и что это эквивалент «Маргариты».

— Мне не хотелось устраивать кошмара.

— Ты думаешь, если принять дозу поменьше, труп будет выглядеть не так страшно?

Никогда не слышала ничего более идиотского.

— Ох, оставь меня в покое. Я тебя просто ненавижу.

— Я не оставлю тебя в покое до тех пор, пока ты не поклянешься вернуться к этой съемке. Я спасла тебе жизнь. Ты мне обязан.

— Ты не спасала мне жизнь. Просто я мало принял этого лекарства, настолько мало, что этим невозможно было убить даже резиновую уточку, помнишь?

— Также скажи мне, ради чего я всю ночь провела в этом кресле? — в ответ ему закричала Мэгги.

— Может быть, потому, что ты — долбаная святая? Откуда, черт возьми, мне знать?

— Нет, потому что ты хотел наказать меня, ты, маленькое злобное дерьмо.

— Мне не нужно тебя наказывать! Для тебя уже достаточное наказание *быть* тем, кто ты есть.

— И быть обязанной спасать такие несчастные, самовлюбленные, захудалые куски дерьма вроде тебя.

— Убирайся!

— Возвращайся к работе!

— Я лучше сдохну.

— Кишка тонка!

— Это ты так думаешь!

— Да пошел ты!

— Да пошла ты сама и поцелуй мою китайскую задницу!

Медсестра просто ворвалась в палату. Это была стройная, довольно привлекательная афроамериканка средних лет. По ее испепеляющему высокомерному взгляду можно было судить, что она не потерпит никаких глупостей, и враждующие стороны моментально умолкли. В руках она держала небольшой полиэтиленовый пакет для мусора.

— Из-за чего здесь весь этот крик? — спросила она.

Оба, Мэгги и Регги, уставились на нее, выражая полное смирение.

— Бы понимаете, что у нас в коридоре лежат настоящие больные? — продолжила она, вынимая капельницу из руки Регги. — Вы свободны, мистер. Распоряжение доктора. Вот ваша одежда, — сказала она, бросая пакет на край постели. — А вы, — обратилась она к Мэгги, презрительно сверкнув своими темными миндалевидными глазами, — можете подождать его в приемной.

— Не жди меня, — сказал Регги.

— А я подожду.

— Пожалуйста, не надо.

— Ты, — повернулась медсестра к Регги, — заткнись и одевайся, а не то скажу, чтобы тебя арестовали. А вы, — сказала она Мэгги, — мне наплевать, что вы будете делать, если успеете убраться отсюда до того, как я сосчитаю до десяти... Раз, два...

Через несколько минут Мэгги перехватила Регги в приемной.

— Я просил тебя не ждать.

— Да, но я отдала все деньги, которые у меня были, этой проклятой банде из «Скорой помощи», и тебе придется, черт возьми, взять такси и довести меня до гаража на Сорок

восьмой улице, где я оставила свою машину.

— Откуда, черт побери, ты знаешь, что у меня есть деньги?

— Я забрала бумажник из кармана твоих брюк в машине скорой помощи, чтобы его не украли санитары в больнице.

— Боже, как правильно ты мыслишь, — заметил Регги.

Мэгги достала бумажник игуановой кожи (от Джулиана Визуна) из своей сумочки. Регги взял его и заглянул внутрь.

— У меня только десять долларов, — сказал он.

— Не беспокойся, — сказала Мэгги. — До гаража доехать хватит. Потом я подброшу тебя до центра на своей машине.

— Хорошо, хорошо, — сказал Регги. — Ты выиграла. Я займусь этой чертовой съемкой.

Часть восьмая

ГНУСНАЯ УЛОВКА

1

Клюнула

Мэгги свернула на дорогу, ведущую к ферме Кеттл-хилл, когда навстречу ей попалась красотка блондинка Уолтера Фойерветера, выезжавшая на своем «вольво». Этот раздражающий факт, хоть и был незначительным, походил на крупинку соли в открытой ране, которой стала нынешняя жизнь Мэгги. Без четверти девять утра треск цикад в саду казался криком. Солнце угрожающе выглядывало из-за деревьев с востока на фоне неестественно сверкающего голубого неба. Дом был пуст. Ни Линди, ни Хупера, ни горничной Квиноны, ни Нины.

Нина! Только одна мысль о том, что придется искать другую помощницу по кулинарии, вызвала у Мэгги тошноту, какая появляется из-за неприятного запаха, образуемого при варке рубца вместе с капустой (довольно странное блюдо из Старого Света, которое так обожала ее бабушка Эльзи). Кроме того, Мэгги вывело из себя то, что она понятия не имела, какой сегодня день. Не наступила ли следующая неизвестная страница ее жизни? Она узнала, что была пятница, только внимательно посмотрев на график работ, висевший на стене. К ее глубокому удовлетворению, никаких работ до следующей среды не ожидалось. А в среду предстояло готовить обед на семьдесят пять персон для Лиги избирательниц округа Фэйрфилд. Их только посчитать что стоит, ужас. Нет. Невозможно без Нины и по крайней мере двух «сменщиц», так они называли постоянно сменявшихся работниц, которых нанимали на неполный рабочий день. В панике она еще раз позвонила Нине домой, на этот раз аппарат ответил по-другому:

— Привет. Это Нина. Но фактически меня здесь *нет*. Я буду в Испании и Марокко до четвертого июня. Оставьте сообщение. Приеду — отвечу. Пока.

Но почему это сообщение звучит так... легкомысленно? Уехала, словно шутя! Была ли в этом скрытая угроза? Можно ли рассматривать эту легкомысленность как попытку обидеть ее? — думала Мэгги. И значит ли это, что Нина ушла от нее? Это было очень, очень тягостно. Со смешанными чувствами Мэгги полистала карточки в огромном «ролодексе», стоявшем здесь же на кухне на разделочном столе. На нескольких сотнях карточек с именами многих работников, нынешних и бывших, не было ни одного человека, на которого она могла бы действительно рассчитывать так, как на Нину. Любое имя, на котором она останавливалась, вызывало у нее легкий приступ тоски: одна слишком медлительна, другая слишком неряшлива, та слишком болтлива, эта слишком неуклюжа, той не хватает воображения, та слишком завистлива. У Нины не было этих недостатков, а теперь ее нет. Потеряна! Мэгги медленно опустилась на стул. Мысль о необходимости составить меню для обеда Лиги избирательниц или даже списка продуктов повергла ее в отчаяние. В тот момент, когда ее эмоции начали перерастать в уже знакомый кошмар, она потянулась к телефону и принялась набирать номер.

— Ты как, Гарольд? — сказала она, пытаясь казаться беззаботной.

— Это ты, Мэгги? — сказал Гарольд Хэмиш. — А я только что собрался выходить из дома.

— Правда? Куда?

— В Вермонт. Ты помнишь? Личинки поденки.

— А, эта маленькая мушка со странным названием.

— Абсолютно верно.

— Думаю, тебе будет приятно узнать, что Регги Чан в конце концов согласился снимать для книги.

— Это здорово. Мне действительно стало легче. Чего тебе это стоило? Ой, забудь, что я спросил. Я просто доволен, что мы опять работаем. Ура-ура и все такое!

— Так ты собираешься на природу?

— Да. Поедешь со мной?

— Между прочим, я думала об этом.

— Правда? — спросил он удивленно. — Перестань думать об этом, а то раздумаешь. Просто собирай вещи. Я заеду и заберу тебя через час.

— Это была ужасная неделя, Гарольд. Совершеннейший кошмар.

— Подумаем, как развеять его потрясающими приключениями в Зеленых горах^[32]. Я буду приблизительно через час. Будь готова сразу же выехать.

— Ты — мой рыцарь в блестящих доспехах.

2 Железистый обмен

Она положила в чемодан от Луи Вюиттона комплект одежды фирмы «Норд Вудс». Затем снарядила объемистую сумку напитками и съестными припасами: по две бутылки «Матро-Мерсо» и «Пуйи-Фуиссе», одну действительно великолепную бутылку «Крио-Батар-Монраше» урожая 1988 года, большой клин маслянистого сыра «Сен-Андре», банку паштета из гусиной печени, коробку овсяного печенья, стеклянную банку солений своего изготовления, полкило прошутто, совершенно зрелую дыню, несколько зеленых помидоров с огорода, банку орехов кешью в карамели и несколько больших плиток горько-сладкого шоколада «Линдт». Потом она немного понежилась в ванне, смыв с себя запахи больничной палаты, потом надела красную шерстяную безрукавку в большую красную клетку, почувствовав себя сразу девочкой шестнадцати с половиной лет. И только она успела заколоть волосы шпилькой из черепахового панциря, как Гарольд уже стоял на дорожке у входа рядом со своим восстановленным автомобилем «Морган-плюс-четыре-плюс» выпуска 1965 года, с плотно опущенным и аккуратно застегнутым кожаным верхом. Он нажимал на клаксон, словно один из ее школьных друзей, которые так же гудели у ее дома тридцать лет назад.

По стечению обстоятельств, Уолтер Фойерветер легкой походкой вышел из-за деревьев со стороны розария как раз в тот момент, когда она садилась на пассажирское место. На его морщинистом ученом лице появилось выражение, которое можно было принять за... удивление! Это порядком смутило Мэгги, но в том состоянии усталости, в котором она находилась этим утром, все казалось ей немного отстраненным.

— Ой, господин Фойерветер, — с притворной беззаботностью произнесла она. — Я уезжаю на выходные.

— Ну и хорошо, — сказал он.

— Нам ничего не нужно обсудить, пока я не уехала? — спросила она.

— Не думаю.

— Ну, тогда... Все нормально?

— Отдыхайте и не беспокойтесь ни о чем, — заверил он ее.

И только тут она поняла, что он улыбается. Гарольд тоже смотрел на Фойерветера и просто сиял от радости так, будто выиграл приз в каком-нибудь спортивном состязании. Мэгги и в голову не пришло, что этим призом может быть она сама, но в обмене взглядами между ними было нечто от таинственного процесса, происходившего в мужских железах, последствия которого могли оказаться небезопасными для окружающих. Чтобы положить этому конец, она представила мужчин друг другу. Они пожали руки в скупой манере самцов, признающих свою принадлежность к одному и тому же типу и поступавших подобным образом множество раз в подготовительных школах, в студенческих братствах, загородных клубах и офисах компаний. Мэгги застегнула хлопчатобумажную кофту, надетую поверх безрукавки, пока мужчины обменивались бессмысленными вежливыми фразами о погоде и великолепном состоянии коллекционной машины Гарольда.

— Заботьтесь о ней лучше, — произнес Фойерветер, когда Гарольд уселся за руль. Мэгги понравилось, как он это сказал и как он смотрел ей вслед, когда шустрая маленькая машинка объезжала парковочный круг. Гарольду, казалось, очень хотелось быстрее уехать, и он набрал такую скорость, что на выезде на дорогу колеса машины подняли за собой гребешки гравия.

3

Восхищение

Они ехали в северном направлении по федеральной дороге номер девяносто один. Сочетание чрезвычайной усталости, теплого весеннего солнца и монотонного гудения мотора усыпили Мэгги на подъезде к Хартфорду, и она не проснулась до съезда с магистрали на Виндзор в штате Вермонт.

— Где это мы? — спросила она, потягиваясь под лучами прекрасного полуденного солнца.

— Мы почти приехали.

— Как долго я спала?

— Пару часов.

— Ой, извини. Ты не умер от скуки?

— Ну что ты, у меня хорошо развита фантазия, — ответил он, хитро улыбаясь.

— Все равно, хорошо, что ты дал мне поспать.

Они купили яйца, масло, лимоны, картофель, кофе и другие нужные продукты в обветшалом сельском магазинчике в поселке Нью-Калибан на перекрестке дорог. Немного проехав по проселочной дороге, свернули на дорогу с гравийным покрытием, которая вскоре пошла по берегу извилистого ручья.

— Ручей Катамоунт, — объяснил Гарольд, — это небольшая речушка, впадающая в реку Оттеркилл. Здесь полно гольца.

— Как замечательно, — сказала Мэгги.

— Думаю, тебе здесь понравится.

Они проехали еще километра два, и на глаза им попался всего лишь одна примета

цивилизации — брошенный и развалившийся фермерский дом в федералистском стиле, когда-то окруженный пашней и пастбищами, а сейчас почти спрятавшийся в поросли лиственных деревьев. В том месте, где узкая дорога наконец закончилась, стоял симпатичный деревянный дом, обитый полинялыми от дождей серыми досками с ярко-красной дверью и готическими окнами по обе ее стороны. Оконные рамы, ставни и наличники были того же красного цвета.

— Вот мы и прибыли, — сказал Гарольд.

Мэгги выразила свое восхищение.

— Давным-давно это была школа, — пояснил Гарольд. — Странно, не так ли, даже думать, что когда-то здесь было столько детей?

— Раньше мы были другими людьми, — сказала Мэгги. — Господи боже мой...

Прежде чем открыть дверь, Гарольд повозился с двумя замками. На первом этаже располагалось некое помещение, напоминавшее камбуз, и смежная с ним гостиная. У стены напротив спартанского камбуза стояли камин, сложенный из булыжника, и полки с книгами от пола до потолка. На каминной полке сидело чучело совы, жутко похожее на Гарольда.

— Еще до нас, в тысяча девятьсот семидесятом, кто-то переделал дом, — объяснил Гарольд. — Что тут было: уму непостижимые материалы, подвесные потолки, стены, обшитые филенкой под сосну. Ковры с жестким ворсом. Первый этаж был разбит на скучные клетушки. Полное уныние — это еще мягко сказать. Здесь было что-то вроде провинциальной полицейской казармы в Румынии. Но мы увидели огонек надежды и вычистили здесь все полностью до деревянного каркаса.

В стену, противоположную входу, была врезана стеклянная створчатая дверь, ведущая на веранду, с которой открывался вид на реку Оттеркилл. В центре комнаты стоял длинный фермерский стол. Тот конец стола, который более всего освещался полуденным светом, занимал набор устройств для изготовления искусственной наживки. На второй этаж вела лестница со стороны фасада. Она была настолько крута, что напоминала стремянку. На втором этаже были две небольшие спальни и ванная, зажатая между ними. Гарольд поднимался за Мэгги, таща ее сумку и любуясь ее задом. В гостевой спальне, выкрашенной в простой белый цвет, стояла всего лишь железная кровать с матрасом, дубовая тумбочка с керосиновой лампой и книгой Уильяма Бартрама «Путешествия по Джорджии и Флориде, 1773–1774». Такая исключительная простота понравилась Мэгги. Она подумала, что здесь, в этом освежающем замечательном месте, она сможет восстановить свою утраченную энергию. Это комната была просто создана для того, чтобы дать возможность поразмышлять!

— Здесь так мило и спокойно, — заметила она.

— У нас здесь мыши, — сказал Гарольд.

Ванная комната была очень скромной. А сама ванна представляла собой древнее изделие на звериных лапах. К продольно-потолочным балкам Гарольд приспособил двадцатилитровую армейскую канистру. А почти двумя метрами ниже он повесил старый туристский газовый примус с двумя конфорками. К верху канистры была припаяна длинная медная трубка для подачи воды, которая шла к головке душа, примитивно вмонтированной в бак. Под душем находился бронзовый вентиль, чтобы пускать и закрывать воду. Комнату освещала двойная керосиновая лампа, закрепленная на стене над старинным умывальником, стоявшим на потрескавшейся деревянной тумбочке.

— Если захочешь принять душ, то огонь нужно зажечь загодя минут за двадцать, —

объяснил Гарольд. — Но если он будет гореть дольше, то можно ошпариться. Все примитивно, но эффективно.

— Замечательно, — вздохнув, сказала Мэгги. — Может так получиться, что я не вернусь в реальный мир.

— О да, — согласился он, и в глазах у него мелькнула насмешливая искорка. — Давай мы с тобой откажемся от всего и останемся здесь навсегда.

4

В тисках

Мэгги преодолела беспокойство от пребывания на новом месте, занявшись продуктами и знакомством с тем, что было на кухне. Имейшуюся утварь вряд ли можно было назвать подходящей: множество неудобных ненужных мисок и сковородок, дешевые алюминиевые кастрюли. Она предположила, что все это покупалось на дешевых распродажах. Посуда также была разнообразней некуда: от оловянной до плексигласовой. У нее было сильное желание испечь кукурузный хлеб, и она искала все необходимое для этого, а Гарольд сел на край стола и начал вязать мушек для ловли форели.

Мэгги месила тесто и следила за тем, как он работает. То, что он делал, походило на хирургическую операцию. Он зажимал крохотные крючки в тисочки, обматывал хвостовик ворсинками меха, а к меху привязывал перья. Когда тесто было уже в печи, Мэгги села сзади него на стул и продолжила наблюдение.

— Я тебя не раздражаю? — спросила она.

— Вовсе нет.

— Этому трудно научиться?

— Требуются навыки. Наверно, так же как и при приготовлении пищи, и при шитье.

— Ты меня научишь?

— Нет, — ответил Гарольд. — Из-за того только, что в мире существует так много всего, что человек *обязан* делать хорошо. Я обязан оберегать тебя от чрезмерного распыления сил. Здесь ты можешь быть поваром и хозяйкой дома. Оставь мне изготовление наживки.

— Ну, хорошо. А ты мне покажешь, как обращаться с удилицем и всем остальным?

— Без всякого сомнения.

— Если бы я была форелью, то, пожалуй, клюнула бы на эту маленькую мушку, которую ты делаешь сейчас.

— Правда?

— Она выглядит так... стильно.

— Но в этом случае тебя пришлось бы поймать, понимаешь?

— И я погибла бы на сковороде в бурлящем сладком масле, — сказала она. — Вот это да.

— И конечно, я съел бы тебя, — сказал Гарольд и поспешил добавить: — Ты не могла бы налить мне немного виски? А то у меня руки заняты.

5

Метод ловли на одну удочку

К тому времени как Гарольд увязал с дюжину мушек и они дважды пропустили по виски, настало время идти на рыбалку.

— Сегодня мы возьмем только одну удочку, — сказал Гарольд, надевая жилет очень сложной конструкции с десятками отвисших карманов. — Еще рановато для уроков. Просто внимательно наблюдай за тем, что делаю я. Завтра утром и ты получишь удочку.

Мэгги натянула старые штаны, которые Гарольд дал ей для того, чтобы ходить по воде. Она чувствовала себя клоуном. Он также настоял на том, чтобы она надела свитер, хотя вечер был теплый. Солнце коснулось макушек деревьев, наступали окрашенные золотом сумерки. Все предвещало удачу.

Они прошли сквозь заросли папоротника изумрудного цвета по берегу реки к краю воды. Мэгги вошла в воду вслед за Гарольдом. Казалось, что они оставили за спиной один мир и перебрались в совершенно другой. Вода была ужасно холодной, хотя глубина — всего лишь чуть выше лодыжки. Когда Мэгги перевела дух, то поняла, что Гарольд не зря заставил ее надеть свитер. Под ногами на дне была галька, и стоять было удобно. Поток воды издавал бормочущий звук и, обтекая ее ноги, оставлял след из пузырьков. Золотистый воздух кишел танцующей мелкой мошкой, среди которой, но в меньшем числе, летали более крупные поденки, то и дело скрывавшиеся под пологом леса.

— Поденки разлетались, — сказал Гарольд.

Насекомых аккуратно ловили свиристели, внезапно появившиеся в похожем на туннель воздушном пространстве над руслом реки. Иногда они зависали на одном месте, подобно гигантским колибри, хватая сразу несколько мошек.

— Красота, — сказала Мэгги, любясь этим спектаклем. Виски, проникшее ей в кровь, придавало особый оттенок происходившему вокруг.

— Будь слева от меня, — прошептал Гарольд.

Она последовала за ним вверх по течению.

Он остановился на конце заводи у порога и очень по-деловому начал вручную разматывать лесу с катушки. С каждым витком катушка пищала, словно насекомое. Затем он махнул удилищем, как хлыстом, назад и вперед так, что тяжелая леса сделала в воздухе петлю, ритмично качнувшуюся вперед и назад. С каждым взмахом он отпускал лесу до тех пор, пока петля не пролетела добрых пятнадцать метров. В конце концов от сильного броска петля улетела вперед настолько, что разматалась вся леска. Поводок разматался, как красный ковер перед ногами маленького иностранного посланника, прилетевшего в новую страну, и доставил «мушку» в дальний конец заводи. «Мушка» запрыгала по поверхности воды, уносимая течением. Кремовое оперение и крылья из оленьих волосков делали ее хорошо заметной на темной воде. Позади нее на воде выступил маленький бугорок, послышался легкий всплеск, словно у самой поверхности под водой защелкнулась мышеловка. Конец удилица заметно вздрогнул.

— Есть?

— Да.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Он подкрутил лесу левой рукой, подтягивая добычу ближе, потом умелым движением сунул руку в воду и вытащил оттуда маленькую форель, держа ее нижнюю челюсть между большим и указательным пальцами.

— Мелюзга.

— Что?

— Мы отпускаем всех, кто короче тридцати сантиметров.

— Ну конечно, — сказала Мэгги.

— Ты наблюдала, что я делал?

— О да. Кажется, это нелегко.

— Так оно и есть. Завтра сама узнаешь.

Гарольд бросил рыбку обратно в реку, и она шмыгнула под камень. Они пошли вперед по краю заводи к следующему порогу. На этот раз Гарольд забросил наживку прямо к камню величиной с рояль. «Мушка» фактически рикошетом отскочила от камня и упала в воду с небольшим шлепком.

— Ты так нарочно сделал? — спросила Мэгги.

— Конечно.

Несколько секунд «мушка», весело выплясывая, двигалась вниз по течению. Вдруг вода под ней взорвалась, а катушка жалобно завывала. Более крупная форель, схватив приманку, ринулась вверх против течения. Гарольд замедлил ее движение, притормаживая рукой катушку, пока леса не перестала разматываться. Рыба попыталась вырваться, кончик удилица рывком наклонился к самой воде. Гарольд, казалось, предполагал это заранее. Он ослабил лесу до тех пор, пока кончик удилица снова не дернулся вниз. Рыба еще дважды пыталась уйти вверх по течению, но на третий раз выдохлась и спустилась вниз. Гарольд подвел под нее роковой подсак.

— Вот это уже рыба, — сказал он, осторожно вынимая крючок хирургическим зажимом.

Бок рыбы украшали красные пятна, похожие на драгоценные камни, а живот был ярко-желтым. Она открывала рот и безуспешно старалась вырваться из руки Гарольда. Когда крючок был вынут, он взял форель двумя руками и движением, которое показалось хорошо натренированным, свернул ей голову так, что хрустнул хребет. Мэгги отшатнулась.

— Ты что сделал?

— Я убил ее быстро и милосердно, — ответил он.

— Боже мой...

— Ты помнишь, что мы намеревались наловить рыбы себе на ужин?

— Да, но...

— Поэтому нам придется эту рыбу убивать.

— Я понимаю, но...

— Лучше так, потому что иначе они будут медленно умирать в корзине. Что, по-твоему, лучше?

— Быстро и милосердно, — мрачно согласилась Мэгги.

— Ты ведь не вегетарианка.

— Нет.

— Природа красна от клыков и когтей, моя дорогая.

— Хорошо. Со мной все будет в порядке.

Гарольда, казалось, удовлетворил такой ответ.

Он слегка кивнул и издал едва слышный звук, как будто прочистил горло. Затем быстро вынул нож и разрезал рыбе брюхо от анального отверстия до глотки, вырвал жабры и выбросил их, затем достал внутренности из брюшной полости и сжал жилистый желудок пальцами так, что из него вылезла каша из частично переваренных насекомых, похожая на черную зубную пасту, выдавливаемую из тюбика.

— Скажи, бога ради, что ты делаешь?

— Я изучаю содержимое желудка, чтобы понять, каких насекомых она ела.

— Ах.

— Она лакомилась этими поденками, все нормально. И муравьями. Всегда нужно вынимать кишки и жабры как можно быстрее. Иначе стухнет.

Он нарвал папоротников на ближайшем берегу и выложил ими дно плетеной корзины, а на них положил выпотрошенную рыбу. Прежде чем закрыть корзину крышкой, он мгновение полюбовался тем, что там лежало. Затем достал серебряную фляжку из одного из многочисленных карманов на его рыбацком жилете и протянул ее Мэгги.

— Выпьешь?

— Думаю, да. Она открутила крышку и сделала большой глоток.

— Природа красна от клыков и когтей, — весело повторил он и глотнул сам.

Одна форель сорвалась у Гарольда в следующей заводи, а в еще одной он отпустил назад мелочь. К этому времени Мэгги уже успокоилась и, под воздействием виски, снова стала интересоваться тем, что делал Гарольд.

— Можно мне забросить?

— Я же тебе сказал: завтра.

— Ой, брось. Не будь таким строгим.

— Хорошо, — сказал Гарольд. — Давай, пробуй. — Он передал Мэгги удилище.

— Я внимательно за тобой следила.

— Угу. А что, если ты действительно поймаешь рыбу?

— Я, хм... я с ней справлюсь.

Гарольд показал на порог впереди и сказал:

— Дерзай, дружище. — А сам осторожно зашел с левой стороны Мэгги, чтобы она не задела его, забрасывая удочку.

— Боже, это удилище — легкое как перо, — заметила она.

— Ты держишь изделие из графита стоимостью в тысячу долларов.

— Ну да?!

— Если ты его сломаешь, то придется покупать новое.

Она посмотрела на него озабоченно.

— Шучу. Его практически нельзя сломать.

Мэгги приготовилась повторить все движения Гарольда. Удилище в ее руках вело себя совершенно по-другому, хотя все, что делал Гарольд, казалось таким простым. Но она немедленно зацепила леску за ветку ивы, свесившуюся в каких-нибудь шести метрах от нее.

— Вот это да! — сказала она.

— Не так просто, как казалось, да?

— Да, ты был прав. Довольно трудно.

— Нужна практика.

Она застенчиво вернула удочку Гарольду. Ему пришлось оторвать поводок и переделать весь крепеж: кольцо, узел и прочее. Это заняло не менее десяти минут. Все это время Мэгги сидела на камне, словно речная нимфа, наказанная богом реки. Забросив удочку дважды в сторону порога, прямо через притопленное бревно, Гарольд поймал рыбу длиной тридцать пять сантиметров. Теперь улова было достаточно, чтобы приготовить ужин.

Они накрыли стол на веранде, выходящей на реку. На гарнир к двум форелям Мэгги поджарила несколько зеленых помидоров, потушив их затем в оливковом масле с кусочками прошутто. Салат из ароматного красного перца с шинкованной капустой дополнил картину. К тому моменту, когда она вынесла тарелки на веранду, от богатого событиями дня осталось лишь несколько слабо освещенных бледно-лиловых облаков, видневшихся над верхушками деревьев. Река погрузилась в теплую темноту. Зеленые огоньки светлячков весело мигали над зарослями папоротника. Гарольд зажег керосиновую лампу и поставил ее на стол, открыл бутылку «Пуйи-Фуиссе» и наполнил бокалы. Они так проголодались, что ели молча, в простом животном самосозерцании в течение нескольких минут.

— Извини, если там я был с тобой резок, — спустя какое-то время сказал Гарольд, намазывая масло на квадратный кусок кукурузного хлеба. Он водил ножом по хлебу так, будто хотел подчинить его себе. — Меня просто посетил дух мужественности вблизи леса и воды.

— Да, ты был прав, — признала Мэгги. — Ведь сколько раз я клала рыбу на горячую сковороду, не задумываясь даже, что кому-то пришлось отнять ее жизнь! Нужно всегда быть более... *ответственной!* Ох, я так довольна, что приехала сюда, дорогой ты мой.

Это «дорогой ты мой» заставило Гарольда прищуриться.

— Я ценю каждый день, проведенный здесь, — сказал он, — поскольку знаю, как мало их осталось.

Она подняла вилку с куском рыбы и не поднесла ее ко рту. Вместо рыбы ей пришлось проглотить его фразу.

— Но лето ведь только началось, — сказала она.

— Та, в белом саване, не пользуется календарем.

— Кто?

— Старуха с косой, — ответил Гарольд. — Смерть.

— Извини, — сказала Мэгги, кладя вилку. — Я что-то не пойму. Ты сказал «смерть»?

— Да, сказал.

— Зачем так мрачно?

— А разве не смерть заставляет по-настоящему ценить жизнь?

— Наверное, да.

— Те светлячки, что мы видели у реки, живут взрослой жизнью одну лишь ночь. И эту короткую ночь они тратят на поиски пары. Они даже не едят...

— Это — *действительно* тоска, — перебила его Мэгги, еще не прожевав салат.

— На самом деле у них даже нет органов пищеварения. Это просто маленькие летающие секс-роботы. На рассвете, выполнив свою задачу по воспроизводству, они падают в изнеможении на поверхность воды, раскинув крылья, как ангелочки. А потом форель жадно уничтожает последние следы их существования.

— Это звучит так... романтично.

— Представь, что вся твоя жизнь сжата до размеров одной ночи! Насколько она была бы насыщена!

— По мне, так лучше пускай так тянется. Хотя бы ради смены времен года.

— И все же, Мэгги, нужно понимать, что мы не можем жить вечно.

— Прекрати говорить об этом. Только вот здесь и только сейчас так много можно всего

сделать. Например, приятно поужинать. — Она опять взяла вилку и подцепила кусочек жареного помидора.

— Иногда нет другого выбора.

— У тебя определенно есть выбор.

— Порой диагноз меняет все это, — сказал Гарольд, допив вино большим глотком и налив себе еще.

— Ты сегодня такой загадочный, — сказала она, тоже допивая свое вино, но так, будто концентрировалась, чтобы принять какой-то удар. — Какой диагноз?

Гарольд сначала налил в свой бокал, и только потом ответил:

— Рак.

— Рак? — спросила Мэгги. — У кого? У тебя?

В ответ Гарольд не произнес ни слова, но только кивнул, будто ему вручили премию, а он демонстрировал крайнюю скромность.

— Постой, — сказала Мэгги. — Ты сказал, что у тебя рак?

Гарольд кивнул.

— Какого органа?

Взгляд его стал стеклянным, словно его отвлекла какая-то шальная мысль. После чего он сфокусировался на ней.

— Поджелудочной железы, — сказал он.

— О боже, — сказала Мэгги, отодвигая от себя тарелку. — Ты не выглядишь... больным.

— Этот маленький вредитель действует исподтишка, — грустно сказал Гарольд.

— И давно... это у тебя?

— В прошлом месяце на обычном осмотре был плохой анализ крови. Меня послали к онкологу — какое ужасное слово, не так ли? Онколог. От него просто исходит страх и страдание. Да уж. Так или иначе, он сказал мне об этом прямо. Честно говоря, мне не понятно, как можно заниматься этим десять, двадцать раз на дню и не спать.

— Заниматься чем? — тихо спросила Мэгги.

— Говорить людям, что они обречены.

— Я не знаю, что и сказать.

— А ничего говорить не надо. Давай выпьем за жизнь.

Он поднял свой бокал, словно готовился произнести тост.

Мэгги наклонила голову, поскольку глаза ее были полны слез.

— Не начинай, — сказал Гарольд.

Она разрыдалась.

— Сейчас же прекрати, Мэгги Дарлинг.

Но эмоции не поддаются приказам. Человеческое сердце — это не конторский мальчишка на побегушках. Мэгги безудержно плакала в течение нескольких минут. За это время Гарольд доел форель, салат, помидоры и намазал себе еще один кусок кукурузного хлеба маслом.

— Как ты можешь вот так сидеть и есть? — спросила Мэгги наконец, сморкаясь в бумажную салфетку.

— А что, по-твоему, мне следует делать? Бегать и кричать? Предложить себя для медицинских экспериментов? Полететь в Лурд к чудодейственному источнику?

— Это так несправедливо.

— Я бы так не сказал. Я прожил шестьдесят один замечательный год. Дольше, чем Малыш Рут^[33] и Моцарт. Мне не пришлось воевать. Я наслаждался жизнью в замечательном городе. Руководил прекрасной компанией. Был знаком со многими интересными людьми. Грех жаловаться.

— И что, ничего нельзя сделать?

— Абсолютно ничего. Штука, которую я заполучил, — смертельна.

— Тогда что ты *собираешься* делать?

— Я собираюсь жить, как жил, пока болезнь не помешает мне. А затем направлюсь в Монпелье в маленький дружественный хоспис, который содержат монахи. Я все уже продумал. Чертовски удобно.

— Ты рассуждаешь так, будто планируешь отпуск.

— Ну, а что это еще, если не долгое путешествие в незнакомую страну? Скажи, а что на десерт?

— Немного замечательного «Сен-Андре» и зрелые груши.

— А для старого сладкоежки?

— Есть шоколад.

— Здорово. Я принесу коньяк.

7

Славные дни

Мэгги порядком опьянела. Гарольд начал вспоминать о прошлом и старых друзьях, о том, как он приехал в Нью-Йорк в 1961 году молодым человеком, в год, когда Мэнтл и Марис выступали на стадионе «Янки», а Джек Кеннеди сидел в Белом доме. В ресторане «P. J. Clarke's» на Третьей авеню собирались настоящие писатели, Норманн Мейлер появлялся на вечеринках вместе с Кеном Тайноном и Геом Тализом, а в квартиру в Гринвич-Виллидж порой заглядывал кто-нибудь не менее легендарный, чем Оден. Песню «La Vie en Rose»^[34] постоянно играли в их любимом французском ресторанчике (как он назывался?) на Шеридан-сквер, где в витринах были выставлены фаршированные фазаны. Вход в музей Метрополитен был тогда бесплатный, бутылка хорошего шотландского виски стоила шесть долларов, а стейк из вырезки — всего четыре девяносто пять. Можно было снять приличную квартиру с работающим камином в восточной части Шестидесят третьей улицы за двести долларов, и люди тогда женились, и справляли свадьбы в университетском клубе. А вечером по четвергам по телевизору показывали абсолютно безумные получасовые шоу знаменитого Эдди Ковакса. И в Ист-Хэмптоне не было сопливых юнцов, гремящих на гитарах. А помнишь такси компании «Чекер»?..

В этом рассказе и было то прославленное очарование Гарольда Хэмиша, о котором писали в «Венити фейр» и «Паблишер уикли». Он весь светился. Ночь была теплая и спокойная. Коньяк «Кельт Амираль» был великолепен, шоколад поддерживал в Мэгги достаточно бодрое настроение. Ей даже нравилось слушать об этой ушедшей в историю Америке, о ее прежнем величии, до того как все покатило к чертям. Но ужасная мысль о болезни Гарольда не оставляла ее, как страшный хищный зверь, спрятавшийся в темноте за сиянием костра. Даже простое напоминание об этом отнимало силы. Поэтому, когда он рассказал очередную историю о необычайной способности какого-то Мэлаки Маккорта,

владельца бара на Манхэттене, пить не пьянея, Мэгги взмолилась, чтобы Гарольд отпустил ее спать.

— Мне так приятно, что ты слушала меня, старого болтуна.

— Я люблю истории о прошлом, — сказала она, обходя стол, чтобы обнять его перед сном.

От его одежды исходил прекрасный мужской запах можжевельника и силы. Он неоднократно поцеловал ее в нежное место за ухом и крепко обнял, продержав в объятиях чуть дольше, чем следовало. Затем с чувством сожаления или вины, она не была уверена точно с каким, Мэгги оставила его на веранде, а сама пошла спать.

8

Соната

Она почитала немного «Путешествия» Бартрама. Было забавно читать под светом керосиновой лампы. В комнате пахло совсем как в летнем лагере, в котором она была еще девочкой: сосновой хвоей, старыми одеялами и некрашеной доской. Гарольд какое-то время еще оставался на веранде, Мэгги предположила, что он выпивал. Затем он протопал вниз, задевая на ходу вещи. И наконец она услышала, как ступени заскрипели под его ногами. На какой-то миг она затаила дыхание, подумав, зайдет ли он к ней и что ей делать, если зайдет. Но потом она услышала, как он открыл и закрыл за собой дверь, как скрипела кровать, когда он ворочался, а потом наступила тишина. Мэгги не понимала, благодарна ли она ему или обманута.

Какое-то время спустя она проснулась в темноте, почувствовав, что он лежит рядом, за ее спиной, прижавшись к ней, как ложка к ложке, а его большая ладонь — на ее плече. Первая мысль была: «Странно, это не Кеннет». Еще какое-то время она притворялась спящей, стараясь продумать тактику действий. На самом деле ощущение чего-то большого и теплого сзади и ее реакция, свойственная всем млекопитающим, сильно мешали думать. К тому же от выпитого накануне голова была пустой, как полая тыква. Гарольд зарылся носом в ее волосы и целовал ее так же, как и в предыдущий раз. Мощная химическая реакция возбудила нервные окончания по всему ее телу, заставляя полностью отдаться ощущениям. Гарольд сделал стратегический ход, передвинув руку ей на бедро, где рука задержалась в ласке, прежде чем перейти к более сложной топографии ее правой груди. Ощупывая ее гордо вознесшийся сосок, он еле слышно застонал от страсти, и Мэгги, уже не в силах сдерживать себя, ответила ему подобным звуком. Еще немного, и она развернулась к нему так, что они оказались лицом к лицу, губами к губам и бедрами к бедрам, пока она не раскрылась ему, словно большой ночной цветок. Они занялись любовью, не произнеся ни слова.

Он был сильным и неторопливым. Он любил так, как виртуоз играет сонату на редком и дорогом инструменте: уверенно, но все же осторожно, проявляя при этом ту жизненную энергию немолодого человека, который может упорно и невозмутимо исполнить большое и полное нюансов музыкальное произведение, не снижая темпа и не доходя преждевременно до высшей точки эмоционального накала. В его объятиях она потеряла ощущение времени и отдавалась ему несколько раз, надеясь при этом, что получаемая им от нее будоражающая сила удовольствия могла поддержать его в борьбе с безжалостным монстром, угрожавшим его существованию, и, возможно, даже победить его. В конце концов он закончил с протяжным стоном, и они, не тратя никаких слов, провалились в прохладное, пахнувшее

Все та же странная мысль посетила ее в момент пробуждения: «Это — не Кеннет».

Она быстро внесла ясность, добавив про себя: «А это мой милый, милый Гарольд», и, повернувшись, обнаружила, что он еще в глубоком сне. Трапедия солнечного света ярко выделялась на противоположной окну стене. Тени споривших друг с другом двух голубых соек прыгали на ней, напоминая театр теней с острова Бали. «Итак, — думала Мэгги, — мы пересекли границу дружбы и профессиональных отношений и вступили в неизвестную страну близости. Учитывая его болезнь, как можно это рассматривать: как трагическую ошибку или как взаимный дар, который вне эго и даже самого времени? Что нам теперь делать? Притворяться, что у нас есть будущее, вместе? А может быть, так природа напоминает о том, что не следует ничего планировать, а надо отказаться от вечного стремления контролировать события и позволить жизни идти своим чередом? Что нужно делать после того, как прозвучал роковой диагноз? Может быть, Гарольд был прав, что нужно встречать неведомое с достоинством настолько, насколько это возможно?»

Гарольд пошевелился и открыл глаза.

— О, да это ты, Мэгги Дарлинг, девушка моей мечты.

— Как приятно.

— Долгие годы я облизывался, глядя на тебя, как бешеный пес...

— Ты хорошо это скрывал.

— ...ждал, пока ты бросишь своего мужа-негодяя.

Она отвернулась, их почти лишенная будущего судьба виделась ей этой трапедией солнечного света на стене. Но как только он прижал ее к себе, ей стало легче. А после того как он начал поглаживать ее, все сомнения и сожаления, назойливо забивавшие ей голову, ментально испарились. И вновь, как прошлой ночью, он оказался на ней, казалось, что он — великолепная нежная машина, генерирующая тепло и искры. Он любил так, как приговоренный к смерти преступник принимает свою последнюю пищу: с отчаянным наслаждением. Когда наступила благодатная развязка, она сама удивилась, почему, в силу каких извращенных понятий о приличиях или из-за каких психологических моментов все эти годы она удерживала себя от того, чтобы не броситься в объятия Гарольда, а сделала это только сейчас, когда времени почти не осталось. Эта мысль заставила ее загрустить, но она никак не показала этого.

— Знаешь, я так голоден, что могу съесть эту книгу, — заявил Гарольд, подняв над головой Бартрама. — Как насчет завтрака?

«Ах да. Завтрак», — пронеслось в голове у Мэгги. Ее грусть растаяла, уступив мыслям с том, как бы лучше накормить Гарольда, чтобы победить зверя болезни, затаившегося в нем.

В конце концов она решила испечь блинов, поскольку именно их хотел Гарольд. Он так мило называл их «блинчиками». И к тому же в доме было много кленового сиропа. Они были в Вермонте; здесь этот сироп продают даже на бензоколонках. Пока бекон, копченый на кукурузных початках, шипел на чугунной сковороде, а кофе подогревался на газовой горелке, Мэгги замешала кукурузную муку с гречневой, приготовив аппетитную смесь. Гарольд сидел у края большого стола и вязал «мушек» для сегодняшней рыбалки. Моцарт

наполнил дом великолепием. День был такой, что лучше не бывает. Вскоре она принесла ему целую стопку гречишно-кукурузных блинов, украсив их журавельником. В благодарной улыбке Гарольда было что-то такое, что ей захотелось бесстыдно отдаться ему прямо здесь, и, повинувшись дикому импульсу, она залезла под стол и обслужила его в континентальной манере, пока он с аппетитом ел свой вполне американский завтрак.

— Боже мой, Мэгги, до чего же ты мастерица, — сказал он после того, как она вылезла из-под стола.

— Мне так хочется сделать тебя счастливым!

— Тогда выходи за меня замуж.

Она чувствовала себя так, будто она пробиралась по глухой лесной тропе.

— Гарольд, милый, у меня же развод. Он может затянуться на несколько месяцев.

— Ну что такое несколько месяцев?

Мэгги часто замигала, не в силах ничего сказать.

— Ох, я понимаю, о чем ты думаешь, — сказал он, разрезая блины один за другим на мелкие кусочки, словно хотел разрезать всю стопку, чтобы можно было есть не останавливаясь. — Хочу сказать, что у меня есть и хорошие новости.

— Что такое?

— На самом деле я не болен.

— Ты не болен?

— Я — здоров, как священная корова.

— Это то, что называется стадией отрицания?

— Отрицание? Какая чушь.

— В самом деле?

— В самом деле.

— погоди. Ты говоришь, что ты — здоров?

— Да. Разве это не счастье?

— А как же... этот онколог?

— Литературный вымысел.

— Но...

— Мэгги, правда заключается в том, что у меня нет никакого рака. Я просто придумал это, чтобы, ну, растопить лед.

— Зачем, свинья ты этакая? — сказала она, отбирая у него тарелку и швыряя все ее содержимое ему в лицо и на грудь.

Ей потребовалось меньше минуты, чтобы собрать вещи и выйти за дверь. «До чего приятно в такой день идти по проселочной дороге», — повторяла она про себя, чтобы не взорваться. Через минуту или около того она услышала, что Гарольд медленно едет позади нее на своем «моргане».

— А мы не перебарщиваем? — осмелился спросить он.

— Ты для меня больше не существуешь, разве только как привидение свиньи.

— Ну, Мэгги...

Она продолжала шагать вперед, стиснув губы.

— Прекрати раздувать из мухи слона, — сказал он. Было заметно, что он в отчаянии.

Не последовало никакого ответа.

— Должен ли я считать, что ты проявила ко мне интерес только потому, что думала, будто я болен?

Каменная стена.

— Садись в машину, Мэгги.

Она ускорила шаг.

— Ты даже не представляешь, куда идешь. До ближайшего жилья несколько километров.

Она не остановилась.

— Ты — проклятая упрямая сучка!

Он заехал вперед и перекрыл ей дорогу. Она остановилась. Он выскочил из машины, захлопнул дверцу и поспешил, чтобы закрыть ей дорогу телом. Она подумала, что он выглядел очень смешно на дороге в своем шелковом японском халате.

— Садись в машину, Мэгги, — прорычал он.

Возможно, что-то в его костюме вдохновило ее на уровне подсознания, ведь Мэгги была совсем неискушенной в боевых искусствах; а может, его прыгающее адамово яблоко представило собой цель, от которой было трудно удержаться. Ей показалось, что и удар был не очень сильным, но он привел к немедленному впечатляющему результату. Гарольд свалился за правое переднее крыло машины и стал издавать странные неприятные звуки, как будто пар выходил из старой забитой трубы. Несмотря на его жалкий вид, Мэгги, почти не раздумывая, решила не помогать ему. Вместо этого она подошла к водительскому месту, бросила сумку на пассажирское сиденье и перевела тугой маленький рычаг на первую передачу, одновременно пробуя ногой тормоз и сцепление.

— Аааааррррххх... — вырвалось у Гарольда. Она укатила, оставив за собой шлейф из гравия и пыли, опустившийся на него до того, как она исчезла за поворотом, а его кваканье поглотил шум густой листвы.

Часть девятая

ПРЕДПОСЛЕДНИЕ НЕСЧАСТЬЯ

1

Что с нами будет?

— ...Я бросила машину в Виндзоре и нашла мальчика, который согласился довести меня до дома за сто долларов плюс расходы на бензин, — сказала Мэгги, опуская вилку в салат с копченой уткой и соусом из перца чилпотль и сока лайма.

Кристи Шовин, сидевшая напротив, лукаво улыбалась. Эту улыбку можно было считать одобрением. Мэгги не только подробнейшим образом выложила мерзкую сагу о ночи, проведенной ею за городом с Гарольдом Хэмишем, но рассказала и о неудачных любовных эпизодах со Свонном и Регги. В это обеденное время в «Tontine», на углу Коламбус-авеню и Восемьдесят первой улицы, было полно народа. Многие не могли удержаться, чтобы украдкой не посмотреть на их столик, хотя на Кристи не было надето ничего особенного, кроме майки с V-образным вырезом от Дж. Кру и джинсов, а Мэгги куталась в шарф от Эрме.

— Он был хороший мальчик, — добавила она, рассказывая о молодом вермонтце, — но, когда мы проезжали Хартфорд, он спросил, не в Нью-Йорке ли мы уже.

— Не мог прочесть, да?

— Я не спросила, но это было очевидно. Дорожный указатель на въезде в Хартфорд был величиной с амбар. Ты можешь себе такое представить?

— Ты удивишься, сколько американцев не умеет читать, — сказала Кристи. — Я сотрудничаю с организацией «Добровольцы за грамотность». Это так скандально, что-то вроде неприличного секрета страны.

— Пятьдесят лет назад все умели читать. Домашняя прислуга. Посыльные в гостиницах. Грязные макаки. Моя бабушка Элси читала нам вслух Теккерея летними вечерами на крыльце, а ведь первая половина ее жизни прошла в Чехословакии.

— Некоторые из моих взрослых учеников на самом деле абсолютно неграмотны, хотя окончили среднюю школу. Они не могут прочесть, что написано в их аттестатах, — сказала Кристи.

— Разве такое возможно?

— Никого больше на второй год не оставляют. Теперь это называется «социальной поддержкой».

— Что с нами будет?

— Мы можем остаться без наших демократических институтов, — сказала Кристи, уткнувшись в свой эскалоп с руколой и картофельный наполеон из перуанского синего картофеля. Мы скоро превратимся в безумный конгломерат враждующих регионов, населенных слабоумными и управляемых мерзавцами. Сначала отделится Калифорния, затем тихоокеанский Северо-Запад, старый Юг. Штаты у Великих озер, очевидно, тоже пойдут своим путем и так далее.

— Боже милостивый. Ты думаешь, Соединенным Штатам конец?

— Ну да.

— Ну, а что будет с... хмм... системой обороны?

— Нам следует больше беспокоиться об угрозе со стороны неотесанной деревенщины из Северной Каролины, нежели со стороны исламо-фашистских камикадзе, — ответила Кристи. — Я совсем недавно написала статью для «Комментариев» об этом. Могу сбросить тебе по факсу.

— Конец Америки, — задумавшись, пробормотала Мэгги. У нее пропал аппетит. «А останется ли Четвертое июля? А что будет с Днем Благодарения?» — подумала она и произнесла вслух: — Я буду скучать без нее.

— Цивилизации приходят и уходят, — сказала Кристи, беря квадратный кусок фирменной для «Tontine» фокаччи с луком-шалотом. — История безжалостна.

— А я думала, что вся проблема в мужчинах.

— И в них тоже. Просто они — *не единственная* проблема.

Какое-то время Мэгги молча наблюдала, как Кристи ела.

— Теперь, когда ты выслушала, как я запутала свою личную жизнь, не расскажешь ли, как ты управляешься со своей?

— А я — девственница, — простодушно ответила Кристи.

Мэгги поперхнулась минеральной водой «Сан-Пеллегрино» так, что часть ее вылилась у нее из носа. Последовавший за этим кашель дал повод присутствовавшим в ресторане еще раз внимательно посмотреть на их столик.

— Ты шутишь? — сдавленно спросила она в конце концов.

— Совершенно серьезно.

— Прости за мое изумление, но как это возможно при твоей профессии?

— Простая решимость.

Мэгги наклонилась и прошептала:

— Ты хочешь сказать, что никогда не занималась сексом?

— Я... трогала себя. Все так делают.

— Я имею в виду — с другим человеком. У тебя разве ничего не было с этим Эрли Ходжем, кинозвездой?

— Мы встречались несколько раз.

— Но не спали вместе?

— Несколько раз целовались.

— И тебе ни разу не захотелось пойти до конца?

— Конечно, хотелось. Я даже мучилась от этого.

— Но ты так ни разу и не поддалась?

— Ну нет.

— Почему?

— Поскольку я знала, что он никогда не сможет быть моим мужем.

Мэгги так тяжело усваивала полученную информацию, что казалось, ее брови начали войну друг с другом.

— Ты еще более выдающийся человек, чем я думала. Мне нечего больше сказать.

— Думаю, что я выгляжу ненормальной.

— А что ты сказала Эрли?

— Я сказала, что он не первый, кому я отказываю.

— И как он это воспринял?

— Он заплакал.

— О боже, как обидно.

— Он хороший мальчик. Именно поэтому он привлек меня прежде всего.

— Ну а почему все-таки? Что в нем не так?

— В его квартире не было книг. Он обещал приобрести несколько, если я буду спать с ним, и тогда я поняла, что дело безнадежно.

— Я понимаю, о чем ты говоришь.

— Ох, Мэгги, то, что я тебе рассказала, — очень личное. Я надеюсь, что на тебя можно положиться и ты сохранишь все это в тайне.

— Конечно. Даю честное слово.

— Честное слово, — задумчиво сказала Кристи. — Как странно слышать это от другой женщины.

— Может быть, со мной тоже что-то не в порядке, — сказала Мэгги, — но я думаю, что это — начало прекрасной дружбы.

2

Лицом к лицу

Они прощались, стоя на жаре на Коламбус — авеню, когда фургон с бежевой панелью, закрипев резиной, припарковался во втором ряду перед темно-красным навесом «Tontine». Шестеро в спортивных костюмах и лыжных масках выскочили из его боковой двери и побежали в сторону ресторана. Один из них столкнулся с Мэгги и развернул ее так, что казалось, они танцуют неуклюжий бальный танец сороковых годов. На миг их глаза встретились, и Мэгги была уверена, что она уже где-то видела эти карие с темно-коричневыми пятнышками радужные оболочки. Слово они принадлежали одному из бывших любовников, тому, с кем она делила наиболее яркие интимные моменты. Человек странно пискнул, словно песчанка. Этот звук показался ей также на удивление знакомым. Грабитель грубо оттолкнул ее и побежал вслед за остальными. Мэгги все еще была в замешательстве от столкновения, когда поняла, что люди в камуфляже вооружены. Она схватила Кристи за руку и потащила ее бегом по Коламбус-авеню. На Восемьдесят второй улице, все еще таща Кристи за собой, Мэгги нырнула в магазин, специализировавшийся на дорогом акриловом декоре: часы, мельницы для перца, рамки для фотографий, телефоны и тому подобное.

— Звоните в полицию, — пронзительно крикнула Мэгги продавщице с вызывающим розовым цветом волос, которая сама казалась флуоресцирующим пластиковым декором. — «Tontine» грабят!

Продавщица взяла телефон, набрала девять один один и отчетливо и спокойно доложила об ограблении. На Мэгги это произвело сильное впечатление. Такое изящество в трудной ситуации она очень ценила в работницах на своей кухне.

— Вы ведь не отсюда? — отметила Мэгги.

— Солсбери, штат Мэриленд, — сказала девушка, которой вряд ли было больше двадцати пяти. — Там действительно все по-другому.

— Вы, случайно, не готовите?

— В Верхнем Вест-Сайде я готовлю тушеную курицу лучше всех, — ответила девушка, — и очень вкусный шахматный пирог.

Мэгги сильно взволновалась.

— Давайте поговорим позже, — сказала она, доставая визитную карточку из

сумочки. — Хотя с розовыми волосами придется расстаться.

— Какая разница... — сказала девушка и пожала плечами.

— Эй, они выходят, — доложила Кристи, стоявшая у двери.

Втроем они выглянули на улицу и увидели, как фигуры в масках живо выходят из ресторана, неся свои короткие пистолеты-пулеметы и мешки с награбленным. Еще несколько секунд — и их бежевый автофургон исчез в потоке автомобилей, двигавшихся к югу.

Мэгги и Кристи поспешили к месту происшествия. Полицейские машины подъехали минут через семь. Половина посетителей «Tontine» высыпала на тротуар. Все были охвачены той же странной смесью легкомысленного любопытства и негодования, как несколькими месяцами ранее во время ограбления «Four Seasons».

— Я видела машину, на которой они уехали, — обратилась она к сыщику с бледным, как у мертвеца, лицом.

— Хорошо, — ответил полицейский.

— Это был бежевый фургон.

— Супер.

— Вам, кажется, все равно.

— Уважаемая, мы знаем эту шайку. Каждый раз они приезжают на разных машинах. Воруют их прямо перед ограблением, а потом бросают. В следующий раз, пожалуйста, сделайте одолжение и прострелите им шины.

3 Скупщик краденого

«Мятое одеяло» — так назывался антикварный салон, торговавший по заоблачным ценам, владельцем которого был порочный старый гомосексуалист по имени Роберт Твелвтриз. Главным занятием его жизни было распространение мерзких, но порой правдивых слухов о многих известных людях, живших в округе Фэйрфилд штата Коннектикут. Мэгги иногда забегала туда, поскольку салон был по соседству с пекарней, где пекли очень калорийное, большое, посыпанное дробленым фундуком, похожее на шоколадное пирожное печенье, прозванное «Коричневой смертью» (Мэгги позволяла себе наслаждаться им только в состоянии крайней тревоги). Сейчас она зашла туда потому, что ей тяжело было возвращаться на ферму Кеттл-хилл к обычной лавине сообщений, обязательств, запросов, обязанностей и болезненных воспоминаний, ожидавших ее там, и она отчаянно искала любой повод, чтобы задержать свое прибытие туда.

Поэтому она просто торчала сейчас в центральном зале «Мятого одеяла», доедая последнее печенье, а господин Твелвтриз, подобно гигантскому оводу, жужжал ей в ухо, сообщая сведения, которые выставляли в дурном свете то того, то другого, рассказывал о том, кто с кем разводится. И тут она заметила среди других стеклянных предметов, выставленных на великолепном, украшенном позолоченной бронзой буфете, знакомый кувшин рубинового цвета. Она взяла его в руки и стала внимательно рассматривать.

Твелвтриз говорил:

— ...и тут я слышу, что Эва Мосли собирается прогнать того господина, который...

— Где вы такое услышали? — сердито сказала Мэгги, повернувшись к нему лицом. — Эва Мосли, между прочим, моя подруга.

— Ну, хм, хм, — замылся в смущении господин Твелвтриз. — Она и мой друг тоже, по крайней мере, очень хороший клиент, если можно так выразиться, и...

— А откуда у вас этот предмет? — спросила Мэгги, поднеся кувшин прямо к лицу владельца салона.

— Он попал ко мне, хм, совсем недавно.

— Он принадлежит мне, — заявила Мэгги.

— Возможно, у вас есть вещь, похожая на эту...

— Нет. У меня была вещь, похожая на эту, но с месяц тому назад она исчезла, и это — как раз та вещь и есть.

— Хм... хм... хм...

— Как она попала к вам в руки?

— Знаете ли, миссис Дарлинг...

— Без всяких «знаете ли», дружок. Скупка краденого является преступлением в этом штате.

— А как вы докажете, что это принадлежало вам?

— Посмотрите на донце и увидите там инициалы М. Д., нацарапанные на стекле. Смотрите.

Она перевернула кувшин и поднесла прямо к его очкам, чтобы было удобнее смотреть. Инициалы были отчетливо видны. Твелвтриз прочел их и вздрогнул.

— Я написала эти инициалы бриллиантом в моем обручальном кольце в тот самый день, когда купила его на распродаже в Мэне. Ну, как эта вещь попала вам в руки?

— Кто-то принес, — признался Твелвтриз, — а я сразу же и купил.

— Кто?

— Трудно вспомнить. Здесь целый день люди.

— Мужчина или женщина?

— Да... да... да... женщина. Да, женщина.

— Как она выглядела?

— Дайте вспомнить... — сказал он. Маленькие блестящие капли пота выступили у него на лбу. — Хм, возможно, вашего возраста, среднего роста, короткие каштановые волосы, довольно худощава...

— Линди! О боже! — воскликнула Мэгги, прижимая кувшин к своему животу. — Сколько вы заплатили за него?

— Не помню. Может, сотню.

— Ну и мерзавец.

— Она показалась мне уважаемой личностью. Ничего такого...

— Вы прекрасно знаете, сколько стоит этот предмет, гнусный обманщик.

— Я занимаюсь бизнесом, миссис Дарлинг. Смысл в том, чтобы купить дешевле, а продать дороже.

— Что еще вы у нее купили?

— Ох, несколько пустяков в разное время, — ответил Твелвтриз. Его руки тряслись сильнее, по мере того как пропадала его уверенность. — Она всегда была так мила.

Мэгги шла прямо на него, пока его спина не уперлась в комод в стиле королевы Анны с дверцами в верхней секции. Твелвтриз отчаянно пытался ослабить свой галстук, словно ему не хватало воздуха.

— Вы покупали у нее кофейник фирмы «Линкольн и Фосс»?

— Нет! Хотя я не уверен. Возможно...

— А как насчет чаши для пунша «Розовый медальон» из кантонского фарфора?

— Может быть. Я не помню...

— А двенадцать суповых ложек в форме скрипки работы Ньювелла Хардинга?

— Суповые ложки? Да у нас кучи ложек...

— А серебряная миска работы Пола Ревира? — начала кричать Мэгги. Твелвтриз весь съежился и сполз на пол.

— Все это так непонятно... — взмолился он.

— Розовая масленка сандерлендской глазированной керамики в форме свиньи?

— Стоп...

— Пара пенсильванских солонок из гипса в форме белок!

— Хватит! Хватит!

Она низвела его до того, что он стал напоминать нечто чуть крупнее покрытого хлопком дрожащего комочка протоплазмы, хнычущего на полу.

— Да вы просто заурядный скупщик краденого, — сказала она.

— Пожалуйста, сжальтесь! — громко плакал он. — Не вызывайте полицию. Можете забрать все назад. Бесплатно.

— Хорошо. У вас есть время до полудня доставить мои ценные вещи мне, в противном случае вам придется поразмыслить над тем, как вы будете проводить свои золотые годы в тюрьме штата в Дип-Ривер.

— О боже!

— Прекратите выть. Вы меня слышите?

— Да. Да.

— И если хоть что-нибудь из них было продано, то вы заплатите полную оценочную стоимость.

— Конечно. Полную цену.

— Не трудитесь вставать. Я найду выход.

4

Боль в груди

Был уже вечер, когда Мэгги наконец добралась до дома. Уолтер Фойерветер уже закончил свой рабочий день. Сад был полон длинных теней, сообщавших ему тот маслянистый оттенок, который так хорошо получается на фотографиях. Клумбы и беседки выглядели такими ухоженными, какими не были даже при ныне покойном и оплакиваемом Бобе Дипиетро. Сад оставался в эти дни, как казалось Мэгги, тем единственным в ее жизни что сохранило свое великолепие и целостность. Сам дом был пуст... покинут всеми. Мэгги поняла сквозь бурю эмоций, что этот дом обрел неприятельские черты, стал *врагом*, тем, кого нужно было бояться и избегать. Но в то же время она понимала, что это оборачивалось для нее личной трагедией, поскольку дом всегда был центром ее вселенной, и без него все, что было ей близко и знакомо, погружалось в хаос. Эти личные горести переплелись в ее голове с пророчествами Кристи Шовин о судьбе Соединенных Штатов, словно особо диссонирующая симфония Стокхаузена, и Мэгги почти погрузилась в тревожно-депрессивное состояние.

Как обычно, она начала искать выход в активных действиях. Особенно трудно было

решить большой вопрос: что делать с Линди? Впервые за многие недели она вошла в гостевую комнату, которую занимала ее когда-то лучшая подруга. Она была удивлена, увидев, что Линди превратила двадцать пять квадратных метров совершенной строгости стиля шейкер в нечто, напоминавшее местную лавку в Южной Флориде после урагана. Повсюду валялись пустые контейнеры из-под пищи навынос, миски из жаропрочного пластика для микроволновой печи, коробки из-под пиццы, а между ними были набросаны обертки от шоколадок, пакеты из-под чипсов, бумажные розетки от кексов, банки из-под содовой, картонные пакеты из-под шоколадного молока, пластиковые кофейные чашки — не говоря уже о застарелых объедках, впитавшихся в ковер. Засаленная одежда лежала кучами. На стенах были странные высохшие пятна от различных жидкостей. Постель была не просто не заправлена, но в полном беспорядке, грязная и в пятнах, как будто на ней происходили гладиаторские бои. От простыней воняло. В буквальном смысле сотни странных маленьких стеклянных трубочек были разбросаны по полу — они хрустели под ногами. Мэгги потребовалось какое-то время, чтобы понять: эти предметы имеют отношение к приему наркотиков. Большая стеклянная трубка, лежавшая на бюро, выглядела как приспособление для курения зелья. О ванной уже и сказать было нечего. Туалет не смывался бог знает сколько времени, душевая занавеска сорвана с половины колец, и что-то напоминающее засохшую рвоту прилипло к ванне. Мэгги захотелось поджечь весь этот ужас, но поскольку все это было внутри дома, то об этом не могло быть и речи. Вместо этого она смиренно сходила вниз в кладовку, принесла оттуда рулон полиэтиленовых мешков и принялась за отвратительное занятие, начав заполнять их мусором и вещами Линди (которые своим видом не отличались от мусора). Она выполняла этот акт очищения со слезами, бежавшими по ее щекам, и болью в груди, которую она явно физически ощущала.

Ей уже удалось вынести значительное количество мусора, когда она поняла, что для того, чтобы привести комнату в порядок, нужно будет приглашать профессионалов для полной уборки и маляров для покраски. И потом, предстояло еще решить ужасную задачу: сказать Линди в лицо, что она не может больше жить на ферме Кеттл-хилл. Такой разговор неожиданно приблизился сам собой, когда Мэгги услышала звук подъезжающего автомобиля, а затем открывшейся внизу двери и шагов рядом с кухней. Она глубоко вздохнула и пошла навстречу своей старой подруге.

Но это оказался Хупер, а не Линди. Он поставил сумку с продуктами на центральный стол и стоял, залитый светом галогенных ламп, как трагический актер на классической сцене. Какое-то время они внимательно рассматривали друг друга, стоя в разных концах большого помещения.

— Твоя тетя Линди воровала у нас, — сказала Мэгги.

Хупер глубоко вздохнул и промолчал.

— Теперь мне придется ее выгнать, — мрачно сказала она.

— А что она украла?

— Серебро. Другие вещи. Маленькие ценности.

— Я сожалею, мама.

— У меня сердце разрывается.

— Она здесь?

— Нет. Конечно нет.

— Значит, тебе не придется выгонять ее прямо сейчас.

— Ну, все равно это решено. Она — наркоманка, ты знаешь?

— Я догадывался, что у нее... проблемы, — сказал Хупер и, словно для того чтобы отвести рассмотрение его личного поведения в этой области, заметил: — Вся страна в каком-то кошмаре. — И сразу же с подозрительно серьезным видом принялся разбирать сумку с продуктами. Он всегда был осторожным в своих движениях, неторопливым мальчиком, но сейчас он вел себя так, будто был сапером, разряжающим бомбу.

— А что за продукты? — спросила Мэгги.

— Я собирался приготовить для нас ужин, — сказал Хупер.

— Это интересная мысль. По какому поводу?

— Прощальный ужин.

— Прощальный для кого? Это дело с Линди — не повод для торжества.

— Нет. Это — я. Я уезжаю, мам.

Мэгги почувствовала еще один небольшой удар в сердце, хотя она и понимала, что это был всего лишь материнский рефлекс. Практически гнездо уже опустело. Она прошла через темный участок к центральному столу.

— Ну, и что будет на ужин?

— Салат с копченой уткой, — сказал он, глядя на различные пакеты из магазина деликатесов и маленькие кочаны цикория и радиччио.

— Ох...

— С соусом из сока лайма с перцем чилпотль.

— Как же это? — воскликнула Мэгги. — Сегодня в обед я ела то же самое в...

5 Дела семейные

Они работали молча. Мэгги нарезала утиные грудки и разложила их на листья вымытого салата. Хупер, который с молоком впитал многие навыки своей знаменитой матери, варил высушенный перец чилпотль в небольшом количестве белого вермута до тех пор, пока не выделился важный привкус дыма. Между тем он выжал сок лайма и приготовил майонез из оливкового масла в миксере. Когда вермут загустел и его количество уменьшилось до объема столовой ложки, он вылушил туда коричневый стручок чилпотля и смешал чернила каракатицы с майонезом. Мэгги украсила две салатные тарелки тонкими кольцами сырого лука видалия и ярко-красными гранатовыми зернами. После чего она зажгла канделябр на четыре свечи на фермерском столе, и они принялись за ужин, состоявший из салата с уткой, свежего багета и великолепного красного вина.

— Это даже лучше, чем в «Tontine», — заметила Мэгги.

Хупер только кивнул.

— Взять хотя бы хлеб. А куда ты едешь?

— Во Францию.

— Когда?

— Завтра.

— А что ты там будешь делать?

— Какое-то время я хочу писать и рисовать.

— Когда это ты занялся искусством?

— Я собираюсь им заняться сейчас.

— Ты серьезно?

— Да, мама. И не смотри с таким ужасом.

— Я не понимаю.

— Гоген работал в банке до тридцати пяти лет.

— Но ты не работаешь в банке.

— То, чем я занимаюсь, в равной мере бессмысленно.

— А я и не знала, что ты интересуешься искусством.

— Ты, может быть, еще многого обо мне не знаешь.

— Очевидно, так оно и есть, — резко ответила Мэгги и пожалела, поскольку Хупер снова замкнулся. Она вновь наполнила бокалы, и они мрачно уткнулись в свои тарелки. — Чем ты собираешься зарабатывать на жизнь? — отважилась спросить она через какое-то время.

— У меня есть деньги, — сказал Хупер.

— Это отец тебя снабдил?

Хупер впервые за этот вечер улыбнулся.

— Чему ты улыбаешься?

— Я знаю, что отец — банкрот.

— Тебе от этого весело?

— На самом деле да. Представь отца без денег. С ума сойти.

— Откуда ты узнал?

— Парень, занимающийся слухами на Эм-ти-ви, услышал об этом от коллеги из журнала «Форбс». «Форбс» собирается поместить материал о том, как отец погубил себя.

— Надо же, как замечательно...

— Ну, ты уже сама прославилась с помощью «Пипл», мамочка.

Мэгги удержалась от желания протянуть руку через стол и стукнуть его по голове.

— То, что случилось со мной, вряд ли можно сравнить с этим, — сказала она в свою защиту. — Вряд ли кто-нибудь скажет, что я погубила саму себя.

— Я не думаю, что кто-нибудь из нашей семьи находится в положении, позволяющем бросать камни, — сказал Хупер.

Мэгги взглянула на него и увидела перед собой независимого взрослого человека. Ее маленький мальчик исчез.

— Так или иначе, но у тебя все в порядке с финансами. Да, мам? Со всеми твоими книгами и предприятиями?

— Сколько тебе понадобится на эту поездку?

— Я не прошу у тебя денег, — сказал Хупер. — Я просто хочу убедиться, что у тебя все в порядке, поскольку отец лопнул.

— Ох? — сказала она, немного озадаченная его вниманием. — Господи, да все у меня будет хорошо.

— Ты всегда сможешь продать дом, — сказал Хупер.

Мэгги чуть не подавилась куском утки. Неожиданно он снова показался ей мальчиком, неискушенным и наивным.

— Что заставляет тебя думать, что я когда-нибудь продам этот дом?

— Я и не говорю, что ты продашь. Я говорю, что ты сможешь, если понадобится.

— Я *не* продам этот дом, — тем не менее настойчиво повторила Мэгги.

— Ну и отлично. Не продавай. И не надо.

— Не могу поверить, что ты заговорил об этом.

— Забудь, что я это сказал, мам. Хорошо? Я знаю, как ты любишь это место.

— В Европе стало все так дорого, знаешь, — сказала она с материнской тревогой в голосе. — Доллар сейчас так подешевел.

— Все будет в порядке. У меня есть... сбережения.

— От ограбления всех этих ресторанов? — выпалила она.

— Нет, — ответил он едва слышно.

— Откуда ты их тогда взял? Накопил с минимальной зарплаты практиканта на Эм-ти-ви?

Он смотрел на нее через стол, похожий на кролика, пойманного огнями фар.

— Я просил тебя не спрашивать.

— А я спрашиваю. Просто объясни мне, чтобы мне не казалось, что весь мир сошел с ума.

— Если я расскажу тебе это, то пообещай больше никому об этом не говорить и больше не затрагивать эту тему.

— Да.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь давай, спрашивай все, что хочешь.

Она провела большим пальцем по гладкому краю своего бокала.

— Эти парни, с которыми ты грабишь, — это ребята из ансамбля, не так ли? Те, которые были здесь тем вечером, когда я вернулась из Венеции?

— Да. «Сладкие как смерть».

— Ты сказал, что они заработали целое состояние своими записями.

— Да, они все — миллионеры.

— Но зачем тогда, скажи, грабить рестораны?

— Чтобы испытать кураж. Чтобы *показать себя*. Вжиться в свой образ. Я понимаю, что это звучит абсурдно, но когда с ними познакомишься, то становится понятно, что они на самом деле очень добрые, хорошие ребята.

— И они считают необходимым грабить незащищенных людей?

— Это просто театр, мама. Кому как не тебе это понять.

Она попыталась понять. Она очень попыталась.

— Мир все-таки сошел с ума, — в конце концов сказала она с отвращением.

— По крайней мере, эта страна, — сказал Хупер. — Вот поэтому я и уезжаю.

И тут Мэгги зарыдала, прямо здесь, за столом, над остатками своего утинового салата с соусом из сока лайма и чилпотля. Хупер подошел к ней и постарался утешить. Она позволила ему обнять себя, думая все время о том, что ее ребенку придется скрываться от правосудия за рубежом и о том, что если ему, конечно, не повезет, то закон рано или поздно силой вытащит его из убежища и подвергнет таким унижениям и испытаниям, какие трудно вообразить.

— Послушай, мам, я ходил с ними только на два дела. Сегодня и в «Aureole» несколько месяцев тому назад.

— Зачем?

— Узнать, на что это похоже.

— Ой, мой дорогой, — рыдала Мэгги.

— Мы никого не тронули. Из нас никого не поймали. Они никогда про меня не скажут, даже если их поймают. Я помог им стать звездами, принеся их видео на Эм-ти-ви. Они мне всем обязаны.

— Ох, мой дорогой Хупер. Этот мир абсолютно сошел с ума.

6

Всегда есть место большему безумию

Она почти сразу же отправилась в постель. Голова болела, на сердце было тяжело. По каналу Си-эн-эн передавали новости. Звук был приглушен. Мэгги не выключила телевизор, чтобы не чувствовать себя одинокой. Она уже спала, когда в половине первого по Си-эн-эн начали снова показывать самые важные новости. Ей снилось что-то неясное про гору шоколадной ганаши, когда диктор прервал передачу сообщением о том, что, очевидно, сумасшедший бездомный бродяга обезглавил супермодель Кристи Шовин, когда она возвращалась домой на угол Сентрал-Парк-Уэст и Семьдесят седьмой улицы.

Часть десятая

К КУЛЬМИНАЦИИ

1 Бремя памяти

Мэгги проснулась от глухого звука закрывающейся дверцы какой-то машины, совершенно не думая, что это было такси, отвозившее Хупера на вокзал в Уэстпорте, а потом в аэропорт Дж. Ф. Кеннеди. Записка, написанная на ее собственном фирменном бланке, лежала на ковре в холле у двери в ее спальню.

Дорогая мама,

мне было тяжело вынести слезы при прощании, поэтому я хочу уехать в город пораньше, а там поймаю такси в аэропорт. Не беспокойся обо мне. Все закончится хорошо. Я сообщу о себе, как только устроюсь (не уверен, подойдет ли мне Франция). Все будет в порядке. Вот увидишь. Я тебя люблю.

Твой сын Хупер.

P. S. Оставляю «сааб» здесь. Не продавай его. Я вернусь!

Ей понравились слова «твой сын», как будто был еще какой-то Хупер, с кем она могла перепутать этого. На миг она забыла обо всей тяжести ситуации. В ее мозгу словно проиграли клип пасхального завтрака на траве 1988 года: маленький Хупер в своем первом пиджаке с галстуком, хвост рубашки, конечно же, торчит наружу, зелень от травы — на коленках льняных брюк. А маленькие дочки ее подруги в белых платицах, совершенно как маленькие леди, если не считать мороженого, размазанного вокруг рта, делавшего их комично похожими на ангелов, играющих в менестрелей. А не был ли 1988-й годом кориандра и гравлакса? Не той ли весной она изобретала натуральные красители для пасхальных яиц? Нежный розовато-лиловый, бледный серо-зеленый, соломенно-желтый и настоящий индиго? Память о прошлом была загромождена, как чердак, нуждающийся в основательной чистке.

Ее новый приживальщик месье Аноми, иностранный джентльмен, которого можно было заметить (к тому же лишь частично) только периферийным зрением, занял место рядом с ней и угрожал задушить Мэгги своим вниманием. Внутренний голос подсказал ей, что отвязаться от него можно было, только погрузившись в какую-нибудь целенаправленную полезную деятельность, даже если сначала это и выглядело притворством. Само по себе притворство, она хорошо это знала, зачастую чудесным образом превращалось в цель. Слава богу, ей удалось вспомнить, что до обеда совета директоров Лиги избирательниц округа Фэйрфилд осталось всего три дня!

Она спешно прошла по мрачному пустому коридору и лестнице на кухню. Там на стене она проверила памятку-расписание заказов: так и есть — тринадцать голодных директоров

совета окружных избирательниц. (Тут уже не до чисел, приносящих несчастье, — времени на оккультные отвлечения не остается.) Обед для тринадцати человек она легко могла приготовить и без посторонней помощи. Она будет делать, как делала это раньше, своими руками все без исключения — забавного мало, но хотя бы отвлекает от всяких мыслей. Меню вырисовывалось у нее в голове даже тогда, когда она ставила Иоганна Себастьяна Баха на стереосистему, выключала монитор на автоответчике телефона и готовила себе черный ирландский чай. Чтобы пополнить силы и придать мыслям четкость, она убедилась съесть имбирный кекс, поскольку была сторонницей завтрака, хотя в последнее время и отказалась от него.

Она взяла чай и подошла к окну. Июньское утро было необычно темным. Серо-желтые облака быстро проплывали над верхушками деревьев, как злые духи, спешившие принести беду добродетельным фермерам юго-западного Коннектикута. Теплая чашка чая в ее руках была единственным утешением. И вдруг на фоне этого зловещего неба в аллее между розарием и кирпичной стеной, за которой шпалерами росли сливовые деревья, появился Уолтер Фойерветер. За ним гурьбой следовала его команда из четырех человек. Синяя джинсовая рубашка Фойерветера, его брюки цвета буйволловой кожи и серебро седины выделялись на более темном зеленом фоне листвы. Он остановился с планшетом в руках, напоминая пилота-бомбардировщика из фильмов о Второй мировой войне, инструктирующего своих ребят перед предстоящим заданием. Всем своим видом он показывал умение, преданность делу и надежность. Это настолько успокаивало Мэгги и вселяло в нее уверенность, что она не могла удержаться, чтобы подольше не полюбоваться им. После чего она отошла от окна и погрузилась в альтернативный мир приготовления пищи.

Требовалось приготовить несколько видов паштета: слоеный трехцветный овощной — из свеклы, огородной капусты и моркови, связанных между собой пюре из белой фасоли и желатином, и мощную композицию из свинины, утки, трюфелей и чернослива. Встреча с последним впервые произошла на Рю-де-Бюси у церкви Святого Северина (Восьмой округ). В ту поездку они с Кеннетом прокатились на скоростном поезде из Парижа в Лион, где провели вдвоем самый экстравагантный пикник в их жизни (она даже вспомнила с удивительной отчетливостью, что у них была бутылка фантастического «Шато-Лафит» урожая 1974 года). После того как она выложила фарш на заранее подготовленные сковородки и проложила его полосками перченого натурального вирджинского бекона «Флэг Харбор», ее настроение начало подниматься. Если месье Аноми и присутствовал в этой комнате, то он сидел где-то в уголке, занятый своим делом — возможно, разгадыванием кроссворда под названием «Безнадежные дифтонги».

2 Просто сплетня

Следующими на очереди были порционные пироги с каплуном и лисичками. Самым трудоемким делом здесь была выпечка верхних коржей из слоеного теста для каждой порции. Только она закончила приготовление велюте, как в дверь позвонили. Это, как обещал, пришел Роберт Твелвтриз. За ковриком у двери он поставил в стопку несколько картонных коробок.

— Спасибо, что пришли, — сказала Мэгги, чувствуя некоторое сожаление по поводу

того, как она обошлась с ним накануне, и надеясь смягчить очевидное унижение, которое он претерпел.

— Ох, я рад оказанной чести иметь возможность оказать вам услугу, мадам, — ответил Твелвтриз с елейной саркастической улыбкой, и Мэгги немедленно пожалела о том, что попыталась быть вежливой с этим злым старым извращенцем. — Гм, — произнес тот, театрально прочищая свое горло. — Я сделал все возможное, чтобы оценить каждый предмет. Вот вам список с указанием цен, которые я заплатил, гм, леди, о которой шла речь. — Он передал лист бумаги с таким мрачным видом, что напомнил Бэйзила Ратбоуна в роли сэра Гая Гизборна^[35].

— И всего лишь? — спросила Мэгги, удивленно глядя на счет, в котором была проставлена общая сумма в тысячу сто пятьдесят долларов.

— А я думал, вы обрадуетесь, — сказал Твелвтриз.

— Я в шоке оттого, что вы заплатили за все это так мало. Один только рубиновый кувшин обошелся мне в тысячу.

— Я могу пересмотреть счет в сторону увеличения, если вас это порадует, миссис Дарлинг.

Она покосилась на него со злостью и удивлением.

— Подождите здесь.

Спустя несколько минут она возвратилась с желтым банковским чеком, вид которого заставил Твелвтриза воспрянуть духом.

— Я полагаю, что больше не будет никаких... гм... осложнений, — сказал он. — Все эти разговоры об обращении к властям и так далее могут кого угодно вывести из себя.

— Я просто хотела вернуть свои вещи, — устало сказала Мэгги.

— Ну, тогда, — сказал он, кладя чек в карман и быстро переключаясь на живой тон сплетника, — что вам известно о модели?

— Что? Вы о ком?

— О модели, которая осталась без головы.

— Модели всегда теряют головы, — сказала Мэгги, выходя из терпения.

— Нет, эта потеряла голову по-настоящему, да еще и как чудно. Наверное, вы не читали сегодняшних газет.

— Нет. Не читала.

— Ох, — сказал Твелвтриз, переключаясь на манеру рассказчика. — Ее в буквальном смысле обезглавил саблей какой-то бездомный.

— Саблей? — взвизгнула Мэгги. У нее екнуло в животе.

— Да, если быть точным, то американским драгунским палахом образца тысяча восемьсот шестьдесят первого года. Так написано в «Пост». На Семьдесят седьмой улице прямо перед этим осевшим входом в Музей естествознания. Этого типа в округе знали. Очень любил всякий военный хлам. Называл себя Императором Новой Эпохи.

— Похоже, что сумасшедший.

— Ой, и говорить нечего. Не раз бывал в больнице. Но знаете, как это бывает. Мусор привезли, мусор увезли. Тем не менее вот так берет и убивает бедную девушку, а потом через три квартала среди бела дня несет голову в суси-бар на Амстердам-авеню, заходит туда и кладет ее на стул рядом с собой. Вы можете себе такое представить? И он сидит себе рядом с головой, как пай-мальчик, пока не появляются ребята в синем. Куда катится этот мир, миссис Дарлинг?

— Хотела бы я знать, — ответила она с полной откровенностью. — Пожалуйста, уходите, хорошо?

— Ох, конечно. Пора идти к себе в магазин, — сказал Твелвтриз. Его способность отклонять от себя раздражение казалась безграничной. — Я хочу сказать, что ваш дом — замечательный и...

— Скажите только это, и хватит, умоляю вас.

— Тогда — чао...

3 На грани безумия

Когда она вернулась на кухню, то обнаружила, что генуэзские бисквиты для птифуров остыли уже достаточно, чтобы начинять их джемом и глазировать шоколадной ганашью. Эта операция длилась больше часа, а когда все было сделано, снова появился месье Аноми, соблазнительно поглядывая из-за двери кладовки.

Чтобы держаться подальше от него, Мэгги слепила бутерброд с сыром бри, налила себе еще крепкого чая и удалилась наверх, в свое любимое личное убежище — комнату для шитья.

Необходимо было решить проблему с Гарольдом Хэмишем. Она предположила, что их профессиональные отношения не могут быть восстановлены. Она была вполне готова выкупить контракт на «Домоводство» у «Трайс энд Уанкер», вернув довольно значительный аванс, но позволят ли ей сделать это? К сожалению, мобильный телефон ее агента Джойс Мангер не отвечал. (Это, скорее всего, означало, что она в настоящий момент наслаждалась любовной интерлюдией в гостинице «Шерри-Нидерланд» с доктором Натаном Тотом, феноменально популярным автором книг «Тринадцать правил успешных взаимоотношений» и «Супружеская верность: руководство для мужчины», который последние несколько месяцев был ее любовником. Вот шлюха.)

Почему, с отчаяньем думала Мэгги, все доверяются ей? Почему нет никого, кому она, Мэгги, могла бы довериться? Конечно, она тут же вспомнила, что такой человек появился в ее судьбе в лице Кристи Шовин, и принялась набирать номер ее телефона.

С каждым гудком пульс Мэгги учащался. Не слишком ли много она плакала на плече у Кристи? Не подумает ли она, что Мэгги использует ее в качестве жилетки? Надоедливая тетка, которая...

После пятого гудка трубку подняли.

— Кристи?..

— Нет, — ответил мужской голос.

— Извините, это 879-96-73?

— Да, так точно.

— Но кто это?

— Это — лейтенант Пфейстер.

— Извините меня. Вы сказали, что это 879-96-73?

— Да.

— Ну, а где Кристи Шовин?

— Кто это?

— Какая разница? — резко ответила Мэгги. — И где же Кристи?

— Вы член ее семьи?

— Нет. Я ее подруга.

На линии возникла пауза, некая странная акустическая пропасть, над которой зависла Мэгги, словно опытная акробатка, только что соскользнувшая и, к своему великому удивлению, осознавшая, что ей предстоит долгое падение.

— Мисс Шовин мертва, — сказал лейтенант Пфейстер.

— Что?!

— Я сожалею, — ответил Пфейстер.

— Когда? Как?

— Извините, мадам. Мы стараемся не занимать линию, чтобы могли дозвониться члены семьи...

Мэгги не ответила, а скорее издала звероподобный скорбный вой.

— ...если вы хотите действительно узнать подробности, то в газетах все написано...

Мэгги швырнула трубку беспроводного телефона в противоположную стену, словно это был фрукт, в котором она внезапно обнаружила личинок моли. Трубка отскочила от висевшей на стене в рамке акварели Виты Сэквилль-Уэст, изображавшей белый сад в Сиссингхерсте, разбив стекло. Мэгги сидела на краю своего легкого кресла, дрожа от ужаса потери. Где-то за пределами сомнительной безопасности этой маленькой комнаты без окон, казалось, поднимался какой-то шум, но Мэгги едва ощущала его на фоне биения ее собственного сердца. По ее венам пронеслось цунами ужаса, и неожиданно стало трудно дышать, словно воды Атлантики хлынули в Нижний Коннектикут, смывая все на своем пути. Боясь утонуть, Мэгги выскочила из удушливой комнаты, побежала вниз по лестнице и выскочила наружу через парадную дверь.

4

Буря

С юго-востока налетел необычайно сильный ветер и так свирепо обрушился на деревья, что бледные нижние части листьев повернулись вверх к беспокойному темнеющему небу, став похожими на маленькие белые лица потерянных душ, плачущих по утерянному Царствию Небесному. Мэгги с трудом пробиралась по садовым аллеям к розарию. Ей казалось, что наступил конец света. Она вряд ли понимала, от чего и куда бежит, — настолько внешний мир стал пугающим, отвратительным и неотличимым от ее искореженного внутреннего мира. В шуме, стоящем вокруг, она не слышала собственного крика. Скорость ветра усиливалась. Ветер сгибал деревья, заставляя их стонать. Затем мимо нее стали проноситься различные предметы: ветви, оторванные от стволов, синий тент, кричащая курица, корзина для персиков. Что-то стукнуло ее в затылок, и она свалилась в холодную траву, как пятидесятикилограммовый куль с землей для горшков. Она почувствовала острую боль в затылке и ощутила вкус грязи у себя во рту. Затем что-то фактически подняло ее над землей, закрутило и понесло. Ноги ее не касались земли, и тело было не в вертикальном положении. Она пролетела так неопределенное расстояние и упала на твердый деревянный настил в очень темном месте. Потом что-то хлопнуло, изолировав ее от бушующего мира. А затем кто-то обнял ее сзади.

— Не делайте мне больно, — услышала она свой собственный голос и подумала, что ее слова звучат очень странно даже в подобной сумасшедшей обстановке.

— Это всего лишь я, — произнес чей-то голос, пробиваясь сквозь грохот бури.

— Кеннет? — спросила она, напрягшись.

— Нет, Уолтер.

Мэгги уступила его уютным объятиям. Его тело было теплым, жилистым и пахло чистой землей. Он явился словно из-под земли для того, чтобы удержать ее на этой планете на время страшного бунта земных элементов. Она огляделась и поняла, что они были на полу в углу сарая для растений в горшках среди старых деревянных колышков для подвязки помидоров. Когда, казалось бы, ветер не мог уже завывать громче, волнение становилось еще сильнее, это был уже не атмосферный шум, а какая-то басовая вибрация, словно тектонические силы пытались расколоть коренную подстилающую породу под округом Фэйрфилд. Затем по жестяной крыше забарабанил град. Мэгги закрыла уши и спрятала голову под мышку Уолтеру. Небольшое строение дрожало. Его единственное окно разбилось с едва слышным звоном. Вздвигнувшийся пол подкинул их вверх так, будто какая-то огромная темная сила встряхнула сарай. Все мысли и чувства были поглощены простой грубой энергией природы. Отказавшись от сопротивления, они замкнулись в своих собственных цитаделях, сотворенных молитвами, которые они бормотали в то время, когда мир, казалось, вздымался вверх и крутился там вместе с ними.

Мэгги утратила чувство времени. Но неожиданно шум утих, вибрация прекратилась, не стало слышно барабанной дроби по крыше, ветер перестал завывать, перейдя на тихий жалобный свист. Всхлипы ее собственного плача дали ей возможность осознать, что она спасена. Она осторожно выбралась из рук Уолтера.

— Что это было? — спросила она тихо.

— Думаю, что торнадо, — сказал Уолтер. Он дрожал, хотя было не так уж и холодно.

— Здесь — Коннектикут, — сказала Мэгги. — У нас тут не бывает никаких торнадо.

— Раньше климат был другой, — сказал Уолтер, посмеиваясь, словно цитируя «Старый фермерский альманах». Он уже оправился от ужаса.

— Не припомню, чтобы я сюда заходила. Как я здесь оказалась? — спросила Мэгги.

— Вы лежали на траве.

— Ах да. Меня что-то ударило! — Она дотронулась до своей головы. — У-ух!

— Дайте посмотреть.

— Здесь, на затылке.

— Приличная шишка.

— Вокруг все летало. Я никогда такого не видела.

— Было здорово страшно, да? — сказал он. — У-уу!..

— Спасибо вам за... то, что спасли меня, Уолтер, — сказала Мэгги. Некое нежное чувство, совершенно несовместимое с жестокими событиями дня, незаметно появилось в ней, как теплый очищающий поток. — Уолтер... — повторила она тихо, как будто тренируясь произносить это слово.

— Да?

— Я никогда вас раньше так не называла.

— Нет.

— Мы разговаривали так... официально.

— Вам, кажется, так больше нравилось.

— Не совсем, — сказала она.

Они удрученно взглянули друг на друга.

— Давайте я помогу вам встать, — сказал он.

— Тогда будем просто Уолтер и Мэгги, хорошо? — спросила она.

Он встал с пола и протянул ей свою жилистую руку, чтобы помочь подняться.

— Смешно, — сказал он. — Моя дочь всегда называет вас Мэгги. Она вас просто обожает.

— Я не знала, что у вас есть дочь.

— Вы ее много раз видели.

— Хм?

— Девушка, которая забирает меня каждый день. На «вольво».

— Это ваша дочь?

— Да.

Наступил черед смеяться Мэгги. Смех выливался из нее, словно фермент желания и страха сладкой пеной веселья вылетел из громадного сосуда вслед за пробкой.

— Как ее зовут? — спросила она.

— Сара Джейн, — сказал он. — Она стесняется познакомиться с вами.

— Стесняется? — удивленно воскликнула Мэгги.

— Она боготворит даже перегной на ваших клумбах с многолетними растениями.

Мэгги вспомнила, как много раз, когда она видела Уолтера с этой девушкой, у нее появлялось подсознательное чувство обиды.

— Она очень привлекательная молодая женщина.

— Вы так думаете?

— Конечно.

— Конечно, я, как отец, думаю, что она прекрасна. Вы же знаете, как это бывает с отцами.

В памяти Мэгги ярко вспыхнул образ ее собственного отца, Фрэнка. Память выхватила его из шестидесятых годов, когда он был еще моложе Уолтера. Он пытался отрастить бакенбарды, чтобы выглядеть «при них», как он всегда смущаясь, выражался. Он проходил с ними почти год. Но потом семья распалась, и Мэгги встречалась с ним только иногда по субботам. Он приезжал в Нью-Йорк из Пенсильвании на машине и каждый раз водил ее в разные рестораны. Он был замечательно смел в выборе пищи.

— Я такая дура, — пробормотала Мэгги, мучительно выбираясь из внутренних лабиринтов памяти. — Все это время я думала, что она — твоя подруга.

Уолтер улыбнулся.

— Ну, а по ее мнению, Бог — это женщина. И эта женщина — ты, — сказал он.

Где-то закричал петух. Через разбитое окно было видно, как вдали расходятся грозовые облака и столбы солнечного света начинают пробиваться сквозь мрак.

— А что, если нам посмотреть, что делается снаружи? — предложил Уолтер.

— Да, было бы неплохо, — сказала она, с трудом отрывая взгляд от его лица. — Пойдем.

5

Разрушения

Они вышли из сарая и зажмурились. Повсюду валялись сломанные ветки. Розовую беседку просто снесло. Синий тент валялся у подножия большого белого дуба у северной стены танцевального зала. Дом стоял на месте, и, очевидно, прочно. С крышей было все в

порядке. Но когда они проходили через посадки папоротников и орешника, Мэгги обнаружила, что ураган проделал просеку вплоть до северо-западного угла имения. По крайней мере три древних клена по дороге на Кеттл-хилл были безжалостно вырваны с корнем и повалены. Курятник был буквально расплюсчен, и несколько птиц стояли рядом с ним, замороженно смотря на останки, словно жители вагончиков в телевизионной передаче о событиях в каком-нибудь штате вроде Арканзаса. Любимая *magnolia grandiflora*, первая вестница весны на ферме Кеттл-хилл, наклонилась под странным углом, будучи частично вырвана из земли, а многие из ее огромных блестящих листьев были оборваны. Подстриженные кусты розмарина из ее коллекции, за которыми она ухаживала с такой любовью, с террасы у бассейна были раскиданы по плитам двора. Их терракотовые горшки разбиты, а вода в бассейне стала похожа на куриный суп с овощами, так много в ней плавало всякой растительности. Мэгги снова принялась плакать.

— Могло быть гораздо хуже, — заметил Уолтер.

— Я думаю...

Они продолжили осмотр грядок с овощами. Работники были уже в сборе и стояли, замороженно смотря на все это, похожие на кур.

— С вами, ребята, все в порядке? — поприветствовал их Уолтер.

— Это был смерч, самый настоящий смерч! — прокричал Чад, парень девятнадцати лет, с волосами паклей и горячим желанием когда-нибудь стать экологом-натуралистом. — Совсем как в кино!

— Я на самом деле впервые в жизни помолился, — сказал Бен, младший сын из семьи лодочников из Мистика, который по вечерам учился на юридическом факультете в университете штата Коннектикут.

Град словно пулями пробил большие листья ревеня. Первый урожай салата, который был почти готов к столу, лежал побитый и помятый на черной земле грядки. Сахарный стручковый горох был сорван с поддерживающих его стеблей конопли. Мраморный циферблат солнечных часов, купленный в Ньюпорте, упал на пешеходную дорожку, мощенную синим песчаником, и разбился на несколько частей. Мэгги прекратила попытки составить в голове список нанесенного ущерба.

— Я хочу выпить, — сказала она.

— Я понимаю, — неловко сказал Уолтер.

— Не пойми меня неправильно.

— Нет. Я и сам бы не отказался.

— Вот и хорошо, пошли в дом. Я достаточно насмотрелась.

6 Мольба о помощи

Мэгги налила две рюмки арманьяка и снова заплакала прямо на кухне, издавая при этом высокий, тонкий, лишенный надежды пронзительный звук.

— Близится конец света, — сказала она.

— Мы приведем все в порядок за два дня, — сказал Уолтер. — Вот увидишь.

— Ты ничего не понимаешь! — закричала Мэгги и начала не совсем связно перечислять все катастрофы последних месяцев, не соблюдая строгого хронологического порядка. Она начала с убийства Кристи Шовин, затем упомянула о крушении своего брака, проблемах

профессиональной жизни, потере верных коллег, криминальных увлечениях сына, гадостях, творившихся в ее доме, и даже намекнула на неудачи в своей личной жизни.

— ...и теперь я полностью унижена тем, что рассказала тебе все это, — сказала она в завершение, зарывшись лицом в кухонное полотенце.

Уолтер не успел даже ответить, как зазвонил телефон. Мэгги выглянула из своего полотенца, вздрогнув и насторожившись. Телефон зазвонил второй раз, затем — третий.

— Это, возможно, Сара, — сказал Уолтер. — Ты знаешь: буря и все такое.

— Тогда сам и отвечай, — тихо отреагировала Мэгги.

— Дом Мэгги Дарлинг, — сказал он обычным бодрым голосом. — Сейчас посмотрю, здесь ли она. — Он зажал трубку своей широкой загорелой рукой. — Ты — дома?

— Кто это?

— А кто говорит? — спросил он. — Это — Линди, — сказал он, опуская трубку, откуда неслась лавина неприятного визга.

Мэгги наклонилась, чтобы взять ее.

— Я убью тебя, — сказала она.

— Я всего лишь позаимствовала это, поняла? — запротестовала Линди.

— Позаимствовала? Ты все продала!

— Как я могу это продать? Я говорю по нему.

— Говоришь по чему?

— По твоему мобильному телефону. Я позаимствовала его.

— Мой мобильный телефон?

— Да, из твоей машины.

— Ох, Линди, какая же ты дрянь. Ты продала все мои маленькие ценности.

— Сейчас не время, Мэгги, — ответила Линди. Голос ее неожиданно зазвучал устало и жалобно, как призрачный крик из бездны.

— Где ты?

— Не знаю. Ох, я понимаю, что я мерзавка. Но ты должна забрать меня отсюда. — В трубке слышался какой-то шум. Звук бьющегося стекла, невразумительные крики, неприличная ругань, стоны. — Я в аду, дорогая.

— Где ты?

— Думаю, что в Хартфорде. С этим мудилой Джулио я попала в такую задницу!

— Джулио?..

— Он поссорился со мной.

Послышался женский крик.

— Линди, кто эти люди?..

— Ох, Мэгги, не спрашивай, не начинай с кучи вопросов. Он меня любил такую, какая я есть, поняла? Ему было наплевать на Голливуд, или Смит-колледж, или Грэйт-Нек, на белых и черных и на все прочее.

— Так почему он не отвезет тебя домой?

— Я тебе сказала: он со мной поссорился. К тому же у меня нет дома, — прохныкала она.

— Конечно же есть, несмотря ни на что.

— Все равно он исчез... Эй, пошел от меня на хрен, задница!.. — Звуки борьбы, ударов, крики боли.

— Линди!

— Я здесь, дорогая.

— Что там творится?

— Проклятые курильщики крэка.

— Ты с курильщиками крэка?

— Я в аду, Мэгги, в аду. Ты не понимаешь? — сказала она и опять захныкала.

— Линди, Линди, это место, в котором ты...

— Сраная дыра в сраном районе сраного города.

— На что похоже здание? Чтобы мы могли найти тебя!

— Это был масонский храм, я думаю, — ответила Линди, неожиданно захихикав. —

Зеленоватая крыша. Большой кирпичный монстр. Рядом есть парк. Ой, я не знаю. Мне так хреново, дорогая. Помоги, пожалуйста.

— Линди, Линди, послушай меня. Позвони в полицию и...

— Ты с ума сошла? Я не могу позвонить в полицию!

— А почему?

— Здесь все, ну, вроде моих друзей.

— Твои друзья?

— Ну, не совсем друзья. А... ой, да плюнь ты.

— Подожди, подожди, Линди...

— Я просто здесь подыхаю, поняла? Пока, Мэгги.

Щелчок.

— Я не могу поверить, — пробормотала Мэгги. — Она выключила телефон.

— Кто это был?

— Моя подружка по колледжу. Мы жили в одной комнате в общежитии. Ты видел ее здесь, я уверена. Темные волосы. Очень стройная. Каждую неделю — с новым любовником.

— Ага, я ее видел.

— Она жила у меня. Масса личных проблем. Ее муж... впрочем, это долгая история.

Слишком долгая.

Мэгги засуетилась, поворачиваясь в разные стороны, как будто не зная, куда двинуться сначала.

— И ты говоришь, что вокруг нее курители крэка?

— Очевидно, да. Ой, Уолтер, мы должны спасти ее!

— А не лучше сначала позвонить в полицию?

— Верно! В полицию! Конечно! Мы позвоним в полицию!

Мэгги сосредоточилась и снова схватилась за телефон. Со всеми этими умными программами поиска номеров потребовалось четверть часа, чтобы найти номер полиции Хартфорда, там ее направили по еще одному компьютеризированному лабиринту с различными вариантами ответов на вопросы электронного меню, который управлялся уже из самой полиции, где она заблудилась в бесконечности сигналов «занято». Она будто попала в какое-то виртуальное пространство, из которого не было возврата и в котором фоновой мелодией звучала приятная сальса в стиле покойного Тито Пуэнте^[36].

— Я больше не доверяю нашей стране, — застонала Мэгги и бросила трубку.

— Просто набери девять один один.

Она сделала, как он сказал, и вскоре ей ответил настоящий, живой полицейский из Уэстпорта.

— Алло! — сказала Мэгги. — Боже, я так счастлива, что разговариваю с живым

человеком по телефону.

— Чем мы можем вам помочь?

— Моя подруга, близкая подруга... ну, она позвонила мне совсем недавно... она... я думаю, что ее насильно держат в курильне крэка в Хартфорде.

— Насильно держат?

— Она не может оттуда выбраться.

— Она так сказала?

— Да, но гораздо длиннее.

— Вы звонили в полицию Хартфорда?

— Я запуталась в телефонной системе. Это компьютер.

— Хартфорд не в нашей юрисдикции, мадам.

— Я понимаю. Но мне кажется, вы должны знать, как с ними связаться. У вас разве нет переносных радиостанций, работающих на прием и передачу?

— И что, по вашему мнению, мы должны попросить их сделать?

— Помочь моей подруге.

— А вы знаете, где находится эта так называемая курильня крэка?

— Не совсем. Не знаю.

— Никакого адреса?

— Когда-то это был храм масонов, она нам так сказала. Там зеленая крыша... какой-то парк.

— А есть название улицы и номер дома?

— Нет.

— А вы представляете себе, сколько курилен крэка в Хартфорде?

— А что, их больше двух?

Полицейский громко рассмеялся.

Мэгги снова пала духом. Ей захотелось разбить телефон себе об голову.

— Так вы нам не поможете?

— Я же не могу позвонить в Хартфорд и сказать, что кто-то из округа Фэйрфилд интересуется одной из их великолепных курилен крэка.

— Конечно нет.

— И у вас нет адреса?

— Нет.

— Мэм, — сказал полицейский. — У нас здесь напряженная ситуация, и мне нужно держать линии свободными...

— Много урона наделала буря в Уэстпорте?

— Какая буря?

— У нас в Уэст-Рамфорде была ужасная буря. Мы полагаем, что прошел торнадо.

— Вот это да.

— Ох, было так страшно!

— Ну, а у нас немного погромело и посверкали молнии. Ну, а сейчас мы загнали в угол стрелка с Меррит-Паркуэй у болота Хойт-Свомп.

— Снайпера!

— Мы еще не уверены в том, что это тот же парень. Я отсоединяюсь, мэм. Что бы вы ни планировали делать сегодня, мой совет: держитесь подальше от Меррит-Паркуэй. Кажется, что эта пташка затаилась в засаде с большим количеством патронов. Всего хорошего.

— До свидания.

Не более чем минуте Мэгги наслаждалась полной безысходностью, смакуя ее мелкие впадинки и зубчатые уступы. Потом она подняла глаза и встретилась взглядом с Уолтером. И оба одновременно произнесли одно и то же, с той же угрюмой решимостью.

— Думаю, что нам придется сделать это самим, — сказали они, изучая лица друг друга и удивляясь совпадению своих намерений.

7

В поисках

Мэгги быстро сделала два бутерброда из паштета с черным хлебом, они уселись в «тойоту-лендкрузер» и поехали. У нее все еще стучало в висках, поэтому за рулем был Уолтер. Все в этот день шло наперекосяк. Небо светилось странным тяжелым светом, придававшим пейзажу вокруг роковой оттенок. По обеим сторонам огромной шоссе-дороги открывалась дикая панорама городского ландшафта с гигантскими дисконтными магазинами, бесплатными парковками и кричащими рекламными щитами, раня сознание и ослабляя его. Коннектикута старых комиксов журнала «Нью-Йоркер» и фильмов Бинга Кросби больше не существовало, теперь это была больная, сюрреалистичная территория ярко раскрашенного пластика и теплопоглощающего асфальта, бесконечная, безнадежная и лишенная будущего автомобильная свалка.

Вскоре они добрались до окраины Хартфорда и поехали по виадуку у реки, миновали знаменитый синий напоминающий мечеть купол заброшенной фабрики оружия Кольта. Американская история здесь выглядела так, будто ее насильно запихнули в автомобиль, избили и бросили подыхать. С расстояния в полтора километра скопление стеклянных офисных зданий-башен постройки конца двадцатого века выглядело лживым обещанием. Отсюда зеркальные панели, должно быть, воспринимались простаками как интересные монументальные произведения бурной эпохи. Трудно было поверить, что семьдесят пять процентов помещений в офисных зданиях центра города пустовало. Они являлись залогом с просроченным сроком выплаты в банках, качающихся на грани банкротства под руководством обеспокоенных временных управляющих, которые подумывают о покупке авиабилета в одну сторону в какую-нибудь из стран на островах Карибского моря, чтобы избежать возможного ареста, суда и пяти лет в федеральной тюрьме в Льюисбурге.

По наклонному съезду с магистрали они выехали наконец на улицу. Запустение, царившее в городе, стало здесь весьма ощутимым. Несмотря на то что это был полдень обычного буднего дня, повсюду в деловом районе было удивительно безлюдно, словно здесь поработала чума, тайно уничтожавшая этаж за этажом, пробираясь среди этих грандиозных офисных небоскребов.

В паре кварталов от старого Капитолия штата с золотым куполом на башне они попали в район пустующих фабричных зданий из красного кирпича, стоявших на узких улицах без деревьев. Здесь индустриальная революция являла собой трагическую картину крупного мошенничества, где все бывшие богатства империи превратились во множество пустых помещений в тоскливых обветшалых чудовищах из кирпича. Все станки и механизмы давным-давно были сданы в утиль. То тут, то там были видны призраки обычной коммерческой жизни двадцатого века: ржавые рекламные вывески кока-колы, указывавшие на давно закрытые столовые, окна баров, заколоченные расслоившейся фанерой. Даже те

несколько мусорных баков, что уцелели в переулках, были пусты. И только одинокий алкоголик, чувствующий себя ненужным в своей несостоятельности, шел неустойчивой походкой, заунывно причитая.

— Что случилось с нашей страной? — почти умоляюще спросила Мэгги.

— У меня нет готовых ответов, — сказал Уолтер, и она была весьма благодарна ему за его скромность.

Соседние жилые кварталы выглядели так, словно были заражены какой-то сверхъестественной болезнью типа проказы цивилизации, которая принесла больше опустошения, чем война. Это была зараза, выздоровление от которой казалось маловероятным. Она стирала границы между живыми людьми и материальными предметами, делая тщетными все надежды на будущее, кроме одной — стать частью мертвой планеты.

Они методично прочесывали город на большой машине. На некоторых улицах им встречались люди, больше похожие на призраков: подозрительные личности, пившие в обветшалых подъездах из бутылок, спрятанных в бумажные пакеты; ребенок, оседлавший сломанный велосипед и притворявшийся, будто он едет; женщина в ярко-красных брюках, плакавшая у фонарного столба; молодой человек, избивавший сломанный холодильник цепью. На пересечении с Фармингтон-авеню они встретили знакомый образ: большое темное здание в викторианском стиле, богато украшенное и находившееся в странно хорошем состоянии. Надпись на доске, укрепленной на столбике, стоявшем на тротуаре, гласила: «ЗДЕСЬ ЖИЛ МАРК ТВЕН».

— Господи, — застонал Уолтер. — Представь себе, что бы он подумал.

— Это очень грустно представить, — сказала Мэгги, тем не менее мысленно вглядываясь в известное фото Клеменса^[37], на котором он запечатлен в великолепной светлой шубе из меха тюленя-белька и шапке в тон, на вершине своей славы, едущим в больших санях со своей женой Оливией и тремя симпатичными маленькими девочками: Сюзи, Кларой и Джин — на рождественскую молитву преподобного Джо Твитчелла, после которой они были приглашены на пунш с пирожными (а для мужчин — виски) в дом госпожи Стоу. Это был другой Хартфорд, город с другой планеты, а не только из другого времени.

— Невыносимо даже думать об этом, — прошептала Мэгги.

Через пять кварталов после этого достопримечательного места, на Бовингтон-стрит, Мэгги показалось, что они приближаются к цели своей поездки. Здесь, между сторевшим деревянным трехэтажным домом и одноэтажной бетонной коробкой, которая еще не так давно (лет пятнадцать тому назад) функционировала как магазин по продаже париков, стояло некогда внушительное кирпичное здание в итальянском стиле с зеленоватой крышей, напоминавшей по цвету медную патину. Прямо под фронтоном этого здания был виден каменный резной герб масонского братства. Напротив дома через улицу располагалась маленькая площадь с несколькими деревьями жалкого вида, стволы которых были изрезаны надписями и разрисованы краской из баллончиков. Плитка мостовой на самой площади была разбита, скамейки давно лишены спинок и сидений, а трава маленькой клумбы-оазиса в центре была завалена осколками стекла, жестяными банками и ржавыми тележками из ближайшего супермаркета.

— Подожди! — требовательно сказала Мэгги. — Вот оно, это место!

Уолтер припарковался у бордюра тротуара. Напротив стоял старый «понтиак-гранд-ам»

без колес, на голых ступицах. Водительская дверца отсутствовала, а все окна разбиты. Оттуда, из передней дверцы, вылезли мужчина и женщина, которые осторожно посмотрели в обе стороны улицы, а затем поспешно скрылись, словно пара насекомых.

— Ну, — сказал Уолтер, — ты думаешь, она здесь?

— Да, я так думаю. Именно так она мне это место и описала. Маленький парк. И все такое.

— Может быть, ты подождешь здесь, пока я пойду посмотрю?

— Ни за что, — сказала Мэгги. — Я иду с тобой.

Полуденный воздух обдал их жаром, когда они вылезли из кондиционированного нутра «тойоты». Уолтер открыл крышку багажника и, порывшись внутри, быстро нашел зонтик.

— А это зачем?

— А это на случай, если кто-нибудь захочет нас обидеть.

8

В чреве зла

Внутренне убранство дома наводило на мысль, что это местное отделение чистилища. С высокого потолка вестибюля площадью приблизительно три на три метра в центре свешивалась одинокая голая лампочка на длинном потертом проводе. Напротив входа стояло нечто напоминавшее банкомат, в довольно неряшливую бетонную стену была вмонтирована стальная щель. Создавалось впечатление, что ее строили мasons-любители, не принятые в братство. Сама стена была расписана граффити и заляпана черными, желтовато-коричневыми и розово-фиолетовыми пятнами и подтеками, что предполагало намеренное отправление на нее различных физиологических потребностей. В примыкающей к ней стене была стальная дверь, вся почириканная, обшарпанная и поцарапанная. В комнате стояла ужасная вонь. Было трудно представить себе, что делать дальше.

Шаркая ногами, в вестибюль зашел какой-то клиент, больше похожий на дергающееся огородное чучело, нежели на человека. Он был одет в рваный спортивный костюм и, несмотря на молодые черты лица, повадками напоминал дряхлого старика.

— Вы покупать? — спросил он.

— Нет, — ответила Мэгги. — Идите вперед нас.

Клиент покосился на них так, словно вежливость была чем-то почти забытым, относящимся к условностям давно ушедших лет. Когда он доковылял до щели в стене, им удалось понаблюдать, как происходит сделка.

— Ты, дай-ка мне две синие льдинки, — сказала чучело.

— А льдинок нет, — ответила щель.

— Тогда половинку крэка.

— Никакой половинки крэка не будет.

— А что у тебя есть, придурок?

— Есть «лунные камни»^[38].

— И это все дерьмо, что у вас есть? От него так пронесет!

— Да, только это дерьмо.

— Вы, мудаки, торгуете самым дерьмовым дерьмом.

— Ты сам мудака. Тебе нужно дерьмо или нет?

— Хорошо, дай немного.

— Сколько?

— На двадцатку.

Чучело засунуло деньги, свернутые трубочкой, в щель. Несколькими секундами позже из щели высунулся деревянный «язычок», напоминавший лопатку для пиццы. Два пузырька с зельем лежали в желобке.

— Угу, — сказала чучело в щель. — А покурить здесь можно?

— Ты, жопа, иди курить куда-нибудь в другое место.

— Но у меня нет трубки.

— Тебе и это продать?

— Да нет, я у какого-нибудь придурка займу.

— Ты — художадый негр.

— Ты, кончай, пусти меня.

— Ты в прошлый раз нассал в углу.

— Нет. Это был не я. Это — Сло Мо.

— Они сказали, это ты.

— Ну, кончай выпендриваться. Я видел, как он это делал. Он там? Я его в жопу пну. Кончай, мужик. Запусти меня.

— Ну хорошо. Но как только заторчишь, уматывайся отсюда.

— Ладно, ладно. Идет.

Раздался пронзительный гудок, и дверь открылась. От неожиданности Мэгги и Уолтер отпрянули на шаг. Человек-чучело прошаркал в открывшуюся темноту. Тяжелая дверь захлопнулась за ним со звуком, отразившимся эхом.

— Нам нужно попасть внутрь, — прошептала Мэгги. — Линди где-то там внутри.

— Нам нужно купить наркотиков.

— Думаю, что да. Вот. — Мэгги достала купюру в двадцать долларов из бумажника.

— Нет, я заплачу, — сказал Уолтер, глубоко вздохнул и направился к щели.

— Дайте мне этих «лунных камней» на двадцатку, — произнес он.

— Нет никаких «лунных камней», — ответила щель.

— Но ведь только что...

— Кончились.

— А что осталось?

— А ты что за хер, белый малыш?

— Я — рабочий человек.

— Ах так? А почему бы тебе не приготовить себе джин-тоник? — Из щели раздался смех. Видимо, за дверью был не один продавец.

— Послушай, мне нужно это дерьмо, — сказал Уолтер. — Выручай.

— Это дерьмо слишком крепкое для придурков с белой костью.

— Мы попробуем, — сказал Уолтер и просунул двадцать долларов в щель.

— Раз нужно, значит, нужно, — ответила щель, и почти сразу же оттуда вылезла деревянная лопатка с двумя пузырьками крэка. Уолтер положил их в карман.

— Запусти нас внутрь, — попросил он.

— Думаю, что не стоит.

— Нам нужно покурить.

— Ты с ума сошел, придурок? Здесь полно наркоманов.

— И что в этом такого? Мы к ним привыкли.

— Откуда вы такие?

— Из Уэстпорта.

— А что бы вам не пойти в свою собственную курильню в загородном клубе для белых задниц?

— Потому что мы здесь и мне нужно покурить.

— Какой ты упрямый засранец.

— Ты меня еще не знаешь.

— С тебя еще двадцатка, вступительный взнос за членство в клубе.

— Подумаешь. — Уолтер достал из бумажника еще двадцать долларов и просунул их в щель.

— И еще одно: не ссать на пол.

— Конечно, — сказал Уолтер.

Гудок прозвучал как сирена. Уолтер с Мэгги с опаской прошли в слабо освещенное помещение, похожие на детей, попавших в дом ужасов в парке аттракционов.

Внутри помещения была замысловатая старинная дубовая винтовая лестница, освещенная маленьким грязным оконцем. Она вела на второй этаж. Млекопитающие разных отрядов пользовались ею как писсуаром. Уолтер и Мэгги поднялись в большой слабо освещенный зал размером приблизительно двенадцать на пятнадцать метров, во всю площадь основания здания. Это было помещение бывшей масонской ложи, которое даже в лучшие дни представляло собой давящий на психику готический зал для тайных церемоний. Внутренняя деревянная обшивка была содрана. Окна заколочены. В разных местах огромного зала, создавая иллюзию вечной ночи, горели маломощные синие лампочки, укрепленные на стенах. Несмотря на высокий потолок, здесь было невероятно жарко, воздух был настолько спертый, что походил больше на жидкость, нежели на газ. Во вспышках зажигалок можно было различить лица куривших стеклянные трубки. Старые вонючие матрасы были беспорядочно разбросаны по полу. На многих поодиночке лежали люди в лохмотьях, напоминая моряков, потерпевших кораблекрушение и плывущих на обломках корабля. На некоторых матрасах собрались группы по три, четыре или пять человек, куривших из одной трубки по очереди, что напомнило Мэгги студенческие сборища времен хиппи. Во мраке можно было различить несколько совокупляющихся пар. Пробираясь по комнате, они почувствовали недоброжелательные взгляды со стороны «самопознающих». В дальнем углу, погруженном почти в полную темноту из-за удаленности от любого источника света, они нашли сморщенную, истощенную, но все еще узнаваемую фигуру, сидящую на поддоне из грязного пенопласта и завернутую в вонючее синтетическое покрывало.

— Ох, боже мой, это она, Линди! — воскликнула Мэгги, схватив Уолтера за руку.

Услышав свое имя, эта фигура, напоминавшая привидение ее старой подруги и соседки по комнате, смотрящая до этого выпученными глазами в вонючее пространство, подняла свое осунувшееся лицо с выражением, которое можно было принять за мольбу и укор одновременно.

— Как ты меня нашла? — спросила она хрипло.

— Ты сказала, что находишься в масонской ложе, с зеленой крышей. И потом — какой-то парк. Дай руку...

— Подожди, а как тебя сюда пустили?

— Какое это имеет значение? Мы здесь, чтобы забрать тебя домой. Тебе помочь встать?

— Ты что, прикупила?

— Да, нам пришлось купить наркотики, чтобы попасть сюда, — сказал Уолтер.

— А это что еще за мудак? — спросила Линди у Мэгги.

— Он — мой садовник.

— Вот так? И ты, дружок, тут пашешь? — рассмеялась Линди. Но ее унылый смех быстро перешел в болезненный приступ кашля. — Я больна, — сказала она.

— Я знаю. Мы здесь, чтобы помочь тебе.

— Тогда дайте мне немного того, что вы прикупили.

Мэгги и Уолтер испуганно переглянулись. После чего Уолтер полез в карман и достал два маленьких стеклянных пузырька.

— Вот это да! — воскликнула Линди, жадно схватив их.

— Линди, это крэк.

— Да, в самом деле? — сказала Линди. Она скинула грязное покрывало с плеч. Стало видно, что она была по пояс голой. Над ребрами у нее было две довольно плоских, как будто из них выпустили воздух, груди. Темный синяк амебой расплылся от ключицы до подмышки. Дрожащими руками она открыла один пузырек и вытряхнула кристалл в чашку стеклянной трубки. Потом точными движениями, довольно странными для человека так очевидно больного, она подожгла кристалл газовой зажигалкой и жадно затянулась. — Ох, да, — сказала она, выдыхая клуб дыма, резко пахнувший химией. — Отлично.

— Хорошо, милая. Дай мне руку.

— А еще есть? — спросила Линди, выдыхая большое облако синего дыма.

— Да, — ответил Уолтер.

— А можно мне?

— Можно, но позже, — сказала Мэгги. — А сейчас мы пойдем вместе.

— Но я не хочу идти с вами, ты поняла?

— Ну, давай, Линди, золотце...

— Дай мне еще «камушек».

— Но тебе нельзя оставаться здесь.

— А кто это сказал?

— Линди, дорогая моя, оглянись вокруг. Это отвратительная дыра.

— А я и не заметила.

— Очевидно, ты не можешь оценивать вещи правильно из-за наркотиков. Уолтер, помоги мне поднять ее.

— Убери от меня руки, придурок! — взвизгнула Линди. Сила ее голоса не шла ни в какое сравнение с ее истощенным видом.

— Мы отвезем тебя в больницу.

— Отвалите от меня!

— Ну не будь такой, пожалуйста.

— А вот и буду. Вот такая я!

За шумом, который она создала, брыкаясь и сопротивляясь, Мэгги и Уолтер не слышали, как к ним подошли сзади.

— Эй, вы что здесь творите, черт бы вас побрал? — укоризненно спросил кто-то знакомым голосом.

Мэгги и Уолтер опустили тюк с грязным покрывалом и костями — то есть все то, чем была сейчас Линди, — и обернулись к говорящему. Его возраст, размер и вес сделали бы его

идеальным кандидатом для линии защиты в футбольной команде первой группы НАСС^[39], не приведишь ему заняться другим делом. Рядом с ним был молодой человек на голову его ниже, но такой же крепко сбитый, который напялил себе ради смеха рваный нейлоновый носок вместо шапки, что делало его похожим на фантастического андроида.

— Да вы знаете, с кем возитесь? — спросил тот, кто повыше.

— Простите? — мужественно спросил Уолтер. — Эта женщина — наш друг. И нам на самом деле нужно ее отсюда увести.

— Дизайри — подруга Ти-Боуна Холливута.

— Передайте Ти-Боуну, что мы сожалеем, — сказал Уолтер.

Он нагнулся, чтобы поднять Линди, которая уже ни на что не реагировала. В этот момент тот, кто повыше, сделал шаг вперед и ударил Уолтера по затылку рукой размером с ракетку для сквоша. Уолтер попытался дать ему сдачи зонтиком, но это было все равно что драться с бронзовой статуей. Его огромный соперник сломал зонтик пополам, будто веточку, и швырнул обломки в темноту. Там они попали в кого-то, вызвав крики недовольства.

— Вы заплатили только за одного, а вас — двое, — сказал высокий.

— Мы уйдем, как только заберем с собой нашу подругу, — ответила Мэгги, ее голос дрожал, но звучал громко.

— Ты, сучка, вылетишь отсюда сразу же, как только мы пнем вас под зад.

После чего Мэгги и Уолтера толкали, пихали, били, тянули и катали по темному душному вонючему залу под веселыми взглядами воспаленных глаз и улыбками беззубых челюстей, пока не сбросили вниз в вестибюль, где они оказались на полу у стены, как пара тряпичных кукол.

— С тобой все в порядке? — тяжело дыша, спросил Уолтер, прижав Мэгги к себе так, будто пытался уберечь ее от ударов, которые могли последовать.

— В порядке, — сдавленным голосом ответила она.

Их обидчики снова приближались с сердитыми лицами. Несколько нервных наркоманов, только что зашедших с улицы, маячили за ними.

— Это твоя толстозадая «тойота» стоит там снаружи? — спросил высокий.

— Да, — ответила Мэгги.

— Гони ключи.

Мэгги взволнованно посмотрела на Уолтера.

— Это всего лишь машина, — сказал Уолтер.

Мэгги достала ключи из накладного кармана своего легкого платья без рукавов и неохотно отдала их.

— Покажи-ка свой бумажник, придурок.

Уолтер достал бумажник из заднего кармана брюк. Тот, что был ростом пониже, вынул оттуда все деньги и кредитные карточки и швырнул бумажник назад.

— Знаешь, мы просто хотим здесь заниматься своим гребаным бизнесом, — сказал высокий. — Поэтому проваливай отсюда со своей сучкой и больше не возвращайся.

— Да, — добавил коротышка.

— Мы просто вас выбрасываем. Нам некогда вас убивать. — И, повернувшись к своему приятелю, сказал: — Убери эту тачку с улицы. — Затем снова Уолтеру и Мэгги: — Убирайтесь с глаз моих, пока я не передумал.

Еще через мгновение Мэгги и Уолтер уже жмурились на залитом солнцем тротуаре, наблюдая, как «тойота» исчезает за углом.

— Что будем делать? — спросила Мэгги, сдерживая слезы.

— Идем в полицию, — сказал Уолтер.

9

Крепость

Пройдя всего-навсего девять кварталов от Бовингтон-стрит, они нашли Четвертый полицейский участок. Он размещался в стандартной одноэтажной бетонной коробке, поставленной прямо на автомобильной стоянке в микрорайоне, сильно пострадавшем от градостроительных новшеств шестидесятых годов. Все четыре стороны здания были лишены окон, и поэтому оно напоминало крепость из научно-фантастического фильма. Главный вход представлял собой просто дыру в стене. Плоская крыша была украшена мотками колючей проволоки.

Вестибюль полицейского участка был лишь немногим гостеприимнее, чем в курильне крэка. На стенах не было граффити. Пахло здесь не мочой, а дезинфицирующими средствами. Комната со стенами из шлакобетона освещалась флуоресцентными лампами. Из мебели здесь было шесть стульев из дугой пластмассы, на стене висело два телефона-автомата, а у стены стоял автомат с газированной водой. Как и в курильне крэка, все действия здесь проводились через относительно небольшую укрепленную амбразуру, только тут она представляла собой окошко из пуленепробиваемого стекла, за которым функционировал весь офис участка. За этим окном у конторки сидел молодой полицейский, узкий лоб и сросшиеся в центре нависшие брови делали его похожим на банку для печенья.

— Нашу подругу силой держат в курильне крэка на Бовингтон-стрит, — сказала Мэгги. — Мы попытались забрать ее оттуда, но нас вышвырнули.

— Вам повезло, что вас вышвырнули, — заметил полицейский. Его голос раздавался из небольшого динамика, укрепленного в стене над амбразурой, и звучал так, словно его владелец говорил сквозь консервную банку, подвешенную на веревке.

— Конечно, но она все еще там, — продолжала стоять на своем Мэгги.

Полицейский занес в журнал данные Линди: имя, возраст, описание внешности и тому подобное — и сказал:

— Хорошо. Спасибо большое.

— И что вы предпримете? — спросила Мэгги.

— Мы дадим вам знать, когда она объявится.

— Но она может объявиться в гробу.

— Подождите, офицер, — сказал Уолтер, протискиваясь к окну, — жизнь этой девушки в опасности. Она накачана наркотиками. Вы должны вытащить ее оттуда.

— Да, — сказала Мэгги. — Вы должны послать туда кого-нибудь.

— А как она туда попала?

— Кто-то привел ее туда.

— Кто?

— Я не знаю. Какой-то мерзавец.

— И где этот человек?

— Кто, черт возьми, это знает? Он же... преступник.

— Он ее силой заставляет принимать наркотики?

— Возможно, сначала. Я не знаю. Какое это имеет значение? Она теперь в рабской

зависимости от крэка.

— Так с ними со всеми и происходит, — сказал полицейский.

— Послушайте, вы знаете дом, о котором мы говорим? — спросил Уолтер.

— Ну, здесь таких мест полно. Они появляются и исчезают. Они горят. Потом где-то открываются. Как грибы после дождя.

— Мы с радостью проводим вас туда, — предложил Уолтер.

— Сэр, — ответил полицейский, глядя прямо через толстое стекло, — мы не *штурмуем* курильни крэка. Здесь вам не морская пехота.

— Но вы можете хотя бы туда съездить? Взять с собой несколько ребят.

Полицейский рассмеялся.

— А вы знаете, что у этих типов за оружие?

— Конечно, у них есть оружие.

— Правильно. Только оно у них автоматическое. Они поливают пулями, как из садового шланга. У нас нет такой огневой мощи. А если бы и была, то общество запретило бы нам пользоваться ею.

— Минуточку, — сказал Уолтер. — Не хотите ли вы сказать, что вы даже и не пытаетесь контролировать подобные места?

— Я бы так не сказал.

— А как бы вы сказали?

— Мы просто не верим в самоубийство как в решение вопроса.

— Поэтому вы позволяете этим мерзавцам творить свое грязное дело.

— Как я вам уже сказал, мы — не из морской пехоты.

— Могу ли я поговорить с вашим начальником? — вмешалась в разговор Мэгги. — Есть в этом помещении лейтенант или капитан?

— Есть. Но он скажет вам то же самое.

Через несколько минут к окошку подошел некий лейтенант Майбридж. Этот человек атлетического сложения, с немного лошадиными чертами лица, с глазами, долгое время лишенными сна, и пораженческим внешним видом рассказал им приблизительно ту же самую историю.

— Тогда мы можем сделать вывод, что вы ничего предпринимать не собираетесь, — подвел итог Уолтер.

— Мы позвоним инспектору здания, — сказал Майбридж.

— И к чему это приведет? — спросил Уолтер.

— Он определит, соответствует ли здание санитарным и пожарным нормам. И если оно не соответствует, то выпишет повестку в суд.

— И что потом?

— В срок от недели до десяти дней их могут лишить сертификата на эксплуатацию здания.

— То есть нам нужно ждать около двух недель, чтобы их выкинули из этой адской ямы?

— Мы на самом деле выселениями не занимаемся. Это обязанности управления городского санитарного и пожарного надзора.

— Но если вы, полицейские, туда даже и не собираетесь, то почему туда пойдут люди, отвечающие за санитарный и пожарный контроль?

— Правду говоря, они и не пойдут.

— Тогда это просто брехня.

— Не нужно так выражаться, сэр.

— Хорошо. Хорошо. Но это никаким образом не приближает решение проблемы нашей подруги, которую насильно удерживают в курильне крэка на Бовингтон-стрит.

— Да. Я думаю, не решает, — со вздохом подтвердил Майбридж. — Но этот случай, показывает важность персональной ответственности и выбора здорового образа жизни.

— Трусы! — закричала Мэгги, более не в силах контролировать себя. — Малодушные негодяи! Червяки! Бабы!

— Сэр, скажите вашей супруге, что непозволительно вести себя здесь в такой оскорбительной манере. Этот участок — наш дом. Вам вряд ли понравится, если мы придем к вам домой и будем выкрикивать неприличные слова, не так ли?

— Вы не дослушали до конца, лейтенант, — сказал Уолтер. — В штате Коннектикут еще существует приемная главного прокурора, и мы собираемся подать туда подробную жалобу.

— Здесь есть телефон-автомат. Можете позвонить прямо отсюда. Вам там ответят то же самое. Мы следуем установленной процедуре. Мы не врываемся с группами захвата в укрепленные места хранения наркотиков. Мы — не ковбой. Это так просто понять.

— Подождите! — воскликнула Мэгги. — У меня есть идея.

И Уолтер, и лейтенант Майбридж — оба посмотрели на нее с нетерпением. Она быстро подошла к телефону напротив и набрала Нью-Йорк по своей телефонной карточке.

10

Кавалерия

— Лоуренса Хэйворда, — сказала она секретарю. — Говорит Мэгги Дарлинг.

Хэйворд взял трубку немедленно.

— О, Мэгги, я так сожалею, — начал он.

— Извините?.. — спросила она, моментально смутившись.

— Значит, вы ничего не знаете?

— Не знаю? Что?

— О Кеннете.

— Что такое с ним?

— Его схватили сегодня днем. Он стрелял по машинам на Меррит-Паркуэй.

Наступила оглушительная тишина. Кто-нибудь другой в аналогичной ситуации мог бы заполнить такую паузу ядовитой фразой типа «Чтоб меня бензопилой трахнули!» или «Боже милостивый, висел бы ты лучше на кресте!», но в данном случае воцарилось полное молчание.

— Эй, Мэгги. Вы меня слышите?

— Да, — почти прохрипела она, сжавшись от свалившихся на нее бед в маленький комочек.

— Мне очень жаль, что пришлось вам об этом сообщить, — сказал Хэйворд.

— Ну...

— Я могу для вас что-нибудь сделать, Мэгги?

— На самом деле да.

— Что?

— Не могли бы вы послать небольшой отряд хорошо вооруженных наемников в

Хартфорд, штат Коннектикут, как можно быстрее, чтобы выручить мою подружку Линди. Вы помните Линди, да?

— Да, конечно. Худая брюнетка. Мы однажды ужинали вместе у вас дома.

— Совершенно верно.

— Вы говорите, что ее нужно спасти?

— Да.

— От кого?

— От торговцев крэком.

— Крэк — это наркотик?

— Да.

— Хорошо. Я буду. А как она с ними связалась?

— И не спрашивайте.

— Когда вы сказали «отряд», что вы имели в виду, Мэгги?

— Скажем, человек двадцать с автоматами.

Снова повисла пауза, на этот раз на том конце провода, где был Хэйворд.

— Я смогу это сделать, — наконец сказал он.

— Великолепно.

— Вы хотите, чтобы мы прибыли прямо сейчас?

— Чем скорее, тем лучше.

— Где вы?

— В полицейском участке где-то в Хартфорде.

— От этих сукиных детей нет никакой пользы, да?

— Вы правы.

— Вы знаете, какой у них адрес?

— Нет. Подождите секунду. — И заорала в приемное окошко: — Уолтер, спроси у лейтенанта адрес этого места.

— Хорошо, — сказал Уолтер и, переговорив с Майбриджем, сообщил: — Чарити-стрит, две тысячи девять.

Мэгги передала информацию Хэйворду.

— А как вы вообще найдете нас?

— Система глобального определения координат, моя дорогая. Могу найти кончик ослиного хвоста с ее помощью на расстоянии двадцати тысяч километров от моего письменного стола.

— Не шутите?

— Это смелый новый мир бытовой электроники, Мэгги. Посмотрите, есть ли там место, чтобы посадить вертолет?

— Ох, рядом со зданием — огромная автостоянка.

— Превосходно. Дайте мне полтора часа.

— Хорошо. Значит, где-нибудь около семи пятнадцати?

— Так точно, — сказал Хэйворд.

— Лоренс, вы на самом деле не шутите?

— Нисколько.

— Вы прибудете сюда через полтора часа на вертолете с командой вооруженных головорезов?

— Головорезы — это немного... неделикатно. Называйте их лучше хорошо

тренированными специалистами по борьбе с терроризмом. И вы можете спорить с кем угодно, мы прибудем точно как обещали. Просто сидите и ждите.

— Хорошо.

— Знаете, Мэгги, когда вы позвонили, я уже собирался в одно чудное место, которое недавно открыл. «Unigatzsu» на Грин-стрит. Маленький ресторанчик. Слышали о нем?

— Нет.

— Вы не поверите, что они делают из морского ушка.

— Его очень тяжело готовить. Нужно сначала долго отбивать деревянным молотком.

— Вот как? То, что подали мне, было мягким, как молочная телятина.

— Есть талантливые специалисты.

— Ну, слава богу, — сказал Хэйворд. — Скоро увидимся.

Мэгги сказала лейтенанту Майбриджу и Уолтеру, что кавалерия, так сказать, скоро прибудет. Майбридж был весьма удивлен. Он пригласил их зайти и устроиться поудобнее «до времени „Ч“, ха-ха», а сам незаметно стал перебирать карточки в «ролодексе» на столе в приемной, чтобы найти телефон психиатрического отделения в городской больнице Хартфорда.

11 Операция

Можете представить себе удивление полицейских и всего персонала Четвертого полицейского участка, когда точно в семь часов тринадцать минут за бетонными стенами здания стал слышен звук «вуп-вуп-вуп» лопастей винта вертолета. Мэгги и Уолтер поспешили наружу и увидели, как огромный «Сикорский» коснулся земли всего в нескольких метрах от пятилетнего «гео призм» самого лейтенанта Майбриджа. Полицейские всех рангов вышли из своего скучного здания и пошли на автостоянку поглазеть.

Первым из вертолета выскочил сам Хэйворд в бронежилете поверх серого делового костюма от «Братьев Брукс» и в бейсбольной кепке с эмблемой компании «Зачистка — услуги в области военных технологий», на которой был изображен орел, держащий в когтях швабру и совок. Он приобрел эту компанию по случаю по низкой цене в марте. Следом за ним вышло двадцать два «миротворца» — так компания именовала своих сотрудников. Они были вооружены автоматами «АМТ-Харлан» калибра девять миллиметров, двенадцатизарядными ружьями «чистильщик улиц» магазинного типа для подавления мятежей британской фирмы «Рэкли», контузящими гранатами, бронебойными ракетами, баллонами со слезоточивым газом и таким количеством боеприпасов, которого было бы достаточно для усмирения средней силы бунта в средних размеров столице страны третьего мира, за что при ближайшем рассмотрении можно было принять Хартфорд, штат Коннектикут.

О том, чтобы одолжить для операции какие-то автомобили, полицейские и слышать не захотели. После короткого обсуждения возможности найма такси было решено, что «миротворцам» (а вместе с ними и всем остальным) гораздо проще дойти до объекта атаки на Бовингтон-стрит девять кварталов пешком.

Группой командовал Говард Каплан по прозвищу Ястреб, ветеран американских войск специального назначения, награжденный за храбрость в ходе операции по умиротворению

«Стрельцов» в Сербии в девяностых годах. Они шли по улицам-руинам, мимо жаровен бездомных, разрушающихся домов бессильных, безденежных, безнадежных, бесполезных, безрассудных и бесцельных людей, которые выходили на улицу и жмурились от жаркого вечернего солнца, глядя, как они шагают по городу строгим строем, подобно оккупантам, к бывшему зданию масонской ложи на Бовингтон-стрит. Возможно, так же жители Хартфорда в прошедшую эпоху смотрели на цирковой парад.

«Операция по захвату» заняла всего тридцать восемь секунд от входа в здание до объявления командиром группы о том, что «площадка расчищена». Снаружи на тротуаре раздалось еще несколько хлопков. Потом наступила тишина. Затем все здание ожило, когда сонные наркоманы высыпали из главного входа, подобно тараканам, бегущим от токсического средства, распыляемого истребителями.

— Если вы хотите поискать заложницу, то наверху еще осталось несколько «сонных зайчат», — доложил агент Каплан.

— Что? — спросила Мэгги. Впечатление от ослепительной эффективности всего того, что произошло, было настолько сильным, что ей потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что он говорил о Линди, которая была целью операции. Она привела в порядок свои мысли и с криком «Линди!» поспешила внутрь здания. Среди содержателей притона — их собрали вместе и держали под прицелом — оказался коротышка, который днем выкидывал их из помещения. Это был тот, кто не вышел ростом. Его руки были в витых пластмассовых наручниках.

— Этот парень забрал у нас машину, — воскликнул Уолтер.

— Ты взял их машину? — спросил агент Каплан у парня.

— Ну и что с того? Вы — никакая не полиция.

— Это так, — сказал агент Каплан. — Поэтому когда я направлю ствол этой девятимиллиметровой пушки между твоими маленькими яйцами и спущу курок, то это нельзя будет назвать жестоким обращением со стороны полиции. Я думаю, что ты уже вспомнил, где сейчас эта машина?

— Да-да.

Три «миротворца» увели его на поиски «тойоты». В то же самое время его более высокого коллегу выносили из здания в горизонтальном положении на носилках в мешке из латекса.

Между тем Мэгги поднялась в святая святых масонской ложи. Огни фонарей прорезали плотный зловонный воздух, как ножи желатин. Один из наркоманов стоял на четвереньках и блевал на пол. Огни высветили женщину, несколькими часами ранее задушенную тем, с кем зачала ребенка, который никогда не появится на свет. Еще несколько человек были настолько слабы или находились под таким сильным воздействием алкоголя, героина, крэка, что не могли двигаться. А потом она нашла Линди, которая лежала в своем вонючем покрывале и билась в судорогах после приема последней порции низкокачественного наркотика, в котором было больше метамфетамина и транквилизатора для животных, чем настоящего крэка, и для веса было добавлено еще немного чистящей жидкости для туалета.

— Ой, моя дорогая. — Мэгги припала к ней сбоку, не обращая внимания на неприятный запах. — Держись. Цепляйся за жизнь. Мы уже здесь.

Линди попыталась сказать что-то, но звуки не походили на слова, и на ее губах начала выступать пена.

— Она может скончаться в любой момент, — сказал некий агент Гримсби. Пршлым

летом он находился в качестве врача в казахстанском аэропорту во время инцидента с заложниками, когда девять морских пехотинцев были отравлены газом. Менее чем через минуту шестеро агентов ускоренным шагом несли Линди по Бовингтон-стрит к тому месту, где у полицейской автостоянки их ждал вертолет. Затем внезапно, каким-то волшебным образом они были уже в воздухе и кругами поднимались все выше и выше над израненным городом. Потом пролетели над золотым куполом законодательного собрания штата, над опустевшими фабриками и растраченными впустую жизнями, и всем заброшенным наследием янки, а потом и еще дальше за рваную границу городского пейзажа с астероидным кольцом торговых центров и автостоянок, туда, где начиналась мягкая зелень лесов и пестрая мозаика летних полей и пастбищ. По мере того как они поднимались, температура в громадной кабине вертолета, напоминавшей амбар, падала, пока не стало совсем холодно. Уолтер держал пакет с физиологическим раствором для капельницы Линди. Как только оживляющая жидкость начала поступать в ее борющиеся клетки, она попыталась заговорить снова. На этот раз можно было различить слова. Мэгги потребовалось приложить ухо к потрескавшимся облезавшим губам подруги, чтобы расслышать что-то сквозь ужасный шум двигателя.

— Я зам-м-м-мерзаю, — сказала Линди.

— Мы вот-вот будем в больнице, — заверила ее Мэгги и натянула лавсановое одеяло из аварийного комплекта ей на уши.

— Ты пом-м-м-нишь ту первую неделю в кол-л-ледже? — спросила Линди.

— Помню как вчера, моя дорогая.

— Ты... ты ис-с-спекла торт на день рождения для... К-к-кэти Споффорд в моей печке для тостов.

— Да, я помню. Это был торт с сухофруктами.

— С с-с-сухофруктами, — повторила Линди. На ее лице появилась улыбка, моментально стершая всю болезненность и агонию прошедших месяцев. — Я д-д-д-думала, что та девчонка была чертовски п-п-п-похожа на ангела. Б-б-б-будущее казалось бесконечным. Я хорошо п-п-п-помню, как хотелось... хотелось... ж-ж-жить.

— Ты будешь жить. Тебе уже лучше.

— Н-н-но я не хочу.

— Не говори так.

— Это т-т-так т-т-трудно.

— Тебе так кажется. Поскольку ты чувствуешь себя несчастной.

— Нет. Нет. Ты не понимаешь. В этом с-с-секрет жизни. Я т-т-теперь понимаю. У некоторых это п-п-получается. У т-т-тебя получается. А я только з-з-занимаю м-м-место с м-м-моими глупыми п-п-проблемами.

— Все пройдет. Ты сможешь стать счастливой. Я клянусь тебе.

— Нет. У меня ни х-х-хрена не п-п-получится. Т-т-ты проживешь за меня, Мэгги.

Слезы потекли по щекам Мэгги, капая на лицо Линди.

— Знаешь ч-ч-что?

— Что, моя милая?

— Я от-т-т-правлюсь на небо... и п-п-постелю тебе там. Это все, ч-ч-чем я могу отплатить тебе за... д-д-добро. — Неожиданно рот у Линди провалился, а глаза выкатились наружу. Ее тело потрясла сильная дрожь, и изнутри вырвался странный хрип.

— Ох, Линди, — зарыдала Мэгги.

Уолтер поставил мешок с физиологическим раствором и обошел носилки, чтобы обнять Мэгги. На миг она отстранилась, но потом сдалась, чувствуя, как погружается в сильные объятия. Она ощущала себя маленьким пушистым зверьком, вернувшимся в знакомое место под корни громадного развесистого дуба после кошмарных странствий по незнакомой территории.

Агент Гримсби растолкал всех и попытался произвести кардиопульмональную реанимацию, но Линди не отреагировала, не вернулась.

— Какой стыд, — размышлял вслух Хэйворд, повернувшись, чтобы рассмотреть изумительные башни Манхэттена, появлявшиеся на горизонте в сентиментальных летних сумерках. — Все-таки смешно, — сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно, — я так верю в человечество. Раньше не верил, а теперь верю, несмотря на то что видел и что знаю. Странное чувство посетило меня недавно. Я поверил, что новый день близко. Мы не попадем в него все, но некоторые из нас попадут. Те из нас, кто будут спасены, должны спасти нас. Если я когда-нибудь напишу книгу, а очень возможно, что я это сделаю, это будет моралью всей истории. Было бы также хорошо, чтобы потом все жили счастливо. Кто знает? Это — загадочная вселенная. Все возможно. Даже счастье.

Эпилог

РОЖДЕСТВО

Зимнее солнцестояние того года подарило зрителям Семейной телевизионной кабельной сети передачу «Рождество у Мэгги Дарлинг», снятую в танцевальном зале дома на ферме Кеттл-хилл одним из снежных вечеров, делающих Новую Англию такой красивой. Общественное мнение опять оказалось на стороне Мэгги в конце этого *annus horribilis*^[40]. Накануне того дня, когда суд присяжных вынес решение по делу о снайпере с Меррит-Паркуэй, было объявлено, что подзащитный Кеннет Дарлинг подписал договор с «Апекс Коммьюникейшн», компанией, которой принадлежала «Трайс энд Уанкер Паблишерс», на издание откровенной книги о своем двадцатилетнем браке с богиней домашнего очага. Конни Маккуиллан писала в журнале «Пипл», что эта затея была ему совсем не по душе, но иначе нечем было платить за услуги адвоката. (По какой-то случайности мисс Маккуиллан не было среди двухсот четырнадцати гостей, приглашенных на запись «Рождества у Мэгги Дарлинг», не будет ее среди приглашенных и на Рождество в последующие годы, до тех пор, пока существует Рождество.)

Так вышло, что Мэгги ознакомилась с синопсисом книги Кеннета (у нее все еще оставались друзья среди служащих в «Трайс энд Уанкер», хотя компания больше не была ее издателем). По сути и к сожалению, это была плохо написанная полуграмотная стряпня с обилием грубых порнографических фантазий самого примитивного пошиба, диких обвинений в адрес Мэгги в супружеской измене с каждым, от господина Стива Эдди из Голливуда, штат Калифорния, до вице-президента Соединенных Штатов. На самом деле абсурдность всего этого была так очевидна, что Мэгги посчитала ниже своего достоинства подавать в суд на бывшего мужа, который и так стоял перед тем, чтобы принести свою жизнь на алтарь справедливости за умышленное убийство двенадцати граждан штата Коннектикут.

Кроме непристойной мисс Маккуиллан и ничтожного Кеннета, еще несколько человек, присутствовавших на предыдущем рождественском праздничном ужине на двести персон, либо не смогли прийти, либо не были еще раз приглашены. Фредерик Свонн находился в Лондоне и готовился к премьере «Голода» Франца Теслы, эпического кинопроизведения о вампирах стоимостью сто шестьдесят пять миллионов долларов. Ставки были подняты так высоко, что компания «Басилиск Пикчерс» только на рекламу и активное продвижение фильма потратила сорок миллионов долларов. В мире шоу-бизнеса упорно муссировался слух, что картина — неопишуемая чушь. Говорили, что сам Свонн показал себя многообещающим актером, но отказался от любых ролей в будущем из-за трудностей жизни на съемочной площадке: всех этих ожиданий, суеты гримеров, бесконечных технических ляпов осветителей, нестерпимой постоянной скуки, не говоря уже о необходимости тратить силы на общение с такими эгоистическими монстрами, как Тесла. Свонн поведал журналу «Роллинг Стоун», что он был более счастлив, когда исполнял свои, как он назвал их, песенки и раз в год выступал на благотворительном концерте перед ее величеством.

Гарольда Хэмиша не пригласили бы на этот званый вечер с телезаписью, даже если бы его не ударило в пах зеркало быстро проезжавшего мимо такси перед собором Святого Патрика спустя неделю после Дня Благодарения. В любом случае при желании он мог посмотреть «Рождество у Мэгги Дарлинг» по телевизору со своей койки в пресвитерианской

больнице Колумбийского университета, где он до сих пор проходил реабилитацию после операции по восстановлению полового члена.

Леонарда Мойля обязательно пригласили бы, если бы в сентябре того же года он не умер от тромбоза аорты, после чего его прах был развеян меж покрытых водорослями камней близ его любимого летнего дома в Бар-Харборе.

Федо Прадо из Нью-Йоркского балета не позволил прийти на праздник вирус СПИДа Люциус Милштейн лишил себя жизни (удушение с помощью газовой духовки *à la* Сильвия Плат^[41]) после того, как журнал «Нью-Йоркер» назвал его «сущим мошенником» в репортаже, посвященном бьеннале Музея Уитни. Милштейна давно считали психически нестабильным, он угрожал покончить с собой столько раз, что даже агент по продаже произведений живописи смеялся над его постоянными угрозами. Наутро после того, как тело Люциуса обнаружили в его квартире-мансарде на Уэст-Бродвее, цена на его «мошеннические» картины увеличилась в четыре раза.

Матери Мэгги, Айрин, и ее отчима, Чарли, не было на рождественском ужине потому, что Мэгги терпеть их не могла, какой бы виноватой она после этого себя ни чувствовала.

Нина Стегман вернулась, но уже не наемной работницей, а подругой. Теперь она владела удивительно популярным рыбным рестораном «Nautilus» на берегу пролива в Фэйрфилде. И где, вы думаете, ее можно было в этот вечер отыскать, в пору поварской горячки, предшествующей празднику? Конечно же, на кухне, помогающей посадить «ангелов» верхом в их вкусные «седла», проверять ветчину, пробовать сливовый пудинг и взбивать густой крем. Но в основном Нина делилась опытом с Розы Блай, в прошлом девушкой с розовыми волосами, работавшей продавщицей на Коламбус-авеню, которая произвела на Мэгги такое сильное впечатление своей уравновешенностью и самообладанием, что та дала ей возможность попробовать себя в роли старшей на кухне фермы Кеттл-хилл. Розы великолепно проявила себя в течение нескольких месяцев, прошедших с трагического дня ухода Линди из этого мира.

В связи с Линди стоит упомянуть, что Бадди Хэйган, проживавший в последнее время в Голливуде, штат Калифорния, узнав, что он не инфицирован вирусом СПИДа, переехал в бенедиктинский монастырь в Новато, принял обет, отдав свой дом, «мерседес», мобильный телефон и все остальное, кроме ручки «Монблан-Дипломат», и посвятил жизнь служению Христу и человечеству.

Лоренс Хэйворд по сравнению с прошлым годом поправился на сорок пять килограммов.

Не были приглашены на праздник и члены «Шайки делового обеда» (они же — артисты из группы «Сладкие как смерть»), они вообще отсутствовали в этом грешном мире, поскольку были застрелены при задержании, организованном совместно ФБР, Агентством по контролю за применением законов о наркотиках и Бюро по контролю за алкоголем, табаком, оружием и взрывчатыми веществами. Накануне власти получили информацию о готовящемся грабеже в ресторане «Bouley Bakery» в день празднования Хэллоуина и приняли решение замаскироваться под клиентов и обслуживающий персонал, чтобы устроить ловушку для бандитов. В ходе операции проявился «закон Мэрфи»^[42], в результате чего погиб один агент Бюро по контролю за алкоголем, табаком и оружием и все члены банды. Права на публикацию их биографий были куплены компанией «Дисней Корпорейшн», которая планировала создать полнометражный мультфильм с целым рядом детских характерных героев, положив в основу их подвиги в стиле «Робин Гуд хип-хоп». Их

неожиданная кончина (и секреты, умершие с ними) позволили Хуперу Дарлингу вернуться из своей ссылки в Риме, где он поселился в мансарде на улочке за пьядца Навона и провел полгода, делая зарисовки архитектурных памятников Ренессанса и античной древности, готовясь к курсу архитектуры в колледже Нотр-Дам.

Хупер был дома уже месяц. В этот замечательный праздничный рождественский вечер он никуда не уходил и был полностью занят ухаживанием за Сарой Джейн Фойерветер, которая стала помощником редактора в новейшем предприятии Мэгги Дарлинг, ежемесячном журнале «По советам Мэгги Дарлинг», где публиковались рецепты, советы по домоводству и садоводству. Журнал сразу же стал хорошо раскупаться в газетно-журнальных киосках в аэропортах, и после четырех месяцев издания его тираж достиг почти миллиона экземпляров. Хупер и Сара Джейн представляли собой приятную пару. Они были полны жизненных сил, надежд, красоты и могли служить образцом правильного поведения. То же самое можно было сказать и об отце Сары Джейн, Уолтере Фойерветере, и маме Хупера, Мэгги Дарлинг. Только картина, которую они представляли собой, была не фигуральной, а буквальная — созданной и зафиксированной на пленку в этот праздничный вечер Регги Чаном. На этой картине они стояли под руку в музыкальной комнате на фоне горящего камина, полные мимолетного чувства волшебного ожидания, когда все, о чем можно беспокоиться, было сделано до того, как прибыли первые гости.

Ко Дню Колумба Уолтер прекратил притворяться, что он ведет свое собственное хозяйство, и переехал в дом (а соответственно, и в спальню) своей возлюбленной хозяйки на ферме Кеттл-хилл. Он по-прежнему руководил работами в саду, но вдобавок еще стал и управляющим делами Мэгги, и на нем лежала главная ответственность за организацию нового журнала и наем работников для него. Он также вел переговоры об организации передачи с участием Мэгги Дарлинг по средам двадцать шесть раз в год в телевизионной программе «С добрым утром, Америка» (за миленькие три миллиона четыреста тысяч долларов в год) и занимался лицензированием линии кухонного оборудования «Мэгги Дарлинг» для компании «Нейман Маркус» и линии именной одежды для «ГЭП». Бракоразводный процесс должен был состояться где-то ближе ко Дню святого Валентина, независимо от того, приговорят Кеннета к смертельной инъекции или нет. На ферме Кеттл-хилл шептались, что к весне нужно ждать свадьбы.

Состояние государства в начале двадцать первого века можно было оценить словами «шаткое, но еще держится». Тихоокеанский Северо-Запад пока еще не отделился, несмотря на все усилия радикальных сторонников экологического движения. Самым популярным городом стал Бостон. Популярность Сан-Франциско резко снизилась после еще одного землетрясения (среднего по величине: пять и одна десятая балла по шкале Рихтера). Лос-Анджелес превратился в безнадежную зону этнических войн. Бискейнский^[43] водоносный горизонт погружался в соленую воду по мере повышения уровня Мирового океана, связанного с глобальным потеплением; в связи с этим побережье Флориды вскоре должно было стать безлюдным. Атланта задыхалась от дорожных пробок. Вирус ханта заменил СПИД, став распространенным смертельным заболеванием в США. Несколько серьезных вспышек этого заболевания произошли в Лас-Вегасе, Фениксе и Альбукерке. Проведение конкурса красоты «Мисс Америка» было прекращено. Бейсбольная команда «Нью-Йорк Янкиз» была продана певице Мадонне и переехала в новейший игровой комплекс на Сто двадцать пятой улице. Команда «Сент-Луис Рэмс» переехала в Солт-Лейк-Сити. Кухней десятилетия была признана тибетская кухня (по выражению Морин Доуд из «Нью-Йорк

таймс»: «Китайская кухня в исполнении шотландских поваров»).

Но какие бы события ни предстояло пережить человечеству, удивительная способность людского рода во что бы то ни стало сопротивляться обстоятельствам служит залогом развития цивилизации.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

ПРИЛОЖЕНИЕ

Кулинарные секреты Мэгги Дарлинг

«Ангелы верхом» — острая закуска: устрицы, завернутые в ломтики бекона на тостах. Устрицы при готовке сворачиваются и становятся похожими на ангельские крылья.

Антипаста (*antipasto*; *ит.* букв. до пасты) — горячие и холодные закуски.

Бисквит генуэзский.

Ингредиенты: 2 чайные ложки несоленого сливочного масла, растопленного, 4 больших яйца, не из холодильника, 1/2 стакана сахара, 1 чайная ложка ванили, 1/8 чайной ложки соли, 1 стакан блинной муки.

Способ приготовления. Поставьте полку в нижней трети духовки, разогрейте духовку до 350 °С. Намажьте маслом и посыпьте мукой форму (диаметром 22,5 см), отставьте ее в сторону. Растопите сливочное масло в маленькой кастрюльке на небольшом огне. Перелейте в небольшую миску, приготовленную заранее. Смешайте яйца, сахар, ваниль и соль в большой миске. Полученную яичную смесь взбивайте электрическим миксером до тех пор, пока она не увеличится в объеме втрое, приблизительно 4–5 минут. Подсыпайте муку в смесь по трети стакана, помешивая до тех пор, пока не смешается вся. А стакан взбитого теста влейте в расплавленное масло и мешайте до однородности. Затем полученную смесь верните в основную массу теста и опять размешайте до однородной массы. Выложите тесто в форму. Разгладьте поверхность. Пеките 20–22 минуты или до тех пор, пока верхняя корочка не начнет давать трещины при прикосновении. Остудите в течение 10 минут, затем проведите по краю столовым ножом, чтобы отделить края от стенок формы. Опрокиньте на доску и остудите окончательно.

Бисквитное пирожное «Мадлен».

Приготовить тесто несложно, это вариация на тему *quatre-quarts* (четыре четверти), т. е. примерно одинаковый объем четырех ингредиентов (масло, мука, сахар, яйца). Во Франции существуют специальные формы для «Мадлен» — доски с продолговатыми по форме углублениями, в которые заливается тесто. Вы можете использовать любые маленькие формочки. Рецепт дается приблизительно на 700 г «Мадлен» (около 4 дюжин).

Ингредиенты: 100 г сливочного масла, 200 г сахарного песка, 1 стручок ванили (можно заменить ванильным сахаром), 5 небольших яиц, полпакетика кондитерского разрыхлителя, 200 г просеянной муки.

Способ приготовления. На медленном огне растопите сливочное масло, затем охладите, поместив кастрюльку с растопленным маслом в холодную воду. Рассеките вдоль стручок ванили и выскребите кончиком ножа мелкие черные зерна (если настоящей ванили нет, добавьте в смесь ванильный сахар или ничего не добавляйте). В миске в течение примерно 1 минуты взбейте яйца, сахар, зерна ванили. Смесь должна из желтой стать почти белой. В другой миске смешайте муку с разрыхлителем, а затем высыпьте в яичную смесь и снова перемешайте. Когда смесь станет совершенно однородной, добавьте почти холодное растопленное масло. Полученному тесту дайте постоять пятнадцать минут. Разогрейте

духовку до 200 °С. Кисточкой смажьте формочки маслом и присыпьте мукой (потом переверните и постучите по доньшку, чтобы лишняя мука осыпалась). Наполните формочки тестом на 3/4 объема и поставьте выпекать минут на десять. Следите за цветом булочек. Как только они будут готовы, вынимайте из духовки, сразу же вынимайте из форм и выкладывайте на решетку. «Мадлен» лучше подавать еще теплыми.

Приведенный рецепт — обычный «Мадлен». Вы можете немножко пофантазировать: смазать одну сторону (или поверхность) «Мадлен» растопленным шоколадом или при приготовлении теста растопить немного шоколада и добавить в половину теста, затем аккуратно соединить обе половины (с шоколадом и без), чуть-чуть перемешать, чтобы в тесте появились шоколадные разводы — получатся «мраморные» пирожные, или приготовить «Мадлен» с пряностями: добавить в тесто корицу, 1 размятую в крошку гвоздику (пряность), немного натертой цедры лимона.

Бискотти — итальянские бисквиты, выпекаемые дважды с анисовым семенем, шоколадом и миндалем. Эти твердые хрустящие бисквиты хорошо макать в десертное вино или в кофе.

Бланманже.

Ингредиенты: на 160 мл 1 столовая ложка кукурузной муки, 2/3 стакана (160 мл) грудного молока или молочной смеси, 2 столовые ложки сахара, 1/4 чайной ложки ванильного экстракта.

Способ приготовления. Соединить муку с 1 столовой ложкой молока и смешать до однородной массы. Оставшееся молоко вскипятить, уменьшить огонь. Добавить сахар, ваниль и муку, помешивая над огнем, пока смесь не загустеет. Перелить бланманже в маленькую формочку и поставить на несколько часов в холодильник, пока не застынет.

Хранить накрытым, в холодильнике, до двух дней.

Братвурст (Bratwurst (*нем.*) — мясная сосиска) — сосиска, приготавливаемая только из свинины. Обычно братвурст жарят.

Бри. По технологии изготовления сыр бри напоминает камамбер. Сыр вначале вызревает снаружи, и лишь затем — изнутри. Созревание проходит достаточно быстро. По этой причине употреблять сыр нужно быстро, пока он не испортился. Сыр отличается тонкой плесневой корочкой с белыми и красноватыми разводами. Сырная масса гладкая, маслянистая, соломенно-желтого цвета; сыр отличается неповторимым тонким вкусом. Сладковатый запах этого сыра слегка оттеняется тонким ароматом лесного ореха.

Велюте — один из пяти основных соусов французской кухни, приготовляемый из крепкого бульона, яичных желтков и сливок.

Ингредиенты: маргарин, животное или растительное масло — 100 г, мука пшеничная — 100 г, бульон крепкий (куриный, из телятины или баранины) — 1 л.

Способ приготовления. Жир или масло растапливают на противне с толстым дном. Добавляют муку и перемешивают. Обжаривают на слабом огне до рассыпчатой консистенции (без окрашивания). Дают смеси остыть. Постепенно добавляют к ней кипящий бульон. Тщательно перемешивают и кипятят. Варят на медленном огне около часа.

Процеживают через мелкий конический фильтр.

Примечание. В соус велюте, приготовленный для блюд из курицы, телятины или рыбы, обычно добавляют сливки и иногда яичные желтки.

Ганашь шоколадная — смесь шоколада и сливок.

Ингредиенты: 300 мл двойных сливок, 25 г сливочного масла, 300 г горького шоколада, поломанного на кусочки.

Способ приготовления. Положить сливки в кастрюлю и довести почти до кипения. Снять с огня и добавить масло и шоколад, разломанный на кусочки. Дать постоять несколько минут, пока шоколад не растает, затем перемешать. Дать немного остыть и украшать торты, пока ганашь еще теплая.

Горгонзола — мягкий итальянский сыр, изготавливаемый из коровьего молока. Это сыр кремового цвета с голубовато-фиолетовыми плесневыми прожилками. Вкус горгонзолы варьируется от слабо-пряного до остро-пикантного.

Гравлакс, лосось малосоленный — скандинавское блюдо из лосося.

Ингредиенты: на 1–1½ кг лососевого филе 60 г соли (не мелкой), 40 г коричневого сахара, 2 столовые ложки расколотого перца-горошка, 2–3 пучка укропа.

Способ приготовления. Смешать соль, сахар и перец и половиной этой смеси намазать рыбу с двух сторон. Положить в подходящую посуду, сверху посыпать остатками смеси. Покрыть порезанным укропом, закрыть пленкой и оставить при комнатной температуре на 6 часов, затем в холодильник на 24–30 часов. После того как рыба засолилась, очистить ее от перца и укропа.

Хранить в холодильнике 6 дней, в морозилке — до 2-х месяцев.

Подают с черным хлебом, сметаной, горчичным соусом, каперсами, луком и лимоном. Иногда рыбку кожу нарезают на полоски, обжаривают в сливочном масле и подают такие рыбные «шкварки» как дополнение к гравлаксу.

Гужер — горячая или холодная закуска из заварного теста с швейцарским сыром в форме кольца (с начинкой посередине).

Ингредиенты: 125 г муки, 75 г сливочного масла, 4 яйца, 150 г грюйера или любого твердого сыра, нарезанного маленькими кубиками (с ребром приблизительно 0,5 см — можно мельче, но ни в коем случае не трите на терке!), ¼ л воды, соль, перец, тертый мускатный орех.

Способ приготовления.

1. В кастрюлю положите масло, налейте воду, посолите, поперчите, добавьте мускатный орех.

2. Поставьте на огонь и доведите до кипения.

3. Снимите кастрюлю с огня и всыпьте ВСЮ МУКУ СРАЗУ, энергично перемешивая.

4. Снова поставьте кастрюлю на огонь, на этот раз на очень медленный огонь, и проварите, постоянно перемешивая, до тех пор, пока тесто не начнет «отлипать» от стенок кастрюли (это дело нескольких минут, тесто нужно как бы «высушить»).

5. Снимите кастрюлю с огня и введите в тесто яйца (не все сразу, а одно за другим, перемешивая).

6. Добавьте 120 г нарезанного маленькими кубиками сыра (не весь, оставьте небольшую часть, примерно 30 г, на глаз, это несущественно), хорошо перемешайте.

7. Дайте тесту постоять примерно час.

8. Противень смажьте маслом (а лучше — накройте пергаментной бумагой) и чайной ложкой (или с помощью двух чайных ложек) выложите тесто небольшими кучками, оставляя между ними некоторое пространство (имейте в виду, что тесто вздуется, гужеры увеличатся в размере, поэтому не выкладывайте кучки очень близко одну к другой, и если хотите получить маленькие гужеры — теста на каждый нужно не больше чайной ложки). На каждую кучку теста положите несколько кубиков сыра (из того, что мы специально оставляли). Если вы делаете один большой пирог — то выкладываете тесто, разумеется, не кучками, а одним большим кольцом (посередине дырка), а сверху по кольцу — кубики сыра. Поставьте противень в холодную или чуть-чуть разогретую духовку, включите ее на 205 °С (обычная температура для выпечки) и выпекайте примерно 35 минут.

Готовые гужеры должны быть светло-золотистого цвета. Кубики сыра, что вы положили сверху, должны расплавиться, но не зажариваться.

Завтрак английский классический.

Английские завтраки — еда на любителя, они очень сытные, жирные и традиционные. Если вам придется останавливаться в английской гостинице типа «Bed and Breakfast», такой завтрак плюс кукурузные хлопья с молоком придется употреблять каждый день. Английский завтрак нельзя назвать частью уравновешенной диеты, и злоупотреблять им не стоит.

Ингредиенты. На 1 порцию: 1 толстая сосиска/сарделька, 2 полоски копченого бекона, кусок кровяной колбасы, 1 яйцо, несколько шампиньонов (можно использовать и другие, шампиньоны обладают довольно пресным вкусом), 1 помидор, порезанный пополам или кружками, 1/2 банки консервированной фасоли в томате, 2 толстых куска хлеба, сливочное и растительное масло.

Способ приготовления.

1. Фасоль выложить в сковороду, посыпать красным или черным перцем и хорошо прогреть. Пока готовятся остальные ингредиенты, не забывайте помешивать фасоль, чтобы избежать цементирования томата на дне сковородки. Томатный соус должен слегка загустеть; когда он готов к раскладыванию на тарелки, положите в него немного сливочного масла.

2. Далее сосиски и бекон. Намного вкуснее их жарить, но полезнее готовить на гриле. Их готовят при низкой температуре гриля, сначала сосиски, затем бекон (он готовится намного быстрее). Надо сказать, что сосиски, которые едят англичане, совсем не похожи на российские молочные, скорее это толстые, свиные и очень жирные сардельки.

3. В небольшом количестве сливочного и растительного масла обжарить грибы и томат. Томаты можно готовить и на гриле. Кровяная колбаса должна быть обжарена последней, вместе с яичницей-глазуньей.

4. Разогреть масло на сковороде, разбить туда яйцо и обжарить. Если вы обжаривали бекон на сковороде, положите в ту же сковородку хлеб и поджарьте его до корочки. В противном случае подсушите его в тостере. Второй способ — взболтать яйца венчиком и поджарить на сковороде.

5. Разложить все на одной тарелке и подавать с кетчупом.

Каплун — кастрированный и откармливаемый на жаркое петух.

Карпаччио (carpaccio) — итальянское блюдо, закуска. Тонко нарезанные ломтики говяжьего филе. Подается холодным с оливковым маслом и лимонным соком, или с майонезом, или с горчичным соусом. Сверху часто кладутся каперсы или лук.

Картофель синий — сорт картофеля с темно-синей кожей и насыщенно синей, почти фиолетовой тканью. Обладает прекрасным вкусом. Интересно выглядит жареным в масле и в пюре. Обязательный ингредиент в любимом американцами картофельном салате наряду с красным, сине-белым и желтым картофелем.

Кекс апельсиновый.

Ингредиенты: 1 стакан муки, 9 яиц, 1 апельсин, 2 столовые ложки крахмала, 1 стакан сахара, 150 г сливочного масла.

Способ приготовления. В растертое с сахаром масло постепенно ввести желтки, тщательно растереть, всыпать муку, крахмал, цедру с целого апельсина. В хорошо размешанное тесто ввести взбитые в крепкую пену белки, перемешать до однородного состояния и выложить в форму. Форму с тестом надо ставить в разогретую духовку на решетку, при температуре 200–220 °С. Кекс будет готов через 40–50 минут.

Кекс лимонный.

Ингредиенты.

Для теста: 2 стакана муки, 1 стакан сахара, 200 г размягченного сливочного масла, 1 лимон, 1 чайная ложка куркумы, 4 яйца, 1 чайная ложка соды, ванилин.

Для пропитки: 3–5 чайных ложек лимонного сока, 6 чайных ложек сахарной пудры.

Способ приготовления. Цедру лимона (верхний желтый слой корки) натереть на мелкой терке; сок выжать. Размягченное сливочное масло растереть с сахаром, ванилином, куркумой, яичными желтками, лимонным соком и цедрой. Добавить муку, смешанную с содой. Яичные белки взбить в крепкую пену и осторожно подмешать в тесто. Формочки (или одну большую форму) слегка смазать маслом и обсыпать мукой, молотыми сухарями или молотыми орехами. Лишнее стряхнуть. Тесто выложить в формочки и выпекать в предварительно разогретой до 180 °С духовке от 30 минут до 1,5 часа, в зависимости от формы.

Сделать пропитку: лимонный сок размешать с сахарной пудрой. Облить пропиткой еще горячие кексы.

Кексы имбирные (низкокалорийные).

Ингредиенты: 1 стакан муки, 1 слегка взбитый белок, 1/3 стакана меда, 1/3 стакана воды, 3 столовые ложки растительного масла, 1/2 чайной ложки разрыхлителя, 1/2 чайной ложки молотого имбиря, 1/2 чайной ложки молотой корицы, 1/4 чайной ложки соды, соль.

Способ приготовления. Смешать муку, разрыхлитель, имбирь, корицу, соду и соль. Отдельно смешать яичный белок, мед, воду и масло. Соединить обе смеси, слегка перемешать. Вылить тесто в формочки, застеленные бумагой для выпекания. Выпекать при 170 °С в течение 15–20 минут. Остывшие кексы посыпать сахарной пудрой.

Примерно 140 калорий.

Кир — напиток из смеси белого столового вина с черносмородинным ликером, изобретение которого приписывается Кэнону Ф. Киру (1876–1968), мэру Дижона.

Клафути. Этот восхитительный французский пирог обычно делают во Франции с вишнями, но подойдут любые фрукты по сезону, летом очень вкусно готовить его с черникой.

Ингредиенты. На 6 человек: масло для смазывания, две 400-граммовые банки вишен в сиропе, 100 г сахара, 125 г муки, щепотка соли, 3 яйца, 1/2 ванильного экстракта, 300 мл молока, сахарная пудра для украшения.

Способ приготовления.

1. Разогреть духовку до 180 °С. Маслом смазать форму (достаточно большую, чтобы вишни поместились в один слой). Положить вишни и посыпать 50 г сахара.

2. В миске смешать муку и соль, добавить сахар и постепенно вбить яйца, затем ваниль и медленно долить молоко, постоянно помешивая, чтобы не образовывалось комков.

3. Залить получившейся смесью вишни и запекать около 35–40 минут до золотистого цвета. Палочка или нож, воткнутые в пирог, должны выходить чистыми. Достаньте из духовки, посыпьте сахарной пудрой и подавайте с *fromage frais* (мягкий нежирный сыр; можно заменить густым йогуртом или густой сметаной).

Примечание. Для того чтобы усилить вишневый аромат, добавьте немного вишневого ликера в вишни. Как альтернативу вишням можете использовать ежевику или черную смородину.

Коктейль «Бакарди».

Ингредиенты: 100 г светлого рома «Бакарди», 30 г сока лайма, половина чайной ложки сахарного сиропа, чуть гренадина.

Способ приготовления. Смешать все ингредиенты в шейкере, наполовину наполненным кубиками льда. Хорошо встряхнуть. Разлить в коктейльные бокалы.

Коктейль «Маргарита» (мексиканский).

Ингредиенты (на 4 порции): соль, 4 лайма, 250 мл текилы (мексиканской кактусовой водки), 125 мл ликера «Куантро», кубики льда (по желанию).

Способ приготовления.

1. Положить соль на плоскую тарелку. Опустить края бокалов в сок лайма, затем в соль. Получится красивая окантовка бокалов. Стряхнуть излишек соли и отставить.

2. Соединить текилу, «Куантро» и оставшийся сок лайма. Разлить по бокалам, наполненным кубиками льда.

Коктейль «Сазерак».

Ингредиенты.

Вариант 1: 50 мл виски «Бурбон», 8 мл бренди (необязательно), 1 чайная ложка «Хербсейнт д'Анис» (замена: ликер «Перно»), 8 мл сахарного сиропа, 2 капли настойки-бальзама «Пешо Биттерз» (замена: «Ангостура»).

Вариант 2: 45 мл виски «Бурбон 4 Розиз» либо «Бренчмарк» или виски «7 Краун Сигрэма», несколько капель «Перно» или анисового ликера, 1–2 мл горькой настойки, 15 мл

простого сиропа.

Способ приготовления. Налить «Хербсейнт» в замороженный стакан, поболтать так, чтобы он покрыл стенки стакана, излишки вылить. Положить большой кубик льда в стакан и налить остальные ингредиенты, добавить завиток из лимона. Сбрызните пару капель «Перно» или анисовой в тщательно охлажденный старомодный бокал. Покрутите бокал в руке, чтобы вся внутренняя поверхность покрылась пленкой ликера. Остатки вылейте. Взболтайте виски с горькой настойкой и дробленым льдом, пока напиток не станет совсем холодным. Сцедите в подготовленный бокал. Выдавите на поверхность эфирное масло лимонной корки. Бросьте корку в напиток и подавайте. Иногда подается с кусками льда.

Коктейль «Cuba Libre».

Ингредиенты: 50 г светлого рома, сок половины лайма, кока-кола.

Способ приготовления. Налить сок лайма в высокий стакан поверх кубиков льда. Добавить ром, долить доверху колы, размешать.

Колбаски с эстрагоном в шампанском.

Ингредиенты. На 4 порции: 350 г говяжьей вырезки, 600 г жирной свинины, 2 зубчика чеснока, половина луковицы, 1/2 чайной ложки сухого майорана, 3/4 чайной ложки паприки, 1/4 чайной ложки толченого чеснока, 2 чайные ложки соли, 1/4 чайной ложки перца, 1 столовая ложка толченого эстрагона (тархуна) или 5 порезанных свежих листьев эстрагона, 1/4 стакана толченых орехов пекан, 1/2 стакана шампанского.

Способ приготовления. Тщательно промолоть все ингредиенты (кроме шампанского) вместе. Добавить шампанское и перемешать. Поставить на 1 час в холодильник. Слепить пирожки и положить в холодильник на полку на 12–24 часа. Обжарить, как пирожки с колбасками.

Креветки пьяные.

Ингредиенты (на 4 порции): 500 г креветок (средней и большой величины), 2 стакана темного пива, 2 чайные ложки крупно порубленного чеснока, 1 чайная ложка соуса «Табаско», 1 чайная ложка нарезанной петрушки.

Способ приготовления. Очистите креветки (или пропустите это действие, заставив гостей чистить их у себя в тарелке). Положите их в большую кастрюлю вместе с другими ингредиентами. Варите 5 минут или до тех пор, пока креветки не станут розовыми. Не переваривайте. Подавайте на стол горячими.

Кролик в белом вине.

Ингредиенты: кролик, порезанный на небольшие куски, 3–4 зубчика чеснока, оливковое масло для обжаривания, 1½–2 стакана белого вина (в зависимости от величины тушки кролика), сок 1 лимона, соль, петрушка свежая или сушеная, 8 шампиньонов.

Способ приготовления. На сковороде или в жаровне прогреваем масло, поджариваем в нем до золотистого цвета сначала чеснок (целиком) затем куски крольчатины. Когда поджарится, вливаем вино, кладем крупно нарезанные шампиньоны, петрушку, соль, сок лимона и тушим до выпаривания жидкости. Подавать можно с вареной или печеной картошкой.

Кролик в красном вине.

Ингредиенты: 1/2 кролика (примерно 1 кг), 100 г шпика, 2 столовые ложки растительного масла, 15 шт. чернослива, 1 стакан красного вина, 2 стакана воды, соль, перец, 1 лавровый лист, 2 столовые ложки сметаны, 1 столовая ложка пшеничной муки.

Способ приготовления. Половину кролика разделить на кусочки, натереть их солью, перцем и обжарить вместе со шпиком. Чернослив вымочить в вине, вместе с водой добавить к мясу, тушить 1,5 часа. Соус загустить мукой и сметаной.

Подавать с картофельным пюре и овощными салатами.

Крудитей.

4 моркови почистить и нарезать кружочками, 2 бельгийских цикория, 1 красный перец (мембраны и семена убрать) нарезать на кусочки величиной в 1/2 см, 1 луковица фенхеля, очищенная и мелко нарезанная, пучок редиса, очищенного, стакан мелких помидоров, отделенных от стеблей.

Кугель картофельный.

Ингредиенты: 1/4 стакана арахисового масла, 1 средняя луковица, 1½ кг красного картофеля, почищенного и порезанного на четыре части, 3 яйца, 3/4 стакана перемолотой мацы, 1 столовая ложка соли, 1/2 столовой ложки перца.

Способ приготовления.

1. Нагрейте 2 столовые ложки масла в среднего размера сковороде на среднем огне. Положите лук. Обжаривайте, помешивая, пока лук не станет мягким. Отложите.

2. Мелко нарежьте 1/3 часть приготовленного картофеля в кухонном комбайне, добавьте 1 яйцо, смешайте с картофелем до однородной массы. Добавьте 1/4 стакана перемолотой мацы; подсушите. Повторите все с оставшимися продуктами.

3. Смешайте картофельную смесь с луком, солью и перцем. Выложите в латку, полейте сверху оставшимися 2 чайными ложками масла.

4. Выпекайте при 175 °C 1 час или до того, как верх не станет коричневым, а по бокам не образуется корочка. Остудите в течение 10 минут. Нарежьте на куски и подавайте к столу.

Лазанья зеленая.

Ингредиенты (на 4–6 порций).

Для соуса бешамель^[44]: 50 г сливочного масла, 50 г пшеничной муки, 1/2 л горячего молока, соль, белый перец.

Для помидорно-мясного соуса болоньез^[45]: 1 средняя репчатая луковица, 1 морковь, 1 стебель черешкового сельдерея, 80 г шпика грудинки с прожилками мяса, 50 г сливочного масла, 150 г свиного фарша, 150 г говяжьего фарша, 125 мл красного вина, 2 столовые ложки томатной пасты, соль, черный перец, 2 гвоздички, 150 мл теплого молока, 150 мл овощного бульона.

Для теста: 200 г свежего шпината, соль, 250 г пшеничной муки, 2 яйца, соль и оливковое масло для воды, 80 г сливочного масла, 100 г свеженатертого молодого сыра пармезан.

Способ приготовления.

1. Пластинки лазаньи охладить под струей холодной воды, обтереть и высушить на кухонном полотенце.

2. Для соуса бешамель на небольшом огне сварить кашку из сливочного масла и муки. Молоко сначала добавлять понемножку, остаток вылить сразу, постоянно помешивая, посолить, поперчить и варить около 5 минут на умеренном огне.

3. Для соуса болоньез очистить лук, морковь и сельдерей и мелко нарезать вместе со шпиком. В чугунной или глиняной кастрюле с толстым дном вначале обжарить шпик, затем добавить лук и овощи и жарить, пока вода не испарится. Обжарить оба вида фарша. Залить вином, постоянно помешивая. Растворить томатную пасту и добавить к мясу, посолить, поперчить и приправить гвоздикой. Залить молоком и на очень слабом огне тушить около получаса при закрытой крышке. Время от времени подливать овощной бульон или горячую воду, чтобы рагу не получилось слишком сухим.

4. Для приготовления пластинок лазаньи удалить у шпината стебли, а листья вымыть, потушить, посолить, выжать и мелко нарезать. Вымесить тесто со шпинатом и дать ему постоять 15 минут. Подобрать жаростойкую форму для запеканок квадратной формы высотой не менее 5–6 см. Раскатать пластинки лазаньи по возможности тонко и около 1 минуты варить в кипящей подсоленной воде с оливковым маслом.

5. Разогреть духовку до 200 °С. Смазать форму сливочным маслом и налить тонкий слой соуса бешамель. Выложить пластинки лазаньи. Затем перемешать соусы бешамель и болоньез. Выкладывать слоями лазанью, соус, сыр, стружку из сливочного масла, опять лазанью. Слоев должно быть не менее 5–6. 12–15 минут запекать лазанью на самой верхней полочке духовки, чтобы на поверхности лазаньи образовалась аппетитная золотисто-коричневая корочка.

К этому блюду замечательно подходит зеленый или смешанный салат. На 4–6 порций.

Лепешки с сыром чеддер и тмином.

Ингредиенты: 3 стакана блинной муки, 2½ чайной ложки сахара, 1 чайная ложка семян тмина, 10 чайных ложек несоленого сливочного масла, нарезанного кусочками, комнатной температуры, 1 стакан густых сливок, 1 большое яйцо, взбитое с 1 чайной ложкой воды, 300 г тертого острого сыра чеддер (около трех чашек).

Способ приготовления.

1. Насыпьте муку, сахар и семена тмина в большую миску, добавьте масло с помощью ручного миксера. Взбейте до формирования грубых комков. Подлейте сливки и 1 столовую ложку взбитого яйца, добавьте 2/3 приготовленного объема тертого чеддера и взбейте до однородной массы. Откиньте тесто на поверхность, посыпанную мукой.

2. Руками, обсыпанными мукой, разделите тесто на две части. Раскатайте каждую часть в корж диаметром 15 см, намажьте коржи оставшимся количеством взбитого яйца, ровно посыпьте их остатками сыра. Разрежьте каждый корж на 6 сегментов, положите на большой противень в сантиметре друг от друга. (Лепешки можно предварительно готовить за день, положив их накрытыми в холодильник.)

3. Разогрейте духовку до 200 °С. Выпекайте до появления золотой корочки. По готовности остудите в течение приблизительно 25 минут. Подавайте теплыми.

Лук видалия — гибрид желтого лука, выращиваемый в штате Джорджия. По содержанию сахара не уступает яблокам.

Марсала — десертное крепкое виноградное вино.

Меренги ореховые с шоколадной глазурью.

Ингредиенты (приблизительно на 40 шт.): 150 г фундука, 2²/₃ стакана сахарной глазури, 4 чайные ложки обычной муки, белки 4 больших яиц, 3/4 стакана сахарного песка, 120 г горько-сладкого шоколада, поломанного грубыми кусками, 1/3 стакана густых сливок.

Способ приготовления.

1. Нагрейте духовку до 180 °С. Разложите фундук на противне и поместите в духовку на 15–20 минут, пока шелуха сверху не вздуется.

2. Выньте противень и дайте орехам остыть в течение 3 минут. Заверните орехи в полотенце и энергично потрите, чтобы сошла шелуха. Оставьте остужаться полностью.

3. Уложите пергамент на два противня.

4. Положите орехи, сахарную глазурь и муку в миску и размешайте миксером.

5. В большой миске взбейте миксером на большой скорости яичные белки.

6. Постепенно добавляйте туда сахарный песок, пока белки не станут блестящими, еще около 3 минут.

7. Резиновой лопаткой постепенно кладите ореховую смесь, пока она полностью не смешается с белками.

8. Полученной смесью наполните большой кондитерский шприц и выдавливайте оттуда меренги диаметром 1–1½ см и толщиной 3–3½ см на противни.

9. Поставьте в духовку на 15 минут. Поменяйте противни местами (верх на низ, низ на верх) и пеките еще половину от прошедшего времени. Меренги должны получиться желтого цвета, хрустящие. Дайте им остыть на противнях.

10. Пока меренги пекутся, приготовьте глазурь: вскипятите сливки и, когда закипят, немедленно облейте ими шоколад и дайте постоять 1 минуту.

11. Мешайте до получения ровной массы.

12. Облейте глазурью меренги и дайте постоять.

Можно хранить неделю в герметичной посуде.

Морские ушки — брюхоногие моллюски подкласса переднежаберных.

Моцарелла — сыр, который производится в северных районах региона Кампания, недалеко от Неаполя, а также в южных районах Италии, по соседству с Апулией и Базиликатой. Для приготовления сыра используется только самое свежее молоко буйволиц. В отличие от молока коров, молоко буйвола менее сладкое, оно жирнее и содержит в три раза больше кальция и белка. Это тонкий и нежный продукт, хранить который можно всего лишь несколько дней с момента производства. Характерные признаки свежести сыра — его поверхность чистая, без пятен, упругая, гладкая и влажная. Срез сыра как будто бы слоистый, словно луковица, особенно ближе к поверхности. По истечении десяти часов после производства сыра эти слои постепенно исчезают, и сыр начинает терять свою эластичность. Выступающие капли молока тоже говорят о свежести, а процесс таяния во рту в этом окончательно убеждает.

Мусс из форели.

Ингредиенты: желатин — 5 пластинок, копченая форель — 500 г, сливки (жирные) — 125 г, лимонный сок — 1–2 столовые ложки, соль, свежемолотый белый перец — по вкусу,

салата радиччио — 1 кочан.

Для соуса: белый винный уксус — 3 столовые ложки, острая горчица — 1 чайная ложка, масло — 3 столовые ложки, лук-шалот — 1 шт.

Способ приготовления. Снять с форели кожу, удалить косточки и с помощью миксера сделать пюре. Добавить сливки, лимонный сок, приправить солью и перцем. Желатин замочить на 10 минут в холодной воде, затем растворить на горячей водяной бане, добавить немного рыбной массы, перемешать и добавить в рыбный фарш. Наполнить муссом из форели форму, разровнять и держать в холодильнике под закрытой крышкой минимум 6 часов или всю ночь. Салат разобрать на листочки, вымыть и просушить. Уксус смешать с горчицей и маслом. Лук-шалот очень мелко порубить и добавить в соус. Выложить 4 тарелки листьями салата. От мусса отделить смоченной в горячей воде столовой ложкой кусочки и разложить их на салате.

Наполеон картофельный из перуанского синего картофеля.

Вы можете испечь картофельные коржи, пока варите картофель для пюре, или сделать это за четыре часа до этого.

Ингредиенты: 5 чашек куриного бульона нормальной крепости, 1 кг (около 5 среднего размера клубней) синего картофеля (можете взять красный), очищенного и нарезанного на четвертинки, 4 зубца чеснока, очищенных, 3/4 стакана нежирного молока, 3 чайные ложки сливочного масла или маргарина, картофельные коржи (рецепт приводится ниже), соль и перец.

Способ приготовления.

1. Налейте бульон и положите картофель и чеснок в 5–6-литровую кастрюлю и кипятите на большом огне. Накройте крышкой и варите, пока картофель и чеснок не станут очень мягкими, около 30 минут. Попробуйте вилкой. За пять минут до готовности картофеля соедините молоко и масло в кастрюле емкостью 1–1½ л. Нагревайте на среднем огне, пока масло не расплавится; держите теплым.

2. Слейте картофель, сохранив бульон. Разомните или размешайте картофель миксером в кастрюле, добавьте теплое молоко с маслом и 1/4 стакана оставшегося бульона. На восьми больших тарелках разложите поровну пюре и коржи так, чтобы коржи полностью накрывали пюре и еще оставалось. Наверх каждой порции поставьте один корж вертикально (выберите для этого самые маленькие коржи). Подавайте сразу, поскольку коржи становятся мягкими очень быстро; перед тем как подавать, посолите и поперчите по вкусу.

Картофельные коржи. Очистите 3 средних картофелины (около 600–770 г всего). Используя овощерезку, нарежьте картофель на равные кружочки толщиной 15 мм. Смажьте две сковороды размером 25 x 38 см 1 столовой ложкой оливкового или салатного масла. Разделите картофель на 2 равные части и разложите равномерно на сковороды, так чтобы кружочки частично заходили друг на друга не более чем на 1,5 см. Осторожно смажьте картофель 2 чайными ложками оливкового или салатного масла. Готовьте при температуре 180 °C до тех пор, пока картофель не станет коричневым и хрустящим, от 35 до 45 минут. Если отдельные участки станут коричневыми раньше других, укройте темные части фольгой. Слегка охладите коржи, выньте из сковородок при помощи деревянной ложки. Затем разломите каждый корж на 12 частей, приблизительно одного размера.

Омлет с джемом или конфитюром.

Ингредиенты: 3 яйца, 2 стакана молока, 1 столовая ложка сахара, 2 столовые ложки муки, соль по вкусу, растительное масло для жаренья, джем или конфитюр.

Способ приготовления. Из молока, яиц, сахара, муки и соли приготовить омлетную массу, а из нее — 8 тонких омлетов с золотистой корочкой (поджарить на растительном масле). Намазать омлеты джемом или конфитюром, закатать и сразу подать на стол (по 2 шт. на порцию). Такой калорийный вкусный омлет можно приготовить к завтраку — подается с кофе.

Орцо (orzo) — по-итальянски это значит «ячмень», но фактически означает мелкие макаронные изделия («паста»), похожие на рис. Орцо идеально для супов и как заменитель риса.

Оссо-буко (osso buco; ит. «полая кость»). Готовится исключительно из задней ноги тельца, на каждом куске обязательно должна быть косточка с костным мозгом.

Ингредиенты: 6 кусков мяса на косточке, 1/2 стакана муки, соль, перец, оливковое масло, 3 зубчика чеснока, нарезанных, 1 луковица кубиками, 6 помидоров — кубиками тоже, 1/2 пучка петрушки, 1 стакан белого вина, 1 столовая ложка апельсиновой цедры.

Способ приготовления.

1. Мясо обвалять в муке с солью и перцем, обжарить со всех сторон на оливковом масле в глубокой сковороде. Вынуть.

2. Обжарить в том же масле лук и чеснок.

3. Опять добавить мясо, половину помидоров и петрушки, вино, соль и перец, довести до кипения, тушить под крышкой до готовности 1–1,5 часа (можно запекать в духовке).

4. Добавить остаток помидоров, потушить еще

5 минут, положить остаток петрушки и цедру, перемешать, огонь выключить. Дать постоять под крышкой еще минут пять. (Рецепт из книги Аарони «Бишуль итальки»).

Паштет из тресковой печени.

Ингредиенты: 150 г мягкого творога, 50 г сливочного масла, 40 г тресковой печени, 10 г репчатого лука, соль, молотый перец, молоко.

Способ приготовления. Масло растереть в миске, добавить протертый через сито творог; хорошо размешать в однородный крем, добавить печень трески (без масла), мелко нарезанный репчатый лук, соль, молотый перец и снова хорошо перемешать. При желании можно добавить молоко.

Пальчики лимонные.

Ингредиенты.

Для корочки: 1 стакан муки, 1/4 стакана сахарной пудры, 1/2 стакана сливочного масла.

Для наполнителя: 2 взбитых яйца, 3/4 стакана сахарного песка, 1/2 чайной ложки питьевой соды, 2 чайные ложки лимонного сока (с тертой цедрой), 2 столовые ложки муки.

Для глазировки: 1½ стакана сахарной пудры, 3 столовые ложки сливочного масла, 1 столовая ложка молока, 1 чайная ложка лимонного сока.

Способ приготовления.

Корочка. Смешать ингредиенты блендером для теста. Положить в форму 22 x 22 см и печь 20 минут при температуре 160 °С.

Наполнитель. Хорошо перемешайте и размажьте по корочке. Верните в духовку на 20–25 минут при температуре 160 °С.

После того как остынет, покройте глазурью.

Пирог лимонный с имбирем.

Ингредиенты (на 12 порций): 2 стакана сахара, 3/4 стакана сливочного масла, разогретого до комнатной температуры, 4 больших яйца, 3 чайные ложки лимонного сока, 1 чайная ложка тертой лимонной цедры, 1 чайная ложка ванилина, 3 стакана муки, 1 чайная ложка размолотого имбиря, 1 чайная ложка корицы, 1 чайная ложка пищевой соды, 1 чайная ложка разрыхлителя, 1/2 чайной ложки соли и 1¼ стакана пахты.

Глазурь: 300 г сливочного сыра, нагретого до комнатной температуры, 1 стакан несоленого масла, нагретого до комнатной температуры, 3 чайные ложки свежего лимонного сока, 3 чайные ложки тертой лимонной цедры, 1¼ чайной ложки ванилина, 4¾ стакана сахарной пудры, предварительно просеянной.

Способ приготовления.

Для пирога. Поставьте полку в духовке на среднее положение и нагрейте духовку до 180 °С. Смажьте маслом две формы диаметром 22,5 см и стенками высотой 5 см. Выложите дно форм вощеной бумагой, смажьте маслом бумагу. С помощью электрического миксера хорошо взбейте сахар со сливочным маслом в глубокой миске. Добавляйте яйца по одному, взбивая после каждой добавки. Влейте лимонный сок, положите цедру и ванилин (смесь может выглядеть свернувшейся). Просейте муку, имбирь, корицу, разрыхлитель, соду и соль в миску средней величины, добавляйте к масляной смеси тремя порциями, начиная с сухих ингредиентов. Разделите тесто на равные части и положите в обе подготовленные формы. Пеките, пока не образуется коричнево-золотая корочка, около 45 минут. Выньте формы. Остудите в течение 10 минут. Маленьким острым ножом освободите пирог от стенок. Выньте пирог из форм. Остудите полностью. Снимите вощеную бумагу. Если решили подавать на следующий день, заверните в полиэтиленовую пленку и храните при комнатной температуре.

Для глазури. С помощью электрического миксера взбейте сливочный сыр, масло, лимонный сок с 2 чайными ложками цедры и ванилином до получения ровной массы. Намажьте один пирог содержимым одного стакана глазури. Положите второй пирог на него и лопаточкой намажьте весь пирог сверху и с боков красивыми завитками. Посыпьте верх пирога оставшейся 1 чайной ложкой лимонной цедры.

Поскольку в пироге довольно много специй, то его лучше подавать к столу на следующий день после выпечки, дав ему хорошо пропитаться.

Пирог с каплунами.

Ингредиенты.

Для теста: мука — 2¼ стакана, маргарин — 125 г, сметана — 1/2 стакана, вода — 1/2 стакана, сода, соль на кончике ножа, сахар — 1 столовая ложка.

Для начинки: мясо каплуна — 300 г, горсть риса, лук, морковь, чеснок, специи, сливочное масло.

Способ приготовления. Маргарин порубить с мукой, добавить остальные компоненты, замесить крутое тесто. Разделить на 2 части и положить в холодильник. Куриное мясо порезать мелко, посолить, поперчить и обжарить на растительном масле. Рис отварить. Лук,

морковь обжарить. Все перемешать, добавить любые специи и чеснок. При необходимости посолить и поперчить. В форму выложить одну часть теста, оставить края, чтобы загнуть. Затем выложить начинку. Чтобы пирог не был сухим, можно добавить сливочного масла (несколько маленьких кусочков). Сверху накрыть второй частью теста. Края защепить, в центре вырезать небольшой кружочек. Печь при температуре 200 °С до золотистого цвета. Если останется начинка, ее можно съесть как салат, добавив майонез и свежую зелень.

Пирог с лисичками.

Ингредиенты.

Для теста: мука — 2 стакана, сливочное масло — 2 столовые ложки, сметана или простокваша — 2 столовые ложки, сода — 1/4 чайной ложки, соль — 1/2 чайной ложки, яйцо (для смазывания) — 1.

Для фарша: грибы (лисички) — 2 стакана, зеленый лук (измельченный) — 2 стакана, яйцо (вкрутую) — 2 шт., растительное масло — 4 столовые ложки, соль и перец — по вкусу.

Способ приготовления. Замесить тесто. Грибы и яйца порубить, смешать с луком, добавить масло, соль, перец, затем охладить. Фарш выложить на раскатанное тесто и сделать пирог. Печь обычным способом в духовке.

Пирог шахматный.

Ингредиенты: 3 стакана муки, 2 стакана сахара, 6 яиц, 6 столовых ложек сметаны, 1 чайная ложка соды. 250 г сливочного масла, 2 столовые ложки какао.

Способ приготовления. Белки отделить от желтков и взбить отдельно. В желтки добавить масло, сахар, сметану и взбить. Всыпать муку, взбитые белки, соду и замесить тесто (должно быть однородным). Разделить тесто на две части. В одну добавить какао-порошок и хорошо перемешать. На смазанный маслом противень кладут рядом ложку «белого» и ложку «черного» теста, чередуя их в шахматном порядке. Ложку следует набирать не слишком полную, так как пирог будет расти. Пекут в духовке около 40 минут при температуре 200 °С. Проверить готовность можно спичкой: воткнуть спичку в пирог, вытащить, и если на ней будет тесто, то продолжать печь. Пирог получается большой и высокий, так что берите противень повыше.

Полента (или мамалыга) широко употребляется в Северной Италии. Она делается из кукурузной муки, и ее можно есть холодной, горячей, твердой, мягкой и сладкой или соленой. Полента традиционно делается замешиванием кукурузной муки в воду в большом медном котле, затем она мешается деревянной ложкой в течение 40 минут или пока масса не загустеет достаточно, чтобы держаться на ложке. Затем она остужается в круглом подносе, разрезается на кусочки и подается. Полента богата углеводами, малокалорийна, и ее можно есть очень просто с маслом и сыром, как гарнир к мясу, рыбе или овощам или как соус.

Помидоры-черри фаршированные.

Ингредиенты: помидорки-черри, сыр тертый, икра черная.

Способ приготовления. Из помидорок вырезать мякоть, наполнить икрой, посыпать сверху тертым сыром. Выложить помидорки на листья салата на тарелку.

«Поросята в одеялах» — почти то же, что и «ангелы верхом»: устрицу перчат, солят,

заворачивают в ломтик бекона и кладут на сильно разогретую сковородку. Снимают сразу же, как бекон подрумянится. Подают горячими.

Портобелло — один из видов шампиньонов. В США эти грибы называют «мясом вегетарианцев».

Прошутто (prosciutto; *ит.* «ветчина»). Этот термин повсеместно используется для обозначения выдержанной, просоленной (но не копченой) и высушенной на воздухе ветчины. Мясо после этого кладется под пресс, чем достигается плотность его текстуры. Настоящим прошутто считается пармская ветчина. Итальянские прошутто делятся на prosciutto cotto (вареная ветчина) и prosciutto crudo (сырая ветчина). Прошутто — классическая закуска. Подается с фигами или дыней.

Птифуры (petit fours) — это маленькие пирожные, в которых крем находится между двумя печеньями.

Способ приготовления. Приготовить песочное тесто, охладить и раскатать в пласт толщиной в полсантиметра. С помощью рюмки нарезать его кружочками чуть больше пятикопеечной монеты. Разложить печенье на смоченный водой лист и печь в горячей духовке в течение 8–10 минут. Снять печенье с листа широким ножом и остудить.

Пудинг сливовый.

Ингредиенты: 2 яйца, масло — 1/2 стакана, коричневый сахар — 1 стакан, сливы — 2 стакана, мука — 1 стакан, соль — 1/8 чайной ложки, сода — 1 чайная ложка, молоко — 1 столовая ложка.

Для крема: 1 яйцо, растопленное масло — 5 столовых ложек, сахар — 1,5 стакана, густые (30 %) сливки — 1 стакан.

Способ приготовления. Сварить сливы и сделать из них пюре. Взбить яйца. Растопить масло. Смешать яйца, масло и сахар. Смешать это со сливовым пюре. Просеять муку с солью. Растворить соду в молоке. Все смешать. Выложить в смазанную маслом форму, накрыть фольгой, поместить форму в емкость с горячей водой и запекать на пару в духовке 1¼ часа при 180 °С. Подать с кремом.

Крем. Взбить в пену яйцо, взбивая, добавить масло, сахарную пудру, смешать, добавить взбитые сливки. Охладить.

Радиччио (radicchio, итальянский цикорий) — очень живописный салат, относящийся к цикорным. Листья салата вначале зеленые, но после заморозков они краснеют, приобретая различные оттенки от розового до бордового, при этом жилки остаются белыми. Кочанчики обычно маленькие, более-менее плотные, округлой или вытянутой формы. При покупке надо выбрать плотные кочанчики со здоровыми листьями. Вкус у салата насыщенный, горький. Хорошо сочетается с различными соусами и заправками. Можно есть свежим, но также жареным и тушеным.

Рубец отварной.

Способ приготовления. Свежий, тщательно вымытый рубец ошпарить кипятком, очистить ножом и снова промыть в холодной воде; нарезать крупными квадратами или

свернуть рулетом и связать нитками, положить в кастрюлю, залить холодной водой, добавить соль, перец, лавровый лист, 1 морковь, 1 петрушку, 1 головку лука и поставить варить на 4–5 часов. Сваренный рубец нарезать в виде лапши и заправить белым соусом, приготовленным на бульоне. В белый соус можно добавить томат-пюре. Рубец можно подавать и холодным, нарезав тонкими ломтиками.

Рукола — съедобное растение, листья которого употребляются для приготовления салатов.

Рыба-удильщик (или морской черт), жаренная на гриле с мидиями и подпущенным шпинатом.

Ингредиенты (на 6 персон): 1 кг филе удильщика без кожи, порезанного кусочками толщиной 2–3 см; поваренная соль; молотый черный перец; оливковое масло; 24 свежих мидии; 1/8 чайной ложки шафрана (по желанию); сухое белое вино; 1 головка лука-шалота, почищенная и мелко нарезанная; 3 средних помидора; 1 головка чеснока, почищенная и нарезанная; 1 чайная ложка семян фенхеля; 2 пучка свежего шпината, хорошо помытого; 2 чайные ложки разогретого несоленого сливочного масла; 1 чайная ложка свежего эстрагона, порубленного (только не сухого, при отсутствии свежего — заменить 2 чайными ложками нарубленной петрушки); 1 чайная ложка свежей нарубленной петрушки.

Способ приготовления.

1. Рыбу слегка посолить и поперчить, облить двумя чайными ложками оливкового масла и отложить.

2. Очистить мидии и несколько раз промыть холодной водой. Если кладете шафран, то вымочите его нити несколько минут в белом вине.

3. Поджарьте рыбу на гриле по несколько минут каждую сторону. Снимите и держите в тепле.

4. Подогрейте белое вино в закрытой кастрюльке с помидорами, луком-шалотом, чесноком и семенами фенхеля. Положите мидии и готовьте на среднем огне, пока раковины не раскроются.

5. Потомите шпинат с оставшимися двумя чайными ложками оливкового масла в большой латке, добавьте соль и перец.

6. Выньте мидии и держите теплыми вместе с рыбой.

7. Положите 2 чайные ложки сливочного масла в жидкость от варки мидий и добавьте порубленную зелень.

8. Сделайте ложе из шпината в центре каждой тарелки и положите кусочки рыбы на шпинат. Положите по 4 мидии на край каждой тарелки и полейте рыбу жидкостью от варки мидий и овощным соусом из кастрюльки. Избегайте попадания песка, который может быть на дне кастрюльки. *(Рецепт из книги Брэдли Огдена «Завтрак, обед и ужин»).*

Салат бостонский — элитный сорт салата. Листья мягкие и маслянистые, бледно-зеленого цвета.

Салат из кактусовых листьев — «листья» («нопалес») нескольких видов мексиканских кактусов едят как овощи. Их мякоть напоминает по вкусу перцы или спаржу. Богаты бета-каротином и витамином С, а также содержат железо и некоторое количество

витамина В. Широко используются в мексиканской кухне.

Салат из утки.

Ингредиенты: 350 г вареного мяса утки, 200 г сваренного в мундире картофеля, 150 г свежих огурцов, 300 г майонеза.

Способ приготовления. Мясо утки нарезать маленькими кусочками, очищенный картофель и огурцы нарезать кубиками. Все смешать с майонезом, слегка посолив.

Сен-Андре — мягкий зрелый сыр в традиции бри и камамбера.

Сорго лимонное — многолетнее травянистое тропическое растение семейства злаков. Из свежей травы лимонного сорго получают эфирное масло с запахом лимона (отсюда название), содержащее цитраль, гераниол и другие вещества. Используется в парфюмерной и пищевой промышленности, а также как средство против moskitov, мухи цеце и другие насекомых.

Соус бешамель.

Ингредиенты: молоко — 3 стакана или по 1½ стакана молока и белого мясного (рыбного) бульона, лавровый лист — 1 шт., лук репчатый — 1 небольшая луковица, масло сливочное — 4 столовые ложки, мука пшеничная — 1/3 стакана, соль — 1/2 чайной ложки, молотый душистый перец — щепотка.

Способ приготовления. Мелко нарезанный лук и лавровый лист залить молоком (или молоком и бульоном) и вскипятить. Дать отстояться (10–15 минут) и процедить. Пассеровать на сливочном масле муку до золотистого цвета и тонкой струйкой при постоянном помешивании влить в нее молоко или бульон с молоком. Снова прокипятить, непрерывно помешивая, затем добавить соль, перец и варить на слабом огне еще 20 минут. Не забывайте постоянно мешать соус лопаткой во избежание образования комочков. Готовый соус процедить.

В среднем из данного количества продуктов получается 2 стакана соуса.

Соус болоньез.

Ингредиенты (на 6 порций): оливковое масло — 2 столовые ложки, нарезанная морковь — 2 шт., крупная луковица — 1 шт., измельченный корень сельдерея — 1 шт., фарш (говяжий) — 500 г, чеснок (измельченный) — 1 зубчик, консервированные томаты — 500 г, томатная паста — 2 столовые ложки, сахар — 2 чайные ложки, соль по вкусу, бульонный мясной кубик — 1 шт., сухая зелень орегана — 1 чайная ложка, черный молотый перец — 1 чайная ложка, петрушка (измельченная) — 1/4 стакана.

Способ приготовления. Пожарьте морковь, лук и сельдерей в оливковом масле до мягкости. Выложите фарш в овощную массу и пожарьте на сильном огне до золотистого цвета. Выложите томаты с томатным соком в сковородку с фаршем, добавьте томатный соус, мясной бульонный кубик, сахар, соль, чеснок, ореган и черный перец. Разомните помидоры. Доведите до кипения, потомите еще 15 минут. Посыпьте зеленью.

Соус густой к пудингам и кексу.

Ингредиенты: 1/2 стакана сливочного масла, 100 г сливочного сыра, 3/4 стакана белого

сахара, 2 столовые ложки лимонного сока, 1/2 чайной ложки шафрана, 1 чайная ложка ванильного экстракта, 1/4 стакана желтого изюма, 1/4 стакана коринки.

Способ приготовления. Смешайте шафран и охлажденный сливочный сыр. Взбейте масло и сливочный сыр вместе до легкого и воздушного состояния. Вмешайте остальные ингредиенты и охладите до комнатной температуры.

Соус манговый. Смешать мед с лимонным и манговым соком, добавить цедру.

Тамалес — традиционное мексиканское блюдо, история которого насчитывает более пяти тысяч лет. Приготовление блюда начинается со смеси кукурузной муки с водой и жиром. Затем в эту смесь добавляется мясо или сыр и специи по вкусу. Все это заворачивается в кукурузный лист.

Тапенад — пастеризованная масса, приготавливаемая из маслин, каперсов, анчоусов, горчицы, базилика и петрушки. Подается к макаронам, мясу в качестве приправы, а также используется как маринад или добавка при тушении мяса.

Способ приготовления. *На 500 мл:* соединить в миксере 350 г черных маслин без косточек, маленькую баночку анчоусов (не сливая соус), 1 столовую ложку каперсов, 2 зубчика чеснока и немного соли и черного перца. Смешивать, пока все хорошо не соединится вместе. Не выключая миксера, тонкой струйкой влить 150 мл оливкового масла и добавить 1 столовую ложку темного рома.

Тирамису — одно из самых знаменитых итальянских блюд. Для приготовления классического тирамису необходимы маскарпоне — молодой мягкий сыр с добавлением сметаны или сливок и савойарди — воздушное пористое печенье в форме трубочек. Однако существует множество вариантов с добавлением фруктов, ягод, шоколада и различных алкогольных напитков. Кроме того, есть немало рецептов вкусных тортов с тем же названием, для которых используется крем на основе сыра маскарпоне и бисквитных коржей. Если вы не смогли купить маскарпоне, то для торта или десерта используйте смесь из нежного сливочного сыра или жирного творога с добавлением сливок, масла или молока.

Тирамису с марсалай.

Ингредиенты.

Для основы: сахар — 4 столовые ложки, вода — 1/2 стакана, яйцо (желток) — 4 шт., марсала — 1 столовая ложка, сыр сливочный — 120 г, сыр маскарпоне — 180 г, сливки взбитые жирные — 1 стакан, печенье «дамские пальчики» — 24 шт.

Для пропитки: кофе крепкий — 2 стакана, марсала — 2 столовые ложки, ром — 1 столовая ложка, сахар — 2 столовые ложки.

Для украшения: какао-порошок сладкий — 2 столовые ложки, шоколад тертый — 2 столовые ложки.

Способ приготовления. При помощи миксера хорошо взбить яичные желтки. Воду с сахаром слегка нагреть и влить в желтки, не прекращая взбивать, пока не получится пышная белая масса. Добавить сливочный сыр и продолжать перемешивать, потом добавить марсалу и сыр маскарпоне. В последнюю очередь добавить взбитые сливки. Смесь охладить. Для пропитки смешать кофе, марсалу, ром и сахар. Смесь слегка нагреть. В охлажденную смесь

для пропитки опустить печенья. На тарелку выложить слой пропитанных печений, слой сырной массы, слой печенья и снова слой сырной массы. Сверху посыпать какао. Поставить блюдо в холодильник на 2 часа, после чего посыпать тертым шоколадом.

Уксус бальзамический — это темный итальянский уксус, который готовят из виноградного сока. Его долго выдерживают в деревянных бочках, и он обладает сладким, но сильным запахом. Используют в заправках, подливках или как приправу к мясу.

Утка в бальзамическом уксусе.

Ингредиенты: 5 чайных ложек бальзамического уксуса, 4 половинки утиной грудки, крупная соль, черный перец, 1 дополнительная чайная ложка бальзамического уксуса для обрызгивания.

Способ приготовления. Острым ножом сделайте на утиной коже параллельные надрезы по диагонали на расстоянии 1 см, чтобы получилась ромбовидная клетка. Постарайтесь не надрезать мясо. Налейте 5 чайных ложек бальзамического уксуса в неглубокую посуду, способную поместить 4 половинки грудки. Положите утиные грудки кожей вверх. Закройте и оставьте мариноваться в течение 20 минут при комнатной температуре. Жарьте на решетке или в духовке согласно данной ниже инструкции. Закройте фольгой и дайте постоять 5 минут, после чего нарежьте тонкими ломтиками. Посыпьте солью и перцем. Сбрызните остатками бальзамического уксуса. Подавайте в горячем виде.

Жарение на открытом воздухе на гриле. Положить грудки на гриль кожей вниз и жарить до появления корочки 5 минут, перевернуть и жарить до состояния средней прожаренности еще 8 минут и 10 минут до хорошей прожаренности.

В помещении. Разогрейте духовку до 200 °С. Предварительно подогрейте латку на среднем огне. Положите в нее утку кожей вниз и жарьте до появления корочки в течение 5 минут. Переверните и жарьте до состояния средней прожаренности еще 8 минут и 10 минут до хорошей прожаренности.

Фарфалле — паста сложной формы в виде бантиков (бабочек).

Феттучини — вид пасты в форме узких полосок.

Флип — напиток типа гоголя-моголя. Это не столько спиртной, сколько питательный напиток и, пожалуй, может быть отнесен к категории «дамских».

Способ приготовления. Сырое яйцо взбивают с сахаром или ликером до однородной пенной массы; переносят взбитую массу в миксер; добавляют коньяк или вино и кусочки льда, сильно встряхивают; переливают в бокал через миксерное сито и сверху немного посыпают тертым мускатным орехом.

Фокаччия (focaccia) — итальянский хлеб с оливковым маслом. Большой и плоский, часто ароматизирован травами, иногда с начинкой из ветчины или сыра.

Фриттата (frittata).

Ингредиенты: 6 взбитых яиц, 30 г тертого сыра пармезан, 1/2 чайной ложки черного перца, щепотка соли, 1 чайная ложка сливочного масла, 1/2 стакана рубленой жареной

спаржи, 150 г рубленой деревенской ветчины, 1 столовая ложка нарезанных листьев петрушки.

Способ приготовления. Включите духовку на режим жарения. В среднего размера миске вилкой смешайте вместе яйца, пармезан, перец и соль. Нагрейте сотейник с огнеупорными стенками до не очень высокой температуры. Расплавьте в нем сливочное масло. Положите туда спаржу и ветчину и тушите 2–3 минуты. Добавьте яичную смесь и размешайте резиновой лопаткой. Варите 4–5 минут, пока яичная масса не поднимется наверх. Посыпьте петрушкой. Поставьте в духовку на 3–4 минуты, пока не образуется коричневая корочка. Выньте и разрежьте на 6 порций. Подавайте сразу по готовности.

Хаварти — полутвердый датский сыр с пористой текстурой и мягким вкусом.

Хлеб кукурузный — один из видов «быстрого» хлеба, то есть хлеба, не требующего поднятия теста. Традиционное блюдо деревенской кухни в США (особенно в южных штатах). Этот хлеб вы можете есть сразу, как только вынули его из печи, — только убедитесь сначала, что у вас достаточно масла, меда и кленового сиропа для его украшения. Время приготовления — 1 час.

Ингредиенты: 2 стакана пшеничной муки, 1¼ стакана кукурузной муки грубого помола, 6 столовых ложек сахара, 2 столовые ложки разрыхлителя, 1¼ чайной ложки соли, 2 яйца, 1½ стакана молока или 1 стакан простокваши (несладкого йогурта) или сметаны и 1/2 стакана молока, 1/4 стакана топленого масла, 1/2 стакана мелко нарезанного лука (необязательно), 2 чайные ложки сухого или 2 столовые ложки свежего укропа (необязательно).

Способ приготовления. Разогрейте печь до 200 °С. Смешайте сухие ингредиенты в большой миске. В другой миске, поменьше, взбейте яйца, добавив молока или молока с йогуртом или сметаной, чтобы хлеб был более сдобным. Сделайте в муке углубление, в которое влейте яичную смесь. Хорошо перемешайте. Для особого вкуса добавьте лук и укроп. Растопите большой кусок масла на сковороде и вылейте в тесто. Выпекайте на средней полке духовки 30–40 минут, пока корочка не станет светло-коричневой.

Цветы тыквы.

Ингредиенты: 20–25 цветков тыквы, 2/3 стакана молока, немного муки, 1/2 чайной ложки соли, 1/2 стакана растительного масла.

Способ приготовления. Соберите большие цветки тыквы ранним утром до того, как они откроются. Тщательно смешайте молоко, муку и соль. Разложите цветки на большой неглубокой сковороде и ложкой полейте мучной смесью со всех сторон. Разогрейте масло до температуры, необходимой для приготовления жареного картофеля. Осторожно положите цветы в горячее масло и оставьте до тех пор, пока они не приобретут золотисто-коричневый оттенок. Высушите бумажным полотенцем и подавайте как оладьи или гарнир к супу.

Чай зеленый «порох» (Gunpowder Green Tea) — чай, свергнутый в шарики, разворачивающиеся в горячей воде.

Чай ирландский.

Способ приготовления. 15 мл виски «Айриш Мист», 1 капля горькой настойки

(бальзама) «Ангостура», 125 мл горячего черного чая, подслащенного по вкусу.

Чилпотль — зрелый перец халапеньо, сушеный на дыму.

Крем с перцем чилпотль.

Ингредиенты: 4 стакана густых сливок вскипятить в кастрюле с толстыми стенками так, чтобы после кипячения осталось на четверть объема меньше. Одну чайную ложку поваренной соли и 1 чайную ложку консервированного пюре из перца чилпотль, 1 чайную ложку томат-пасты, выжатый сок одного лайма (по желанию).

Способ приготовления. Поставить уменьшенный объем сливок кипятиться в более мелкой посуде, внимательно следя, чтобы не перекипятить, уменьшить огонь, добавляя все составляющие. Остудить в течение 2 минут.

Шиитаке — это грибы, обладающие целебными свойствами и приятные на вкус. В Древнем Китае шиитаке считались лучшим средством для активизации «ци» — внутренней жизненной силы, циркулирующей в организме человека. Внешне шиитаке напоминает луговой шампиньон: форма шляпки — зонтикообразная, сверху она кремово-коричневая или темно-коричневая, гладкая или покрытая чешуйками, а вот пластинки под шляпкой — светлее.

Штрудель яблочный.

Ингредиенты.

Для теста: мука — 1½ стакана, масло растительное — 3 столовые ложки, масло сливочное — 1 столовая ложка, соль — по вкусу, вода — 1/2 стакана.

Для начинки: яблоки — 1–1½ кг, сахар — ¾ стакана, изюм (без косточек) — 100 г, орехи (миндаль или любые другие измельченные орехи) — 100 г, ром — 50 мл, сухари панировочные — 3 столовые ложки, корица молотая — 1/2 чайной ложки.

Способ приготовления. Муку просеять, добавить соль, влить теплую воду, растительное масло и все хорошо перемешать. Накрыть емкость с тестом полотенцем и оставить на 30 минут. Яблоки вымыть, снять кожицу, удалить сердцевину и нарезать тонкими дольками. Перемешать дольки с сухарями, сахаром, орехами, корицей и изюмом, предварительно залитым ромом. Разделить тесто на 4 равные части. Чтобы слой теста был тонким и в процессе готовки не порвался, раскатайте его на кухонном полотенце, посыпанном мукой. Слой теста должен быть прозрачным! Готовые пласты теста смазать растопленным сливочным маслом. Затем равномерно разложить начинку, оставляя края (около 2 см) пустыми. Скатать пласты теста с помощью полотенца в рулет и смазать его сверху сливочным маслом. Выпекать в предварительно нагретой духовке до золотистого цвета, периодически смазывая поверхность штруделя сливочным маслом. Готовый штрудель украсить сахарной пудрой.

Эмпанадас — аргентинские пирожки из тонкого теста.

Способ приготовления.

Для начинки: в 1 столовой ложке оливкового масла обжарить мелко порезанный лук — 2 головки. Долить 125 г воды и доварить до испарения жидкости. Добавить очень мелко порезанную говядину — 250 г, 2 столовые ложки изюма, по половине чайной ложки тмина, красного острого перца и соли. Подрумянить.

Для теста: растереть руками в комковатую массу 250 г муки, 125 г сливочного масла, 1 чайную ложку соли. Подлить воды, чтобы получилось крутое тесто. Раскатать до толщины 3 мм, вырезать кружки диаметром 12 см. Положить по 1½ ложки начинки, края теста смочить водой и защипать. Печь при 200 °С на сухом противне 5–10 минут до румяности.

Ямс — вид растений рода диоскорея со съедобными клубнями.

Bûche de Noël (*буш-де-ноэль*) — рождественский торт в форме полена.

Crème anglaise — французское название сладкого крема из сахара, яичных желтков и молока с добавлением ванили.

Le mesclun — это смесь из различных сортов салата и ароматических трав (например, листьев одуванчиков, цикория, кервеля, салата латука). Вкус специфический, но блюдо очень полезно.

Masa harina — *исп.* кукурузная мука (мексиканское название).

Torta — *ит.* пирог (*букв.* тесто).

Torta со шпинатом.

Ингредиенты.

Для теста: мука — 200 г, оливковое масло — 1 столовая ложка (10 мл), холодная вода — 100 мл, немного соли.

Для начинки: шпинат — 500 г (в свежем виде), масло сливочное — 3 столовые ложки, творог — 200 г, йогурт — 50 г, желтки — 4 шт., тертый пармезан — 4 столовые ложки, соль, перец.

Способ приготовления.

1. Муку смешиваем с солью и вмешиваем в нее масло и воду. Вымешиваем до тех пор, пока не станет гладким. Разделяем на 4 равных шарика и оставляем в прохладном месте на полчаса.

2. В это время готовим начинку. Шпинат отвариваем с солью, отбрасываем на дуршлаг и даем воде стечь. Творог протираем с солью и йогуртом.

3. Тесто раскатываем на коржи не толще чем 2 мм. Берем форму диаметром 20 см (лучше разъемную). Смазываем маслом. Дно выстилаем двумя слоями теста таким образом, чтобы они нахлестывались один на другой и со всех сторон формы свисало тесто. На дно выкладываем шпинат. Поверх шпината — творог. Разравниваем и делаем в твороге 4 выемки. На дно каждой кладем по маленькому кусочку сливочного масла. В каждую выемку выливаем по желтку, солим желтки, перчим весь пирог. Из оставшихся двух пластов вырезаем круги по диаметру формы. Накрываем пирог первым пластом, промазываем его оливковым маслом, накрываем вторым пластом, промазываем оливковым маслом. Теперь аккуратно накрываем краями первых 2 пластов, которые свисают по бокам. Причем накрываем как одеялом, то есть делаем складочки.

4. Выпекать в горячей духовке примерно час.

Zuppa di pesce — *ит.* рыбный суп.

Ингредиенты (на 4–6 порций): 1–1½ кг свежей рыбы, например морского окуня, морской щуки, мороне, леща, 200 г креветок, 250 г кальмаров, осьминогов, маленьких каракатиц, 400 г венериных ракушек, 400 г мидий, 400 г помидоров, 1 средняя репчатая луковица, 3 зубчика чеснока, 2 моркови, 2 стебля черешкового сельдерея, 1/2 клубня фенхеля, 1/2 стручка острого перца пеперони, 80 мл натурального оливкового масла высшего сорта, 250 мл сухого белого вина, морская соль, черный перец, 6 веточек гладколистной петрушки.

Способ приготовления.

Рыбу с косточками тщательно очистить, крупную рыбу разрезать на куски. Отрезать головы и вынуть жабры, иначе суп может получиться горьким. Кальмары разделать, вымыть, мелкие щупальца оставить целыми, крупные нарезать. Челюсти и известковую пластинку удалить, туловище нарезать колечками. Осьминогов нарезать кусочками толщиной по 1 см.

Ракушки вымыть в холодной воде и как следует очистить. Раковины, которые при этом не раскроются, выбросить.

Помидоры обдать кипятком, снять кожицу и удалить семена. Лук, чеснок, морковь, сельдерей, фенхель и маленький кусочек пеперони очистить, не очень мелко нарезать и обжарить в оливковом масле.

Когда лук подрумянится, добавить каракатиц, кальмаров и осьминогов, залить стаканом белого вина и 1 л горячей воды и варить около 45 минут. Затем добавить ракушки. Когда они откроются, вынуть и поддерживать в теплом состоянии. Нераскрывшиеся ракушки выбросить. В супе остаются каракатицы, кальмары и осьминоги. Добавить помидоры и опять довести суп до кипения.

Когда суп уварится, вынуть каракатиц, кальмаров и осьминогов. Загустевший суп разбавить горячей водой и оставшимся белым вином и опустить в него мелкую костлявую рыбу и рыбы головы.

Примерно через 20 минут выловить шумовкой всю рыбу и протереть через сито. Это придаст супу аромат. Большие куски рыбы опустить в суп, если надо, добавить еще горячей воды и немного поварить. Примерно через 10 минут вновь опустить в суп каракатиц, осьминогов, кальмаров, креветки и ракушки. Еще раз как следует разогреть суп, посолить, поперчить (в зависимости от того, сколько было использовано пеперони). В заключение мелко нарезать гладколистную петрушку и перемешать с супом.

Подавать на чесночном хлебе.

notes

Уолл-стрит — улица в Манхэттене, где находятся фондовая биржа и основные банки, цитадель финансового капитала США. — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Советы Элоизы» — популярная колонка для домохозяек во многих американских газетах и журналах.

Этельред II Нерешительный (968–1016) — король Англии в 978–1016 гг.

Здание Крайслера — одна из достопримечательностей Манхэттена, небоскреб, построенный в стиле ар-деко.

Джакоб Марли — персонаж пьесы Тома Мулы «Рождественская песенка Джакоба Марли».

La puta (*исп.*) — шлюха.

Быстро (*ит.*).

Нью-Эйдж (New Age) — модное в Америке религиозное эклектическое учение.

Орсон Уэллс (1915–1985) — режиссер, актер, сценарист, продюсер.

Хазерай (*идши*) — букв. свинина, *перен.* дешевая вредная пища.

Чарлз Корнуоллис (1738–1805) — английский военный и государственный деятель. Командовал в чине генерала английскими соединениями во время Войны за независимость в Северной Америке 1776–1783 гг. В 1781 г. в Йорктауне вынужден был капитулировать.

Образ действий (*лат.*).

Swan (*англ.*) — лебедь.

Дэви (Дэйви) Гемфри (Хамфри) (1778–1829) — английский химик и физик, один из основателей электрохимии.

Поверенный в делах (фр.).

Эдвард Морган Форстер (1879–1970) — классик английской литературы.

Столовое вино (*фр.*).

Трончетто — один из островов Венецианской лагуны.

Fondamenta (*ит.*) — венецианские «набережные», узкие тротуары, идущие вдоль каналов.

Вапоретто — венецианское средство муниципального транспорта, пассажирский катер, следующий по маршруту с остановками.

«От моря до сверкающего моря» — слова из патриотической песни «Прекрасная Америка» («America the Beautiful»), написанной Катариной Ли Бэйтс в 1893 году.

Хорошо (*ит.*).

Супруга англичанина (*ит.*).

Продовольственный магазин (*ит.*).

Рыбный суп (*шт.*).

Пирог (*ит.*).

Кампанила — колокольня на площади Святого Марка.

Джек Бенни — популярный американский комедийный киноактер 1930-х и 1940-х годов.

Лакросс — американская игра в мяч на травяном поле.

Вместо родителей (*лат.*).

Готэм — одно из прозвищ Нью-Йорка. Впервые использовано Вашингтоном Ирвингом в рассказе «Мудрец из Готэма» (1807).

Зеленые горы — горный хребет в системе Северных Аппалачей, пересекает штат Вермонт с севера на юг. Зона отдыха и туризма.

Рут, Джордж Герман, «Бабе» (1895–1948) — легендарный бейсболист-рекордсмен.

«La Vie en Rose» — песня Эдит Пиаф.

Речь идет о фильме «Приключения Робин Гуда» (1938; реж. Уильям Кайли, Майкл Кертиц).

Тито Пуэнте (1923–2000) — американский музыкант, «король мамбы».

Настоящее имя Марка Твена — Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс.

Смесь крэка с героином.

National Collegiate Athletic Association (NCAA) — Национальная ассоциация студенческого спорта.

Ужасного года (*лат.*).

Американская поэтесса Сильвия Плат покончила с собой в 1963 году.

Юмористический афоризм: «Anything that can go wrong will go wrong» — «Если какая-нибудь неприятность может произойти, она случается».

Залив Бискейн — мелководный залив Атлантического океана в Южной Флориде.

См. также рецепт соуса бешамель на [с. 524–525](#).

См. также рецепт соуса болоньез на [с. 525](#).